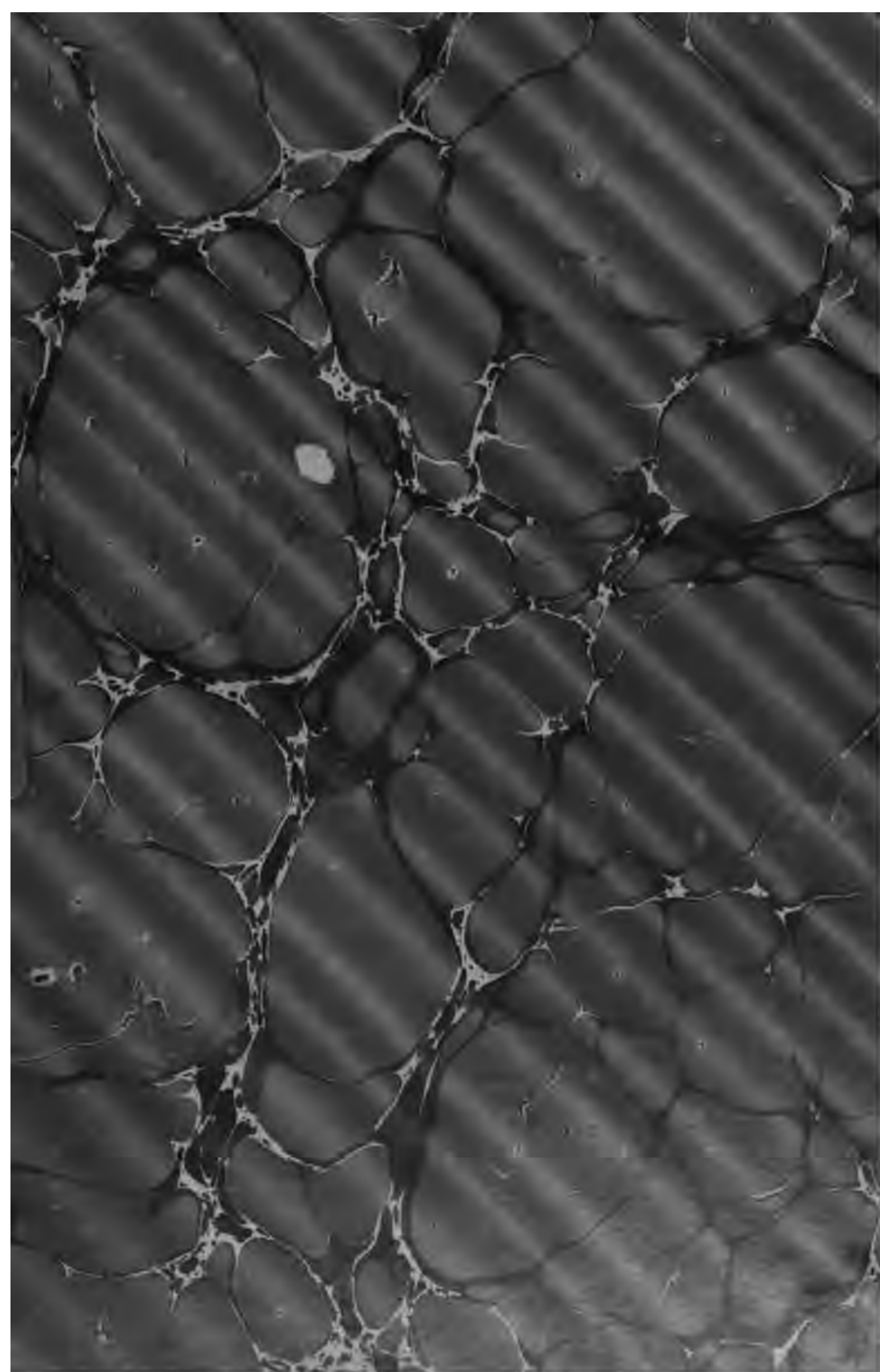
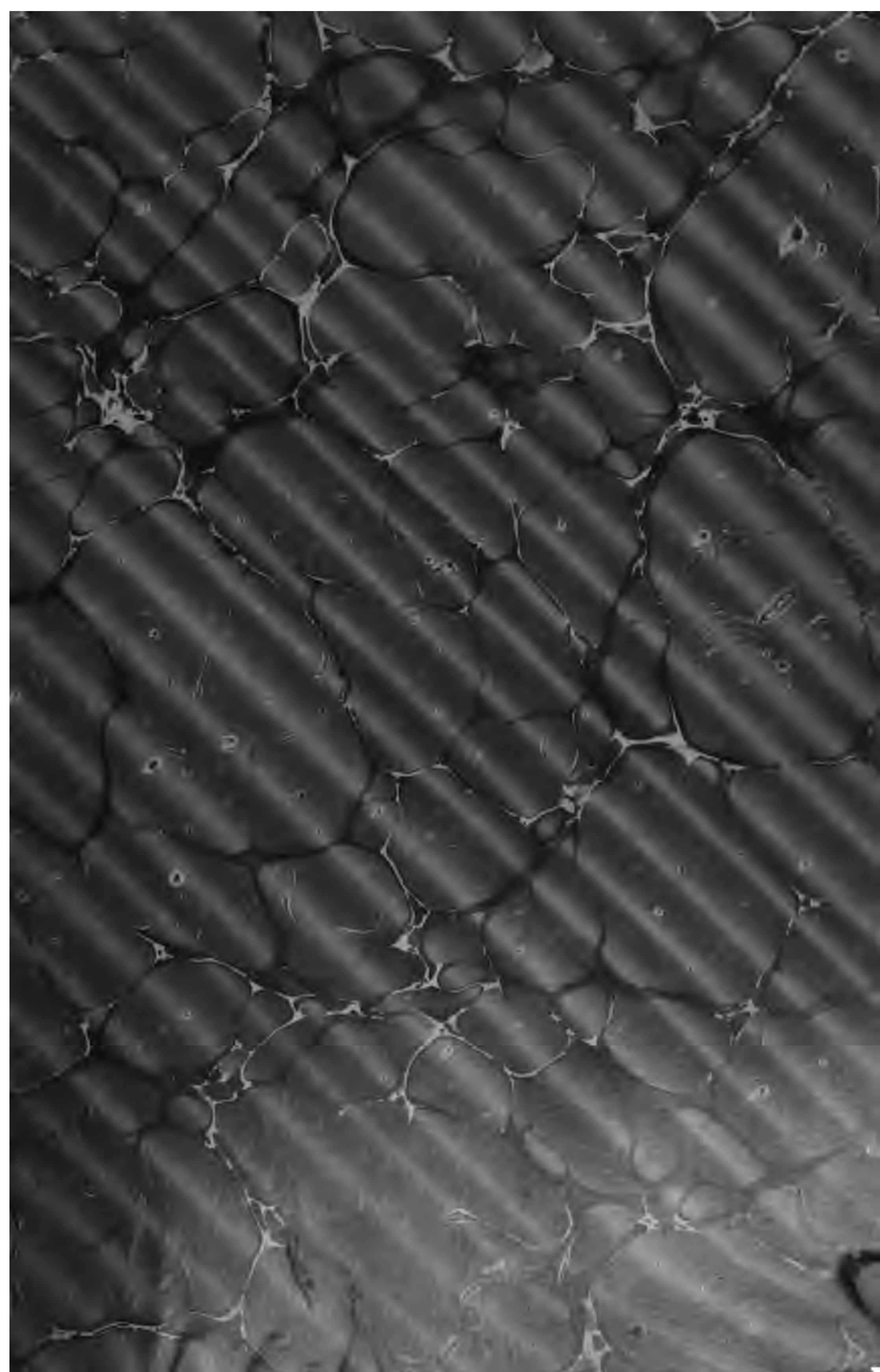

833,204

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

сочиненіе

Академика І. Гамеля.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
А. Базунова, въ С. П. Б. — Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. — И. Базунова, въ Москвѣ
Энфіаджянца и Комп. въ Тифлисѣ.

Цѣна 40 коп. сер.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Академика І. Гамеля.

Gamel', Iosif Kristianovich

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
А. Базунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. **И. Базунова,** въ Москвѣ.
Энфианджянца и **Комп.** въ Тифлисѣ.

Цѣна 70 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. 16 августа 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ,

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АКАДЕМИКА І. Х. ГАМЕЛЯ.

I. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ АНГЛИЧАНЪ ВЪ РОССІЮ.

С. Каботъ и его значеніе въ исторіи торговаго мореплаванія Англіи. — Merchant Adventurers — компанія для открытія неизвѣстныхъ странъ. — Сѣверо-восточная экспедиція подъ начальствомъ Ю Уилльби (Hugh Willoughby) Ричарда Чанслера (Chancellor). — Отплытіе трехъ кораблей на сѣверо-востокъ вокругъ Норвегіи въ маѣ 1853 года. — Древнѣйшія плаванія Русскихъ вокругъ Мурманскаго Носа и ихъ разсказы у Герберштейна. — Григорій Истома, Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ. — Ю Уилльби на «сувоѣ» близъ Святаго Носа въ сентябрѣ 1553 года. — Зимованье его въ заливѣ у о. Нокуева и гибель со всѣмъ экипажемъ. — Впечатлѣніе извѣстія объ этомъ въ Англіи и въ Россіи. — Прибытіе Чанслера къ устью Двины 24 августа 1554.—Поѣздка его изъ Холмогоръ въ Москву 23 ноября.—Чанслеръ у царя Іоанна Васильевича.—Открытое письмо короля Эдуарда VI къ государямъ сѣверо-восточныхъ странъ. — Свѣдѣнія о Россіи собранныя Чанслеромъ.— Письмо царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI и первыя привилегіи Англичанъ на свободную торговлю въ Россіи. — Царскій титулъ въ отношеніи къ русской исторіи того времени. — Отъѣздъ Чанслера изъ Москвы въ мартѣ 1555 года и возвращеніе въ Англію къ осени того-же года.—Muscovia (нынѣ Russia) Company въ Лондонѣ. — Оцѣнка такъ-называемаго открытія Россіи Чанслеромъ: древнѣйшія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ въ Европѣ и русскіе мѣха въ Германіи и Англіи до сѣверо-восточной англійской экспедиціи.

---

24 августа 1553 года, у южнаго берега Бѣлаго моря, не далеко отъ Корельскаго устья Двины, противъ посада Неноксы, сталъ на якорѣ корабль «Edward Bonaventure», которымъ пра-

вилъ, подъ главнымъ начальствомъ Ричарда Чанслера, незабвенный въ исторіи мореплаванія Стефенъ Боро (Burrough), съ помощникомъ своимъ, Джономъ Боклендомъ (Buckland).

Прибытіе этого англійскаго корабля къ берегамъ Россіи было дѣломъ случая, потому что собственнымъ его назначеніемъ были Китай и Индія. Это предпріятіе вызвано великими, всесвѣтными географическими открытіями того времени: такимъ образомъ появленіе корабля близъ Ненoксы связывается съ важнѣйшею эпохою въ исторіи мореплаванія.

Въ слѣдствіе завоеваній, сдѣланныхъ Португальцами на западѣ Африки въ послѣднюю четверть XV вѣка, и въ слѣдствіе занятія Индіи Васко-де-Гамой, Лиссабонъ былъ въ то время второю Венеціей. Испанія собрала въ Кадиксъ и Севилью несмѣтныя богатства — плоды открытія южной части новаго свѣта Колономъ. Англія, какъ извѣстно, упустила эти богатства и должна была довольствоваться менѣе значительными торговыми выгодами, какія доставлялъ ей новый материкъ на сѣверѣ, открытый Каботомъ. Морская торговля Англіи вообще была еще очень стѣснена, хотя уже были устранены многія изъ препятствій къ ея расширенію. Ганза старалась утвердить за собою свою прежнюю, ненавистную монополію, хотя съ 1505 года для Нидерландовъ, гдѣ Антверпенъ занималъ первое мѣсто между торговыми городами Европы, было уже прочно организованное англійское общество подъ именемъ: Merchant Adventurers. Только съ 1551 года взялись серьёзно за разборъ неумолкавшихъ жалобъ на Ганзейцевъ, въ слѣдствіе чего они въ Лондонѣ потеряли наконецъ свои обидныя преимущества. Это событіе сокрушило узы, связывавшія духъ торговой предпріимчивости въ Англіи. Въ Лондонѣ начали замышлять предпріятія для открытія новыхъ торговыхъ путей по примѣру Португаліи и Испаніи. Къ счастію, въ Лондонѣ жилъ тогда одинъ изъ мореходовъ предыдущаго періода, Себастіанъ Каботъ (Cabot), и въ своихъ совѣтахъ передавалъ плоды полувѣковыхъ опытовъ. Еще въ 1497 году, двадцатилѣтнимъ юношей, совершилъ онъ изъ своей родины, Бристоля, на кораблѣ Метью, экспедицію, пло-

домъ которой было открытіе Сѣверной Америки (24 іюня помянутаго года).

Отецъ его, Джіованни Каботъ, былъ Венеціанецъ, а Себастіанъ родился, какъ мы сказали, въ Бристолѣ въ 1477 году. Когда ему было четыре года, отецъ взялъ его съ собою на нѣкоторое время въ Венецію. Патентъ Генриха VII на сѣверозападное плаваніе, ознакомившее Европу съ сѣверомъ Америки, данъ былъ, 5 марта 1496 года, на имя отца уже вмѣстѣ съ тремя сыновьями. Въ 1512 году, когда лордъ Уилльби, баронъ Брокскій, находился въ Аррагоніи съ англійскими войсками, посланными въ силу союза, заключеннаго противъ Франціи, король аррагонскій Фердинандъ II писалъ къ лорду, чтобы онъ пригласилъ Кабота пріѣхать къ нему изъ Англіи. Желаніе короля исполнилось: Каботъ поступилъ на службу къ Фердинанду, но по смерти его въ 1516 году онъ снова возвратился въ Англію. Было бы слишкомъ долго описывать занятія Кабота въ Англіи, а съ 1518 года опять въ Испаніи, равно и совершенныя имъ въ то время плаванія; можно только замѣтить, что, по возвращеніи его въ 1548 году въ Англію, императоръ Карлъ V, чрезъ посредство бывшаго при немъ, для защиты Булони, англійскаго посланника, сера Томаса Чейна, просилъ короля Эдуарда VI снова отпустить Кабота въ Испанію, прибавляя, что онъ очень нуженъ ему и получитъ отъ него пенсіонъ, тогда какъ Англія, по состоянію своего мореплаванія, не можетъ извлечь столько существенныхъ пользъ изъ трудовъ такого человѣка. Но Каботъ остался въ Англіи, гдѣ онъ былъ оцѣненъ какъ при дворѣ, такъ и въ высшемъ купеческомъ обществѣ. Въ 1549 году онъ получилъ пенсіонъ, а въ 1551 денежный подарокъ; обширныя познанія его въ мореходствѣ также нашли достойное употребленіе.

Давно уже Каботъ носилъ въ себѣ мысль, которая въ сущности была высказана еще въ 1527 году Робертомъ Торномъ (Thorne) въ Бристолѣ. Надобно бы, думалъ онъ, попытаться, нельзя ли изъ Англіи проѣхать въ Кетай (Cathay, какъ говорили тогда вмѣсто China и какъ нынѣ говорятъ у насъ Китай), и въ Индію вокругъ Норвегіи чрезъ какой-нибудь проливъ въ родѣ Магелланова: тогда бы можно было вступить въ сопер-

1*

ничество съ Португалліей и Испаніей. Онъ сообщилъ этотъ проектъ лондонскимъ купцамъ, имѣвшимъ заграничную торговлю (Merchant Adventurers), и вскорѣ они, въ совокупности съ нѣкоторыми другими лицами, составили компанію на акціяхъ, избрали въ ея директоры зачинщика дѣла, Кабота, и рѣшились приступить къ дѣлу. Компанія получила названіе: The Mystery, Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown lands etc.

Въ 1552—1553 году снарядили самымъ тщательнымъ образомъ три корабля: Bona Esperanza во 120 тоннъ, Edward Bonaventure во 160 и Bona Confidentia въ 90 тоннъ. Самъ Каботъ, по преклонности лѣтъ, не могъ принять начальства надъ экспедиціей: оно поручено было другимъ. Но Каботу предоставили составить инструкцію для этого путешествія. Первымъ командиромъ экспедиціи общество назначило сера Ю Уилльби, вторымъ — Ричарда Чанслера.

Ни тотъ, ни другой не былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ, какъ мореплаватель: кто же они таковы и почему на нихъ возложено было управленіе такимъ важнымъ морскимъ предпріятіемъ?

Изъ описанія экспедиціи, составленнаго гофмейстеромъ королевскихъ пажей, Климентомъ Адамсомъ по извѣстіямъ Чанслера, о Ю Уилльби мы знаемъ только, что онъ былъ хорошаго происхожденія (vir strenuus non ignobili loco natus), извѣстенъ воинскими заслугами (ob singularem in re bellica industriam) и отличался красивою и значительною наружностью (ob corporis formam; erat enim procerae staturae). Отецъ его, Генрихъ Уилльби, за отличія въ сраженіяхъ былъ возведенъ въ званіи рыцаря и знаменоносца. Онъ былъ женатъ четыре раза: серъ Ю произошелъ отъ третьяго брака. Наслѣдственное имѣніе перешло въ родъ старшаго брата, а Ю Уилльби поступилъ въ военную службу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Англіи, когда она должна была бороться то съ Шотландіей, то съ Франціей, военное поприще представляло много случаевъ для отличій. Къ тому-же, успѣхамъ сера Ю много могли содѣйствовать родственныя связи старшихъ его братьевъ, особенно Эду-

арда **Уилльби**, съ знатнѣйшими домами англійской аристократіи *).

Уже въ 1542 году въ Шотландію было послано войско. Вскорѣ потомъ родилась Марія Стюартъ. **Генрихъ** VIII желалъ упрочить ея будущій бракъ съ сыномъ своимъ, **Эдуардомъ**, тогда еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. Это было условлено въ Шотландіи въ 1543 году; когда же въ слѣдъ за тѣмъ договоръ этотъ былъ разстроенъ кардиналомъ **Битономъ** (Beaton), **Генрихъ** VIII въ 1544 году послалъ въ Шотландію сильное войско подъ начальствомъ графа Герфордскаго. Въ этой экспедиціи находился **Ю Уилльби**. **Джонъ Додлей**, бывшій тогда виконтомъ Лильскимъ и лордомъ-адмираломъ англійскимъ (въ послѣдствіи графомъ Варвикскимъ и наконецъ герцогомъ Нортомберлендскимъ), принялъ это войско подъ паруса своего многочисленнаго флота въ устьѣ Тейны подъ Ньюкестлемъ и высадилъ на берегъ въ Фиртъ-офъ-Фортѣ къ Грантону и Ньюгевену, недалеко отъ Лейта. Вскорѣ этотъ городъ, равно и Эдинбургъ, были взяты вторгнувшимися туда войсками и большею частію были выжжены; окрестности опустошены. При этомъ странномъ сватовствѣ **Ю Уилльби** ознаменовалъ себя храбростью. 11 мая онъ былъ посвященъ главнокомандующимъ въ рыцари, при чемъ къ его гербу присоединено изображеніе дракона. Оставаясь вѣрнымъ военной службѣ и въ послѣдствіи, серъ Ю храбро сражался при окончаніи тогдашней войны. Въ послѣдній періодъ вражды съ Шотландіей, въ правленіе **Соммерсета**, онъ защищалъ фортъ Лоудеръ, взятую у Шотланцевъ. Крѣпость эта есть нынѣшній замокъ Тирльстенъ въ Бервикширѣ, близъ города Лоудера, на Лидерѣ. Въ 1549 — 1550 гг. ее, какъ и другія крѣпости, занятыя Англичами, упорно, съ ожесточеніемъ держали въ осадѣ Шотландцы и Французы. Броути-кестль въ Фиртъ-офъ-Фортѣ 20 февраля былъ взятъ и весь англійскій гарнизонъ истребленъ безъ пощады. Но фортъ Лоудеръ,

*) Кромѣ фамиліи **Греевъ** (Grey) и **Додлея** (Dudley), имена коихъ читатель встрѣтитъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ жизни **Ю Уилльби**, онъ былъ также въ родствѣ, хотя не близкомъ, съ графскимъ домомъ Гастингсовъ: упоминаемъ объ этомъ имени потому, что одну изъ дочерей **Генриха Гастингса** королева **Елизавета** предлагала въ супружество царю **Іоанну** Васильевичу.

благодаря храбрости Ю. Уэдаля не сдавался. Средства къ защите истощены были до того, что онъ Ю. желалъ перевести [illegible] въ амуниции гарнизона. [illegible] заключенъ былъ миръ.

Низложение Сомерсета, начатое въ 1549 году и довершенное въ [illegible] было, может быть, невыгодно для дальнейших успеховъ Ю. Уэдаля на военномъ поприще, но онъ имелъ другия связи между высшими сановниками [illegible] частию зависели въ последствии [illegible]

Место Сомерсета въ составе правительства досталось графу Нортумберлендскому. Мы видели, что въ 1544 году онъ, въ звании лорда адмирала, начальствовалъ надъ флотомъ, предназначеннымъ въ Шотландию войско, къ которому принадлежалъ Ю. Уэдаль. После барона Сеймура, звание великаго адмирала [illegible] получилъ въ 1550 году Эдвардъ Клинтонъ, баронъ Клинтонский и Сэйский. [illegible] Ю. [illegible] новымъ морскимъ начальникомъ [illegible] въ одинъ день были возведены [illegible] въ адмиральское достоинство.

Мы видели также, что [illegible]

[illegible]

[illegible]

неизданной грамоты отъ имени короля, которою Каботъ уполномочивается набирать людей и запастись провіантомъ для трехъ кораблей, равно и ввести на нихъ извѣстную дисциплину.

Другой начальникъ экспедиціи, Ричардъ Чанслеръ, былъ предложенъ въ это званіе Генрихомъ Сиднеемъ, отцомъ еще болѣе извѣстнаго Филиппа Сиднея. Серъ Генрихъ рекомендовалъ его въ своей рѣчи къ обществу какъ человѣка, въ высшей степени способнаго исполнить предпріятіе, и какъ человѣка, котораго онъ коротко знаетъ изъ ежедневнаго съ нимъ обращенія (quotidiano convictu hominis ingenium penitus habeo perspectum et exploratum).

Открывается, что Ричардъ Чанслеръ до того уже совершилъ одно морское путешествіе, хотя не въ качествѣ начальника. Въ 1551 году онъ былъ съ капитаномъ Роджеромъ Боденгемомъ (Bodenham) на суднѣ (barke) Aucher, принадлежавшемъ серу Антонію Аучеру, которое отправлялось съ купеческими товарами въ Хіосъ и Кандію. Оно вышло изъ Темзы въ ноябрѣ 1550 года, но могло отплыть изъ Плимута только 13 января 1551 года. На пути оно едва не было захвачено Турками. Его грузъ на возвратномъ пути составляли преимущественно вина.

Надобно полагать, что Чанслеръ былъ и во Франціи, потому что при описаніи воинскихъ доспѣховъ царя Іоанна Васильевича онъ говоритъ: «я видѣлъ павильёны королей англійскаго и французскаго: они прекрасны, но нейдутъ въ сравненіи съ этимъ» *).

Кажется, что Чанслеръ былъ знатокъ въ механикѣ, потому что заказалъ для себя сдѣлать, по собственнымъ показаніямъ, квадрантъ въ пять футовъ; по возвращеніи изъ Россіи онъ, вмѣстѣ съ Джономъ Ди (Dee), производилъ посредствомъ этого инструмента наблюденія, упоминаемыя послѣднимъ въ его эфемеридахъ 1554 и 1555 годовъ.

Ричардъ Чанслеръ былъ вдовецъ и имѣлъ двухъ сыновей (reliquit abiens (1553) duos parvulos orphanos futuros, si asperior aliquis casus eum sustulisset). Одного изъ нихъ, во вторую

*) The Dukes pavilion is covered either with cloth of gold or silver, and so set with stones that it is wonderfull to see it. I have seene the kings Maiesties of England and the French kings pavilions, which are fayre, yet not like unto his.

свою поѣздку въ Москву (1555), онъ взялъ съ собою, чтобъ показать ему царскую столицу. Другой, Николай, былъ отправленъ въ Москву въ 1560 году въ качествѣ коммерческаго ученика, съ особенною рекомендаціею директора общества здѣшнимъ англійскимъ агентамъ. Оставшись сиротою, онъ имъ былъ обязанъ своимъ школьнымъ образованіемъ.

Въ 1580 году Николай Чанслеръ былъ при какихъ-то коммерческихъ дѣлахъ въ морской экспедиціи Артура Пета (Pet) и Чарльса Джекмана (Jackman). По открытіи страны «Уилльби» (Willoughby-Lands), эта экспедиція должна была сдѣлать попытку проникнуть, какъ можно дальше, на востокъ отъ Вайгача и Новой Земли, чтобы достигнуть такимъ образомъ Китая. Чанслеръ былъ, къ счастію, на кораблѣ Пета «Джоржѣ», потому что Джекмановъ корабль, «Вильямъ», пропалъ безъ вѣсти со всѣмъ экипажемъ. Для этой экспедиціи Гаклюйтъ составилъ реестръ вещамъ, которыя надобно было взять съ собою, и также стрункцію для купца (a note and caveat for the merchant), — стало быть, именно для Николая Чанслера [1]). Прежде того онъ былъ уже въ одномъ изъ трехъ путешествій Мартина Фробишера, совершенныхъ въ 1576 1577 и 1578 годахъ, именно въ путешествіи 1577 года, какъ видно изъ одной замѣтки Джона Ди [2]). Позднѣе мы видимъ его въ должности казначея на новомъ «Эдуардѣ Бонавентурѣ», который, вмѣстѣ съ «Галліоною Лейстеръ», подъ начальствомъ Эдуарда Фентона, долженъ былъ попытаться проѣхать вокругъ мыса Доброй Надежды въ Остъ-Индію.

---

[1]) Въ изданіи Гаклюйта 1599, находится дневникъ этого путешествія, веденный Ю Смитомъ (Hugh Smith). Я радовался, что открылъ дневникъ Чанслера, но потомъ нашелъ, что онъ уже напечатанъ въ первомъ, рѣдкомъ изданіи Гаклюйта 1589. Я списалъ также въ Англіи очень бѣглыя замѣтки Артура Пета, описывающія положеніе обоихъ кораблей въ августѣ 1580 года у Новой Земли.

[2]) «The North Cape (was) first so named by the worthy of aeternall good fame and gratefull memory my deerly beloved Richard Chancelor, father to this Nycholas Chancelor whose diligent painful and faythful service is known both in the Moscovy Region and now in the Atlantical north-west attempt». Въ этомъ второмъ путешествіи къ Meta Incognita, откуда надѣялись привозить золотую руду, находился въ качествѣ помощника капитана, и Карлъ Джекманъ (Charles Jackman), погибшій вслѣдствіе путешествія на Новую Землю (1580): по его имени названа была одна бухта «Jackman's Sound».

Со стороны купечества о выполненіи Каботова проекта особенно заботились тогдашній лордъ-мэръ Лондона, Джорджъ Барнсъ (Barnes), и одинъ изъ шерифовъ, Вильямъ Гарретъ (Garret, потомки котораго писались Gerrard, а нынѣ пишутся Garrard).

Надобно также упомянуть здѣсь о купеческой фамиліи Грешемовъ (Gresham). Томасъ Грешемъ былъ въ свое время образованнѣйшимъ изъ лондонскихъ купцовъ. Онъ получилъ воспитаніе въ Кембриджѣ, изучалъ торговлю у своего дяди, Джона Грешема, и съ 1551 года часто служилъ правительству въ качествѣ финансоваго агента въ Нидерландахъ, почему его называли иногда королевскимъ купцомъ. Почти предъ самымъ отправленіемъ Ю Уилльби и Чанслера, именно въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1553 года къ герцогу Нортомберлендскому, онъ назвалъ торговлю, можетъ быть, въ первый разъ въ Англіи, наукою, которую надобно изучать. Ему обязана своимъ бытіемъ первая лондонская биржа, которой онъ положилъ первый камень въ 1566 году, гдѣ теперь въ Лондонѣ Excise Office (акцизная палата); онъ основалъ называвшееся его именемъ, но теперь непростительно забытое, публичное училище, въ которомъ преподавались астрономія, геометрія, медицина и другія науки. Это училище было колыбелью Королевскаго Общества (Royal Society), которое въ его залахъ собиралось для засѣданій отъ самаго основанія своего до большаго пожара въ 1666 году, и потомъ опять съ 1673 по 1701 годъ. Тамъ-же помѣщался составленный Королевскимъ Обществомъ музей естественныхъ и художественныхъ рѣдкостей, описанный въ 1681 году докт. Грю (Grew). Когда предпринималась сѣверо-восточная экспедиція, Томасъ Грешемъ былъ въ Антверпенѣ; дядя же его, Джонъ, встрѣтилъ проектъ Кабота съ горячимъ участіемъ и былъ во главѣ общества, составившагося для его выполненія.

Память, объ участникахъ экспедиціи, упрочена, между прочимъ, живописью. Портретъ Себастіана Кабота, вѣроятно, работы Гольбейна, хранится въ Бристолѣ, въ домѣ Гарфорда. Потретъ Ю Уилльби — въ родовомъ имѣніи этой фамиліи, Воллатонѣ. Портретъ короля Эдуарда VI, работы Гольбейна, имѣется въ Императорскомъ эрмитажѣ въ залѣ

Онъ принадлежалъ къ [illegible] собранію въ Англіи, которое расхищено въ смутное время при Карлѣ I. Изъ Англіи онъ перешелъ въ Готтонову (Houghton) галерею, изъ которой картины куплены Императрицею Екатериною II. Изъ той-же галереи перешелъ въ Эрмитажъ портретъ Томаса Грешема, работы Антонія Моро (Moro). Но въ каталогѣ имя Грешема не было означено, и авторъ имѣлъ удовольствіе самъ узнать это лицо на картинѣ подъ № [illegible] той же залы, въ серьёзной и задумчивой фигурѣ сидящаго на креслѣ мужчины въ черномъ одѣяніи.

11 мая 1553 года у Детфорда снялись съ якоря три корабля, назначенные въ Китай, и приплыли къ Гриничу, гдѣ находился королевскій дворъ. Король Эдуардъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ показаться народу, какъ этого ожидали. Предпріятіе возбуждало всеобщее участіе: оно было ново и смѣло. Никогда еще англійскій корабль не плавалъ вокругъ Норвегіи, по крайней мѣрѣ ни одинъ не бывалъ на востокѣ отъ мыса Вардегуса. *Нордкапъ* не имѣлъ еще этого имени: онъ получилъ его только во время этой экспедиціи отъ Ричарда Ченслера и Стивена Борро, хотя русскіе моряки давно называли его *Мурманскимъ Носомъ*.

Въ три мѣсяца [illegible] два изъ этихъ кораблей, Bona Esperanza и Bona Confidentia, достигли [illegible] сѣвера, [illegible] Уиллоуби. [illegible] Новой Земли, [illegible] Матерняя [illegible] 23 августа.

[illegible]

ловецкому монастырю, или соединился бы съ Чанслеромъ у Неноксы. Но онъ попалъ, какъ кажется, на мѣсто, которое у нашихъ мореходовъ издавна пользуется дурною славой, къ мысу, называемому *Святымъ* Носомъ, который, вмѣстѣ съ Канинымъ Носомъ, образуетъ входъ въ Бѣлое море. Объ этомъ мысѣ (можетъ быть, тожественномъ съ загадочнымъ Wattunäs—Водяной Носъ въ исландскихъ сагахъ), равно и о другихъ частяхъ лапландскихъ береговъ Герберштейнъ имѣлъ уже обстоятельныя свѣдѣніяотъ Григорія Истомы и потомъ отъ Василья Власія *) и Дмитрія Герасимова; но ихъ показанія, изданныя Герберштейномъ подъ заглавіемъ: Die Schiffung, nach dem Moer, das man das Eisig oder gefrorn Moer nennt, такъ искажены, что трудно узнать упоминаемыя имъ мѣстности; вслѣдствіе сего разсказы нашихъ соотечественниковъ были почтены далеко не такимъ вниманіемъ, какого они заслуживали.

Хотя помянутые москвичи служили только толмачами въ посольскихъ дѣлахъ, однако они вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Благодаря ихъ посредничеству, западная Европа еще въ первой половинѣ XVI вѣка могла получить и распространить посредствомъ печати обстоятельныя свѣдѣнія о Россіи. Зная латинскій языкъ, они были въ состояніи передать образованнымъ Нѣмцамъ и Италіянцамъ желаемыя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, которыя потомъ явились въ печати. Прежде у насъ употреблялись въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ чужими краями говорившіе по-италіянски Греки, пріѣзжавшіе въ Россію изъ Рима и Константинополя. Григорій Истома, кажется, первый изъ русскихъ толмачей научился языку латинскому. Ему Герберштейнъ обязанъ многими свѣдѣніями. Онъ былъ въ числѣ его толмачей не только въ Москвѣ въ 1517 году, но и сопутствовалъ ему потомъ (въ 1517 и 1518 г.) къ императору Максимиліану чрезъ Краковъ и Вѣну въ Инспрукъ и Галль и обратно оттуда въ Вѣну. Василій Власій былъ также въ 1517

---

*) Такъ г. Гамель называетъ этого толмача, вѣроятно по Герберштейну; но у Карамзина (И. Г. Р. т. VII, гл. IV) въ текстѣ и въ документахъ, приводимыхъ въ примѣчаніяхъ, онъ называется Власомъ или Власіемъ. Собранныя авторомъ, свѣдѣнія объ этихъ трехъ лицахъ мы помѣщаемъ въ видѣ отдѣльныхъ главъ въ концѣ книги. *Примѣч. перев.*

г. толмачомъ у Герберштейна. Кромѣ латинскаго, онъ зналъ и по-нѣмецки; его должно считать источникомъ изданнаго въ 1525 году въ Тюбингенѣ Докт. Іоганомъ Фаберомъ (Гейгерлиномъ) «Описанія Религіи Руссовъ», которое эрцгерцогъ Фердинандъ (Фаберъ былъ у него секретаремъ, совѣтникомъ и духовнымъ отцомъ) тотчасъ по изданіи прислалъ къ Герберштейну, чтобы онъ дополнилъ его, сколько возможно, во время пребыванія своего въ Россіи. Герберштейнъ былъ тогда на дорогѣ въ Москву (во второй разъ); вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ отъ Карла V изъ Испаніи, Василій Власій, подъ диктовку котораго написана книжка, изданная за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Тюбингенѣ. Около того-же времени, именно 1525 и 1526, другой Русскій, Дмитрій Герасимовъ, котораго смѣшивали съ двумя соименными Греками, сообщилъ литератору Паоло Джіовіо въ Римѣ свѣдѣнія, для изданнаго имъ описанія Россіи, которое въ свое время было принято съ большимъ почетомъ и потомъ перепечатано въ изданіи Герберштейновыхъ Комментаріевъ. Зимою, предъ вторымъ пріѣздомъ Герберштейна въ Москву, Герасимовъ ѣздилъ въ Римъ, и въ 1526 году, возвратившись оттуда въ Москву, засталъ здѣсь Герберштейна. Сущность того, что Истома Власій и Герасимовъ сообщили о прежнихъ плаваніяхъ Русскихъ по Ледовитому морю, въ краткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Еще прежде, нежели Васко-де-Гама совершилъ свое первое путешествіе вокругъ южной оконечности Африки, Русскіе, по приказанію своего государя, съумѣли найти дорогу моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Поводомъ къ тому послужили тогдашнія отношенія Швеціи къ Россіи.

Это плаваніе совершалось на небольшихъ ладьяхъ, которыя можно было переволакивать чрезъ неширокія косы. По выходѣ изъ Двины, держались праваго берега Бѣлаго моря, потомъ поворачивали въ лѣво на перерѣзъ къ Терскому берегу и плыли вдоль его на сѣверъ, «оставляя вправѣ Печорское море», до упомянутаго Святаго Носа. На западную сторону этой узкой косы, выдающейся въ море почти на десять морскихъ миль отъ

твердой земли въ сѣверо-западномъ направленіи, равно и на широкій берегъ, которымъ съ юга огибается Святоносская губа, напираетъ потокъ прилива, идущій почти параллельно направленію тамошней части лапландскаго берега, именно въ сѣверо-западномъ направленіи, вслѣдствіе чего въ этомъ безвыходномъ закоулкѣ накопляется множество воды, которая, стремясь выйти вонъ, образуетъ вдоль западнаго края Святоносскаго мыса обратное теченіе. При концѣ мыса это теченіе встрѣчается подъ тупымъ угломъ съ общимъ направленіемъ морскаго прилива и производитъ сильное волненіе, называемое у насъ *сувоемъ* или *сулоемъ*, которое замѣтно, говорятъ, на пространствѣ десяти верстъ въ морѣ. Герберштейнъ описываетъ испытанную Истомой и его спутниками опасность плаванія по его разсказу; но какъ ему непонятна была причина необыкновеннаго движенія воды въ этомъ сувоѣ, то его описаніе вышло темно [1]). Герберштейнъ не могъ также понять, что̀ это за камень, которому, по словамъ Истомы, везшій его мореходъ принесъ въ жертву овсяное тѣсто съ масломъ, чтобы благополучно миновать его. Онъ не зналъ, что этотъ камень, называемый Воронуха, лежитъ едва лишь на кабельтовъ разстоянія отъ остроконечной и совершенно низменной оконечности Святаго Носа и только во время половины морскаго отлива начинаетъ показываться надъ морскою поверхностью: Герберштейнъ воображалъ, что это должна быть огромная каменная масса, однимъ словомъ, гора [2]). А что Истома разу-

[1]) Er sagt: «Undter dem gepürg (Святой Носъ) sieht man wie das Moer einfelt und sich ver(f)leust, als anf sechs stund, und dan wider über sich heraus mit grossem sauss in die höch wallund aussfleust, und das in ewige zeit, von sechs zu sechs stunden wachsend, und ablauffend gesehen wirdt, so es dan in sechs stunden das Moer einfleusst, zeucht so starckh an sich, dass die Schiff welche etwas in die nahent khumen, ye gar verzuckht, also das die zween (разумѣются Истома и Герольдъ) mit grosser mühe und arbait sich darvor enthalten haben». «Neque (Истома) se unquam in maiori periculo fuisse aiebat. Nam gurgite subito as violenter navem, qua vehebantur, ad se attrahente, vix magno labore renitentibus remis sese evasisse». Гульзіусъ въ 1602 году еще думалъ, что Святой Носъ есть Нордкапъ. Передавая свѣдѣніе о плаваніи Истомы по Герберштейну, онъ говоритъ: «Von dannen sie zum Cap Heiligen Nasen kommen, so ohne Zweiffel vom Plantio, Hondio und nachfolgenden Nord-Cap genannt wird, dabey ein wunderbarer Wirbel ist» и т. д.

[2] Герберштейнъ пишетъ: «Wie sy umb den Perg der heiligen Nasen, seind sy wider zu ainem Felsigen Perg khomen, da seind sy durch den Windt et-

мѣлъ подъ этимъ камнемъ не другое что, а именно камень Воронуху, невидимый во время приливовъ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ Антоній Дженкинсонъ. Во время перваго своего къ намъ путешествія въ 1557 году, онъ записалъ въ своемъ путевомъ журналѣ: «7 іюля прибыли мы къ мысу, называемому Svetinose, который образуетъ входъ въ губу Св. Николая. У этого мыса лежитъ большой камень (a great stone), которому проходящія ладьи (barkes) обыкновенно приносятъ въ жертву масло, муку и другіе припасы, полагая, что въ случаѣ отказа въ этомъ приношеніи, ладьи и другія суда должны погибнуть, что часто и случалось». При такомъ прямомъ свидѣтельствѣ, насъ не должно вводить въ заблужденіе ошибочное названіе этого камня: Semes, сообщаемое Герберштейномъ. Въ слово Semes онъ легко могъ превратить написанное Истомой латинскими буквами слово camen, точно такъ-же, какъ изъ слова borsii (-ja sobaki) онъ сдѣлалъ до сихъ поръ не объясненное слово Kurtzi *).

Въ дальнѣйшемъ пути отъ Святаго Носа къ Вардэгусу, Истома и его товарищи, держались береговъ твердой земли,

liche tag aufgehalten worden, so spricht der Schefman, der Fels den es secht. Semes soverr wir den nit mit ainer vereherung ermildern, khumen mir nit leichtlich hinfür, als die baidt (Истома и Герольдъ) dem Schiffman darumb zuredten, schwig er daruber stil, sy seind vier gantzer tag also da aufgehalten worden. erst hörte der Wind auf, und sy furen hin mit guettem Wind, sagt der Schifman wider, jr habt mein vermonung den Felsen zu sonfften verspot, hette aber ich den nit verehrt, wir wären noch nit herdan khumen, sy fragten jne wie er gethon und den verehret hette, sagt er wäre bey der nacht hienauff gestigen, und hette ain habermel mit ainem Putter abgemacht, und auf den Stain den sy sahen, gegossen». Superato S. Naso, ad quendam montem saxosum, quem circumire oportebat, pervenisse: ubi cum ventis reflantibus aliquot diebus detinerentur, nauta, Saxum (inquit) hoc quod cernitis, Semes appelant: quod nisi munere aliquo a nobis placatum fuerit, haud facile praeteribimus, quem Isthoma, ob vanam superstitionem se increpasse aiebat, increpatus nauta subticuit, totoque illic quatridno vi tempestatis retentos, ventis postea quiescentibus, solvisse. Cumque secundo iam flatu veherentur, nauclerum dixisse: Vos admonitionem meam de placando Semes saxo, tanquam vanam superstitionem irridebatis: at nisi ego noctu clam ascenso scopulo, Semes placassem, nequaquam transitus nobis concessus fuisset. Interrogatus, quid Semi obtulisset? avenae farinam butyro permixtam, super lapidem quem prominere vidimus, se fudisse dicebat».

*) Аделунгъ покушался объяснить это слово названіемъ: *курцая собака*, или средневѣковымъ латинскимъ: canis cursalis. Касательно же слова Semes могло быть, что Истома, кромѣ Святаго Носа, упоминалъ семь острововъ, мимо которыхъ онъ проплылъ, а Герберштейнъ, спутавшись въ своихъ

не имѣли надобности идти вокругъ большаго и далеко въ море выдающагося Рыбачьяго полуострова, а вошли прямо въ Мотовскую губу, образуемую материкомъ и этимъ полуостровомъ, проплыли его во всю длину до пристани, названной въ 1823 году капитанъ-лейтенантомъ, нынѣ адмираломъ, Литке, по имени своего корабля, Новою Землею, и здѣсь перенесли свои четыре ладьи вмѣстѣ съ поклажею на другую сторону перешейка, соединяющаго Рыбачій полуостровъ съ твердою землею, въ одну изъ двухъ Волоковскихъ губъ [1]). За тѣмъ, обогнувъ Мурманскій Носъ, они по западному берегу Норвегіи прибыли въ Дронтгеймъ, откуда отправились уже сухимъ путемъ, и до Бергена ѣхали на оленяхъ, а оттуда въ Копенгагенъ на лошадяхъ.

Въ такомъ направленіи въ 1496 г. совершилъ свое путешествіе Истома, а потомъ, по словамъ Герберштейна, и Власій. Послѣдній вышелъ на сухопутье лишь въ Бергенѣ [2]). Оба возвращались изъ Копенгагена чрезъ Балтійское море и Лифляндію. А въ 1501 году тѣмъ-же путемъ, только въ противоположномъ направленіи, совершилъ трудное плаваніе Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, возвращаясь въ Россію изъ Даніи [3]). Какъ съ Истомою (въ 1496 и 1507 г.), такъ и съ Траханіотомъ ѣхалъ посланникъ (Herold) датскаго короля, шотландскій уроженецъ, который въ русскихъ актахъ, равно и у Гербештейна, передающаго слова нашихъ толмачей, называется

замѣткахъ, принялъ слово *семь* за названіе камня Воронухи. Вообще русскія названія тогда очень искажались. Такъ Стефенъ Борро въ 1556 г. изъ названія: *Ивановскіе Кресты* сдѣлалъ Swan Crist, изъ мыса *Териберки* мысъ Sowerbeer.

[1]) Отъ слова: *волокъ*. Этотъ перешеекъ очень узокъ, и потому Рыбачій полуостровъ часто называется островомъ. Въ древнѣйшія времена, это названіе, вѣроятно, было бы правильно. Прибрежный край съ того мѣста, гдѣ Мотовская губа поворачиваетъ къ сѣверу и тамъ образуетъ удобное мѣсто для пристани на Новой Землѣ, называется Мотка; а Герберштейнъ называетъ этимъ именемъ весь Рыбачій полуостровъ. Еще ошибочнѣе онъ полагаетъ Вардэгусъ (у него Barthus) на Моткѣ, т. е. Рыбачьемъ полуостровѣ.

[2]) Почти непростительно ошибается Герберштейнъ, когда говоритъ что «Дронтъ (Дронтгеймъ) находится на разстояніи 200 миль къ сѣверу отъ Двины, а Бергенъ между горами прямо къ полуночи». — Истома ѣхалъ на Двину черезъ Новгородъ, а Власій изъ Москвы на Переяславль, Ростовъ, Ярославль и Вологду. Отъ Ростова онъ ѣхалъ по большей части водою.

[3]) Объ этомъ лицѣ см. также особую статью въ концѣ книги.

своимъ крестнымъ именемъ — Давидомъ. Я догадываюсь, что, его фамилія была Коккеръ (Cocker) или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, но ужъ никакъ не Герольдъ и даже Герладъ, какъ неоднократно называется онъ не только у насъ, но и въ датскихъ сочиненіяхъ, на основаніи невѣрныхъ переводовъ.

Я уже высказалъ догадку, что Святой Носъ получилъ свое имя у древне-сѣверныхъ мореходовъ отъ Wattunäs, т. е., Водяной Носъ, отъ водоворота при его оконечности. Здѣсь надобно было обратить вниманіе на этотъ сувой, потому что онъ помѣшалъ Ю Уилльби продолжать путь на юговостокъ къ Бѣлому морю. Изъ веденнаго имъ журнала мы знаемъ, что 14 сентября онъ вошелъ въ губу у лапландскаго берега, гдѣ нашелъ удобныя якорныя мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что это была большая губа при островѣ Нокуевѣ. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, у него не помянуто: вѣроятно, онъ оставилъ ее въ слѣдующій день или по крайней мѣрѣ 16 сентября, думая идти вдоль берега къ юго-востоку. Но тутъ онъ встрѣтилъ противный вѣтеръ. Принужденные лавировать, его два корабля неминуемо должны были попасть въ линію сувоя, простирающуюся отъ Святаго Носа въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи. А его два корабля, какъ мы видѣли, были наименьшаго объема изъ назначенныхъ въ экспедицію; большій изъ нихъ былъ только во 120 тоннъ. Такъ какъ вѣтеръ дулъ прямо противъ теченія прилива, то сувой былъ, безъ сомнѣнія, очень жестокъ, и серъ Ю, не зная, отъ чего такъ сильно мечетъ его корабли, 17 сентября, вѣроятно во время бывшаго рано утромъ этого дня прилива, далъ обоимъ кораблямъ приказаніе воротиться, намѣреваясь опять войти въ губу позади Нокуева, которую они только что оставили. Достигнуть ея въ тотъ-же день они, конечно, не могли; а входить въ нее ночью было не безопасно, потому что при обзорѣ ея онъ замѣтилъ небольшой камень, одиноко стоявшій посреди залива. Поэтому два корабля, Esperanza и Confidentia, вошли опять въ Нокуевскую губу только 18 сентября.

Тогда какъ плаваніе по сувою было для Истомы и, конечно, для многихъ другихъ изъ прежнихъ мореходовъ столь опасно; когда, можетъ быть, именно трудности и опасности этого пла-

ванія заставили Ю Уилльби воротиться въ гавань, въ наше время уже вовсе не такъ часто говорятъ объ нихъ. Это естественнымъ образомъ объясняется разницей въ величинѣ нынѣшнихъ и прежнихъ судовъ, усовершенствованіемъ искусства мореплаванія во всѣхъ его частяхъ, нынѣшнимъ запасомъ превосходныхъ морскихъ картъ и уясненіемъ причинъ и свойства самаго сувоя. Впрочемъ Діасъ, погибшій 1500 года, не имѣлъ столько основательныхъ причинъ называть достигнутую имъ, по моему мнѣнію, 1 мая 1487 года, южную оконечность Африки именемъ Capo tormentoso, сколько имѣли бы наши мореходы, плававшіе вокругъ Мурманскаго Носа, еслибы имъ вздумалось назвать Святой Носъ подобнымъ именемъ: потому что здѣсь страшный водоворотъ хотя и перемежается, за то непремѣнно возобновляется чрезъ каждые шесть часовъ періодически, тогда какъ Діасъ лишь случайно долженъ былъ бороться съ сильными противными вѣтрами.

Сувой Святаго Носа обстоятельно изображенъ въ одной неизданной запискѣ, посвященной Императору Александру Павловичу, которая содержитъ въ себѣ описаніе лапландскихъ береговъ, начиная отъ рыбопромышленаго селенія на Лумбовской губѣ до такой-же деревни Плотны, находящейся у Святоносской губы за Іоаканскими островами. Изъ этого описанія видно, что сувой былъ очень опасенъ еще въ началѣ текущаго столѣтія, особенно для мелкихъ рыбачьихъ лодокъ. Какъ скоро они попадали въ него случайно, напр. въ туманную погоду, то, говорятъ, подвергались большой опасности и нерѣдко погибали. Записка эта составляетъ первую часть сочиненія, въ которомъ авторъ, бывшій польскій совѣтникъ посольства, Антонъ Пошманъ, намѣренъ былъ описать состояніе рыбной промышлености на этой части лапландскихъ береговъ; навтическая часть его основана, какъ кажется, на наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ флюта лейтенанта Курдюкова, сдѣланныхъ имъ въ томъ краѣ въ теченіе 1800 года. Подлинникъ помянутой записки имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Замѣчаніе о Бѣломъ морѣ и берегѣ онаго (паче о берегѣ его отъ мѣстечка Плотны до Лумбовскаго селенія).» Во второй части авторъ предполагалъ сообщить ближайшія свѣдѣнія о ловѣ трески, сельдей и другихъ видовъ ры-

бы, и въ особенности предложить мѣры къ усиленію этого промысла. Объ опасностяхъ сувоя онъ говоритъ слѣдующее: «Съ «обѣихъ сторонъ вода, какъ молстромъ, притягиваетъ къ сувою, «волненіе же дѣлается чрезвычайное, какъ-бы бурунъ на ка«меньяхъ. Чрезъ сей сувой весьма опасно проходить во «время прилива нечаянным случаемъ въ туманѣ по ошибкѣ. «Промышленники на своихъ рыболовныхъ шнякахъ и даже на «парусныхъ лодьяхъ, попавши въ сію пучину, часто погибаютъ. «Необыкновенное оное волненіе начинаетъ судно съ боку на бокъ «качать и напослѣдокъ заливается и потопляет(ся). Сила вѣтра «въ семъ случаѣ не дѣйствуетъ, а грѣсти и подавно нельзя, по«тому что волненіе оное переломляетъ всѣ весла. Если иногда и «спасаются, то тогда, когда попадаютъ при началѣ сего сувоя «или когда воды не столь сильно дѣйствуютъ, какъ-то: во время «четвертей мѣсяца, то выноситъ теченіемъ въ море къ У по сей «струѣ. Чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ менѣе сіе необыкновен«ное волненіе и теченіе. Сей сувой дѣлается при приливѣ воды, а «при отливахъ воды спора ничего нѣтъ. Во время новолунія и пол«нолунія сей сувой гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, нежели въ дру«гое время. Удалые и смѣлые проходятъ и во время сего сувоя, «только близь самаго Святаго Носа, такъ чтобъ едва веслами не «доставало до берега. Тутъ есть камень, Воронуха называемый: «такъ между имъ и берегомъ проскакиваютъ, только великой «опасности подвергаются, потому хоть немного оплошаютъ, то «тотчасъ утащитъ въ сію струю и если не зальетъ, то утащитъ въ море». Еще не такъ давно у береговыхъ мореходовъ было повѣрье, что у Святаго Носа водились черви, которые протачивали суда, и что они прогнаны заговоромъ.

Положительнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что Ю Уиллыби входилъ именно въ губу, находящуюся къ западу отъ острова Нокуева, мы обязаны опять Антонію Дженкинсону, который 1557 въ своемъ путевомъ журналѣ, подъ упомянутымъ 7-мъ іюля, у Святаго Носа, приписываетъ слѣдующее: «Отмѣчу, что вчера (6 іюля) мы прошли то мѣсто, гдѣ погибъ сэръ Ю. Уиллыби со всѣми своими спутниками; мѣсто это называютъ Arzina reca, что значитъ: рѣка Арзина. Дженкинсонъ могъ знать это мѣсто, потому что при немъ были чело-

вѣкъ, который два года назадъ находился при устьѣ Двины въ то время, какъ погибли оба корабля Уилльби. Это былъ Робертъ Бестъ, служившій теперь толмачемъ. Краткое описаніе безъименной для иностранцевъ гавани или лучше бухты, оставленное самимъ Ю. Уилльби въ его журналѣ, вполнѣ идетъ къ губѣ, образуемой западною стороною острова Нокуева и противоположнымъ ему берегомъ. Тамъ говорится: «эта гавань вдается въ материкъ почти на двѣ лиги (leagues) въ длину, а шириною она къ полъ-лиги. Почва страны высока и камениста». По описанію 1842, капитанъ-лейтенанта Рейнеке, основанному на измѣреніяхъ лейтенанта Аѳанасьева 1840, западная Нокуевская губа углубляется внутрь страны почти на шесть съ половиною верстъ; шириною она, при входѣ, три версты, въ серединѣ полторы, и идетъ почти остріемъ къ югу. Каменистый островъ (во время отливовъ полуостровъ) на сѣверной сторонѣ, именно къ морю, составляетъ самую высокую почву въ этой части поморья. Тамъ Уилльби находилъ полную защиту отъ свирѣпствовавшаго тогда юго-восточнаго вѣтра. Онъ могъ пройти до южной оконечности губы, гдѣ впадаетъ Дроздовка; но, вѣроятно, онъ, если не тотчасъ, такъ въ послѣдствіи бросилъ якорь въ малой губѣ при устьѣ Варзины, на западной сторонѣ большой губы; въ обѣихъ есть мѣста въ шесть саженъ глубины, какую именно имѣло занимаемое его кораблями якорное мѣсто.

Ю Уилльби хотѣлъ въ этой губѣ дождаться перемѣны противнаго ему вѣтра; но этого не случилось. Вмѣсто того настала очень дурная погода съ морозами и снѣгами; луна съ ночи на 22 сентября пошла на ущербъ; по истеченіи недѣли, серъ Ю потерялъ надежду на возможность продолжать плаваніе и рѣшился зимовать здѣсь. Три партіи, разосланныя въ разныя стороны на три и на четыре дня отыскивать людей, возвратились безъ успѣха. Рыбопромышленники уже убрались на зиму въ глубь страны. Дни становились все короче и съ 25 ноября наши мореходы уже не видѣли солнца даже въ полдень. Не наученные опытомъ, какъ защищать себя отъ холода, они не запаслись нужными для того вещами, потому что въ Англіи въ то время не имѣли ни малѣйшаго понятія о зимѣ въ Россіи

и на глубокомъ сѣверѣ вообще, и такъ какъ притомъ окрестности Нокуевской губы вовсе безлѣсны, то весь экипажъ на обоихъ корабляхъ, состоявшій изъ 65 человѣкъ, замерзъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Многіе изъ нихъ заснули вѣчнымъ сномъ, конечно, въ длинную ночь отъ 25 ноября до 29 декабря; но Ю Уилльби, какъ видно изъ его записокъ, былъ еще живъ въ концѣ января 1554 года; такимъ образомъ до своей кончины онъ, вѣроятно, еще нѣсколько разъ около полудня видѣлъ солнце: но какія страшныя сцены освѣщало оно! Два вмерзшіе корабля, и на нихъ окоченѣлыя и вполовину занесенныя снѣгомъ знакомыя лица, на которыхъ невольно останавливались взоры переживших, но уже едва живыхъ товарищей, ожидавшихъ той-же участи, безъ всякой надежды на спасеніе и даже безъ утѣшеній религіи: духовникъ находился съ Чанслеромъ. На кораблѣ Уилльби было два хирурга: Александръ Гардинеръ и Ричардъ Мольтонъ. На Эсперанцѣ плыло два купца, а не шесть (какъ говоритъ Гаклейтъ) и три на Конфиденціи *).

---

*) Сорокъ три года спустя (1596—1597) на глубокомъ сѣверѣ Новой Земли, какого съ тѣхъ поръ никто не достигалъ, выдержали зиму, хотя съ большими страданіями, Яковъ Гемскеркъ и Вильгельмъ Баренцъ съ одиннадцатью другихъ Голландцевъ, которымъ удалось набрать прибитаго къ берегамъ лѣса для постройки жилищъ и для отопленія. Такъ какъ они уже не могли пользоваться своимъ засѣвшимъ во льду кораблемъ, то взяли съ него два бота (schuyt ende bock; scapha et linter) и снарядили ихъ такъ, что могли переправиться съ Новой Земли на лапландскіе берега. По прибытіи въ Колу, они, съ позволенія тамошняго воеводы (11 сентября 1597), поставили эти два бота въ гостиномъ дворѣ, для того, чтобы сохранить ихъ «въ память о своемъ неслыханномъ странствованіи». Этому обстоятельству мы обязаны видомъ тогдашней Колы съ ея гостинымъ дворомъ, среди котораго стояли большіе вѣсы. Разставшись еще у Канина Носа, боты по-одиначкѣ пристали къ лапландскому берегу близъ Нокуевской губы, въ которой замерзли Англичане 1553 — 1554. Гемскеркъ приплылъ прямо къ губѣ за островомъ Китаемъ, гдѣ находится Круглое Становище. Здѣсь онъ нашелъ ладью съ тринадцатью человѣкъ Русскихъ, которые приняли его съ товарищами гостепріимно. Другой ботъ еще прежде случайно присталъ къ берегу недалеко отъ этого мѣста, и оба бота соединились. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, они отдохнули и потому назвали это мѣсто бухтою Comfort; потомъ пустились въ путь далѣе. Они хотѣли добраться до Вардэгуса, но вѣтеръ заставилъ ихъ войти въ губу, находящуюся къ западу отъ Кольскаго залива, гдѣ они нашли жилое мѣсто съ тремя Лапландцами, которые подтвердили показанія рыба-

На необитаемые зимою берега Лапландіи лѣтомъ собирается много рыбопромышлениковъ, и ими-то были найдены 1554 въ

ковъ, встрѣченныхъ ими у Семи Острововъ и у Кильдина, что у Колы стоитъ голландскій корабль. Оказалось, что этимъ кораблемъ управлялъ бывшій съ ними, годъ тому назадъ, Іоганнъ Корнелисъ Рипъ (Ryp). Они отправились на его кораблѣ въ Голландію и могли потому оставить свои боты въ Колѣ.

Впрочемъ Кола въ то время отнюдь не была еще мѣстомъ въ значительнымъ постояннымъ населеніемъ. Лапландцы «съ Мурманскаго моря», крещенные въ 1533 г., были «сколы рѣки, стутоломи и зсвятаго носу», такъ говоритъ архивская лѣтопись. Для основанія двухъ церквей въ ихъ землѣ, во имя Благовѣщенія и Св. Николая, посланы были духовные изъ Новгорода. 1556, когда Стефенъ Борро, во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Кольскомъ заливѣ увидѣлъ приплывшія къ нему ладьи, числомъ до тридцати, и въ каждой изъ нихъ по меньшей мѣрѣ по двадцать-четыре человѣка, это были отнюдь не тамошніе все жители, а по большей части промышленники, пріѣхавшіе для улова рыбы и моржей съ юга. Такъ было, должно быть, долго, прежде нежели образовалось значительное поселеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Кола; потому что въ 1565 году, когда присталъ туда для зимовья голландскій корабль, посланный Филиппу Винтеркёнигу, уплывшему изъ Вардэгуса, все тамошнее селеніе состояло не болѣе какъ изъ трехъ домовъ, которыхъ жители, при видѣ корабля, убѣжали въ лѣсъ. Въ слѣдующихъ годахъ число жителей прибыло, и тамъ приставали еще корабли. До 1582 года, когда какіе-то датскіе корабли позволили себѣ произвести грабежъ въ Колѣ, тамъ не было воеводы; сборщики податей съ того сѣвернаго края жили обыкновенно въ Кандалакшѣ. Первый воевода Аверкій Ивановичь построилъ въ 1582 году дворъ съ вѣсами для торговли съ Норвежцами, а второй воевода, Максака Ѳедоровичь Судимонтовъ въ 1583 году построилъ острогъ съ башнями по угламъ, отъ котораго остатки видны донынѣ. Въ этотъ острогъ былъ перенесенъ Печенскій монастырь, раззоренный Финляндцами въ 1590 году. Между острогомъ и гостинымъ дворомъ протекала тогда рѣка Кола, съ тѣхъ поръ проложившая себѣ русло дальше къ востоку, отъ чего образовался родъ острова, называемаго Монастырскимъ. Осенью 1595 года воеводой былъ Иванъ Самойловичъ Салмановъ: онъ-то вѣроятно и принялъ суда Голландцевъ. Съ помощію нынѣшнихъ картъ Лапландскихъ береговъ, которыми мы обязаны адмиралу Литке и капитанъ-лейтенанту Рейнеке, можно понять отдѣльные виды и карточки Герарда де-Фера (Veer), зимовавшаго на Новой Землѣ, такъ какъ прежде на картахъ названія рѣдко ставились на своемъ мѣстѣ. Въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Фера, уже въ 1598 году изданныхъ на голландскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ (Waerachtige Beschryvinge; Diarium Nauticum и Vraye Description и пр.), есть карта, изображающая берегъ отъ «Святаго Носа» до другой стороны Кольскаго залива. Нокуевскую губу нельзя не узнать на ней по скалѣ, находящейся въ серединѣ входа въ нее; да притомъ она снабжена названіемъ Mokogef. Къ сѣверо-западу отъ нея видны два бота, представляемые, стало быть, уже послѣ ихъ соединенія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ иллюстрированнаго описанія Фера, напр. у Гульсіуса 1612 г., русская ладья и Гемскерковъ

Нокуевской губѣ два англійскіе корабля съ мертвыми людьми, съ товарами и снарядами. Царь Іоаннъ Васильевичъ, уже видѣвшій Чанслера, получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, повелѣлъ двинскому намѣстнику, князю Семену Ивановичу Микулинскому-Пункову, перевести на лодьяхъ (обыкновенныхъ судахъ тамошнихъ мореходовъ) все найденное на корабляхъ въ Холмогоры и хранить тамъ до времени за печатью. Исполненіе этого возложено на холмогорскаго градоначальника Фофана Макарова вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами (Косицынымъ, Посельскимъ и Епиховымъ). Исполнено весною 1555 года.

Въ свое время о печальной кончинѣ Ю Уилльби мало было писано въ Англіи, съ одной стороны, потому, что въ то время, какъ состоялась эта экспедиція, представителемъ воллатонской фамиліи былъ тринадцатилѣтній юноша, Томасъ Уилль-

---

ботъ, на которомъ находился Феръ, являются въ круглой бухтѣ съ узкимъ входомъ, и Феръ сообщаетъ, что они на своемъ ботѣ проѣзжали между скалъ. Потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это Круглая губа, образуемая островомъ Китаемъ. На возвышеніи, опредѣленномъ Рейнеке въ 260 футъ, представлены два Голландца съ другаго бота, которые усматриваютъ ладью и Гемскерковъ ботъ, идущій изъ бухты, лежащей къ сѣверо-западу. Это должна быть, конечно, Дворовая губа. У Гульсіуса (1612) невѣрно, стоитъ здѣсь Mokogef; а Comfort значится у домовъ на Круглой губѣ, гдѣ и нынѣ находится Становище. Варзина ошибочно поставлена противъ Семи Островов. Далѣе опять стоятъ два бота въ губѣ на западѣ отъ Кольскаго залива, гдѣ представлено и упоминаемое въ описаніи жилье трехъ Лопарей съ большою собакой: вѣроятно, это Урская бухта. Другой Лопарь, нанятый по близости на возвышеніи, представляется проводникомъ Голландца, отправляющагося отсюда въ Колу или лучше къ кораблю. Этотъ корабль, бывшій подъ управленіемъ Рипа, стоитъ въ Кольскомъ заливѣ не очень далеко отъ острога и отъ двора съ вѣсами. Боты являются и еще одинъ разъ плывущими по заливу къ кораблю. Означена также и солеварня, находившая на три мили ниже Колы на правомъ берегу залива, и на одномъ изъ листковъ, помѣщенныхъ прежде, видно, какъ лодку перетаскиваютъ по землѣ шесть человѣкъ. Иллюстраціи Фера порядочно знакомятъ съ устройствомъ тогдашнихъ русскихъ лодей. Конечно, нѣтъ нужды напоминать, что незабвенный для насъ Баренцъ умеръ на пути вскорѣ по отплытіи съ Новой Земли, и что Гемскеркъ есть тотъ самый, который ѣздилъ изъ Голландіи въ Индію въ экспедиціяхъ 1598 и 1601. Части этихъ экспедицій сильно содѣйствовали къ истребленію додо на остр. Маврикія. Гемскеркъ нашелъ себѣ смерть, будучи адмираломъ, въ 1607 году въ морской битвѣ при Гибралтарѣ. Онъ погребенъ въ старинной церкви въ Амстердамѣ, гдѣ и поставленъ ему памятникъ.

би, а по смерти его въ 1558 году — младшій его братъ Франсисъ, которому было не болѣе одиннадцати лѣтъ. Съ другой стороны, вниманіе Англіи увлечено было несравненно важнѣйшими обстоятельствами, политическими и церковными, при которыхъ судьба Ю Уилльби не могла возбудить къ себѣ участія публики. Въ слѣдъ за отъѣздомъ его изъ Англіи, царствовавшее тамъ спокойствіе было нарушено, и наступили времена, въ высшей степени бурныя. 6 іюля 1553 король Эдуардъ VI умеръ. 10 іюля Дженъ Грей провозглашена, безъ ея желанія, королевой. Всѣ взялись за оружіе. На тронъ возведена Марія. Герцогъ Нортомберлендскій казненъ. Возстановленіе римско-католической церкви и предположеніе королевы выйти за Филиппа Испанскаго, сына императора Карла V, возбудившее опасенія за самостоятельность Англіи, произвели возмутительное движеніе. Віатъ вторгнулся въ Лондонъ, былъ схваченъ и обезглавленъ. Тюрьмы наполнены были знатными лицами, и въ то время, когда кровь сера Ю застывала въ его жилахъ у береговъ Лапландіи, кровь его двоюродной внуки, юной Дженъ Грей, пролилась на эшафотѣ въ Тоуэрѣ, почти въ одно время съ казнью ея мужа, лорда Гильфорда Додлея, за котораго она вышла замужъ вскорѣ по отъѣздѣ Ю Уиллъби въ экспедицію. Не много спустя, суждено было умереть такою-же смертію и ея отцу, Генриху Грею (брату Анны Уиллъби) и его брату Томасу. Въ іюлѣ совершено бракосочетаніе Маріи съ Филиппомъ. Безчисленныя преслѣдованія протестантовъ, пылавшіе костры, на которыхъ сожигали мужчинъ и женщинъ, не исключая даже беременныхъ, инквизиціонные допросы, пытки и т. п., такъ волновали умы современниковъ, что ни вѣсть о такъ называемомъ открытіи Русской земли Чанслеромъ, ни позднѣйшее извѣстіе о трагической кончинѣ Уиллъби съ его спутниками, не были въ состояніи остановить на себѣ общественное вниманіе [1]).

---

[1]) Въ имѣніи Воллатонѣ, принадлежащемъ нынѣ лорду Миддельтону, хранится платье, снятое будто-бы съ замерзшаго тѣла Ю Уиллъби. Пеннантъ разсказываетъ, что слуга въ Воллатонѣ, показывавшій портретъ Ю Уиллъби, обыкновенно прибавлялъ, что этотъ портретъ представляетъ его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ найденъ замерзшимъ. Тому, кто пережилъ

Третій корабль Каботовой экспедиціи, Эдуардъ Бонавентура, еще 30 іюля 1553 г. сильною бурею въ сѣверномъ морѣ былъ разлученъ съ тѣми двумя и цѣлую недѣлю ждалъ ихъ у Вардэгуса, гдѣ на этотъ случай назначено было сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ онъ отплылъ въ Бѣлое море и присталъ близъ устья Двины. Кромѣ Ричарда Чанслера, Стефена Борро и Джона Бокленда, на немъ было еще 47 семь человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился вышеупомянутый капланъ Джонъ Стаффордъ, врачъ Томасъ Вальтеръ (въ одной ркп. Water); двое купцовъ: Джорджъ Бортонъ, производившій торговлю съ Капомъ, и Артуръ Эдуардсъ. Надобно еще назвать Джона Гассе, потому что онъ тогда уже написалъ кое-что о Россіи, а Артура Пета, Вильяма Борро, Ричарда Джонсона, Джона Седжвика и Эдуарда Пасси [1]) потому, что они, равно какъ и Чанслеръ, Стефенъ Борро, Боклендъ и Эдуардсъ, въ послѣдствіи были у насъ въ другой разъ.

Неноксѣ досталось въ первый разъ угостить русскою хлѣбъ-солью нежданныхъ гостей изъ Англіи. А соль была здѣсь произведеніемъ собственной промышлености Неноксы [2]).

Монастырь Св. Николая Чудотворца, находящійся къ востоку отъ Неноксы, на самомъ Корельскомъ устьѣ Двины, былъ первымъ мѣстомъ, которое должны были посѣтить изъ Неноксы Англичане. Изъ описанія церкви и владѣній монастыря, составленнаго около двухъ лѣтъ до ихъ прибытія, мы знаемъ, что они тамъ видѣли и какія лица могли тамъ встрѣтить.

его изъ участниковъ экспедиціи, если только былъ такой, едва ли могло прійти въ голову рисовать портретъ съ замерзшаго; а изъ видѣвшихъ его на мѣстѣ рыбаковъ также, конечно, никто не могъ этого сдѣлать. Впрочемъ, сцена 1553—1554 при Нокуевѣ заслуживала бы руки лучшаго художника, чѣмъ Джонъ Пинкертонъ, изобразившій ее на рисункѣ при сочиненіи: A general collection of the best and most interesting voyages and travels, том. I. 1808.

[1]) Фамилію Passy я встрѣчалъ еще у Гаклейта въ формѣ Pacie и догадываюсь, что Гаклейтъ въ другомъ, позднѣйшемъ случаѣ читалъ вмѣсто Pacie — Price. Въ такомъ случаѣ Эдуардъ Прайсъ во второй экспедиціи въ Россіи будетъ не кто другой, какъ тотъ-же самый Пасси.

[2]) «Своеварка съ Ненокскихъ расольныхъ вытокъ». Въ Неноксѣ имѣлъ соляныя варницы монастырь Св. Николая. Грамотой царя Іоанна Васильевича 1545 ему дозволено было «соляныхъ пожилинъ (разсолу солянаго) искати и трубы и варницы ставити и соль варити». Еще и нынѣ, какъ здѣсь, такъ и у Уны и въ другихъ окрестностяхъ, производится выварка соли.

Теперь Чанслеръ долженъ былъ принять характеръ англійскаго посланника. Взявъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ спутниковъ, онъ отправился по Малокурью и Двинѣ въ Холмогоры. Тамошній градоначальникъ, Фофанъ Макаровъ, и земскій судья донесли о прибытіи Англичанъ царю Іоанну Васильевичу. Корабль былъ, по ихъ распоряженію, переведенъ [1]) на зимовье въ Унскую Губу, находящуюся къ западу отъ Неноксы, и Чанслеръ отправился 23 ноября въ саняхъ въ царскую столицу, не дождавшись отъ царя приглашенія или дозволенія, которое впрочемъ встрѣтило его изъ Москвы на дорогѣ.

Прибытіе Англичанъ въ Россію совпадаетъ съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ событій въ нашей исторіи. Не задолго предъ тѣмъ царь Іоаннъ Васильевичъ возвратился въ Москву со славою покорителя Казани. Астрахань была принуждена открыть для Россіи ворота въ Каспійское море. Сибирь, не знавшая своей золотоносной почвы, обязалась, въ знакъ своего подданства, доставлять повелителю Россіи собольи и бѣличьи мѣха, и полудикія племена ея присягнули царю: это былъ первый шагъ къ покоренію неизмѣримой металлоносной страны, по которой мы дошли до Сѣверной Америки.

Чрезъ двѣнадцать дней по прибытіи Чанслера въ Москву, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, управлявшій тогда иностранными дѣлами [2]), объявилъ ему, что царь Іоаннъ

---

[1]) Это было въ октябрѣ. Зима была, вѣроятно, жестокая, потому что Чанслеръ разсказывалъ Адамсу въ Лондонѣ, что люди, оставленные имъ на кораблѣ, очень страдали отъ холода. «Nautae certe nostri, qui in nave remanserant, ex inferiori stega in foros scandentes, tam subita lipothymia nonnunquam sunt correpti, ut intermortui subinde ruerent: tanta erat illic rigentis coeli inclementia. — Въ Пертоминской пустыни, основанной на Унской губѣ въ 1599 году, провелъ три дня Петръ Великій, во вторую свою поѣздку на Двину въ 1694 г., и сдѣлалъ тамъ деревянный крестъ съ надписью, который онъ самъ помогъ снести на морской берегъ и самъ поставилъ тамъ въ знакъ благодарнаго воспоминанія о своемъ спасеніи отъ опасности, которой онъ подвергался при переѣздѣ изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, во время бури. Его спасеніемъ мы обязаны рѣшительности и ловкости лоцмана, Антипа Тимофеева, который счастливо направилъ лодку въ Унскую губу. Вспоминалъ ли тогда царь, что эта губа приняла 1553—1554 первый корабль, прибывшій къ берегамъ Россіи?

[2]) Впрочемъ въ бытность Чанслера въ Москвѣ онъ находился подъ судомъ по подозрѣнію въ Бакшинской ереси. Извѣстно, что онъ былъ казненъ 1570 году за мнимую измѣну отечеству въ пользу Польши.

Васильевичъ соизволяетъ допустить его къ себѣ, чѣмъ онъ не мало былъ обрадованъ. При пріемѣ Чанслера присутствовалъ извѣстный любимецъ царя, Алексѣй Өедоровичъ Адашевъ; Чанслера сопровождали купцы Бортонъ и Эдуардсъ [1]). Онъ поднесъ царю открытую грамоту короля Эдуарда VI: экземпляры ея на разныхъ языкахъ даны были каждому кораблю экспедиціи ко всѣмъ владѣтелямъ странъ, къ которымъ случится пристать имъ на сѣверѣ и на востокѣ [2]). На первомъ планѣ въ этомъ письмѣ выставлялось желаніе Англіи заводить торговыя связи [3]). Послѣ аудіенціи, Чанслеръ съ обоими купцами удостоились чести быть приглашенными къ обѣду.

Чанслеръ тщательно старался развѣдывать торговыя дѣла Россіи, нужныя для Англіи. Результаты его наблюденій мы знаемъ изъ англійской его записки къ дядѣ своему, Христофору Фротингему (Frothingham), а Клементъ Адамсъ передалъ его разсказы на латинскомъ языкѣ [4]). Находившійся при Чансле-

---

[1]) Пинкертонъ, въ первомъ томѣ вышеупомянутаго сочиненія о путешествіяхъ, старался изобразить на картинѣ пріемъ Чанслера съ обстановкой по разсказамъ самого Чанслера.

[2]) Ad Principes septentrionalem ac orientalem mundi plagam inhabitantes juxta mare glaciale nec non Indiam orientalem.

[3]) Въ немъ между прочимъ говорится: «мы предоставили почтенному и храброму мужу, Гугу Виллибею (Wilibeo) и прочимъ, съ нимъ находящимися, нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ, идти по ихъ усмотрѣнію въ страны, имъ прежде неизвѣстныя, чтобы искать того, чего у насъ нѣтъ, и привозить изъ нашихъ странъ то, чего нѣтъ въ тѣхъ странахъ. И такимъ образомъ произойдетъ выгода и для нихъ и для насъ, и будетъ постоянная дружба и ненарушимый союзъ между ими и нами, если они позволятъ намъ получать вещи, которыми изобилуютъ ихъ владѣнія, а мы будемъ отпускать къ нимъ изъ нашихъ владѣній тѣ вещи, которыхъ у нихъ нѣтъ». Concessimus viro honorabili et forti Hugoni Wilibeo, et aliis qui cum eo sunt servis nostris fidis et charis, ut pro sua voluntate, in regiones eis prius incognitas eant, quaesituri ea quibus nos caremus, et adducant illis ex nostris terris id quod illi carent. Atque ita illis et nobis commodum inde accedat, sitque amicitia perpetua et foedus indissolubile inter illos et nos, dum permittent illi nos accipere de rebus quibus superabundant in regnis suis, et nos concedemus illis ex regnis nostris res, quibus destituuntur.

[4]) Чанслеръ, по словамъ Эдена (Eden), въ 1557 г. будто-бы сказывалъ ему, что въ Москвѣ онъ засталъ посланника изъ Персіи (the king of Persia called the great Sophie). Онъ носилъ алое платье и выгодно отзывался царю объ Англичанахъ, потому что знакомъ былъ нѣсколько съ Англіей и ея торговлей. (The ambassador was appareled all in scarlet, and spoke much to the Duke

рѣ Іоганъ Гассе описалъ, для англійскаго купечества, русскія монеты, вѣсы и мѣры; при чемъ онъ оставилъ нѣсколько замѣтокъ о русскихъ произведеніяхъ и указалъ выгодное мѣсто для основанія другаго торговаго дома или складочнаго мѣста англійскихъ товаровъ, кромѣ Москвы, въ Вологдѣ [1]).

Вслѣдствіе просьбы Чанслера дозволить Англичанамъ завести торговыя связи съ Россіею, въ февралѣ 1554 года была изготовлена грамота царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI, который между тѣмъ уже въ прошломъ году 6 іюля умеръ [2]). Этой грамотой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободой. Этотъ любопытный документъ, первый изъ дошедшихъ въ Англію изъ Россіи, заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія еще и потому, что при изданіи англійскаго перевода его въ 1599 году Гаклейтъ дозволилъ себѣ пополнить титулъ царя Іоанна Васильевича изъ позднѣйшихъ грамотъ, вслѣдствіе чего Астрахань, Сибирь и Лифляндія являются въ этомъ титулѣ прежде, нежели это было и могло быть на дѣлѣ. Въ царской грамотѣ, писанной въ февралѣ 1554 года, не могли быть названы ни Астрахань, ни Сибирь, ни Лифляндія.

Напрасно искалъ я въ Англіи оригинала этой грамоты; но думаю, что нашелъ первый англійскій переводъ ея. Кромѣ того я снялъ для себя копію съ того перевода, которымъ пользовался Гаклейтъ. Эта рукопись сильно пострадала отъ огня; но то, чего въ ней не достаетъ, я могъ пополнить изъ списка, сдѣ-

---

in behalf of our men, of whose kingdom and trade he was not ignorant). Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакого свѣдѣнія о пріѣздѣ персидскаго посланника въ Москву въ 1553 — 1554 г. Самъ Чанслеръ и по словамъ его Адамсъ описываютъ пышность, съ какою отправлены были два посла въ Литву. Гассе сообщаетъ, что въ бытность Чанслера въ Москвѣ прибылъ «великій посолъ» изъ Лифляндіи (for the assurance of their priviledges). Это должно быть извѣстное посольство лифляндскаго гермейстера и дерптскаго епископа.

[1]) И въ Вардэгусѣ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ, чтобы ознакомиться съ тамошнимъ вѣсомъ. О трескѣ и лососяхъ онъ говоритъ, что эта рыба привозится въ Холмогоры изъ одного мѣста, находящагося не вдалекѣ отъ Вардэгуса, и называющагося Mallums: это должно быть Малмусъ, то есть Кола.

[2]) Во столько времени не могло дойти изъ Англіи до Россіи извѣстіе о такомъ важномъ событіи: какая противоположность съ нынѣшнимъ (1846)!

ланнаго съ нея раньше. Всѣ три экземпляра свидѣтельствуютъ, что Гаклюйтъ, при изданіи своихъ «Principal Navigations» 1599 дозволилъ себѣ непростительную вольность. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ въ именахъ странъ, подвластныхъ царю, недоразумѣніе, онъ ставилъ вмѣсто ихъ выраженія изъ царскаго титула въ позднѣйшихъ грамотахъ, и такимъ образомъ Іоаннъ Васильевичъ уже въ началѣ 1554 года является у него царемъ (king) Астраханскимъ, государемъ и великимъ княземъ (lord and great duke) Лифляндскимъ и повелителемъ (commander) всей Сибири. Изъ этого Карамзинъ заключилъ, что царь уже въ то время (въ февралѣ 1554) дѣйствительно такъ именовалъ себя въ титулѣ, тогда какъ наши лѣтописи говорятъ о прибытіи посольства отъ обладателя Сибири, Едигера, въ Москву съ предложеніемъ своего подданства лишь подъ 1555 годомъ. Такъ какъ объ Астрахани и Лифляндіи Карамзинъ не упоминаетъ, то онъ считалъ, кажется, возможнымъ, что и эти страны внесены въ титулъ царя уже въ 1554.

Ошибки Гаклейта въ 1599 году тѣмъ разительнѣе, что самъ онъ прежде, въ сочиненіи 1589, нынѣ очень рѣдкомъ, передалъ царскій титулъ правильно. Кажется, что онъ видѣлъ самый оригиналъ грамоты: потому что онъ описываетъ и русское письмо ея и привѣшенныя къ ней печати съ изображеніемъ вооруженнаго всадника, сражающагося съ дракономъ. Грамота была написана на бумагѣ; при ней былъ нѣмецкій переводъ. Найденный мною древнѣйшій англійскій переводъ ея, кажется, сдѣланъ съ этого нѣмецкаго перевода, и притомъ лондонскимъ Нѣмцемъ. Я нашелъ его въ одной рукописи, которая принадлежала прежде герольдіи, а впослѣдствіи была, между прочимъ, у Роберта Коттона, и наконецъ у знаменитаго антикварія Ричарда Гау (Gough), умершаго въ 1809 г. При продажѣ его имущества съ аукціона въ 1810, эта книга куплена для Британскаго Музея. На оборотѣ листа 175 и на слѣдующей страницѣ 176 листа напечатано:

The coppye of the lettre which was sente to Kinge Edward Ao. 1554. The almyghtie power of God with the feare of the hooly Trynytie: A right christian belever: we greatiste Lord theyre resquests they have fullye granntid, and have byn in our

John Vasselevitche: by the grace of god Emperour of all Russes: and greate Duke Volloidemersque: Moskosque: nogrottsque: kassanque: placestosque: Smallentsque: Tweresque: Iverdsque: permysque: vettsque: bolgorsque: and of other lands Emperour and greate Duke to newgorod in the lowe cuntrey: Chernegofsque: Rasnsque: Wollotsque: yerzeffsque: belsque: Rostosque: yeraslawsque: beloweshersque: udorsque: obdorske: ffondynski: with dyversse other lands: lorde on all the northe side and petisioner. In primis greattist and famous Edward Kinge of Ingland: our gracious word, with good and frendlie remembrannce in all reason from our christian faythfull greate taking awctoritie by commanndment of the hyghest of our Awncestrye: this our lordlie writinge to A kynglie desyre, accordinge to the peticon of one Richard, trewlie sent with the reste of his fellowshippe whem he shall trewlie com to you. By yt celf the 20 yere of our lordshippe, to our seacoste ys com folk in one shippe theade Rychard, withys felowshippe and have said that they arre frinds they have desyred to com within our lordlie dominion, and accordinge to lordlye howsse in presence of our sight and hathe desyred us accordinge to Your kinglie requests that we wold permytt Your marchants to travaile to our Subiects and dominions, to occupie withall manner of wares, without hynderannce, Staye or Interrupcon, and hathe geven us Your lettre in which lettre ys written the like request, to manner of men in theire dominions, wheresoever they shalhappen to com sent by Your trewe Servannte Hughe Willowghbie the which Hughe Willoughbie in our dominions hathe not arryved and whereas Your sservante Rychard ys com to us, we wythe christian trewe assurance in no manner of wyse will refuse his petision, and by our faythfull grante, we will not forsake thye request, by the which Your ymbassett that Yow sent to us, the same thy Imbasset with good ffree will to passe to us and from us withowt anye hynderance or losse, with suche message as shall com to us, the same message to retourne to thie kingdom well awnswerid withall suche marchannts as shall com forthe of Your lande withall manner of ware, if they will traveile toccupie within our lordom, the same marchants with free marchandise in all our lordshippe, withall manner of

ware and uppon all manner of ware freelie to travele owt and in, without hynderannce and losse accordinge to this our lettre, and a ffurther assurance of our worde we have caused our Signet to be sett to this our lettre, written in our lordlie howsse and castle the Musco. In the yere 7042 (должно быть 7062) the monethe of februarye [1]).

---

[1]) Такъ какъ Гаклейтъ по обыкновенію дозволялъ себѣ дѣлать въ переводѣ, которымъ пользовался, произвольныя перемѣны, то я передаю его въ подлинномъ видѣ, какъ онъ находится въ Британскомъ Музеѣ подъ Otto, E, стр. 49 и 50. Вызженныя мѣста я дополняю изъ древнѣйшаго списка того же перевода въ Ландсдауновомъ собраніи 141, стр. 342, и отмѣчаю ихъ курсивомъ. The Allmightie power of God and the *incomprehensible* hollie Trinitie of our rightfull Christian *beliefe*. Wee greatest Lord Ivan Vassilewiche *by the* grace of God Emperour of all Russia *and great* Duke Vslademerskij, Moskouskij Nougord*skij*, *Casanskij* Pskouskij Smollenskij Tuerdskij Yogork*ij Permskij* Veatskij Bolgarskij and other lands, *Emperor* and great Duke of Novago roda and in the *lowe* Countreys Cheringosskij Rezanskij Volot*skij Rzesskij* Belski; Rostouskij Yoroslauskij Belocherskij Oodorskij Obdorskij Condinskij and manie other *countries* Lord over all the north Cost greetinge. Befor*e* all right great and of honor worthye Edward Kinge of England our most hartie and of good zeale with good intent and frendlie desire and of our holie Christian faith and of great governannce and in the light of great understanding our answere by this our honorable wrightinge unto Your Kingelie Governannce at the request of Your faithfull servannt Richard with his company as he shall wisely lett You knowe, is this. In the strength of xxtie yere of our governance be knowne at our sea Coast arived a schipp with one Richard and his Companie and sai*d that he was* desirous to come into our dominions *and according* to his request hath seene our lordshipp *and our heires* (тутъ было вѣроятно: eies, какъ у Гаклейта) and hath declared unto us Your Ma-ties *desire* that wee schould grannt unto Your subi*ects to goe* and come and amonge our dominions *and subiects* to frequent free merkett with all sort of *merchandizes* and uppon the same to have wares for the*ir retorne* and they delivered unto us Your letters *which declared* the same request. And uppon that *we have geven* order wheresoever Your faithfull servannt *Hugh* Willobe lande or touche in our dominion*s to be* well enterteyned which as yet is not arri*ved the* which Your servannt Richard cann declare. A*nd we* with Christian beleife and faithfullness and *according* to Your hon-ble request and my ho-ble commannd*ement* will not leave it undonne. The which both wilbe You to send unto us with Your shipps *and* vessells when and as often they may with good assurance to see them harmeles. And yf You *send* me one of Your Ma-ties Councell to treat with us whereby Your countrey merchants maie with all kind of wares and wheare they will make ther mar*ket* in our dominions and ther to have the*ir free market* with all free liberties throughe my who*le dominions* with all kinde of wares and of all kinde ot *wares* to come and goe at ther pleasure with*out any* of ther lett damage or impediment accor*ding and* by this our Lettre or word with my seale and this my vill or Lettre wee have co*manded* to be undersealed. Written in our dominion *in our* Towne and our Pallace in the Castell of *Moscovie* in the yere seven thousande and sixtie the *second* month ffebruarye.

Чанслеръ и его спутники уѣхали изъ Москвы въ мартѣ 1554: выждавъ на Двинѣ благопріятной поры, они отплыли на Бонавентурѣ въ Англію. На дорогѣ корабль имѣлъ несчастіе попасться Голландцамъ и былъ ими ограбленъ. Но экипажъ добрался до Лондона съ царскою грамотой на имя короля Эдуарда, вмѣсто котораго она поднесена королевѣ Маріи. Чанслеръ повсюду разсказывалъ, какъ благосклонно онъ былъ принятъ въ Москвѣ Іоанномъ Васильевичемъ.

Теперь изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось въ Лондонѣ новое общество, имѣвшее цѣлію открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ къ востоку и къ западу. Компанія эта была утверждена, 26 февраля 1555 года, Филиппомъ и Маріею особою грамотой (charter). Каботъ былъ на всю жизнь опредѣленъ въ президенты, и какъ Чанслеръ уже исходатайствовалъ у Іоанна Васильевича особенное покровительство Англичанамъ, то общество получило исключительную привилегію на торговлю съ Россіею[1]).

Въ Англіи старались представить прибытіе Чанслера въ

---

[1]) Это общество въ теченіе времени не разъ перемѣняло имя. Оно существуетъ еще и нынѣ подъ именемъ *Россійской компаніи* (the Russia Company), хотя уже и безъ прежнихъ привилегій. Я имѣю списокъ именъ всѣхъ его основателей, который нигдѣ еще не напечатанъ. Въ числѣ шести особъ изъ высшей аристократіи находится Вильямъ Говардъ (Howard), графъ Эффингамскій, тогдашній лордъ-адмиралъ англійскій. Въ новѣйшемъ изданіи сочиненія Борна (Burne): Genealogical and heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the Brittish Empire) подъ статьею: Effingham, объ немъ говорится, что въ 1553 г. онъ отправленъ былъ посланникомъ въ Московію и это было первое англійское посольство въ Россію. Это вовсе неосновательное мнѣніе въ слѣдующемъ изданіи Peerage надобно выбросить. Кромѣ шести лицъ изъ аристократіи, въ обществѣ было 184 другихъ членовъ, изъ которыхъ здѣсь можно упомянуть: Себастіана Кабота, Генриха Сиднея, Вилльяма Сесиля, Вилльяма Петера, Джоржда Барнса, Уильяма Герарда, Томаса Оффлея старшаго и Джона Диммока: потому что они разнымъ образомъ содѣйствовали обществу; Ричарда Чанслера, Стефена Эбро (Abrough вм. Burrough), Джона Бокленда, Артура Эдуардса, Джорджа Бортона, Томаса Бенистера и Джона Спарка, потому что они были въ Россіи. Списокъ первоначальныхъ членовъ, хранящійся въ Коттоновомъ собраніи рукописей въ Британскомъ Музеѣ, къ сожалѣнію, на половину поврежденъ отъ огня, какъ и многія другія рукописи этого собранія, но недостающее въ этомъ спискѣ можно пополнить изъ копіи, находящейся въ Ландсдауновомъ собраніи. Гаклейтъ удостоилъ упомянуть только имена лордовъ.

Неноксу настоящимъ открытіемъ Россіи, въ родѣ открытія Америки или другой, до тѣхъ поръ неизвѣстной страны[1]). Стбитъ разсмотрѣть, не могли ли Уилльби и Чанслеръ имѣть, до своей экспедиціи, какое-либо свѣдѣніе о Бѣломъ морѣ, о Двинѣ и о сѣверо-восточныхъ краяхъ Россіи вообще?

Извѣстно, что древнѣйшее свѣдѣніе о плаваніи около Норвегіи вокругъ Мурманскаго Носа (названнаго съ 1553 года Нордъ-капомъ) сообщено англійскимъ королемъ Альфредомъ, который такъ-же хорошо владѣлъ перомъ, какъ и мечомъ, и котораго считаютъ основателемъ англійскаго флота. Это извѣстіе записалъ онъ со словъ Норвежца Отера, который во времена Рюрика, или вскорѣ послѣ того, вѣроятно, въ послѣднюю четверть IX вѣка, совершилъ морское путешествіе отъ западнаго берега Норвегіи въ Бѣлое море. Замѣчательно, что самое древнее описаніе морскаго пути къ нашимъ сѣвернымъ берегамъ оставлено намъ королемъ, точно также, какъ, съ другой стороны, почти столь-же древними извѣстіями о прежнихъ плаваніяхъ изъ Россіи по Черному морю мы обязаны императору Константину Багрянородному.

Для меня вовсе не такъ достовѣрно, какъ обыкновенно думаютъ, что Отеръ входилъ именно въ Двину, какъ Эрикъ Блодиксасъ Гаральдомъ Грефеллемъ, Тореръ Гундъ съ Карли и Гвастейномъ и мн. другіе, плававшіе въ Біармію до самаго начала монгольскаго періода (1252). Очень могло быть, что Отеръ былъ на Мезени. На Бѣломъ морѣ или, опредѣлительнѣе, при входѣ въ губу при устьѣ Мезени, влѣво есть островъ, издавна называемый: Моржовецъ, отъ моржей[2]). Вправо

[1]) Еще въ 1598 году Гаклейтъ писалъ: Wil it not in all posteritie be as great a renowne unto our English nation, to have been the first discoverers of a Sea beyond the North Cape (never certainly knowen before) and of a convenient passage into the huge Empire of Russia by the bay of St. Nicolas and the river of Duina; as for the Portugales to have found a Sea beyond the Cape of Buona Esperanza and so consequently a passage by Sea into the East Indies; or for the Italians and Spaniards to have discovered unknowen landes somany hundred leagues Westward and Southwestward of the streets of Gibraltar, and of the pillers of Hercules?

[2]) Герберштейнъ пишетъ (1549): Mors, а переводчикъ его латинскаго сочиненія, Панталеонъ, (1633) къ этому имени отъ себя прибавляетъ: *или смерть*.

лежатъ Моржовыя Кошки, т. е. моржовыя песчаныя мели. Отеръ говоритъ, что слухъ о ловлѣ моржей былъ главною причиною путешествія: ибо моржовые зубы — слоновая кость того времени — были очень цѣнны, а изъ моржовой кожи дѣлались канаты, употреблявшіеся на судахъ, — ясный намекъ на то, что судоходство по этимъ водамъ существовало уже издавна. Одинъ мезенскій житель, Алексѣй Ѳедоровъ Окладниковъ, человѣкъ весьма опытный, увѣрялъ меня, что лѣтъ двадцать назадъ еще много били моржей у восточнаго берега воротъ Бѣлаго моря, между Кіей и Канинымъ Носомъ. Становищами служили рѣчки Сальницы и Большія Бугряницы. Герберштейнъ упоминаетъ о множествѣ моржей при устьѣ Печоры, а Чанслеръ говоритъ, что ловцы ихъ жили въ Пустозерскѣ. Первый пишетъ: «предъ устьемъ Печоры разсказываютъ объ удивительныхъ звѣряхъ, изъ коихъ одни называются mors, величиною съ быка, имѣютъ короткіе ноги, живутъ въ морѣ, имѣютъ на верхней челюсти два зуба. Бьютъ ихъ только ради прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ красивые черенки къ ножамъ. Московиты, Турки и Татары дѣлаютъ изъ нихъ къ своему оружію, особенно короткому, какъ мы носимъ кинжалы или ножи, рукоятки, собственно только для красоты, а не для увеличенія тяжести, чтобы чрезъ то ударъ оружіемъ былъ сильнѣе, какъ объ этомъ писалъ нѣкто» (Герберштейнъ намекаетъ здѣсь на Мѣховскаго, который высказалъ это мнѣніе въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: Sarmatia); «покупаютъ зубы на вѣсъ и называютъ просто «рыбій зубъ»». Еще и нынѣ самый обильный уловъ моржей бываетъ на Гуляевскихъ меляхъ у Печорской губы, на Вайгачѣ и у западнаго берега Новой Земли. А во время Отера моржей могло быть много у острова, получившаго отъ нихъ свое имя, и по берегамъ на югъ отъ Канина Носа.

Отеръ подарилъ королю Альфреду нѣсколько моржовыхъ зубовъ: это были первые предметы, привезенные съ нынѣшнихъ русскихъ береговъ въ Англію. Вѣроятно, Отеръ не только вынулъ зубы, но и снялъ съ моржей кожу, и вотъ древнѣй-

---

У поляка Мѣховскаго (1517) было: pisces morss. Чанслеръ говоритъ (1554): a fish called a Morsse, а Адамсъ (въ томъ-же году) прибавляетъ: bellua Mors nominata.

шія (сколько извѣстно) статьи вывоза изъ Бѣлаго моря въ Норвегію.

Мы не можемъ положительно доказать, чтобы Каботъ былъ знакомъ съ Альфредовымъ описаніемъ путешествія Отера, которое должно было имѣть для него столько интереса *). Но онъ могъ достать себѣ печатный италіянскій переводъ Герберштейнова сочиненія о Россіи (Commentari della Moscovia), въ которомъ находится описаніе плаванія нашего Истомы и Датскаго герольда Давида вокругъ Мурманскаго Носа, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о Ледовитомъ морѣ, Двинѣ, Печорѣ и Оби. Эта книга напечатана въ 1550 году въ Венеціи, гдѣ Каботъ провелъ свои молодые годы. Къ ней приложена карта Россіи, составленная пьемонтскимъ космографомъ Джакомо Гастальдо, на которой показано какъ Ледовитое море (впрочемъ, собственно только часть Бѣлаго моря), такъ и рѣки Двина, Мезень, Печора, даже съ Цыльмой (гдѣ добываются руды) и съ Обью. Послѣдняя вытекаетъ изъ большаго озера на правомъ (восточномъ) краѣ карты, называемаго Китаемъ (Kythao lago), а въ книгѣ объ немъ говорится.... il lago de Kithai dal quale il gran Chane di Cathaia, il quale gli Moscowiti Czar Kythaiski appelano, ha il nome. Сколько интереса должны были имѣть такія географическія свѣдѣнія для виновника сѣверо-восточной экспедиціи! Трудно повѣрить, чтобы Каботъ не выписалъ себѣ эту книгу съ картой изъ Венеціи. О Финскихъ маркахъ и Вардэгусѣ Ю Уиллъби и Чанслеръ заранѣе имѣли понятіе: потому что между ними было условлено, въ случаѣ, если корабли разойдутся въ сѣверномъ морѣ, дожидаться другъ друга въ Вардэгусѣ. А какъ у Герберштейна, въ разсказѣ Истомы о путешествіи его по Ледовитому морю, плаваніе между Вардэгусомъ и Двиною описано, то дорога туда была указана, и Каботъ могъ имѣть о томъ свѣдѣніе. А Дмитрій Герасимовъ, въ своемъ описаніи Россіи, внесенномъ въ книгу Герберштейна, объясняетъ, что если плыть изъ Двины вправо по берегу, то можно, вѣроятно, достигнуть Китая, и это свѣ-

*) Альфредово описаніе путешествія Отера я нашелъ въ Британскомъ Музеѣ, въ одной книгѣ, рядомъ съ дневникомъ Вильяма Сесиля съ 1552 по 1557 годъ.

дѣніе было издано въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ Павломъ Джіовіо уже въ 1537, и потомъ въ 1545 и 1551 годахъ.

Германія получила разныя свѣдѣнія о Россіи еще въ 1488 г. отъ Поппеля, а съ 1489 по 1492 — отъ Юрія Траханіота, Халепы, Аксентьева, Кулешина, доктора Торна, Яропкина и Курицына. Въ 1489 году на имперскомъ сеймѣ римскому королю поднесены были собольи, горностаевые и бѣличьи мѣха. Вскорѣ потомъ собольими и бѣличьими мѣхами платили вмѣсто денегъ металлургамъ и другимъ мастерамъ, нанимаемымъ въ Россію. Поппель тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Германію послалъ кого-то на сѣверо-востокъ Россіи, чтобы привезти оттуда одного человѣка изъ племени Вогуловъ, «питающихся сырымъ мясомъ», и живаго лося для германскаго императора Фридриха III. Въ 1492 году пріѣзжалъ въ Москву Михаилъ Снупсъ, чтобы отправиться на Обь и осмотрѣть тамошній край въ географическомъ и вообще въ ученомъ отношеніи. Но царь Іоаннъ Васильевичъ не соизволилъ разрѣшить этого путешествія.

У Рамузіо мы находимъ, что какой-то Русскій, показывая тамошнему ученому карту, объяснялъ, что по Ледовитому морю, можетъ быть, можно проѣхать до острововъ и земель, гдѣ растутъ пряности, т. е. до Индіи. Это могъ быть Василій Власій, возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ изъ Испаніи; а если не онъ, такъ Дмитрій Герасимовъ, бывшій тамъ въ 1525 г. на пути въ Римъ съ Паоло (Centurione), или въ 1526 г. на возвратномъ пути оттуда съ Іоанномъ Францискомъ де Потенціа, назначеннымъ Папою въ епископы города Скары, котораго, впрочемъ, Густавъ Ваза не принялъ.

Что русскіе мѣха во времена Каботовой экспедиціи въ Англіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, издавна были въ большомъ употребленіи, свидѣтельствуютъ многіе изъ англійскихъ портретовъ, а писанные Гансомъ Гольбейномъ между 1526 и 1554 годами. Для примѣра назову здѣсь портреты: епископа кентерберійскаго, Варгема, умершаго 1532 г., канцлера Томаса Мора, казненнаго 1535 г., и королевы Анны Боленъ, казненной 1536 г.

Польская королева Елена Іоанновна, въ концѣ 1503 года, просила отца своего, великаго князя Іоанна Васильевича, прислать ей черныхъ соболей съ передними и задними лапами и съ когтями. Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ ей въ мартѣ 1504 года, что у соболей отрѣзываютъ лапы тамъ, гдѣ ихъ ловятъ, на мѣстѣ, но что онъ далъ приказаніе соотвѣтственно ея желанію и пришлетъ ей соболей тотчасъ по полученіи *).

II. ВТОРАЯ АНГЛІЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ РОССІЮ.

Грамота Филиппа и Маріи къ Іоанну Грозному.—Первые агенты англійской торговли въ Россіи.—Киллинвортъ—Статьи отпуска изъ Англіи и вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами. — Первый привозъ англійскихъ суконъ въ 1557. — Сукно Лундышъ. — Ричардъ Грей въ 1557 г. въ Холмогорахъ и въ 1558 въ Москвѣ.—Ярмонка въ Лампожнѣ—Макарьевѣ своего времени.—Генрихъ Ленъ и свѣдѣнія, сообщенныя имъ о русской торговлѣ.—Христофоръ Гудсонъ въ Нижнемъ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ. — Высокія цѣны Англійскихъ товаровъ; цѣна рубля въ сравненіи съ фунтомъ стерлинговъ. — Въ 1567 Гудсонъ въ Нарвѣ.—Польскіе пираты и взятіе ихъ Вил. Борро — Характеристика Іоанна Грознаго.—Смотръ войскъ и артиллерійскія экзерциціи.—Описаніе царской короны и скипетра. — Томасъ Гаутри и другіе. — Русскія книги въ Англіи.—Пріемъ «корабельныхъ гостей» въ Москвѣ—Проектъ торговыхъ привилегій, но пока еще не утвержденный царемъ.

—

Въ апрѣлѣ 1555 Чанслеръ снова былъ отправленъ на Эдуардѣ Бонавентурѣ въ Россію. Его снабдили королевскою грамотою отъ 1 апрѣля, отъ имени Филиппа и Маріи къ царю Іоанну Васильевичу, написанною на греческомъ, польскомъ и италіянскомъ языкахъ. Грамота содержала въ себѣ благодарность за благосклонный пріемъ Чанслера въ бытность его въ Москвѣ, и просьбу опять принять его и находящихся при немъ

*) Герберштейнъ въ 1527 году везъ съ собою изъ Москвы въ Германію живыхъ горностаевъ и бѣлокъ; но три послѣднія погибли у него дорогой въ Дубровнѣ. «Jch bracht mit mir, пишетъ онъ, Lebendige Feech und Härmel zu nachts undter meinem Pet hat der Harmel drei Feech zu todt gepissen und am genickh ausgefressen».

людей милостиво и оказать покровительство торговлѣ *). Стефенъ Борро на этотъ разъ остался въ Англіи. Бывшій его помощникъ, Джонъ Боклендъ, теперь самъ правилъ кораблемъ. Чанслеръ взялъ съ собою одного изъ своихъ сыновей. Поѣхали также два купца, въ первый разъ назначенные въ торговые агенты въ Россіи. Одинъ изъ нихъ назывался Джорджъ Киллингвортъ, другой Ричардъ Грей.

Киллингвортъ былъ купецъ, торговавшій сукномъ въ Лондонѣ. Компанія разсчитывала тогда особенно на хорошій сбытъ сукна въ Россію. Опытъ показалъ, что она не ошиблась. Въ то время овечья шуба въ Россіи начала уступать кафтану. Въ Лондонѣ сукно, отправляемое въ Россію (broadcloth), обыкновеннаго цвѣта, обходилось компаніи въ 5 фунтовъ ст. 9 шилл. за кусокъ, но алое сукно въ 17 ф. 13 ш. 6 пенсовъ, а тонкое фіолетовое въ 18 ф. 6 ш. 6 п. Рубль ходилъ тогда за 16 шилл. 8 пенс.; но настоящую цѣну его полагали только въ 12 или 13 шиллинговъ. Въ Москвѣ я часто находилъ въ жалованныхъ царскихъ грамотахъ выраженіе «сукно лундышъ»: это значитъ не что иное, какъ «Лондонское сукно». Въ Кембриджѣ я нашелъ рукопись, изъ которой я узналъ, что сортъ суконъ, вывозимыхъ въ Россію, самими англійскими купцами впослѣдствіи

*) Въ англійской черновой этого письма я нахожу подтвержденіе моей догадкѣ о древности одного изъ переводовъ царской грамоты 1554 года, потому что здѣсь встрѣчаются мѣстами тѣ-же самыя выраженія, какъ въ томъ переводѣ, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: Your Maiestie have granted that all marchants with al maner of wares, if they wil travel or occupie within your dominions, the same marchants with their marchandises in al your lordship may freely, and at their libertie travaile out and in without hinderance or any manner of losse: farther that our ambassadours shall with free good will passe to and from you without any hinderance or losse, with such message as shall come unto you, and to return the same to our kingdomes well answered. Итакъ тотъ переводъ былъ оффиціальный, котораго держались при составленіи отвѣта. Изъ этой черновой видно, что въ первое посѣщеніе Москвы Чанслеромъ, вмѣстѣ съ нимъ были на аудіенціи и на обѣдѣ у царя нѣкоторые изъ его спутниковъ, потому что тамъ говорится: your Majestie did call Chancelour and certaine of his company to your emperiall presence and speech, entertayned and banqueted them with all humanitie und gentleness. Изъ королевской привилегіи отъ 26 февраля 1555 видно, что это были купцы, стало быть Дж. Бортонъ и Арт. Эдуардсъ. Lord John Basilivich Emperour of all Russia, did not onely admitte the Captaine and marchants our Subjects into his protection and princely presence, but also received and intertained them very graciously and honourably.

назывался Lundish cloth. Первый значительный отпускъ суконъ изъ Англіи (209 кусковъ) прибылъ на Двину въ 1557 году. Тутъ-же было доставлено 518 кусковъ каразеи изъ Гемпшира, которая въ Лондонѣ стоила 4 ф. 6 ш. за кусокъ. Изъ нихъ не меньше 400 кусковъ было голубаго — вѣроятно, любимаго тогда — цвѣта; изъ остальныхъ кусковъ 43 было синяго, 53 краснаго, 15 зеленаго, 5 инбирнаго, и 2 желтаго. Прислано было также нѣсколько хлопчатобумажныхъ издѣлій (21 кусокъ въ трехъ кипахъ, цѣною въ 9 ф. 10 ш.), оловянной посуды (9 бочекъ), сахару и т. д. Цѣны русскихъ произведеній были тогда въ Лондонѣ: воскъ 4 ф., сало 16 шилл., ленъ отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ; ворвань 9 фунтовъ за тонну. Въ первые годы компанія хотѣла ограничиться преимущественно упомянутыми здѣсь статьями. Коноплю и деготь она предполагала вывозить въ видѣ смоляныхъ канатовъ и веревокъ. Пушной товаръ она брала не безъ разбора; директоръ писалъ: «что касается соболей и другихъ дорогихъ мѣховъ, то они будутъ не всякому по карману». Тотчасъ по прибытіи въ Москву (1555), Киллингвортъ купилъ пять центнеровъ льняной пряжи для отсылки въ Англію, по восьми съ четвертью пенсовъ за фунтъ. Компанія слышала, вѣроятно, отъ Непеи, либо отъ Роберта Беста, что въ Россіи и въ Татаріи обрабатываютъ много стали, и что татарская сталь лучшаго качества. Потому дирекція компаніи просила въ 1557 г. прислать образчики. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, устюжскій и тульскій укладъ. Послѣдній могъ быть названъ татарскимъ потому, что онъ обработывался преимущественно за линіею засѣкъ, которою Россія ограждала себя отъ Татаръ. Во всякомъ случаѣ, въ историческомъ отношеніи замѣчательно, что Англія требовала нѣкогда сталь изъ Россіи. Нѣмецкая сталь была тогда въ Лондонѣ гораздо дороже, чѣмъ въ 1551 году, при уничтоженіи монополіи Ганзы. Въ Лондонъ дошли также слухи, что Россія богата мѣдью; требовали образчиковъ ея и обстоятельныхъ свѣдѣній. Вообще компанія желала получить образцы произведеній не только русской природы и русской промышленности, но и фабричныхъ матеріаловъ, вывозимыхъ изъ Татаріи и Турціи. Въ Лондонъ посланы изъ Москвы три рубля монетой, для опредѣле-

нія настоящей цѣнности. Киллингвортъ только около двухъ лѣтъ завѣдывалъ торговлею въ Москвѣ. Онъ сдѣлалъ поѣздки въ Новгородъ, Псковъ, Холмогоры и т. д. Въ первый пріѣздъ его въ Вологду 1555 одинъ купецъ предлагалъ ему 12 рублей за кусокъ сукна (broadcloth) и 4 алтына за фунтъ сахару: онъ не продалъ за эту цѣну. За наемъ дома въ Вологдѣ, въ которомъ онъ сложилъ наибольшую часть привезенныхъ товаровъ, заплатилъ онъ, отъ половины сентября до Пасхи 1556, десять рублей.

Другой начальникъ торговли, Ричардъ Грей, завѣдывалъ устройствомъ канатной фабрики въ Холмогорахъ, на которую мастеровые присланы были въ 1557 году изъ Лондона. 14 апрѣля 1558 года ему, вмѣстѣ съ Робертомъ Бестомъ, показывали въ Москвѣ царскую корону съ большимъ рубиномъ на стержнѣ, драгоцѣнные камни, впрочемъ большею частію не шлифованные, и царскія одежды, украшенныя крупнымъ жемчугомъ и большими камнями. При этомъ его просили навѣдываться въ Англіи, куда предстояло ему возвратиться, нельзя ли тамъ покупать подобные или еще лучшіе камни, жемчугъ и золототканныя матеріи и т. п. для царской казны. Въ февралѣ 1559 года Грей былъ въ Холмогорахъ и собирался ѣхать на ярмонку въ Лампожню. Мѣстечко это, находившееся на острову, на 18 верстъ выше нынѣшняго уѣзднаго города Мезени, было тогда очень значительно въ торговомъ отношеніи. Это было Макарьевъ своего времени: тамъ происходила мѣна товаровъ, принадлежавшихъ краямъ Россіи по сю сторону Двины, на добычу промысловъ Новой Земли, Вайгача и другихъ островов, страны Самоѣдской, Югры и вообще всего извѣстнаго тогда сѣверо-востока. На Лампоженскую ярмонку, которая была дважды въ годъ привозились на оленяхъ, изъ Пустозерска и другихъ мѣстъ, всѣ роды пушныхъ товаровъ, оленьи шкуры, рыбьи, т. е. моржовые зубы. Вымѣненные товары отправлялись чрезъ Пинегу въ Холмогоры, откуда большею частію пріѣзжали русскіе купцы на ярмонку; отсюда назначенные въ отпускъ въ чужіе краи, до открытія двинскаго пути Англичанами, отправлялись въ Новгородъ; а Россія снабжалась ими чрезъ Вологду и Москву. Джонъ Гассе уже въ 1554 г. поставилъ Лампожню между Пи-

негой и Пустозерскомъ (Penninge, Lampas and Powstoser). Онъ говоритъ, что изъ Холмогоръ привозятъ для мѣновой продажи, между прочимъ, сукна, оловянную и мѣдную посуду (cloth, tinne, batrie). Чанслеръ выставляетъ пушной товаръ и говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ «рыбьимъ зубомъ», для продажи привозится на оленяхъ (on harts), въ «Лампасъ», а отсюда закупленное отправляется въ Холмогоры, гдѣ въ Николинъ день бываетъ ярмонка. Адамсъ, на основаніи его разсказовъ, пишетъ, что товары возятся въ Лампожню на спинѣ оленей (Mercimonia cervorum dorsis ad oppidum Lampas feruntur). Чанслеръ не такъ опредѣлительно выразилъ это своимъ «on harts». Но онъ ошибался, если думалъ, что товары навьючиваютъ на оленей: ихъ возили на саняхъ, въ которыя запрягали оленей. Отъ Ричарда Джонсона мы узнаемъ, что въ Лампожнѣ дважды въ годъ была ярмонка. Грей пишетъ, что въ 1559 г. въ Лампожнѣ съѣздъ будетъ больше, чѣмъ въ предыдущіе десять лѣтъ (this lent (1559) cometh to Lampas such a number of men of divers nations with wares, as hath not been seen these ten yeeres); особенно упоминаетъ онъ объ Юграхъ (thither come many out of Ugori): называетъ холмогорскихъ купцовъ, которые туда уже уѣхали, и самъ онъ хотѣлъ туда взять съ собою для обмѣна нѣсколько суконъ (каразеи). Лампожня невѣрно показывается на нашихъ картахъ. Истинное положеніе ея на Лампоженскомъ острову, самомъ южномъ и самомъ большомъ изъ дюжины извѣстныхъ по именамъ островов на рѣкѣ Мезени, дающихъ превосходные луга; неширокая часть этой рѣки, обмывающая острова съ востока, называется здѣсь Курьей Губой. На южномъ концѣ двѣнадцативерстнаго протяженія этого острова лежитъ село Лампожня съ двумя церквами; насупротивъ ея съ запада впадаетъ въ Мезень рѣчка Шукша. Зимняя дорога идетъ отсюда черезъ четыре станціи въ уѣздный городъ Пинегу. Нынѣ въ Лампожнѣ находится волостное правленіе. О древней торговлѣ въ этомъ селеніи надобно бы сдѣлать изслѣдованіе. Можетъ быть, сюда наѣзжали мореходы, ѣздившіе въ Біармію. Говорятъ, что весною, при высокой водѣ, старыя строенія иногда сносятся. Имя Лампожни произошло, по видимому, изъ сложенія съ словомъ: пожня. Въ грамотѣ царя Іоанна В., данной Само-

ѣдамъ 1545, говорится: «Самоѣдцы пріѣзжаютъ на Лампожню торговати съ Русаки... да съ тое жъ деи съ Лампожни Лампожничи даютъ мнѣ великому князю въ казну по три рубли на годъ... и чтобы имъ пріѣзжая на Лампожню торговати было гдѣ ставитися а наддадутъ надъ старымъ оброкомъ полтину» и т. д.

Кромѣ Киллингворта и Грея, съ Чансларомъ отправлено было еще нѣсколько Англичанъ, большею частію молодыхъ людей, для завѣдыванія торговыми дѣлами въ Москвѣ и во внутреннихъ краяхъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: потому что они оставили намъ свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи русской торговли и о другихъ предметахъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Генрихъ Ленъ (Lane) былъ назначенъ въ 1557 г. третьимъ агентомъ, и мы обязаны ему многими свѣдѣніями объ основаніи англійской торговли. Часть этихъ свѣдѣній записана была имъ самимъ, другая сообщена въ письмахъ, писанныхъ имъ для печати. Сначала онъ былъ назначенъ въ агенты компаніи собственно для Холмогоръ, но потомъ въ томъ-же званіи находился въ Москвѣ. Онъ выѣхалъ изъ Россіи 1560 г.

Ленъ былъ человѣкъ образованный. Онъ сообщилъ разныя свѣдѣнія о первомъ пребываніи Англичанъ въ Россіи, и, что особенно любопытно, описалъ ауедіенцію въ 1555 г., при которой онъ присутствовалъ. Онъ упоминаетъ, что Стефенъ и Вильямъ Борро первые занесли на карту островъ Вайгачъ (an island called Waigatz first by them put into the carde or mappe). При другомъ случаѣ онъ пишетъ, что предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ 1560 г. возникъ между Шираемъ-Костромицкимъ и другими русскими купцами торговый споръ, который рѣшенъ былъ жеребьемъ въ пользу Англійской компаніи. Онъ отправился въ Англію съ Дженкинсономъ. Въ 1566 г. онъ былъ агентомъ компаніи въ Антверпенѣ и Амстердамѣ. Уже за годъ до того Итальянецъ Рафаэль Барберини старался завести торговлю съ Россіею изъ Антверпена; въ 1564 г. Ленъ успѣлъ испросить у царя Іоанна Васильевича на это привилегію. Въ 1567 г., когда въ Англію прибыли русскіе купцы Твердиковъ и Погорѣлой, онъ слу-

жилъ имъ, сколько могъ, толмачемъ на аудіенціи, которую они имѣли у королевы Елизаветы. Впослѣдствіи, именно позднѣе 1582 г., упоминая о мѣхахъ, привезенныхъ ими въ подарокъ отъ царя королевѣ, онъ сильно защищалъ употребленіе мѣховъ, осуждая въ то-же время шелковыя ткани, которыя начали входить въ употребленіе. Столь интересныя для насъ письма Англичанъ изъ Россіи, напечатанныя Гаклейтомъ, сообщены большею частію Леномъ.

Христофоръ Гудсонъ былъ главнымъ агентомъ сперва въ Нижнемъ-Новгородѣ, а потомъ два года въ Москвѣ, гдѣ, какъ видно изъ одного собственноручнаго письма его (къ Сесилю), онъ продавалъ нѣкоторые товары въ двадцать разъ дороже стоимости ихъ для компаніи. Самъ онъ писалъ свою фамилію Hoddesdon. Въ Лондонѣ онъ служилъ купеческимъ прикащикомъ у Джорджа Барнса, а въ Москвѣ прожилъ семь лѣтъ. Упомянутое письмо его я нашелъ въ бумагахъ Пеписа въ Магдалининской коллегіи (Magdalen college), въ Кембриджѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ (Nisnovgorod in the confynes of Russia) продавалъ онъ сукно, стоившее на мѣстѣ со всѣми издержками только шесть фунтовъ стерлинговъ, по семнадцати рублей за кусокъ, что̀, по собственнымъ словамъ его, составляло на тогдашнія деньги почти тройную цѣну. Стало-быть, рубль почти равенъ былъ фунту стерлинговъ. А въ Москвѣ, по его-же словамъ, товары, стоившіе 6,608 ф. ст., проданы за 13,644, т. е. съ прибылью болѣе ста процентовъ. Въ 1562 году онъ возвратился въ Англію и велъ свою собственную торговлю. Но черезъ четыре года онъ опять понадобился компаніи для расширенія торговли въ Нарвѣ. У меня есть копіи писемъ королевы Елизаветы отъ 16 марта 1566 года къ королямъ датскому и шведскому, которыми она, по причинѣ бывшей тогда войны, испрашиваетъ Гудсону ихъ покровительства. Въ этихъ письмахъ онъ называется: Christophorus Hodesdon, mercator londoniensis, spectatae quidem et probitatis et fidei vir. Елизавета писала объ этомъ къ обоимъ королямъ даже еще раньше, именно 4 декабря 1655 года. Обоихъ завѣряетъ она, что корабли компаніи не будутъ возить къ Московитамъ никакихъ предметовъ, нужныхъ для военныхъ дѣйствій. Въ 1567 г. Гуд-

сонъ опять былъ посланъ въ Нарву, и съ нимъ отправлено на 11,000 ф. ст. сукна, каразеи и соли *). Гудсонъ сообщаетъ, что, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства того времени, онъ доставилъ компаніи сорокъ процентовъ прибыли. Въ 1569 г. онъ ѣздилъ изъ Лондона въ Нарву съ грузомъ товаровъ на трехъ корабляхъ: онъ былъ тамъ главнымъ распорядителемъ заведенной имъ торговли. Съ возвращавшимися кораблями писалъ онъ компаніи, чтобы въ слѣдующую весну (1570) она прислала тринадцать кораблей, которые онъ всѣ надѣется нагрузить товарами. Онъ совѣтовалъ хорошо снабдить корабли огнестрѣльнымъ оружіемъ, потому что на слѣдующее лѣто надобно опасаться множества корсаровъ: въ послѣднее плаваніе въ Нарву самъ онъ встрѣтилъ ихъ нѣсколько. Начальство надъ этой купеческой флотиліей, отправленной по желанію Гудсона, было поручено Вильяму Борро. 10 іюля она дѣйствительно встрѣтила у острова большаго Тютерса (Tuttee) шесть кораблей польскихъ корсаровъ. Одинъ изъ нихъ ушелъ, другой сожженъ, а остальные четыре съ 83 человѣками экипажа Борро привелъ въ Нарву, гдѣ эти плѣнники, за исключеніемъ одного, прежде спасшаго жизнь многимъ Англичанамъ, были выданы воеводѣ. Донесеніе объ этомъ происшествіи къ царю подписано Гудсономъ, какъ начальникомъ факторіи, вмѣстѣ съ Борро. Позднѣе Гудсонъ имѣлъ съ компаніею непріятности: она обвиняла его, что онъ, занимаясь ея дѣлами, производилъ обороты въ свою собственную пользу, и требовала отъ него въ вознагражденіе за то сто фунтовъ штрафа. Объ этомъ писалъ онъ въ письмѣ, найденномъ мною въ Кембриджѣ, къ «Syssel», который въ 1571 сдѣлался лордомъ (барономъ) Борлейгомъ (Burleigh). Гудсонъ упоминаетъ здѣсь, что онъ ѣздилъ въ Россію въ 1553 г., и потомъ черезъ два года, въ 1555, онъ былъ посыланъ изъ Москвы съ сукномъ въ Нижній Новгородъ. Онъ

*) Отъ 18 апрѣля этого года директоры компаніи писали изъ Лондона къ тогдашнему агенту своему въ Москвѣ, Вильяму Роулею: «We have sent M. Cristopher Hoodson this yere to the Narve (whome we think to be arrived ther by this time) about 200 clothes, 200 kersaies, seven ships laden with salt and other wares to the valeve of L 11,000 and shippes to the burdon of about 1,800 tonnes ther to be laden and the wares solde and the (w)hole retourne to be made this sommer if it be possible».

сдѣлалъ ошибку: потому что онъ пріѣзжалъ въ Россію только въ 1555 г.

Робертъ Бестъ уже въ 1556—1557 г. былъ въ состояніи служить толмачемъ для нашего посланника Непеи и для Дженкинсона. Первому онъ оказалъ полезныя услуги послѣ кораблекрушенія у шотландскаго берега. По моему мнѣнію, Бесту принадлежитъ сочиненіе одной анонимной записки, напечатанной у Гаклюйта. Эта статья содержитъ въ себѣ описаніе путешествія Непеи и его англійскихъ спутниковъ отъ Никольскаго монастыря въ Москву, также многихъ церемоніальныхъ пріемовъ и обѣдовъ у царя и поѣздки Беста въ богатую Троицко-Сергіеву Лавру; далѣе, заключенія о самомъ царѣ, объ обрядахъ освященія воды и въ вербное воскресенье въ Москвѣ, о крещеніи, бракѣ и погребеніи въ Россіи вообще, и наконецъ изображеніе артиллерійскихъ экзерцицій, которыя тогда каждый годъ бывали въ Москвѣ. Такъ какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то на эти свѣдѣнія мало обращали вниманія, и потому я сообщаю здѣсь нѣкоторыя въ извлеченіи. Слово: царь онъ пишетъ для своихъ соотечественниковъ: Otesare, и говоритъ: «это слово, по объясненію нынѣшнихъ толмачей его величества, значитъ: императоръ, и, стало быть, онъ называется нынѣ императоромъ и великимъ княземъ». Враги, которыхъ у него не мало, боятся его не меньше, чѣмъ жаворонки (larks) сокола (the hobbie, Falco subbuteo)... Я думаю, въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ государя, котораго его подданные, дворянскаго и простаго сословія, боялись бы больше и вмѣстѣ съ тѣмъ больше любили... Онъ не очень любитъ соколиную и псовую охоту и другія забавы, ни инструменты или музыку; но находитъ для себя благороднѣйшее наслажденіе въ двухъ вещахъ: во первыхъ, въ богослуженіи — онъ, безспорно, очень усерденъ въ своей вѣрѣ — и во-вторыхъ, какъ бы покорить и завоевать своихъ непріятелей». Такъ описывалъ Англичанинъ царя Іоанна Васильевича въ 1558 году. На стѣнахъ Троицкаго монастыря Бестъ нашелъ пушки (it is walled about withe brick very strongly like a castle and much ordinance of brasse upon the walls of the same), и въ десяти погребахъ огромныя бочки (of an unmeasurable bigness and sise; they conteine six or seven

tunne a piece). Всякую зиму въ Москвѣ бывали пробы огнестрѣльнаго оружія. Тяжелыя орудія привозили на назначенное къ тому мѣсто и стрѣляли въ деревянные дома, нарочно для того построенные и наполненные землею. Изъ ружей стрѣляли въ ледяныя глыбы въ шесть футовъ вышины и два фута толщины, которыя ставились въ рядъ длиною около четверти мили. При такихъ опытахъ стрѣльбы Бестъ, вѣроятно, со Стэндишемъ и другими прибывшими тогда въ Москву Англичанами, былъ 12 декабря 1557 г. Царь Іоаннъ Васильевичъ пріѣхалъ туда верхомъ. На головѣ у него была красная шапка, унизанная жемчугомъ и дорогими каменьями, платье было изъ матеріи съ роскошно-вытканными цвѣтами. Бояре и другіе дворяне, въ парчевыхъ одеждахъ, ѣхали впереди его по трое въ рядъ, а въ головѣ поѣзда шло пять тысячъ пищальниковъ, по пяти въ рядъ, каждый съ пищалью на лѣвомъ плечѣ и съ фителемъ въ правой рукѣ. Для пищальниковъ были построены прямо противъ ледяныхъ глыбъ, на разстояніи около 25 саженъ, невысокіе подмостки, на которые они и помѣстились[1]). Когда царь занялъ назначенное ему мѣсто, пищальники начали стрѣлять въ ледъ и продолжали до тѣхъ поръ, пока глыбы не были совсѣмъ разбиты. Потомъ палили изъ мортиръ, затѣмъ изъ тяжелыхъ орудій разбивали дома ядрами. Начинали съ орудій меньшаго калибра и оканчивали самыми большими: это повторено трижды [2]). Кстати замѣчу, что между первымъ и вторымъ пріѣздомъ Чанслера въ Москву от-

---

[1]) The Emperors Majestie and all his nobility came into the field on horsebacke, in most goodly order, having very fine Jennets and Turkie horses garnished' with gold and silver abundantly. The Emperors Majestie having on him a gowne of riche tissue, and a cape of skarlet on his head, set not only with pearles, but also with a great number of rich and costly stones. His noble men were all in gownes of cloth and gold which did ride before him in good order by three and three, and before them there went 5000 harquebusiers, which went by five and five in a rank in very good order, every (one) of them carying his gun upon his left shoulder, and his match in his right hand, and in this order they marched into the field where the ordinance was planted.

[2]) They have faire ordinance of brasse of all sorts, bases, faulcons, minions-sakers, culverings, cannons double and royall, basiliskes long and large, they have six great pieces whose shot is a yard of height, which shot a man may easily discerne as they flee: they have also a great many of morter pieces or potguns, out of which pieces they shoot wild fire.

лита здѣсь, въ сентябрѣ 1554 г., пушка, которая вѣсила 1,200 пудовъ и имѣла отверзтіе въ 15 вершковъ въ поперечникѣ. Въ вылитомъ на ней титулѣ царя Казань значится между Новгородомъ и Псковомъ. Другая пушка была только-что сдѣлана предъ вторымъ пріѣздомъ Чанслера, именно въ сентябрѣ 1555 г. Вѣсу въ ней было 1,020 пудовъ; ея отверзтіе въ 14 вершковъ въ поперечникѣ. Въ царскомъ титулѣ на ней Астрахань стоитъ между Казанью и Псковомъ. Странно, что Чанслеръ разсказываетъ о завоеваніи Астрахани уже по возвращеніи своемъ въ Лондонъ изъ перваго путешествія въ Москву въ 1554 г. Эденъ, въ своемъ переводѣ «Декадъ» Петра Мартира, изданномъ 1555 г., говоритъ: «Въ бытность Ричарда Чанслера въ Москвѣ (1553—1554), царствующій нынѣ великій князь Джонъ Васильичъ покорилъ всѣхъ Татаръ съ ихъ странами и областями даже до великаго и торговаго города Астрахани и Каспійскаго моря». Чанслеръ разумѣлъ, должно быть, предварительное покореніе Астрахани въ 1552 году; о самомъ же взятіи города Астрахани Іоаннъ Васильевичъ получилъ извѣстіе лишь 29 августа 1554 г., а Чанслеръ былъ въ Москвѣ еще въ мартѣ, въ концѣ же августа, по всей вѣроятности, отплылъ уже изъ устья Двины въ Англію. Можно бы еще сослаться на то, что о Чанслерѣ нерѣдко говорятъ, будто онъ трижды пріѣзжалъ въ Россію; это говорится даже въ царской грамотѣ 1570 г. Еслибъ онъ дѣйствительно отъѣзжалъ на короткое время въ Англію какъ-нибудь зимою 1555—1556 года, то все-же книга Эдена тогда была уже напечатана.

Бестъ описываетъ царскую корону, которую ему показывали, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями и нарядами, предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы (14 апрѣля 1558 г.). «Корона его величества» — говоритъ онъ — «съуживается къ верху, весьма изящно сдѣланному (изъ золота), обильно украшена богатыми и дорогими каменьями, между которыми одинъ есть рубинъ, утвержденный на ладонь выше маковки на тонкой проволокѣ; онъ величиною съ хорошій бобъ; корона подбита прекраснымъ чернымъ соболемъ, стоящимъ, какъ говорятъ, сорокъ рублей». О царскомъ скипетрѣ Бестъ говоритъ: «скипетръ работы золотокованной, хорошо убранъ богатыми дра-

гопѣнными каменьями.» Генрихъ Ленъ разсказываетъ, что одинъ Англичанинъ, ревностный патріотъ (a strong willing englishman) за интересы англійской компаніи, вызвался въ 1560 г. итти съ вышеупомянутыми русскими купцами (Шираемъ Костромицкимъ и др.) на законный кулачный поединокъ. Они отправили чрезъ нее въ Англію русскія произведенія и требовали за нихъ больше, чѣмъ приходилось имъ по счету, составленному агентомъ Леномъ. Вызовъ Беста не былъ принятъ русскими купцами и дѣло рѣшено потомъ жеребьемъ. У меня есть копія письма королевы Елизаветы отъ 21 апрѣля 1565 г. къ доктору Алберту Кнопперу, совѣтнику короля датскаго Фридриха II, которымъ она проситъ его, въ случаѣ нужды, оказать помощь Роберту Бесту и Вильяму Роулею, которые тогда были отправлены Россійскою компаніею въ Нарву съ грузомъ суконъ. Копію письма отъ 24 янв. 1571, привезеннаго Робертомъ Бестомъ, я нашелъ въ публичной библіотекѣ въ Кембриджѣ. Въ немъ Бестъ не названъ по имени. Королева говоритъ: De his singulis caeterisque rebus serenitatem vestram magis certiorem facere poterit is qui has praefert (объ этомъ и о прочемъ можетъ обстоятельнѣе доложить вашей свѣтлости податель сего письма). Въ письмѣ къ шведскому королю Іоанну, которымъ снабженъ былъ Бестъ, онъ не названъ по имени, но означенъ только словами: praesens hic nuncius. Впослѣдствіи, именно въ началѣ 1571 года, Бестъ былъ посыланъ королевою Елизаветою съ письмомъ къ царю Іоанну Васильевичу, который, какъ увидимъ, тогда не очень былъ расположенъ къ королевѣ за то, что не получилъ отъ нея отвѣта на откровенныя объясненія, переданныя ей еще въ 1567 году чрезъ Дженкинсона. Негодуя на то, онъ отнялъ въ 1570 г. у англійской компаніи ея привилегіи. Объ этомъ тотчасъ дано извѣстіе въ Лондонъ и директоры компаніи сдѣлали королевѣ представленіе, въ слѣдствіе чего Робертъ Бестъ немедленно долженъ былъ уѣхать изъ Россіи черезъ Швецію. Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ королевѣ не раньше, какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пожара Москвы, изъ Александровской слободы въ августѣ 1571. Изъ этого письма видно между прочимъ, что онъ самъ говаривалъ съ Робертомъ (Бестомъ). Въ англійскомъ пере-

водѣ читается: having asked your ambassador Robert he hath spoken unto us by the same words that were wrytten in your letter and we have caused annswere to be gyven unto hym upon his talke accordinge, as we have wrytten unto you in our letter. Дальнѣйшія подробности будутъ на своемъ мѣстѣ.

Томасъ Гаутри былъ нѣкоторое время агентомъ компаніи въ Вологдѣ. Въ Англіи мнѣ случалось встрѣчать нѣкоторыя напоминанія объ немъ. Въ библіотекѣ Троицкой коллегіи (Trinity college) я нашелъ рукописную книжечку, принадлежавшую этому Гаутри въ Вологдѣ. Она содержитъ: 1) *Начало ученія дѣтямъ и* 2) Nauka krótka ku czytaniu pisma polskiego. Рукою Гаутри подписано: Thomas Hawthree of London mar channt of the Moscowia. Потомъ другою рукою: So sayeth the worthie merchant of the Winchcombe with the winching paynted spoons and brass cups. Это одна изъ книгъ, значащихся въ Catalogus librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae (1697) за № 626, подъ заглавіемъ: 3 Books in the Russian language. Между рукописями Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ я нашелъ книжку, подъ заглавіемъ: *Сказанія книгъ дѣяній апостольскихъ написана Лукою Еванѓелистомъ.* Здѣсь Гаутри подписалъ (разумѣется, по Англійски): *Эта книга стоитъ одинъ рубль одинъ алтынъ и двѣ д(енги); писана въ Холмогорахъ, переплетена въ Вологдѣ 7 ноября 1557 года.* Эта книжка подарена Оксфордской библіотекѣ лейбъ-медикомъ Елизаветы, докторомъ Лансело (Lancelot) Броуномъ. Въ упомянутомъ каталогѣ она стоитъ за № 2903, подъ заглавіемъ: Liber lingua Russica seu Moscovitica MS. Такъ какъ Гаутри вскорѣ послѣ 1557 года пріѣзжалъ въ Англію, то, вѣроятно, онъ въ то время оставилъ эти книжки своимъ друзьямъ и знакомымъ на память. Въ 1560 г. онъ опять пріѣхалъ въ Россію. Въ 1567 году онъ, вмѣстѣ съ Дженкинсономъ, скрѣпилъ своею подписью переводъ испрошенныхъ тогда привилегій, сдѣланный Раффомъ Руттеромъ (Raffe Rutter); черезъ годъ послѣ того, въ 1568, онъ названъ въ письмѣ королевы Елизаветы къ царю отъ 16 сентября въ числѣ тѣхъ, которые отъ имени компаніи торгуютъ въ свою пользу. Въ томъ-же числѣ поименованъ и Николай Чанслеръ (единственный сынъ Ричарда Чанслера). Въ Ашмолевомъ музеѣ въ

Оксфордѣ я нашемъ еще нѣсколько замѣтокъ, писанныхъ въ Холмогорахъ, въ 1557 г. По разсказу Третьяка Афнутія Собойлова (Trytiak Afnuti of Coboylove), вода въ Переяславскомъ озерѣ 16 мая (1557) три раза прибывала, вслѣдствіе чего совершенъ былъ крестный ходъ и проч. 13 іюня въ Холмогорахъ при сильномъ жарѣ свирѣпствовала страшная буря. Она разразилась въ разныхъ мѣстахъ, произвела пожаръ и побила людей въ слободѣ и въ царскомъ насадѣ (in a nosad of themperors) и т. д. Я упоминаю объ этомъ потому, что случайно мы имѣемъ свѣдѣніе о состояніи погоды въ то-же самое время на 2° 34′ дальше къ сѣверу, у восточнаго края лапландскаго берега, у Трехъ Острововъ. Стефенъ Борро, бывшій тогда съ братомъ своимъ Вильямомъ въ экспедиціи для отысканія кораблей: Confidentia, Esperanza и Philipp and Mary, не пришедшихъ въ Англію, пишетъ въ своемъ журналѣ, что 10 іюня вечеромъ у мыса Орлова (который онъ называетъ Cap Race), при бурѣ съ сѣвера, послѣ сильнаго тумана сдѣлалось такъ холодно, что паруса и канаты обледенѣли, и слава Богу, что они могли добраться до Трехъ Острововъ, бывшихъ за двѣ мили отъ нихъ къ югу, и стали тамъ на якорѣ. Буря и холодъ были не только до 13 числа, въ которое въ Архангельскѣ былъ сильный зной, но продолжались до 16 іюня: по причинѣ накопившагося льда Борро нашелъ возможность отплыть только на слѣдующій день.

Извѣстно также имя Ричарда Джодда (Judde), вѣроятно, родственника серу Андрею Джодду, дѣятельному члену компаніи въ Лондонѣ.

Кромѣ поименованныхъ агентовъ, въ первый разъ уже съ Чанслеромъ пріѣхали въ Россію слѣдующія лица: а) Артуръ Эдуардсъ, купецъ, ѣздившій черезъ Россію въ Персію сперва въ 1565 г. съ Ричардомъ Джонсономъ и потомъ въ 1579; въ этомъ-же году онъ кончилъ свою жизнь въ Астрахани. б) Ричардъ Джонсонъ. Въ 1556 г. онъ совершилъ, говорятъ, поѣздку на Вайгачъ съ Борро. Въ началѣ 1557 онъ былъ у Самоѣдовъ, а въ началѣ 1558 въ Новгородѣ. Въ тотъ же годъ онъ ѣздилъ съ Дженкинсономъ въ Бухарію, а послѣ, въ 1565, былъ начальникомъ третьей экспедиціи въ Персію.

в) Джонъ Седжвикъ, закупавшій 1557—1558 ленъ и коноплю въ Новгородѣ. Онъ платилъ полтора рубля за берковецъ конопли, а за бѣлый ленъ — три рубля. Въ Вологдѣ конопля стоила два съ полтиной — за берковецъ. г) Эдуардъ Прайсъ, если это имя то-же, что Пасси, какъ замѣчено выше (стр. 24, прим. 1).

Кромѣ Эдуарда Бонавентуры, былъ еще посланъ изъ Лондона корабль: «Филиппъ и Марія», подъ командою капитана Джона Гоулета (Howlet). На этомъ кораблѣ находился Джонъ Брукъ (Brooke), которому поручено было изслѣдовать, нельзя ли въ Вардэгусѣ основать пунктъ для англійской торговли. Прибылъ ли этотъ корабль въ устье Двины, нигдѣ опредѣленно не говорится. А Эдуардъ вошелъ въ нее 23 іюня. Его грузъ былъ перевезенъ на судахъ, нанятыхъ въ Холмогорахъ, въ Вологду, куда они прибыли 11 сентября. Часть Англичанъ должна была остановиться здѣсь, а Чанслеръ отправился въ Москву, куда и прибылъ 4 октября. Киллингвортъ пишетъ, что онъ, Чанслеръ, Ленъ, Прайсъ и Бестъ пріѣхали въ Москву въ одно время. Но Ленъ вмѣсто двухъ послѣднихъ называетъ Эдуардса. Я нашелъ еще письмо Гудсона отъ 7 ноября 1555 г. изъ Ярославля. Онъ пишетъ, что въ этотъ день было на рынкѣ до трехъ тысячъ осетровъ (sturgeons) и одного онъ купилъ за семь алтынъ. Въ Данцигѣ онъ платилъ за осетра худшаго качества девять марокъ: это былъ, конечно, Acipenser Sturio *Linn.*, а наши были большею частію, безъ сомнѣнія, Acipenser Güldenstädtii *Brandt.*

Дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый пригласилъ главныя лица къ себѣ на домъ, принялъ очень вѣжливо, спросилъ у нихъ королевскую грамоту для предварительнаго просмотра, назначилъ имъ помѣщеніе и содержаніе и исходатайствовалъ на 10 октября аудіенцію, на которой они поднесли царю письмо Филиппа и Маріи. Отправленные царю дары*) еще не были привезены и только объявлены. Отправка была поручена

*) Сахаръ и «Hollocke» (?). Послѣднее впрочемъ не удалось привезти въ Москву: сани, на которыхъ везли его, дорогою опрокинулись и бочка разбилась.

одному дворянину въ Вологдѣ (можетъ-быть Непѣѣ). Въ 1555 г. зима стала очень поздно; погода была такая теплая, какой не помнили самые долговѣчные старожилы. Потому дорога въ ноябрѣ была еще очень плоха и англійскіе товары должны были долго лежать въ Вологдѣ. Киллингвортъ пишетъ, что царь каждому изъ нихъ подавалъ руку, а по словамъ Лена, онъ допускалъ ихъ къ рукѣ. Послѣ аудіенціи Англичане приглашены были къ обѣду, на которомъ былъ митрополитъ Макарій. Ихъ называли «корабельными гостями» и посадили за столомъ насупротивъ царя, который потчивалъ ихъ разными кушаньями и напитками, называя каждаго по имени (а не по фамиліи). Послѣ обѣда царь подозвалъ ихъ къ себѣ и угощалъ напитками. При этомъ случаѣ онъ любовался прекрасной, густой и окладистой бѣлокурой бородой Киллингворта, которая, по свидѣтельству Лена, была въ два фута и два дюйма длиною. Царь указалъ на нее митрополиту Макарію, и тотъ замѣтилъ, что это «Божій даръ». Въ наше время довольно странно слышать, что въ Москвѣ удивлялись бородѣ Англичанина. Герберштейна на аудіенціи въ 1527 г. великій князь Василій Іоанновичъ, обрившій себѣ бороду по вступленіи во второй бракъ, спросилъ: брилъ ли онъ когда нибудь свою бороду. Герберштейнъ понялъ и тотчасъ отвѣтилъ: «брилъ».

О грамотѣ Филиппа и Маріи въ архивской лѣтописи говорится: «въ грамотахъ писалъ (цѣсарѣва Карлусова сынъ аглинскій Филипъ король и его королева Марія) ко царю и великому князю съ великою любовію и похвалою и царемъ его благочестивымъ нарѣцая во многихъ государствахъ и челомъ бьетъ испрошеніемъ о всякой добре». Царь хорошо принялъ эту грамоту, и Чанслеръ съ Килингвортомъ принялись обдумывать мѣры, чтобы утвердить англійскую торговлю въ Россіи на твердомъ основаніи и получить обширнѣйшія торговыя привилегіи, въ чемъ имъ радушно содѣйствовали возведенный тогда въ окольничіе Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ и еще болѣе дьякъ Висковатый. У послѣдняго нерѣдко бывали для разсужденія объ этомъ дѣлѣ собранія, на которыхъ присутствовали и русскіе купцы. Найдено нужнымъ тотчасъ основать факторіи въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ.

Обыкновенно думаютъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ, въ слѣдствіе ходатайства Чанслера и Киллингворта, въ 1555 и 1556 гг. подтвердилъ новымъ документомъ прежнія привилегіи Англичанъ на свободную торговлю безъ таможни и пошлинъ, и даровалъ многія личныя преимущества. Но положительнаго доказательства на это не имѣется. Я не могъ найти оригинала царской привилегіи 1555 или 1556 года. Что же выдаютъ за привилегію, дарованную лондонской компаніи въ 1555 г. и что въ такомъ значеніи выставлено у Гаклейта, то, очевидно, надобно считать только проектомъ или предложеніемъ, написаннымъ Англичанами. Дѣйствительно, въ письмѣ отъ 27 ноября 1555 г., отправленномъ при содѣйствіи Висковатаго чрезъ Данцигъ въ Лондонъ, Киллингвортъ говоритъ: «Италіянцы совѣтовали намъ остерегаться того, кому мы поручили сдѣлать копію съ привилегій, которыя мы желали бы имѣть, чтобы на русскомъ языкѣ не было написано иначе, чѣмъ у насъ. Такимъ образомъ сперва Русскій написалъ намъ сокращенное изложеніе для царя, въ которомъ было сказано, что мы желаемъ рѣшительныхъ привилегій; дьякъ, посмотрѣвъ это изложеніе, представилъ его царю, и когда мы опять явились къ нему, его величество (his grace) приказалъ намъ самимъ написать наши мысли, а онъ посмотритъ; такъ мы и сдѣлали. Но его величество такъ озабоченъ приготовленіями къ войнѣ, что мы не имѣемъ еще никакого отвѣта». Ниже онъ, намекая на привилегію, изъявляетъ только надежду вскорѣ получить ее [1]).

Преимущества, изложенныя въ запискѣ, почитаемой за оффиціальную привилегію, значительны. О свободѣ торговли въ ней говорится: «Мы даруемъ полную волю и право производить всякаго рода торговлю свободно и покойно безъ всякаго стѣсненія, препятствія, пошлинъ, налоговъ, стѣснительныхъ формъ, и т. д. [2]).

[1]) If wee were dispatched heere of that we tary for, as I doubt not but we shalbe shortly (you know what I meane) then as soon as we have made sale, I doe intend to goe to Novogrode and to Plesko, whence all the great number of the best tow flaxe cometh и т. д.

[2]) Without any restraint, impeachment, price, exaction, prest, straight costume, toll, imposition or subsidie to be demanded, taxed or paid, or at ony time hereafter to be demanded, taxed, set, levied or interred upon them и. т. д.

III. ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ.

Третья экспедиція Англичанъ въ Россію и неудачная попытка на дальнѣйшее сѣверо-восточное плаваніе. — Русскій лоцманъ на англійскомъ суднѣ. — Возвращеніе англійскихъ кораблей изъ Бѣлаго моря и отправленіе дворянина Осипа Непѣи въ Лондонъ (1556). — Кораблекрушеніе у шотландскаго берега: гибель Чанслера и нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты Непѣи. — Экспедиція Ст. Борро для развѣдокъ объ отплывшихъ корабляхъ. — Затруднительное положеніе Непѣи въ Шотландіи, и мѣры, принятыя англійскою королевою. — Встрѣча и пребываніе Непѣи въ Лондонѣ. — Пріемъ при дворѣ. — Банкетъ, данный Россійскою компаніею въ честь Непѣи. — Грамота Филиппа и Маріи къ Іоанну В. — Возвращеніе Непѣи и прибытіе Дженкинсона съ мастеровыми и торговыми людьми (1557).

—

Согласно инструкціи, данной лондонскою компаніею, «Эдуардъ Бонавентура», подъ начальствомъ Джона Бокленда, возвратился въ Англію лѣтомъ 1555 года. Если прахъ Уилльби былъ перевезенъ на родину, то всего скорѣе это могло быть теперь. Въ слѣдующую весну, именно въ концѣ апрѣля 1556 г., этотъ корабль опять былъ отправленъ въ Россію, съ товарами и съ новымъ экипажемъ для кораблей Уилльби: «Bona Esperanza» и «Bona Confidentia» (и опять на погибель!). Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ корабль «Philipp and Mary», въ прошломъ же году возвратившійся въ Англію. Тѣ два корабля, бывъ снабжены у о. Нокуева новымъ экипажемъ, приведены были къ устью Двины.

Джонъ Боклендъ былъ капитаномъ «Эдуарда», а Стефену Борро велѣно просто ѣхать съ нимъ до Вардэгуса. Оттуда «Эдуардъ» съ Боклендомъ долженъ былъ продолжать плаваніе, а Борро поручено, на данномъ ему для этой цѣли суднѣ (Pinasse), предпринять путешествіе на востокъ, для открытія путей, и достигнуть по крайней мѣрѣ Оби.

Въ этой экспедиціи, снаряженной Каботомъ совокупно съ обществомъ, теперь уже сформировавшимся и привилегированнымъ, Стефена Борро сопровождалъ младшій братъ его, Вильямъ, который участвовалъ уже въ экспедиціи 1553 года, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, и въ послѣдствіи также пріобрѣлъ извѣстность въ Англійскомъ мореходствѣ, и какъ братъ его Стефенъ *).

Съ нимъ отправилось еще восемь особъ. Если въ числѣ ихъ былъ Ричардъ Джонсонъ, то надо полагать, что онъ возвратился въ Лондонъ зимою 1555 — 1556 г.

9 іюня Стефенъ Борро вошелъ на суднѣ Searchthrift не далеко въ Кольскій заливъ, который онъ называетъ рѣкою Колой. Здѣсь онъ починивалъ свое судно, а потомъ, и по уходѣ, принужденъ былъ противными вѣтрами опять воротиться туда

---

*) Прежде они писали свою фамилію: Abourough. Вильямъ привезъ къ намъ въ 1566 г. Дженкинсона (см. ниже). Съ ними же позднѣе прибылъ на Двину англійскій посланникъ Томасъ Рандольфъ съ своею многочисленною свитой. Я видѣлъ инструкцію, собственноручно написанную Вильямомъ Борро для Джемса Басендина (иначе Bassington), Джемса Вудкока (Woodkocke) и Ричарда Броуна, которымъ поручено было совершить въ 1569 г. путешествіе для розысковъ на востокъ отъ Печоры. Гаклейтъ ошибочно ставитъ подъ этой инструкціей 1 августа 1588: вмѣсто этого года долженъ стоять 1568. Въ 1570 году, какъ уже сказано выше, онъ велъ тринадцать купеческихъ кораблей въ Нарву и на пути взялъ нѣсколько корсарскихъ кораблей. Аделунгъ ошибочно говоритъ, что при этомъ былъ Христофоръ Годсдонъ. Въ 1574 и 1575 Вильямъ Борро былъ агентомъ компаніи въ Россіи. Онъ ѣздилъ отъ Никольской пристани въ Москву, отсюда въ Нарву, потомъ обратно къ Никольскому монастырю и составилъ карту Россіи, посвященную имъ королевѣ Елизаветѣ. Въ посвященіи онъ говоритъ: «Каждое мѣсто поставлено въ настоящей долготѣ и широтѣ, какъ до-сихъ-поръ никто еще не дѣлалъ». Вильямъ Борро, бывавшій и во Франціи въ Рошелѣ, во многихъ случаяхъ давалъ совѣты Россійской компаніи, по ея желанію, на пр. 1576, о торговлѣ съ Нарвой и Колой, равно и съ другими мѣстами лапландскаго поморья, о наилучшемъ времени отправленія кораблей въ Никольскую пристань. Когда въ 1580 году Петъ и Джекманъ предприняли путешествіе въ Китай, онъ составилъ для нихъ инструкцію. Въ англійскомъ морскомъ управленіи онъ занималъ мѣсто контролера (Comptroller of the Navy). Сынъ Стефена Борро, Христофоръ ѣздилъ въ 1579 — 1581 гг. съ Артуромъ Эдуардсомъ и съ 21 другихъ лицъ черезъ Астрахань (гдѣ Эдуардсъ умеръ) въ Персію. Въ 1584 онъ возвратился въ Англію. Въ 1587 г. къ его мнѣнію прибѣгала Muscovia Company во время раздоровъ между ея агентами.

и пробыть до 22 іюня: въ это время вблизи его судна собралось множество людей, отправлявшихся на моржовый промыселъ и на ловъ лососей въ море противъ устья Печоры. Вмѣстѣ съ ними и онъ вышелъ изъ Кольскаго залива.

Путешествіе Борро на Вайгачъ *) довольно извѣстно и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на его описаніи; но я не могу не замолвить слова въ оправданіе одного честнаго русскаго моряка того времени, на котораго недавно наведенъ ложный свѣтъ по ошибкѣ отъ недостаточнаго знанія русскаго языка, въ Эрмановомъ нѣмецкомъ переводѣ превосходной книги адмирала Литке. Въ числѣ мореходовъ, съ которыми Борро познакомился во время своей стоянки въ Кольскомъ заливѣ, былъ нѣкто, по имени Гаврила, изъ духовнаго званія, который, нанявшись къ нему въ лоцмана, по русскому добродушію, старался услуживать чужестранцу всѣми мѣрами, и дѣйствительно былъ для него существенно полезенъ. Борро говоритъ о нашемъ Гаврилѣ на многихъ страницахъ своего путеваго журнала, воздавая ему полную справедливость. Адмиралъ Литке, совокупляя все это въ одинъ взглядъ, говоритъ: «Борро не могъ нахвалиться услужливостью сего Гаврилы». А въ переводѣ Эрмана вышло: «не могъ похвалиться (или точнѣе: «Борро не очень былъ доволенъ услужливостью Гаврилы» hatte sich der Dienstfertigkeit dieses Gawrilo nicht sehr zu erfreuen).

Побывавъ не только на Вайгачѣ, но достигнувъ даже береговъ Новой-Земли, Стефенъ Борро 22 августа принужденъ былъ отказаться итти далѣе и 11 сентября возвратился въ Холмогоры, откладывая попытку достигнуть Оби до весны 1557 года. Мы увидимъ, почему онъ не исполнилъ этого намѣренія.

Ричардъ Джонсонъ, который, какъ полагаютъ, сопутствовалъ Борро въ этой экспедиціи, въ началѣ 1557 года былъ у Самоѣдовъ и впослѣдствіи описалъ мнимыя ихъ чародѣйства. Онъ сообщилъ также нѣкоторыя географическія свѣдѣнія: такъ

---

*) Онъ составилъ карту этого путешествія, которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла. Въ Англіи я встрѣтилъ только бѣглый очеркъ положенія Вайгача наскоро набросанный его рукою, и не преминулъ скопировать его.

наприм. онъ говоритъ: «На востокѣ-сѣверовостокѣ Россіи лежитъ Лампожня, гдѣ Русскіе, Татары и Самоѣды съѣзжаются дважды въ годъ и промѣниваютъ товары на товары. Къ сѣверовостоку отъ Лампожни лежитъ страна Самоѣдовъ, по рѣкѣ Печорѣ. А къ сѣверовостоку отъ рѣки Печоры лежитъ Вайгачъ. Противъ Вайгача лежитъ страна, называемая Новою Землею, которая велика, но мы вовсе не видали народа, а видѣли бѣлыхъ лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей: тамъ мы довольно потерпѣли». Изъ этихъ словъ видно, что онъ дѣйствительно былъ тамъ.

Въ іюлѣ 1556 года при устьѣ Двины стояли на якорѣ вышеупомянутые нами четыре англійскіе корабля. Именно: Эдуардъ Бонавентура и Philipp and Mary только-что прибыли изъ Англіи, а Bona Esperanza и Bona Confidentia снабжены новой прислугой въ Нокуевскомъ заливѣ.

2 августа всѣ четыре корабля вмѣстѣ отплыли въ Англію. На Эдуардѣ Бонавентурѣ, подъ управленіемъ Джона Бокленда, находился, вмѣстѣ съ Ричардомъ Чанслеромъ и его сыномъ, вологодскій дворянинъ Осипъ Григорьевичъ Непѣя *), отправленный (въ первый разъ) посланникомъ отъ царя Іоанна Васильевича къ Филиппу и Маріи, со свитой изъ шестнадцати человѣкъ Русскихъ: царь отпустилъ его изъ Москвы еще 25 марта. Купеческій прикащикъ Робертъ Бестъ служилъ ему толмачомъ. На Эсперанцѣ ѣхали два холмогорскіе купца, вышеупомянутый градской голова Фофанъ Макаровъ и Михаило Григорьевъ съ восемью Русскихъ, чтобы завести прямыя торговыя связи съ Англіей. На Эдуардѣ Бонавентурѣ было нагружено русскихъ товаровъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Непѣѣ и помянутымъ двумъ холмогорскимъ купцамъ, на двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, на Эсперанцѣ — на шесть тысячъ. Какъ Эсперанца, такъ и Конфиденція и Philipp and Mary были въ Сѣверномъ морѣ прибиты бурею къ Норвежскому берегу у Дронтгейма. Тамъ Конфиденція, на кото-

*) А не Неѣловъ, какъ пишетъ Полевой. Онъ избранъ былъ въ посольство, вѣроятно, потому, что въ Вологдѣ предположено было основать англійскій торговый домъ.

рой въ 1553—1554 погибъ весь экипажъ отъ холода, разбилась о камень и погибла со всѣмъ грузомъ и экипажемъ. Объ Эсперанцѣ, на которой Ю Уилльби погибъ съ своими спутниками, а теперь плыло десять человѣкъ Русскихъ, кромѣ четырнадцати Англичанъ, никогда не могли узнать, гдѣ этотъ корабль, по уходѣ изъ Дронтгеймскаго Фіорда, потерпѣлъ кораблекрушеніе, и мы не можемъ даже приблизительно указать мѣсто, гдѣ поглощены были океаномъ русскіе купцы, въ первый разъ хотѣвшіе побывать въ Лондонѣ.

Эдуардъ Бонавентура, послѣ долгаго странствованія по прихоти вѣтровъ, былъ наконецъ прибитъ къ шотландскому берегу и 10 ноября бросилъ якорь въ бухтѣ при Питслиго у сѣвернаго берега Эбердиншира. Ночью якорь не выдержалъ и корабль разбился, при чемъ Ричардъ Чанслеръ съ своимъ сыномъ и семью Русскими изъ свиты Непѣи, пустившіеся къ берегу на ботѣ, потонули; но посланникъ какимъ-то чудомъ спасся. Капитанъ корабля, Джонъ Боклендъ, равно и Робертъ Бестъ, толмачъ Непѣи, также избѣжали гибели. Почти весь грузъ, въ томъ числѣ и подарки царя королю и королевѣ — прекрасный соколъ съ охотничьими снарядами и дорогой мѣхъ — погибли; всего же болѣе достойна сожалѣнія утрата свѣдѣній, которыя Чанслеръ и его спутники собрали о нашемъ отечествѣ съ іюня 1555 до августа 1556 года.

Такъ кончили свое поприще первые три корабля, посланные въ 1553 г. изъ Англіи: два изъ нихъ, на которыхъ весь экипажъ погибъ отъ холода въ Нокуевской Губѣ, были поглощены океаномъ; съ третьяго едва спаслась только часть людей. Корабли, вмерзавшіе зимою, вѣроятно, сильно страдали отъ того, что ихъ не очищали отъ льда. По предложенію Кабота передъ отъѣздомъ, ихъ обшили свинцомъ, чтобы предотвратить вредное дѣйствіе морской воды. Это были первые корабли, обшитые такимъ образомъ въ Англіи; но въ Испаніи это дѣлалось уже прежде.

Philipp and Mary зимовалъ въ гавани у Дронтгейма. Онъ прибылъ въ Темзу 18 апрѣля 1557 года, когда его считали давно погибшимъ.

Въ декабрѣ 1556 года о судьбѣ Эдуарда Бонавентуры

дано знать въ Лондонъ черезъ письма; но о трехъ другихъ кораблях, вышедшихъ изъ устья Двины 2 августа, не было никакихъ слуховъ. Объ этомъ, вѣроятно, дано было знать зимою въ Холмогоры, вслѣдствіе чего Стефенъ Борро весною 1557 года пустился на поиски ихъ по берегамъ Лапландіи, и вотъ почему не состоялась вторая его экспедиція за Новую Землю къ рѣкѣ Оби.

Надобно замѣтить, что эти поиски отнюдь не были возложены на Стефена Борро изъ Лондона. Напротивъ того, директоры компаніи писали въ маѣ 1557 года, чтобы онъ во всякомъ случаѣ предпринялъ плаваніе къ Оби. «Мы узнали» — говорится въ этомъ письмѣ — «что Стефенъ Борро воротился съ Searchthrift изъ своего путешествія для открытій, и зимуетъ въ Холмогорахъ, намѣреваясь въ будущемъ іюнѣ отплыть для поисковъ рѣки Оби. Молимъ Бога о помощи ему и надѣемся имѣть отъ него въ этотъ годъ добрыя вѣсти... Желаемъ, чтобы Стефенъ Борро продолжалъ свое путешествіе для открытій.» Но, послѣ прошлогодняго опыта, Борро какъ будто потерялъ охоту еще разъ отважиться на восточное путешествіе. Въ 1560 году онъ управлялъ однимъ изъ трехъ кораблей (по имени Swallow), отправленныхъ на Двину изъ Темзы. Артуръ Петъ былъ тогда капитаномъ корабля Jesus. При этомъ случаѣ прибылъ въ Россію Николай Чанслеръ, единственный сынъ погибшаго Ричарда Чанслера. О плаваніи Борро на Двину въ 1569 г. было уже упомянуто. Въ Англіи онъ былъ однимъ изъ надзирателей надъ кораблями въ Medway Water, гдѣ въ числѣ другихъ мѣстностей находится Чатамъ.

23 мая 1557 года, Стефенъ Борро, опять въ сопровожденіи своего брата Вильяма, вышелъ на суднѣ Searchthrift изъ Холмогоръ въ море, плылъ отъ Святаго Носа близъ лапландскихъ береговъ и 28 іюня достигъ Вардегусской бухты, не видавъ никакого слѣда отыскиваемыхъ кораблей и не получивъ никакого объ нихъ слуха. На возвратномъ пути сильный противный вѣтеръ принудилъ его зайти въ заливъ у западной оконечности полуострова Рыбачьяго. Здѣсь нашелъ онъ судно изъ Дронтгейма и узналъ отъ его владѣльца, сына тамошняго бургомистра, о несчастіи, постигшемъ корабль Bona Confidentia. На

этомъ суднѣ были паруса, выброшенные съ мачтою на берегъ въ Дронтгеймскомъ Фіордѣ. Ему сказали еще, что Philipp and Mary зимовалъ у Дронтгейма и въ мартѣ отправился въ Англію, куда и прибылъ, какъ мы видѣли, благополучно (18 апрѣля).

Непѣя, послѣ кораблекрушенія въ Шотландіи, долженъ былъ бороться съ большими непріятностями. Толмачъ его, Бестъ, конечно, былъ ему весьма полезенъ. Когда 3 декабря извѣстіе о бѣдствіи корабля получено было компаніей, объ этомъ донесено было королевѣ Маріи. Королева (ея супругъ былъ тогда въ отъѣздѣ на материкъ) писала ко вдовствующей шотландской королевѣ Маріи, матери Маріи Стюартъ, и просила ее оказать помощь Непѣѣ и его спутникамъ. Для той же цѣли отправлены были изъ Лондона докторъ правъ Лоренсъ Госси (Hussie) и Джорджъ Джильпинъ съ толмачемъ (Talmatsch or Speachman). Эти лица встрѣтили Непѣю 23 декабря уже въ Эдинбургѣ, гдѣ и представили письмо своей королевы правительницѣ Шотландіи. Послѣдняя приказала отправить герольда съ нѣсколькими коммиссарами на бухту Питслиго, чтобы сберечь выкидываемыя водою вещи съ корабля отъ расхищенія. Но эта помощь явилась поздно: спасены лишь бездѣлицы; цѣнныя же вещи пропали. Непѣя, въ сопровожденіи двухъ помянутыхъ лондонскихъ господъ, отправился 14 февраля 1557 года изъ Эдинбурга; 18 февраля вступилъ онъ на англійскую почву у Бервика на Твидѣ и здѣсь былъ встрѣченъ лордомъ Томасомъ Уартономъ (Wharton), командиромъ (Warden) восточной части шотландскихъ границъ. 27 февраля въ двѣнадцати миляхъ отъ Лондона онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ осьмнадцатью купцами, выѣхавшими верхомъ, которые проводили его въ домъ одного изъ нихъ, находившійся въ четырехъ миляхъ отъ Лондона, гдѣ Непѣя, принявъ разные подарки, поднесенные ему, переночевалъ. 28 февраля его встрѣтили, при Эйлингтонѣ, лордъ-виконтъ Монтегю съ лордомъ-маіоромъ и двумя альдерменами въ красномъ платьѣ и въ сопровожденіи ста сорока человѣкъ членовъ Россійской компаніи и многочисленной прислуги, и привѣтствовавъ его отъ имени королевы, сопровождали до Лондона. Дорогой, для его развлеченія, импровизированъ былъ провожавшими родъ охо-

ты на лисицъ. Отъ заставы Сити (на сѣверной сторонѣ отъ Смитфильда) виконтъ Монтегю и лордъ-маіоръ Томасъ Офлей (Offley) ѣхали по обѣ стороны Непѣи до дома купца Джона Диммока на улицѣ Фенчорчь (Fenchurch), назначеннаго ему для жительства.

Англійскіе историки пишутъ, что Непѣя жилъ въ Denmarkhouse. Но такого дома не было. Я полагаю, что Denmark есть ошибочное чтеніе слова Dimmock. Джонъ Диммокъ, родомъ изъ Нижней Германіи, принадлежалъ въ Лондонѣ къ гильдіи суконныхъ торговцевъ. Въ царствованіе Генриха VIII и Эдуарда VI онъ исполнялъ разныя порученія правительства на материкѣ Европы. Я видѣлъ письмо къ нему отъ его брата изъ Антверпена отъ 16 марта 1538 года, въ которомъ говорится о покупкѣ пороха и тогдашнихъ ружей, называемыхъ halfe huckboshes (пищали). Въ 1548 году, вмѣстѣ съ посланникомъ Филиппомъ Гобби, тайно производилъ онъ въ Фрисландіи наборъ двухъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, которыхъ предполагали употребить противъ Шотландіи: за годъ до того было уже двѣ тысячи человѣкъ завербовано. Онъ любилъ услуживать иностраннымъ посланникамъ въ Лондонѣ. Въ январѣ 1561 г. онъ предпринялъ, съ разрѣшенія королевы Елизаветы, путешествіе въ Швецію для продажи королю Эриху VIII нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. При этомъ случаѣ онъ имѣлъ смѣлость представить королю возможность снова искать руки королевы Елизаветы, хотя объ этомъ прекращены уже были всѣ переговоры. Онъ велѣлъ художнику, котораго привезъ съ собою, написать портретъ короля и внушилъ королю послать королевѣ подарки. Елизавета, узнавъ объ этомъ отъ шведскаго посланника Діонисія Беуррѐуса, велѣла Диммока, тотчасъ по возвращеніи его, посадить подъ арестъ, и 22 іюня 1561 г. писала Эриху, что она не давала никакихъ порученій Диммоку. Отсюда объясняется, почему Сесиль поручилъ 21 іюля того же года лорду-маіору Лондона уничтожить всѣ картины въ книгахъ, которыя представляютъ портреты Елизаветы и Эриха. Въ декабрѣ 1565 г. Елизавета еще разъ писала къ Эриху, чтобы онъ повелѣлъ заплатить сумму, причитающуюся за нѣкоторыя вещи, Диммоку, который сидѣлъ тогда въ долговой тюрмѣ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Филиппа изъ Фландріи (бывшемъ отнюдь не 20 мая, какъ пишутъ во многихъ книгахъ, между прочимъ и въ L'art vérifier les dates etc.), именно 25 марта, Непѣя былъ приглашенъ въ Вестминстерскій дворецъ. Лордъ Монтегю проводилъ его по Темзѣ на красивомъ яликѣ до Вестминстерской набережной лѣсницы, гдѣ послѣ построенъ былъ мостъ. Здѣсь встрѣтили его шесть лордовъ и привели въ парадныя залы, гдѣ его, до принятія въ королевской ауедіенцъ-залѣ, должны были занимать первые сановники королевства. Это были государственный канцлеръ архіепископъ іоркскій Николай Гетъ (Heath), государственный казначей маркизъ Вильямъ Паулетъ, хранитель королевской печати баронъ Вильямъ Педжетъ, великій адмиралъ баронъ эффингемскій Вильямъ Говардъ и епископъ элійскій Томасъ Тирльби (Thirleby). На аудіенціи Непѣя поднесъ королю и королевѣ грамоту царя Іоанна Васильевича, сказалъ краткую рѣчь, которая была повторена по-англійски (можетъ быть, Робертомъ Бестомъ) и по-испански, и представилъ два сѳрока собольихъ мѣховъ (привезенныхъ, можетъ быть, Чанслеромъ въ 1554 г.). По окончаніи аудіенціи, Непѣя тѣмъ же путемъ возвратился въ Сити.

Не смотря на всѣ поиски, я не могъ найти этой грамоты ни въ оригиналѣ, ни въ спискѣ или въ переводѣ. Въ отвѣтѣ Филиппа и Маріи, писанномъ на латинскомъ языкѣ секретаремъ по этому языку, Роджеромъ Эшемомъ (Asham), сказано, что грамота царя исполнена увѣреній въ дружествѣ. «Мы получили письмо ваше, исполненное любви и дружбы, привезенное достолюбезнымъ мужемъ Осипомъ Непѣею...Мы увидѣли изъ вашего письма, что вы даровали нашимъ купцамъ и другимъ нашимъ англійскимъ подданнымъ, производящимъ торговлю въ какой-либо части вашихъ владѣній, привилегіи, льготы и обезпеченія» *).

*) Accepimus litteras vestras, amoris et amicitie plenas per dilectum virum (а не vestrum, какъ написалъ переписчикъ для А. Тургенева) nuntium et legatum Osiph Nepeam (а не Epea, какъ стоитъ въ томъ же спискѣ) ad nos delatas...Intelligimus ... ex litteris vestris... vos de vestra liberalitate varia privilegia, libertates et munitates mercatoribus nostris et aliis etiam nostri Anglie subditis qui in aliqua ditionis Vestre parte mercaturam exercent dedisse et concessisse.

Черезъ два дня послѣ аудіенціи, Непѣю посѣтили въ его квартирѣ Томасъ Тирльби и первый секретарь ихъ величествъ Вильямъ Петеръ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Эти два лица разумѣются въ письмѣ къ царю, тамъ, гдѣ говорится о совѣтникахъ: Fecimus ut que ab illo (Nepeja) vestro nomine proponebantur, per certos nostros consiliarios quibus negotium ut cum illo tractarent prolixe et diligenter perpenderentur. 23 апрѣля Непея имѣлъ прощальную аудіенцію, на которую онъ введенъ былъ графомъ шрюберійскимъ Тальботомъ и лордомъ Ломлеемъ. Послѣ того онъ былъ еще въ присутствіи ихъ величествъ и въ сопровожденіи герцога норфолькскаго, Томаса Говарда, равно и помянутыхъ, на праздникѣ ордена Подвязки. 29 того же апрѣля члены Россійской компаніи дали ему балъ въ залахъ гильдіи суконьщиковъ (Drapers-Hall), въ Трогмортоновой улицѣ (a notable supper, garnished with musicke, enterludes and bankets). Когда пили за здоровье Непѣи, ему было объявлено, что компанія принимаетъ на себя всѣ издержки его пути и пребыванія въ Шотландіи и Англіи. Современникъ, описавшій то, что сдѣлано Россійскою компаніею для Непѣи, прибавляетъ: «ничего подобнаго не бывало въ прежнія времена, ни въ исторіи».

1 мая Томасъ Тирльби и Вильямъ Петеръ принесли Непеѣ грамоту короля и королевы къ царю Іоанну, и назначенные ему, равно и самому Непѣѣ, подарки. Она, какъ я сказалъ, писана на латинскомъ языкѣ и сочинена Роджеромъ Эшемомъ. Въ ней говорится: «Надѣемся, что основаніе взаимной дружбы, хорошо и счастливо положенное и утвержденное такимъ образомъ, принесетъ великіе и обильные плоды, какъ братской нашей и нашихъ преемниковъ любви и крѣпкой дружбы, такъ и связи непрерывною между нашими подданными торговлею. И съ великою надеждою полагаемъ, что какъ Богъ по безпредѣльной своей благости и милости открылъ въ наши времена этотъ морской путь и прежде неизвѣстное плаваніе, такъ и на будущее время онъ обратитъ этотъ путь и будетъ споспѣшествовать ему въ честь и славу своего имени, къ возрастанію христіанской католической церкви, къ общественной пользѣ и во благо подданныхъ обѣихъ сторонъ и государствъ... И какъ по-

сланникъ вашъ Осипъ Непѣя, ведшій себя у насъ въ своемъ посольствѣ разумно и разсудительно, уже рѣшился возвратиться къ вамъ, то онъ можетъ отлично изложить самъ и, надѣемся, подробно изложитъ, съ какимъ расположеніемъ пребываемъ мы въ этой новой открытой связи между нашими и вашими подданными и между областями и городами обоихъ государствъ»[1]).

Кромѣ разныхъ матерій и суконъ, царю были подарены превосходныя латы съ шишакомъ, обложеннымъ кармазиннымъ бархатомъ и позолоченными иглами (a notable pair of Brigandines vith a Murrion covered with crimson velvet and gilt nailes). Еще отправлена была чета живыхъ львовъ.

Впрочемъ, подъ конецъ пребыванія Непѣи въ Лондонѣ, члены Россійской компаніи были имъ не совсѣмъ довольны. Въ припискѣ отъ 10 мая 1557 года къ письму, отправленному къ своимъ московскимъ агентамъ уже раньше, они говорятъ: «Теперь мы находимъ посланника уже не такъ доступнымъ убѣжденію, какъ надѣялись прежде. Онъ очень недовѣрчивъ и думаетъ, что каждый хочетъ обмануть его. Потому вы должны внимательно обдумать, какъ намъ поступать съ нимъ или съ кѣмъ-либо другимъ подобнымъ и дѣлать торговыя условія чисто, записывая ихъ на бумагу».

3 мая Непѣя выѣхалъ изъ Лондона въ Гревзендъ, чтобы оттуда отплыть въ Россію на кораблѣ Primerose[2]).

---

[1]) Speramus hoc fundamentum mutue amicitie hoc modo bene et feliciter jactum et stabilitum magnos et uberes fructus tum fraterni inter nos et successores nostros amoris et amicitie firme tum perpetui inter subditos nostros commercii coniunctionem allaturum. Et in magnam spem adducimus fore ut sicut Deus ex sua infinita bonitate et favore nostris temporibus hanc mari viam et navigationem antea incognitam aperuit sic etiam imposterum in suum honorem et gloriam ad incrementum christiane et catholice Religionis, ad publicum commodum et utriusque partis subditorum et regnorum bonum sit eam conservaturus et prosperaturus.—Et aquoniam vester legatus Osiph Nepea, qui se hic apud nos in sua legatione prudenter et considerate gessit, jam ad vos redire instituit, qui optime exponere potest, et ut speramus prolixe vobis exponet, quo animo sumus erga hoc commercium nuper inter nostros vestrosque subditos et utriusque ditionis regna et urbes repertum.

[2]) Это былъ одинъ изъ трехъ кораблей, о спускѣ которыхъ король Эдуардъ VI, во время пребыванія въ Детфордѣ, упомянулъ въ своемъ дневникѣ подъ 6 іюля 1551. 12 августа 1553 г. Праймрозъ отплылъ вмѣстѣ съ кораблемъ

Вмѣстѣ съ Непѣей ѣхали въ Россію изъ Англіи ловкій и дѣятельный агентъ, извѣстный Антоній Дженкинсонъ, который и послѣ пріѣзжалъ къ намъ нѣсколько разъ. Робертъ Бестъ опять былъ толмачемъ. Ѣхалъ также врачъ (докторъ Стэндишъ), аптекарь и нѣсколько разныхъ ремесленниковъ. Два бочара должны были готовить бочки для отправки въ Англію ворвани, сала и другихъ предметовъ. Въ числѣ спасенныхъ съ Эдуарда Бонавентуры вещей, привезенныхъ въ Лондонъ 10 мая 1557 года, были русскія бочки: эти бочки оказались лучше англійскихъ, которыхъ также отправлено было 140 штукъ, частію въ доскахъ, съ отплывавшими кораблями на Двину. Эта отправка сдѣлана была изъ предосторожности: директоры компаніи, какъ писали они, не знали навѣрное, есть ли въ Россіи достаточное количество лѣсу, годнаго для бочекъ!

Семь мастеровъ канатнаго и веревочнаго дѣла (главный назывался Робертъ Бонтингъ, Bunting) присланы были для заведенія канатнаго двора, и выдѣлыванія всякаго рода канатовъ и веревокъ, для отвоза въ Англію, гдѣ они были тогда въ высокой цѣнѣ. Пріѣхали также скорнякъ Аллардъ, для сортированія пушнаго товара, и нѣкто Леонардъ Бріанъ, чтобы развѣдать, есть ли въ «Перміи или Печорѣ» тисъ (Taxus baccata), годный для вывоза въ Англію. Объ этомъ директоры Россійской компаніи писали: «Мы слышали, что въ странѣ Перміи или около Печоры множество тису, равно и въ странѣ Угорской: желательно бы развѣдать объ этомъ, потому что этотъ родъ дерева особенно нуженъ для нашего государства. Для этого мы посылаемъ къ вамъ молодаго человѣка, по имени Леонарда Бріана, который имѣетъ нѣкоторыя познанія въ лѣсномъ товарѣ, чтобы онъ показалъ вамъ, какъ рубить и колоть этотъ лѣсъ. Такимъ образомъ наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вы, если есть тамъ запасъ и если онъ окажется хорошимъ,

---

Leon и пинкою (Pinasse) Mon изъ Портсмута въ Гвинею. Эта экспедиція была снаряжена Барисомъ и Гарретомъ вскорѣ послѣ китайской экспедиціи, которая достигла нашихъ береговъ. Оба корабля даны были королемъ. Странно, что эту экспедицію, не достигшую своей цѣли по неисправности капитана Уайндгема (Wyndham), не разъ смѣшивали, и смѣшиваютъ даже Страйпъ (Strype) и Камбель, съ путешествіемъ Уилльби.

заготовили хорошее количество на будущій годъ къ пріѣзду нашихъ кораблей. Пусть одинъ изъ бочаровъ поѣдетъ съ Бріаномъ рубить и колоть тисъ, какъ ему тамъ будетъ угодно». Листья русской пихты (Abies sibirica) такъ похожи на тисовые, что ее называли Yew-leaved Fir. Замѣчу кстати, что во время третьей экспедиціи въ Персію (1565—1567) Англичане много видѣли тису у Шамахи, гдѣ изъ нея дѣлали луки. Артуръ Эдуардсъ писалъ объ этомъ отъ 26 апрѣля 1565 г. въ Лондонъ: «Должно вамъ знать, что здѣсь множество тису для обручей. Я велѣлъ купить три воза, чтобы дознаться правды; но деревья были срублены въ текущемъ апрѣлѣ, когда въ нихъ былъ сокъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я не упускалъ говорить тамошнимъ жителямъ, чтобы они навезли мнѣ этого дерева. Вашъ агентъ пошлетъ вамъ его для образчика». Такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ тисъ не растетъ, то надобно полагать, что за тисъ принялъ кто-нибудь пихту (Abies sibirica *Ledeb.*), дерево однородное съ елью (Pinus picea) и похожее листьями на тисъ. Эту ошибку, можетъ быть, надобно приписать нашему Непѣѣ, который могъ видѣть тисъ въ Англіи зимою и слѣдовательно безъ плода, и зная русскую пихту, сказалъ, что такое дерево растетъ въ Россіи.

На помянутыхъ корабляхъ въ Россію отправлено было также десять человѣкъ молодыхъ людей для изученія торговли. Въ числѣ ихъ находился Томасъ Алькокъ (Alkock), котораго уже зимою отправили обратно въ Англію чрезъ Смоленскъ и Данцигъ; но онъ задержанъ былъ въ Польшѣ. Тамъ онъ объявилъ, что посланъ въ Лондонъ съ порученіемъ снарядить въ будущую весну 1558 г. корабль, чтобы еще разъ попытаться найти дорогу въ Китай, и какъ зима тепла, то на сѣверномъ морѣ будетъ меньше пловучихъ льдовъ, и потому можно ожидать хорошаго результата. Въ упрекъ ему говорили, что Англичане возятъ въ Россію много военныхъ снарядовъ (thousandes of ordinance, as also of harneis, swordes, with other munitions of warre, artificers, copper etc). Онъ отвѣчалъ, что Англичане привезли въ Россію только сотню старыхъ панцырей, кое-какъ исправленныхъ (such olde thinges newe scowred as no man in Englande woulde weare). У Алькока было сорокъ алтынъ рус-

скою монетою, которыхъ большую половину послали съ нимъ изъ Москвы Англичане для передачи на память своимъ родственникамъ; а онъ пишетъ, что эти монеты у него отняты. Подумаешь, что алтыны были биты уже въ 1557 г., между тѣмъ, сколько я знаю, ни въ одномъ собраніи нѣтъ ни одного алтына того времени. Вышеупомянутый агентъ Ричардъ Грей послалъ своей женѣ и дочери двѣ болгарскія монеты. Отъ 26 декабря 1558 королева Елизавета писала объ Алькокѣ къ польскому королю Сигизмунду, равно и къ его намѣстнику въ Литвѣ и къ виленскому губернатору, и просила ихъ отпустить Алькока. Въ январѣ 1560 онъ, по дорогѣ въ Россію, находился въ Стокгольмѣ: ѣхать черезъ Польшу ему было не дозволено.

Вмѣстѣ съ Непѣей возвратились въ отечество и тѣ изъ русскихъ его спутниковъ, которымъ удалось спастись отъ кораблекрушенія у береговъ Шотландіи. Ихъ уцѣлѣло девять человѣкъ, и намъ остались слѣдующія имена ихъ: Исакъ Иващенко (Iwesscheneke), Дмитрій, Ермолай (Gorbolones), Семенъ, Ерофей, Степанъ, Лука, Андрей и Фома.

Не смотря на испытанное въ послѣднюю поѣздку кораблекрушеніе, Джонъ Боклендъ не побоялся взять въ свое распоряженіе корабль Primrose, на которомъ отправлялись Непѣя и Дженкинсонъ. Въ продолженіе этого плаванія, Primrose былъ адмиральскимъ кораблемъ и Дженкинсонъ считался на немъ капитаномъ; кромѣ того онъ носилъ титулъ Captaine general of the flote. Кромѣ этого корабля, тогда же отплыли къ намъ еще три: John Evangelist, Anna и Trinitie, подъ начальствомъ Лауренса Роундаля (Roundall), Давида Филли (Philly) и Джона Робинса. О товарахъ, привезенныхъ этими кораблями, я уже говорилъ. При самомъ началѣ плаванія Primrose едва не погибъ. Опасались также непріятностей въ Вардэгусѣ Потому для Непѣи была не малая радость, когда онъ ступилъ наконецъ на твердую землю у монастыря Св. Николая: это было 12 іюля. Онъ пробылъ тамъ съ другими, прибывшими изъ Англіи, недѣлю. Потомъ всѣ они, исключая Дженкинсона, отправились въ путь въ Москву, куда прибыли 12 сентября, и 14 имѣли аудіенцію, на которой цѣловали у царя правую руку; а послѣ приглашены были къ обѣду.

Черезъ два дня царь прислалъ доктору Стэндишу и прочимъ новоприбывшимъ англичанамъ по лошади для ѣзды по городу. 18 сентября Стэндишъ получилъ соболью шубу. 1 октября онъ опять обѣдалъ у царя; 11-го получилъ 70 рублей, а аптекарь и прочіе по 30. 3 ноября, потомъ 6 и 25 декабря 1557 и 6 января 1558 онъ опять обѣдалъ у царя.

IV. ПОПЫТКИ АНГЛИЧАНЪ — ИЗЪ РОССІИ ПРОНИКНУТЬ НА ВОСТОКЪ СУХИМЪ ПУТЕМЪ, ПРИ СОДѢЙСТВІИ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Путевыя замѣтки Дженкинсона и прибытіе его въ Москву въ 1557 г. — Неудачная экспедиція проникнуть въ Китай чрезъ Бухарію 1558. — Возвращеніе Дженкинсона въ Москву (1559) и въ Лондонъ (1560). — Вторичный пріѣздъ его въ Москву (1561) и экспедиція въ Персію 1562—1563. — Третій пріѣздъ Дженкинсона въ Москву 1566, для противодѣйствія Рафаэлю Барберини, агенту антверпенскихъ купцовъ. — Свѣдѣнія о Барберини и его «Записка о Московіи». — Условія союзнаго договора съ Англіей, предложенныя царемъ Іоанномъ В. — Привилегія, данная царемъ лондонской компаніи на торговлю въ Россіи 1567.

—

Дженкинсонъ, отправивъ корабли изъ устья Двины обратно въ Англію 1 августа, 3 числа этого мѣсяца пріѣхалъ въ Холмогоры, отсюда отплылъ на небольшомъ ботѣ вверхъ по Двинѣ, и въ тотъ-же день сдѣлалъ замѣтку объ алебастровыхъ горахъ при впаденіи Пинеги и о сосновыхъ деревьяхъ, лежащихъ тамъ на землѣ съ незапамятныхъ временъ (pine apple trees lying along within the ground, which by report have lien since Noes flood). Между Пинегой и Емцомъ, видѣлъ онъ дехтярное и смоляное производства и выдѣлку поташа. При Тотьмѣ и Сухонѣ онъ описываетъ трудность плаванія на насадахъ и дощаникахъ, которые употреблялись для перевозки соли отъ мѣста выварки на берегу моря въ Вологду. На пути изъ Холмогоръ до Вологды не заходилъ онъ ни въ одинъ домъ: топоръ, кремень съ огнивомъ и котелъ были при немъ неразлучно. 1 декабря онъ отправился изъ Вологды на саняхъ, чрезъ Ярославль, Ростовъ и Переяславль въ Москву, и прибылъ туда 6

декабря. Въ этотъ праздникъ было уже поздно представляться ко двору: онъ имѣлъ аудіенцію въ Рождество Христово и обѣдалъ у царя. Изъ его записокъ не видно, чтобы на этомъ обѣдѣ были другія лица, прибывшія изъ Англіи. 6 января (1558) онъ въ русскомъ платьѣ былъ на освященія воды: царь узналъ его и опять пригласилъ къ себѣ обѣдать Во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ (12 апрѣля) онъ опять обѣдалъ у царя вмѣстѣ съ Ричардомъ Греемъ и, вѣроятно, съ Робертомъ Бестомъ и док. Стэндишемъ. Послѣ обѣда испросилъ онъ соизволеніе царя на предположенную имъ экспедицію въ Китай, которая, впрочемъ, окончилась Бухаріей.

Цѣлью его отправленія въ Россію была именно эта экспедиція. Когда попытка Борро проникнуть моремъ какъ можно дальше на востокъ осталась безъ успѣха, стали думать, нельзя ли достигнуть Китая сухимъ путемъ и именно чрезъ Бухарію? На западъ доходили слухи, что изъ Китая ходятъ въ Бухарію караваны.

Выборъ предводителя этой экспедиціи естественнымъ образомъ палъ на такого бывалаго и многосторонно образованнаго человѣка, каковъ былъ Дженкинсонъ. Въ ноябрѣ 1553 г., въ то время какъ Чанслеръ въ первый разъ былъ на Двинѣ, Дженкинсонъ находился въ Алеппо. Ему мы обязаны любопытнымъ описаніемъ сильнаго войска, которое султанъ велъ противъ Персіи. Изъ тысячи пажей въ золототканныхъ одеждахъ половина вооружена была пищалями, другая луками и стрѣлами. «За великимъ Туркомъ слѣдовали шесть молодыхъ женщинъ верхомъ на бѣлыхъ лошадяхъ...., съ небольшими луками въ рукахъ; около каждой по сторонамъ было по два эвнуха» и пр.

Проектъ Дженкинсона понравился царю Іоанну. Безъ просьбы со стороны королевы Елизаветы, онъ не только изъявилъ свое соизволеніе на проѣздъ чрезъ недавно покоренное царство Астраханское, но и далъ повелѣніе всѣмъ воеводамъ вдоль Волги оказывать Дженкинсону вспоможеніе; кромѣ того царь снабдилъ его рекомендаціями къ владѣтельнымъ особамъ по ту сторону Каспійскаго моря.

Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Москвы 23 апрѣля 1558 г.

По Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани его сопровождали Ричардъ и Робертъ Джонсоны. На этомъ пути онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ много любопытнаго. Страну между Казанью и Камой по лѣвую сторону Волги онъ называетъ Vachen. Миллеръ (S. R. G. VII, 435) говоритъ: «Я не умѣю объяснить этого имени; однакожь надобно замѣтить его, потому что оно, можетъ быть, для другихъ послужитъ поводомъ къ изысканіямъ». Можно подивиться, что исторіографъ «Вотяковъ» не узналъ Вятчанъ въ англійскомъ правописаніи этого имени. Въ другомъ мѣстѣ, Дженкинсонъ, исчисляя свои путешествія, пишетъ Vachin. Точно такъ-же пишется въ его картѣ Россіи, уже въ 1562 г. изданной въ Лондонѣ. Здѣсь видно, что область, которую онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, не простирается до Волги, а лежитъ по рѣкѣ Вяткѣ.

Изъ Астрахани Дженкинсонъ поплылъ черезъ Каспійское море, на которомъ до сихъ поръ еще не развѣвалось христіанскаго флага (у Дженкинсона онъ представлялъ красный Георгіевскій крестъ), и добрался до Бухаріи. Тамъ онъ узналъ, что сообщеніе съ Китаемъ, по причинѣ военныхъ тревогъ, прекращено уже три года; это заставило его отказаться отъ своего плана. 2 сентября 1559 г. онъ опять былъ въ Москвѣ, черезъ два дня имѣлъ у царя аудіенцію, допущенъ имъ къ рукѣ, поднесъ ему хвостъ яка изъ Китая и татарскій бубенъ; затѣмъ приглашенъ былъ къ обѣду. 9 мая (1560) онъ пріѣхалъ въ Холмогоры и вскорѣ отплылъ оттуда съ Генрихомъ Леномъ въ Англію. Мѣсто Лена въ Москвѣ занялъ Томасъ Гловеръ; онъ былъ агентомъ компаніи до 1566 года; но потомъ измѣнилъ ей, выпросивъ себѣ съ нѣкоторыми другими лицами особенную привилегію на торговлю. Сынъ его, Томасъ Гловеръ, былъ впослѣдствіи англійскимъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Въ слѣдующій 1561 годъ Дженкинсонъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву. Теперь цѣлью его была Персія. Ему поручено было также отправить кого-нибудь (на-пр Ричарда Джонсона) изъ Холмогоръ на востокъ сухимъ путемъ: потому что отъ Русскихъ будто-бы слышали, что, черезъ тридцать или сорокъ дней пути туда, пріѣдешь къ открытому морю. Изъ этого

предположенія ничего не вышло. Странствованія Англичанъ на востокъ простирались тогда отъ Холмогоръ черезъ Пинегу только до Лампожни и Мезенской слободы (230 верстъ), куда съѣзжались для торговъ Самоѣды, и потомъ отъ Лампожни вдоль Мезени черезъ Погорѣльскую и Зезапольскую въ Юрому (115 верстъ), гдѣ они закупали для Англіи лосинныя кожи.

Дженкинсонъ прибылъ къ Двинѣ на кораблѣ the Swallow. Компанія прислала съ нимъ запертый сундукъ съ драгоцѣнными вещами, которыхъ часть назначена была въ подарокъ царю и его старшему сыну Іоанну. Въ сундукѣ были драгоцѣнные камни, золототканныя матеріи, алое сукно и т. д. Королева Елизавета, грамотой отъ 25 апрѣля (на латинскомъ языкѣ), благодарила царя за благосклонный пріемъ, оказанный Дженкинсону, и за содѣйствіе его предпріятіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила царя, чтобы онъ продолжилъ Дженкинсону, теперь уже состоящему на ея службѣ (nostrum jam famulatum), свое милостивое покровительство и снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ персидскому шаху Тамаспу. Такое письмо къ послѣднему она и сама дала Дженкинсону *).

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 20 августа, когда Іоаннъ Васильевичь готовился вступить въ бракъ съ прекрасною черкешенкою Марьею Темрюковной, и когда вслѣдствіе того, въ теченіе трехъ дней, по всему городу ворота были заперты и никто изъ жителей, тамошнихъ и пріѣзжихъ, не смѣлъ выйти изъ дому. Дженкинсонъ, говоря объ этомъ, прибавляетъ: «the cause thereof unto this day not being known». Такъ какъ онъ упорно отказывался выпустить изъ рукъ письмо королевы до представленія его царю лично, то ему стали дѣлать проволочки; не смотря на то, онъ впослѣдствіи добился

*) Я имѣлъ въ рукахъ слѣдующее объ этомъ распоряженіе хранителя королевской печати, Николая Бекона: «Primo Junii 1561. To Thomas Cotton the under Clerk of the Hanaper in the Court of Chancery. — Ye shall allowe for certaine lace myngled with gold and silver putt to several letters patents sent by the Quenes Majestie as well to the Emperour of Russia as to the Sophie which lace amounteth in yards to the number of viij after the rate of vj s. viij d. for every yard and this letter shalbe your discharge. N. Bacon.» Этотъ Беконъ былъ, какъ извѣстно, отецъ (лорда) Франсиса Бекона, которому было тогда четыре мѣсяца.

аудіенціи у царя и былъ имъ приглашенъ къ обѣду. На счетъ отправленія въ Персію ему опять стали дѣлать затрудненія, и онъ взялъ уже паспортъ на обратный путь въ Англію, какъ вдругъ, благодаря ходатайству Непѣи, дѣло получило желанный оборотъ. 15 марта 1562 онъ вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ опять обѣдалъ у царя, который не только снабдилъ его обѣщанными рекомендательными письмами, но и почтилъ разными порученіями.

27 апрѣля онъ оставилъ Москву и вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ ѣхалъ внизъ по Волгѣ Его сопровождалъ англичанинъ Эдуардъ Кларкъ. Заключенный предъ тѣмъ миръ съ Турками былъ причиною того, что усилія Дженкинсона завести торговыя дѣла Англіи съ Персіею не вполнѣ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что Персія получала тогда сукна и другіе товары чрезъ Турцію. 20 августа 1563 года Дженкинсонъ возвратился въ Москву. Онъ здалъ въ казну купленные для царя драгоцѣнные камни и шелковыя ткани, и далъ отчетъ о исполненіи другихъ порученій. Царь изъявилъ ему свое полное удовольствіе и обѣщалъ впредь давать ему свои порученія.

Пользуясь расположеніемъ царя, Дженкинсонъ испросилъ новую привилегію, провелъ зиму въ Москвѣ, послалъ Эдуарда Кларка сухимъ путемъ въ Англію, оправилъ 10 мая 1564 новую экспедицію въ Персію, оставилъ Москву 28 іюня, сѣлъ на корабль (опять the Swallow) при устьѣ Двины и 18 сентября прибылъ въ Лондонъ.

Помянутая экспедиція въ Персію возложена была на Томаса Алькока, Джорджа Ренна (Wrenne) и Ричарда Чейни (Cheinie). Путешествіе водою началось теперь не отъ Москвы, а отъ Ярославля. Алькокъ былъ убитъ близъ Шамахи. Въ 1565 г. отправлена была агентомъ Гловеромъ экспедиція въ Персію подъ начальствомъ Ричарда Джонсона, а Артуръ Эдуардсъ, бывшій гораздо способнѣе Джонсона, сдѣлался его подчиненнымъ. Директоры компаніи писали 1567: «Удивляемся, что Ричардъ Джонсонъ отправленъ въ Персію начальникомъ экспедиціи, тогда какъ, по нашему мнѣнію, онъ не способенъ къ этой должности или, по крайней мѣрѣ, не такъ

способенъ, какъ другой». Они требовали, чтобы экспедиція составила карту Каспійскаго моря. «Намъ желательно имѣть морскую карту, составленную на основаніи плаванія по Каспійскому морю съ письменнымъ показаніемъ курсовъ, глубинъ, примѣтъ, опасныхъ мѣстъ, измѣненій компаса и широты мѣстъ, качества пристаней.... Пусть Джонсонъ составитъ карту Каспійскаго моря и плаванія внизъ по Волгѣ». Для путешествія 1565 г. построено было судно въ Ярославлѣ, а для будущихъ поѣздокъ Эдуардсъ предлагалъ построить бо̀льшаго размѣра, выписавъ для этого мастера изъ Англіи.

4 мая 1566 г. Дженкинсонъ опять былъ къ намъ отправленъ и прибылъ на Двину 10 іюня на кораблѣ Harry. 26 іюня писалъ онъ изъ Холмогоръ къ Вильяму Сесилю чрезъ Вильяма Борро, возвращавшагося тогда съ кораблями. Онъ сообщаетъ ему разныя новости о политическихъ дѣлахъ Россіи и о дѣлахъ царя. Между прочимъ онъ пишетъ, что царь строитъ крѣпость, величиною въ 2400 саженъ; камень на эту постройку возятъ изъ-за 500 миль; перевозка его стоитъ по 12 пфеннинговъ за центнеръ. Это былъ Вологодскій кремль. Дженкинсонъ послалъ Сесилю съ Борро лося (a strange beast called a loysche and bred in the country of Casan in Tartarie). Мимоходомъ замѣчу, что въ первые годы холмогорскіе агенты нерѣдко посылали директорамъ компаніи лосей и бѣлыхъ медвѣдей за рѣдкость. Съ 1559 г. на это требовалось разрѣшеніе царя.

Главною причиною новой поѣздки Дженкинсона были домогательства итальянца Рафаэля Барберини, жителя города Антверпена, который все еще былъ значительнѣйшимъ торговымъ мѣстомъ. Онъ былъ дядей знаменитому папѣ Урбану VIII. Въ 1564 г. онъ добился отъ королевы Елизаветы рекомендательнаго письма къ царю Іоанну Васильевичу. Другое письмо, впрочемъ не столь ему полезное, получилъ онъ отъ Филиппа II, короля испанскаго (и бывшаго англійскаго). Съ этими рекомендаціями онъ явился въ Москву лѣтомъ 1564. Одинъ торговый домъ въ Антверпенѣ условился съ нимъ дѣлиться пополамъ барышами, если ему удастся выхлопотать у царя привилегію на свободную торговлю съ Россіей. Царь не только согласился на это, но и помогъ ему получить такія-же

милости отъ датскаго короля Фридриха II и отъ шведскаго Эриха XIV. Лѣтомъ 1565, едва успѣлъ Барберини возвратиться въ Антверпенъ, какъ оттуда отправленъ былъ въ Нарву корабль (съ солью и съ сѣребряною монетой). Англичане донесли объ этомъ въ Лондонъ и директоры компаніи доложили о томъ королевѣ. Вслѣдствіе того, теперь, съ Дженкинсономъ Елизавета писала (отъ 20 апрѣля 1566) къ Іоанну Васильевичу, что въ Барберини она рекомендовала ему только путешественника, но отнюдь не купца.

Рафаэль Барберини былъ младшій сынъ Карла Барберини. Братъ его, Францъ, былъ ученый юристъ и жилъ въ Римѣ. Онъ занимался воспитаніемъ дѣтей своего брата, Антонія, изъ которыхъ старшій, Мафей, достигъ высшихъ духовныхъ степеней и въ 1623 г. возведенъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. 10 іюня 1564 г. Рафаэль писалъ изъ Антверпена къ Францу въ Римъ: «Скажу вамъ вкратцѣ, какой случай представился мнѣ ѣхать въ Московію, чтобы устроивать дѣла съ ея государемъ, за что мнѣ подарено на первый разъ 400 D. (?) и предоставлена половинная доля отъ этого дѣла». Онъ просилъ брата: «Не говорите никому, что я поѣхалъ въ Швецію за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ моего собственнаго, какъ я писалъ всѣмъ и каждому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родныхъ, чтобы не помѣшалъ кто моему проекту.... Я отправляюсь въ Ивановъ день».

Въ Англіи я нашелъ черновое письмо королевы Елизаветы къ Іоанну Васильевичу отъ 20 іюня 1564 г. Она пишетъ: «Ваше особенное къ намъ и къ нашимъ (подданнымъ) расположеніе даетъ намъ поводъ въ настоящее время рекомендовать этимъ письмомъ вашему величеству Рафаэля Барберина, хотя итальянца, но по нѣкоторымъ причинамъ очень намъ угоднаго. Итакъ просимъ, чтобы ваше величество оказывали сему человѣку благосклонность, какъ вашею милостію и благоволеніемъ, такъ, если понадобится, и вашею властію и повелѣніемъ, а ваши подданные оказывали бы ему человѣколюбіе, и чтобы ему и его людямъ со всѣмъ добромъ свободно и безопасно было ѣздить по вашимъ царствамъ и областямъ, проѣзжать и оставаться въ

нихъ, сколько ему заблагоразсудится, и отъѣзжать изъ нихъ и уѣзжать, когда ему и его людямъ будетъ угодно» *).

Лордъ Монтегю, 1557 встрѣчавшій и провожавшій нашего посланника Непѣю въ Лондонѣ, до того бывшій въ Римѣ, а послѣ въ Мадритѣ, въ мартѣ 1564 г. былъ отправленъ Елизаветою, вмѣстѣ съ даровитымъ дипломатомъ докт. Воттономъ и государственнымъ человѣкомъ Вальтеромъ Гаддомъ (Haddon), чтобы устроить съ коммиссіонерами испанскаго короля торговыя дѣла между Англіей и Нидерландами. Вѣроятно, чрезъ лорда Монтегю получилъ Барберини рекомендательное письмо Елизаветы къ Іоанну Васильевичу. Въ Москвѣ Барберини пользовался разными знаками царскаго вниманія, и когда у царя былъ на аудіенціи посолъ тестя его изъ Черкесіи, вмѣстѣ съ посольствомъ императора Фердинанда и магистра ордена Вольфганга (для освобожденія Фюрстенберга), въ то время представленъ былъ царю и Барберини; и впослѣдствіи онъ обѣдывалъ съ ними въ грановитой палатѣ. Возвратившись лѣтомъ 1565 въ Антверпенъ, писалъ онъ 21 іюля къ брату своему Францу: «Получивъ привилегіи и охранную грамоту для себя и для моихъ соотечественниковъ въ странѣ Московитской, я надѣюсь, что впредь буду въ состояніи сдѣлать вамъ добро: потому-что, во первыхъ, я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, какими владѣютъ немногіе, и во-вторыхъ имѣю паспорты и охранныя грамоты отъ королей датскаго и шведскаго — вещи, которыя я цѣню и которыя значатъ много. Потому, чтобы не потерять благопріятнаго случая, я отправилъ 11-го текущаго мѣсяца (іюля 1565) корабль съ товарами и чистыми деньгами на X. M. (10,000) D. (?), который, Богъ дастъ, дойдетъ и возвратится благополучно. Надѣюсь, что на этомъ поприщѣ я буду имѣть успѣхъ, и что Богъ вознаградитъ все мое семейство». Къ

---

*) Vestrum erga nos et nostros singulare studium facit ut libenter etiam hoc tempore Raphaelem Barberinum, virum quidem Italum, sed nobis, certis nominibus, valde charum, his nostris literis Vestrae Maiestati commendemus. Petimus itaque ut hic vir vestra bona gratia atque voluntate, et jussu etiam atque authoritate, si opus fuerit, benigne a Vestra Maiestate, humaniter a Vestris subditis tractetur. Utque sibi ac suis, cum bonis universis tutum liberumque sit per Vestra regna atque provincias ire, transire istic morari quam diu placuerit et inde abire et recedere quandocunque illi ac suis libitum fuerit.

письму 8 сентября онъ прибавляетъ: «Не знаю, что сказать кромѣ того, что я едва живъ, ожидая, чтобы Богъ, по своей благости, велѣлъ благополучно дойти кораблю, который я отправилъ. На него моя надежда». И еще въ августѣ писалъ онъ къ своему отцу: «Теперь, когда я знаю, что вамъ должно быть извѣстно, что я отправилъ корабль въ Нарву, скажу вамъ, что я получилъ письмо отъ суперкарга» (онъ прошелъ Зундъ). «Если Богу будетъ угодно, чтобы онъ возвратился благополучно, то я увѣренъ, что получу за мой рискъ вдвое, и буду доволенъ, потому что тамъ у меня грузъ соли, который по первоначальной цѣнѣ стоитъ 1,500 D. Дозволеніе провезти его есть великая милость, которую я получилъ отъ короля датскаго по настоянію московита: онъ далъ мнѣ письма къ сказанному королю, которыя сильно говорили въ мою пользу и такія-же къ королю шведскому, чтобы мой корабль имѣлъ свободный пропускъ». Россія была тогда въ добромъ согласіи съ Даніей. По договору 1562 г., русскіе имѣли право содержать торговые дома въ Копенгагенѣ и въ Висби на Готландѣ, а датчане — въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ (Нарвѣ). Въ 1564 Іоаннъ Васильевичь заключилъ миръ съ Эрихомъ XIV. «Московитъ» — продолжаетъ Барберини въ томъ-же письмѣ — «даровалъ мнѣ большія привилегіи, льготы, изъятія, для меня лично, для моего корабля, для моихъ людей, такъ что я ни за что не плачу ни копейки. Тогда какъ всякій, кто пріѣзжаетъ въ эту страну, не можетъ оставить ея, царь повелѣлъ, чтобы мои люди были во всемъ свободны. Такимъ образомъ я вижу для себя открытую дорогу къ счастію, и еслибы я захотѣлъ служить царю, какъ тѣ Феррарцы, которые, какъ я много разъ слышалъ, были тамъ плѣнниками, то я полагаю, мнѣ было бы очень хорошо, кромѣ неудобствъ тамошней страны; но я не рѣшусь ѣхать туда, если не заставитъ необходимость, потому что знаю, что мнѣ нельзя бы было выѣхать оттуда».

Въ то время Барберини составилъ для друзей краткое описаніе Россіи: эта «Реляція о Московіи» (Relazione di Moscovia) хранится въ рукописи въ Барберинiевской библіотекѣ въ Римѣ и была напечатана въ 1658 г. Мы обязаны Барберини рукописными замѣтками о торговыхъ статьяхъ, которыя

онъ находилъ въ то время стоящими вывоза въ Россію, и многимъ изъ нихъ видимъ у него цѣны. Въ 1564 г. въ Москвѣ пудъ сахару стоилъ 60 алтынъ, квасцовъ отъ 55 до 60, бразильское дерево 30, золотая проволока 18 талеровъ за фунтъ, жемчугъ (крупный бѣлый) два рубля унція, талеръ 50 денегъ. Барберини описываетъ, какіе надобно заготовлять для царя панцыри, конскую сбрую, попоны для лошадей и полости для саней и другія вещи. Онъ совѣтуетъ отправлять въ Россію индѣйскихъ пѣтуховъ и куръ, турецкіе бобы, цвѣтную капусту и тыквенныя сѣмена, vini buoni e grandi, ma non dolci, бумагу большаго формата для начавшагося тогда (Апостоломъ») книгопечатанія въ Москвѣ, «марказитъ» для композиціи, изъ которой дѣлаются типографскія буквы.

Отъ 20 апрѣля 1566 королева Елизавета писала съ Дженкинсономъ къ Іоанну Васильевичу: «мы видимъ, что ваше величество такъ внимательны къ нашимъ письмамъ, что всегда оказываете, по ихъ содержанію, большія милости нашимъ подданнымъ, а иногда, по благосклонности къ намъ, чужимъ даруете больше, чѣмъ мы просимъ для насъ самихъ. Такъ было въ одинъ изъ прежнихъ годовъ съ итальянцемъ Рафаэлемъ Барберини, котораго мы рекомендовали вашему величеству какъ путешественника, а отнюдь не какъ купца. Но объ этомъ итальянцѣ, какъ онъ осмѣлился во зло употребить и наше рекомендательное письмо и благосклонность вашего величества, и о другихъ дѣлахъ касательно возстановившихся между нами сношеній, любезный нашъ слуга, Антоній Дженкинсонъ, подробнѣе объяснитъ вамъ наши задушевныя мысли лично своимъ языкомъ, но нашими словами» *).

*) Въ слѣдующемъ 1567 году въ Нидерланды прибылъ изъ Испаніи, какъ извѣстно, герцогъ Альба. Барберини (бывшій кавалеромъ ордена св. Стефана) поступилъ подъ его начальство или, лучше, подъ начальство Вителли въ военную службу. Тогдашнія письма его къ брату послужили источникомъ для исторіи бывшей въ то время войны. Въ 1569 г. онъ былъ отправленъ къ королевѣ Елизаветѣ въ Англію, и т. д. Основателемъ извѣстности дома Барберини былъ его племянникъ, папа Урбанъ VIII. Кто не слыхалъ о палаццѣ этой фамиліи въ Римѣ? Богатая, но теперь, къ сожалѣнію, закрытая библіотека съ рукописными сокровищами основана старшимъ племянникомъ Рафаэля, кардиналомъ Франциском Барберини.

Дженкинсону поручено было объясниться съ царемъ на счетъ Барберини и вести дѣло къ тому, чтобы въ Россіи не дозволено было торговать никому изъ иностранцевъ, кромѣ привелигированной англійской компаніи. Желали также — прежнюю привилегію, данную царемъ на торговлю въ Россіи, распространить отсюда на Бахарію и Персію.

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 23 августа, и 1 сентября имѣлъ аудіенцію. Въ то время царь заложилъ новый дворецъ въ Москвѣ, крѣпость въ Вологдѣ и много зданій въ слободѣ Александровской; вслѣдствіе того онъ поручилъ Дженкинсону завербовать въ Англіи искуснаго архитектора (an architecture which can make castells, townes and palaces), выписать также врача и аптекаря, и мастеровъ, умѣющихъ отыскивать серебро и золото (masters such as are conning (a не coming) to seke ought gold and silver). Мнѣ кажется, съ этими порученіями ѣздилъ въ Лондонъ Дженкинсонъ зимою 1566—1567 г.

Въ письмѣ отъ 18 мая 1567 года королева Елизавета проситъ царя Іоанна, повелѣть выдать привилегію, о которой говорено было въ прошломъ году, и увѣдомляетъ его, что она разрѣшила отправиться въ Россію лицамъ, которыя онъ требовалъ. Дѣйствительно, тогда-же (1567) прибыли къ намъ докторъ (Reynolds), аптекарь (Thomas Carver?), инженеръ (Humphry Lock) съ помощникомъ (John Finton), золотыхъ дѣлъ мастеръ и пробиреръ (goldsmythe and goldefiner Thomas Green) и другіе мастеровые.

4 марта и 20 мая 1568 г. Локкъ между прочимъ писалъ къ Вильяму Сесилю. «Я долженъ дѣлать для императора такія вещи, изготовить такія орудія для его войнъ, чтобы онъ могъ покорить ими всякаго государя, который возстанетъ на него съ враждебными замыслами, и если я открою ему эти замыслы, то буду имѣть много земли и денегъ; но имѣніе, зломъ пріобрѣтенное, низвергаетъ человѣка въ адъ». Далѣе, онъ объясняетъ, что могъ бы завести въ Англіи весьма выгодныя соловарни, но не завелъ, опасаясь, чтобы этимъ не воспользовались другіе. 1 іюля 1568 г. онъ писалъ, что въ концѣ мая прибыли докторъ, аптекарь и хирургъ. «Доктору пожаловано (въ англійскомъ:

jolyvatyd) 200, аптекарю (potykarye) 100, хирургу 50 рублей. 19 мая 1572 г. Локкъ писалъ къ графу Лейстерскому, лорду Роберту Додлею, что онъ не знаетъ, будетъ ли царь продолжать свои постройки, и изъявлялъ желаніе возвратиться въ Англію.

Лондонская компанія прислала еще трехъ веревочныхъ мастеровъ: Роберта Вильсона, Роберта Бленда и Джона Бошеля. Первый былъ взятъ на четыре года, съ жалованьемъ по 9 фунт. ст. въ годъ, прочіе — по пяти фунтовъ за первые три года и по шести фунтовъ за три слѣдующіе. Я не знаю, не тогда ли же пріѣхалъ Франсисъ Одеръ (Ouldre), управлявшій заведенною у насъ фабрикою для выдѣлки простаго толстаго холста (poldavy).

Царь Іоанъ Васильевичъ объявилъ Дженкинсону, что онъ желаетъ: 1) заключить дружественный союзъ съ королевою Елизаветою (which shall be the beginning of further matter to be done); 2) чтобы она была другомъ его друзьямъ и врагомъ его враговъ; онъ съ своей стороны обѣщаетъ тоже; 3) особенно же онъ желаетъ, чтобы королева не дружилась съ королемъ польскимъ. Сигизмундъ, говорилъ онъ, старается вредить ей и ея народу. Недавно онъ присылалъ къ англійскимъ купцамъ въ Москву шпіона съ письмомъ, предлагая расположеннымъ къ нему, королю, Русскимъ помощь деньгами и другими способами. Это было сдѣлано, по мнѣнію царя, съ намѣреніемъ заподозрить англійскихъ купцовъ, разстроить доброе согласіе между Русскими и Англичанами и тѣмъ уничтожить возникающую между обѣими націями торговлю; 4) чтобы королева позволила пріѣзжать въ Россію людямъ, знающимъ кораблестроеніе и мореплаваніе (masters which can make shippes and sayle them), и 5) отправлять къ намъ изъ Англіи артиллерійскіе и другіе военные снаряды; 6) утвердить съ обѣихъ сторонъ клятвою, что государю одной страны можно будетъ уѣхать къ другому, въ случаѣ, еслибы принудили его къ тому смуты въ его государствѣ; эта статья должна оставаться тайною; 7) для заключенія такого союза королева должна прислать особу высокаго званія; 8) царь желаетъ получить рѣшеніе королевы на все это къ Петрову дню (29 іюня) 1568. Кромѣ то-

го Дженкинсонъ получилъ еще порученія, которыя онъ долженъ передать изустно. Здѣсь, должно быть, начались тайные переговоры о сватовствѣ царя къ королевѣ.

Желаемая торговая привилегія была дана 22 сентября 1557. Она содержитъ позволеніе вести торговлю въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ и Дерптѣ, въ Булгаріи, въ Шамахѣ и т. д. Гавани на Ледовитомъ и Бѣломъ моряхъ должны быть закрыты для всѣхъ купцовъ, не принадлежащихъ къ лондонской компаніи. Дома компаніи въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ укрѣплены за нею.

Директоры компаніи велѣли 1566 года осмотрѣть путь отъ устья Двины до Новагорода и Нарвы, касательно удобствъ его для возки товаровъ водою и сухопутьемъ. Въ слѣдствіе того еще въ іюлѣ того-же года Томасъ Соутгемъ и Джонъ Спаркъ совершили поѣздку, которая не лишена интереса. Они отправились изъ Холмогоръ на ладьяхъ къ Соловецкому монастырю (котораго настоятель, Филиппъ, былъ только что возведенъ въ санъ всероссійскаго митрополита), взяли тамъ вожатаго для первой и труднѣйшей части дороги, вошли у Сороки въ устье Выга и потомъ плыли на трехъ небольшихъ лодкахъ вверхъ по Выгу, сколько было можно. Здѣсь имъ часто приводилось перетаскивать свои товары и лодки по сушѣ. Наконецъ они прибыли въ Воецъ, переплыли вдоль Воецкое озеро (Выгъ-озеро) къ рѣчкѣ Телѣгиной, шли этой рѣчкой вверхъ, сколько было можно, а оттуда на телѣгахъ въ Повѣнецъ. Здѣсь они поплыли по Онежскому озеру, чрезъ Свирь въ Ладожское озеро и по Волхову въ Новгородъ, гдѣ встрѣтили вновь прибывшаго изъ Англіи чрезъ Нарву агента Вильяма Роулея, который не рѣшался ѣхать въ Москву, потому что тамъ была моровая язва. Въ результатѣ путешествія Соутгема и Спарка оказалось, что между Повѣнцомъ и Новгородомъ товары должно отправлять водою; но въ Повѣнецъ и Сумы ихъ должно перевозить сухимъ путемъ зимою. Изъ Сумъ въ Новгородъ тогда много перевозилось на саняхъ соли, вывариваемой на Бѣломъ морѣ.

V.

Второе русское посольство въ Англію; первые русскіе купцы въ Лондонѣ: Твердиковъ и Погорѣлый; первая царская грамота въ Англію. Многочисленность членовъ Россійской компаніи; нарушеніе ея привилегіи англійскими купцами въ Нарвѣ. — Противодѣйствіе Сигизмунда, короля польскаго, торговому союзу Англіи съ Россіей. — Защита привилегій компаніи; отправленіе агента компаніи Миддельтона въ Москву. — Посольство Рандольфа съ цѣлію поддержать торговый союзъ съ Россіей и проникнуть въ Персію. — Новый актъ привилегіи; возвращеніе Рандольфа и отправленіе въ Лондонъ, посланникомъ, дворянина Савина. — Принятіе англійской факторіи въ Москвѣ въ вѣдомство Опричины. Право Англичанъ добывать и обрабатывать желѣзную руду въ Россіи и передѣлывать иностранную монету въ русскую. — Водвореніе Англичанъ на Бѣломъ морѣ. — Статьи вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами.

Въ 1567 году, царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ двоихъ московскихъ купцовъ, Степана Твердикова и Ѳедота Погарѣлаго, въ Лондонъ. Твердиковъ ѣздилъ до того времени въ Антверпенъ и тамъ имѣлъ сношенія съ Симономъ фонъ-Салингеномъ и Корнеліусомъ де-Мейеромъ. Въ 1566 г. эти двое пріѣхали отъ лапландскаго берега въ устье Онеги, откуда, переодѣвшись въ русское платье, прибыли чрезъ Каргополь въ Москву и явились къ Твердикову, какъ своему знакомцу, посовѣтоваться, какъ довести до царя жалобу за убіеніе одного изъ ихъ людей. Теперь онъ, какъ человѣкъ бывалый, избранъ былъ, вмѣстѣ съ Погорѣлымъ, для посольства въ Англію: это были первые русскіе купцы, видѣвшіе Лондонъ, гдѣ между прочимъ строилась тогда первая биржа, подъ надзоромъ Томаса Грешема, который въ то время (1567—1568) часто живалъ въ Лондонѣ. Наши купцы прибыли въ Лондонъ въ августѣ и остановились въ домѣ компаніи въ Ситингъ-ленѣ. Имъ поручено было промѣнять пушной товаръ на драгоцѣнные

камни и другіе предметы роскоши для царской казны. Они снабжены были царскою грамотой, писанной въ апрѣлѣ, на двухъ языкахъ — русскомъ и нѣмецкомъ. Въ нѣмецкой редакціи я отыскалъ ее. Это самая старшая изъ грамотъ русскихъ государей въ Англіи. Въ ней недостаетъ только полнаго царскаго титула, который сохранился лишь съ словъ: Obdorski, Condinski и т. д. (*).

На наружной сторонѣ надписано: Елисаветн Божіею милостію Королевне аглинскіе земли французовъ хиберской и иныхъ». Печать хорошо сохранилась.

Переводъ грамоты. . . . . . «Обдорскій, Кондинскій и всей Сибирской земли Повелитель и Государь Лифляндской земли и иныхъ, Елисаветѣ Королевѣ Англіи, Франціи и Гиберніи и иныхъ, честнѣйшему и сіятельнѣйшему Королевскому Величеству здравія. Послали мы въ вашу землю нашихъ купцовъ Стефана Твердико и Өедота Погорѣла и съ

*) Вотъ весь сохранившійся текстъ грамоты въ правописаніи оригинала: . . . . . Obdorski, Condinski und aller Sieberschen Lande, und Norden seiden beffeller und Her des Liffiendischen Landes und anderer Elisabeten Konigine zu Engelant Franckrich und Hiberni und anderer. — Dem Erlichen und Leuchtlichem Konickrich Gesuntheit. Wir haben gesanth zu euger Landes seitten unser Kauffleut Steffan Twerdiko und Fedota Pogorela und mit inen haben wir gesanth wahre aus unserm Schatze und sie sollen in eugerm Konickreiche zu unserm Schatze kauffen, Saphir und robine, und Kleidewerk was inn unsernn Schatze dinet, und wonn die unsere Kauffleut komen in euger Konickreich und so wolt ihr ihnen lassenn geben frey und wolt inen lassen mit eugern Leutten und aus andern Herschafften leutten welchere zihenn in euger Konickreich mit ihen kauff schlan und beutten mit wahr, und furkauffen was inen befollen in unserm Schatze nutze, auch Zoll tamgi und fur uberfur und von hoffen und von herbergen und andere welchere Gerechticheit von unserer wahr und von diesen unsern Kauffleuten und von ihren Leutten wolt ihr nicht lassen nemen glich also wie auch wir in unser herschafftva von eugern Leutten keinerlei Gerechticheit nicht lassen nemen und wos inen wurth zutragen zu zihen in ander Lande umb unser Bedarfs halber und so wolth ihr inenn freiheit geben und won diese unser Kauffleute haben erhandelt, und zuurüge zihen zu unns und so wolt ihr sie durch euger Landt beleit sagen lassen das innen nich muchte schaden von imanden oder aufhaltunge geschen und in euger schiffe wolt ihr sie lassen schiffen das sie muchten zu unser Herschafft gesunth komen. Geschriben in unser Herschafft hoffe der Stadt Moskauw, im ihare von Schaffung der Welth 7075 im Aprile in dictum 10 unser Herschafft (въ англійскомъ переводѣ: our age) im 34 und unser Keiserthum Russischem im 20 Casanschem im 15 Astrachanschen im 18.

«ними послали мы товары изъ нашей казны, и должны они ку-«пить въ вашемъ королевствѣ для нашей казны сафиръ и рубины «и одежды, что̀ пригодно для нашей казны; а когда наши куп-«цы придутъ въ ваше королевство, вы позвольте имъ ходить «свободно и съ вашими людьми и которые люди изъ другихъ «государствъ пріѣзжаютъ, съ ними производить торгъ това-«рами и закупать что имъ приказано, для нашей казны пригод-«ное; и платежа тамги и за провозъ и съ дворовъ и съ тамо-«женъ и другой какой законъ съ нашихъ товаровъ отъ сихъ «нашихъ купцовъ и отъ ихъ людей не извольте брать, какъ и «мы въ нашемъ царствѣ никакой правды не приказываемъ «брать; и что имъ надобно будетъ достать въ иной землѣ для на-«шей потребы, въ томъ извольте имъ дать свободу, и что оные «наши купцы закупятъ и поѣдутъ обратно къ намъ, извольте «дать имъ пропускъ чрезъ вашу землю, чтобы не причинилось «имъ отъ кого вреда или не случилось задержки; и позвольте «имъ ѣхать на своихъ корабляхъ, чтобы они прибыли къ на-«шему государству здравы. Писано въ нашемъ государскомъ «дворѣ въ городѣ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7075 въ «апрѣлѣ, индикта ӏ, нашего царствованія (по англійскому пере-«воду: нашего житія) въ 34, нашего русскаго царствованія въ «20, казанскаго въ 15, астраханскаго въ 13».

Королева Елизавета приняла московскихъ гостей въ своемъ загородномъ дворцѣ Отландсѣ; Генрихъ Ленъ былъ толмачомъ. Въ маѣ 1568 они имѣли прощальную аудіенцію въ Гринвичѣ. Елизавета дала имъ письмо къ царю, отъ 9 мая (на латинскомъ языкѣ), сказала имъ нѣсколько словъ, а они цѣловали ея руку, преклонивъ колѣна.

Вскорѣ по завоеваніи Нарвы въ 1558 г., начали отправлять туда свои товары Англичане, не принадлежавшіе къ Россійской компаніи. Они ссылались на то, что въ то время, какъ дана ей первая привилегія, Нарва принадлежала не къ Россіи, а еще за долго до экспедиціи Чанслера къ ганзейскимъ городамъ. Въ 1566 году компанія выхлопотала себѣ отъ парламента предписаніе, которымъ дозволялось тамъ торговать изъ Лондона только членамъ ея, число которыхъ возрасло до четырехъ сотъ. Тогда она называлась: Fellowship of english mer-

chants for discovery of new trades. Въ Нарву посланъ былъ съ товарами Христофоръ Гудсонъ, и имѣлъ порученіе основать тамъ торговый домъ компаніи. Не смотря на то, нѣкоторые Англичане продолжали тамъ вести свою собственную торговлю.

Польскій король Сигизмундъ употреблялъ все возможное, чтобы помѣшать сношеніямъ между Англіею и Россіею. У меня есть списки съ нѣсколькихъ писемъ его къ королевѣ Елизаветѣ изъ 1567 и 1568 гг., въ которыхъ онъ жалуется на торговыя сношенія за то, что чрезъ нихъ Россія получаетъ не только вещи, нужныя для войны, но, что еще хуже, людей, которые распространяютъ тамъ полезныя свѣдѣнія и всякаго рода техническія производства Такъ отъ 13 іюля 1567 г. Сигизмундъ писалъ: «Дозволить плаваніе въ Московію, какъ ваша «свѣтлость видитъ, воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не «только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и рели«гіи. Ибо непріятель отъ сообщенія, какъ мы сказали, про«свѣщается, и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ «поръ въ этой варварварской странѣ невиданнымъ; всего же «важнѣе, какъ мы полагаемъ, — снабжается самыми художни«ками, такъ что если впредь и ничего не будутъ привозить «ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ «сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской «сторонѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войны и что «доселѣ было ему неизвѣстно» *).

13 марта 1568 г.: «Мы видимъ, что Московитъ, этотъ «врагъ не только нашего царства временный, но и наслѣдствен«ный врагъ всѣхъ свободныхъ народовъ, благодаря этому, лишь «недавно заведенному мореплаванію, обильно снабжается не

---

*) Quominus autem navigationem in Moscoviam permittere possimus, videt nos Serenitas Vestra gravissimis non solum nostris privatis, sed etiam religionis et reipublicae totius christianae rationibus prohiberi. Instruitur enim hostis, ut diximus, commeatu, instruitur, quod magis est, armis in illa Barbaria inusitatis, instruitur, quod quidem maxime ducendum esse existimamus, artificibus ipsis, ita, ut etiamsi ad illum nihil praeterea importetur, tamen opera artificum ipsorum, qui illi, vigente eiusmodi navigatione, libere summittuntur, facile omnia simul et fabricentur in ipsa illius barbara ditione, quae usus ipsi belli requirit, et quae uti hactenus ipsi ignota fuerunt.

«только оружіемъ, снарядами, связями, чему, какъ ни много «всего этого, однако можно еще положить конецъ; но мы ви«димъ, что онъ снабжается еще важнѣйшими вещами, ничѣмъ «не предотвратимыми въ своемъ дѣйствіи и еще болѣе ему по«лезными, — снабжается именно художниками, которые не пе«рестаютъ выдѣлывать для него оружіе, снаряды и другія по«добныя вещи, до сихъ поръ невиданныя и неслыханныя въ «той варварской сторонѣ, и сверхъ того, что всего болѣе за«служиваетъ вниманія, онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ на«шихъ, даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ вос«пользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель всѣмъ нашимъ: «зная все это, мы полагаемъ, не должно надѣяться, чтобы мы «оставили такое мореплаваніе свободнымъ» *).

Гаклейтъ напечаталъ одно письмо Сигизмунда изъ того же времени, но ошибочно поставилъ подъ нимъ 1559 годъ. Тамъ говорится: «Мы видимъ, что Московитъ съ каждымъ «днемъ становится сильнѣе отъ умноженія тѣхъ вещей, кото«рыя привозятся въ Нарву; потому что ему привозятся не толь«ко товары, но также и оружія, до тѣхъ поръ ему неизвѣст«ныя, мастера и мастерства: посредствомъ ихъ онъ стано«вится въ силахъ побѣждать всѣхъ другихъ. До сихъ поръ мы «являлись побѣдителями его потому только, что онъ дикарь въ «искусствахъ и невѣжда въ политикѣ. А если эти морскія сооб«щенія продолжатся, чтò останется ему неизвѣстнымъ? Съ тѣ«ми предметами, которые привозятся въ Нарву и которые дѣ«лаютъ его все искуснѣе въ военныхъ дѣлахъ, — съ военными

*) Cum enim hac navigatione recens admodum instituta, hostem non modo regni nostri temporarium, sed etiam omnium nationum liberarum haereditarium, Moscum, magnopere instrui et armari videamus, non solum armis, telis, commeatu, quae etsi magna sunt, tamen facilius profecto prohiberi possent, sed etiam aliis multo majoribus rebus, quae neque satis ullo consilio provideri et hostem ipsum magis etiam juvare possunt, artificibus inquam ipsis, qui arma, qui tela, qui caetera ejusmodi in illa Barbaria nec visa nec audita hosti fabricare non cessant: ac praeterea quod maxime attendendum est, cognitione omnium, etiam secretissimorum consiliorum nostrorum, quibus illi paulo post, ad interitum, quod absit, omnium nostrorum abutatur, sperandum profecto nobis esse non existimamus, ut hanc ejusmodi navigationem liberam esse patiamur.

«снарядами и кораблями, онъ будетъ — сохрани Богъ — по-«бивать или покарять всякаго, кто станетъ ему противиться».

Чтобы прекратить въ Нарвѣ торговлю Англичанъ, не принадлежащихъ къ Компаніи, осенью 1567 г. директоры отправили туда Лоренса Менлея (Manley); королева снабдила его краткимъ письмомъ къ царю, отъ 14 октября. Съ нимъ пріѣхалъ Николай Прокторъ, бывшій впослѣдствіи агентомъ въ Москвѣ. Надобно замѣтить, что Менлей отправленъ раньше возвращенія Дженкинсона въ Лондонъ съ письмомъ и порученіями царя. Мѣсяца черезъ три послѣ отправленія Менлея, посланъ былъ въ Москву Джорджъ Миддьтонъ съ пространнымъ письмомъ королевы отъ 10 февраля 1568 г. Въ этомъ письмѣ лишь кратко упомянуто, что королева получила отъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 г., что оно ей въ высшей степени пріятно и что она съ благодарностью принимаетъ благосклонность царя къ ней и къ ея подданнымъ. Но о другомъ предметѣ она говоритъ довольно подробно, именно: «Въ числѣ порученій, возложенныхъ на Миддьтона» — пишетъ королева — «главное состоитъ въ «томъ, чтобы онъ тщательно ходатайствовалъ у вашего вели-«чества о взятіи подъ стражу, въ самоскорѣйшемъ времени, «нѣкоторыхъ Англичанъ въ Нарвѣ (Томаса Гловера, Ральфа «Руттера, Джемса Уаттона, Христофора Беннета), кото-«рые съ явнымъ къ намъ пренебреженіемъ, съ величайшимъ «обманомъ для нашихъ подданныхъ, и къ немалому оскорбленію «вашего величества, показали себя въ отношеніи къ намъ чрез-«вычайно невѣрными, дерзкими и лукавыми. Безъ вѣдома сво-«ихъ господъ, находящихся въ Англіи, они, какъ мы слышали, «тайно вступили въ браки съ польскими женщинами, и потому, «если къ арестованію ихъ не будутъ приняты мѣры тотчасъ и «навѣрное, надобно опасаться, что они бѣгутъ въ Польшу». Затѣмъ прибавлено, что будущею весною имѣетъ быть отправленъ въ Москву посланникъ съ почетными купцами, для необходимыхъ переговоровъ о дѣлахъ торговыхъ.

Царь Іоаннъ Васильевичь велѣлъ спросить Миддельтона, слышалъ ли онъ что-нибудь о возвращеніи Дженкинсона, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, досадовалъ, что

королева такъ мало дорожитъ предложеніемъ дружескаго союза и даннымъ Дженкинсону словеснымъ порученіемъ. Когда въ Лондонѣ узнали, что ни Менлей, ни Миддельтонъ ничего не могутъ выхлопотать, то въ іюнѣ того-же года королева отправила въ Москву опытнаго дипломата, Томаса Рандольфа. Съ нимъ пріѣхали: секретарь его Джорджъ Турбервиль (Turberville), купцы: Томасъ Бенистеръ (Banister) и Джефри Доккетъ (Ducket), намѣревавшіеся ѣхать въ Персію; Джемсъ Басендинъ, Джемсъ Вудкокъ и Ричардъ Броунъ, назначенные въ морское путешествіе изъ рѣки Печоры на востокъ за Вайгачъ, для изслѣдованія. Они пристали къ Розовому острову въ устьѣ Двины 2 августа. Здѣсь въ англійскомъ домѣ Рандольфъ нашелъ два письма отъ Ричарда Чейни и въ письмѣ отъ 12 августа, посланномъ чрезъ возвращавшагося въ Лондонъ Вильяма Борро, передалъ ихъ содержаніе. Чейни полагалъ, что Грозный не благоволитъ къ Англичанамъ за то, что Дженкинсонъ, пустившись въ переговоры съ царемъ о сватовствѣ къ королевѣ, заставилъ его теперь напрасно ожидать посланника отъ королевы. Судя по тону письма Рандольфа къ Сесилю, надобно полагать, что Дженкинсонъ не смѣлъ передать королевѣ порученія царя *). Самому Рандольфу поручено было сказать, какъ видно изъ его инструкціи, что королева сомнѣвается, вѣрно ли Дженкинсонъ понялъ слова царя?

Съ Розоваго острова Рандольфъ посѣтилъ Никольскій монастырь, гдѣ ему поднесли хлѣбъ-соль и подарили черную овцу съ бѣлой мордой. Проѣзжая чрезъ Вологду, онъ видѣлъ крѣпость, построенную царемъ изъ дикаго камня и кирпича. Въ Ярославлѣ онъ упоминаетъ о судкѣ почти въ тридцать тоннъ, построенномъ Англичанами въ 1565 году для плаванія по Волгѣ: такихъ судовъ, по его словамъ, тамъ не видано. Оно стало, съ полнымъ вооруженіемъ, не болѣе ста марокъ.

*) Рандольфъ пишетъ: These two letters containe one matter against Jenkinson as I believe more then is cause as though he shold have dealt with this prince in some matter of marriage either with this Emperor which is unlykelye or with his sonne them being married и т. д.

Въ Москву прибылъ Рандольфъ, съ своими спутниками: Бенистеромъ и Доккетомъ, 16 октября. Ихъ помѣстили въ посольскомъ домѣ; но къ нимъ никого не допускали. Только докторъ Рейнольдсъ и нѣкоторые англійскіе ремесленники навѣщали ихъ тайно. У Рандольфа было коротенькое письмо королевы Елизаветы отъ 12 іюня, которое вовсе не могло удовлетворить ожиданій царя послѣ того важнаго порученія, какое онъ далъ Дженкинсону. Королева говоритъ только, что она получила чрезъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 года, благодаритъ за выраженную въ немъ благосклонность къ ней самой и къ ея подданнымъ и прибавляетъ, что она посылаетъ теперь Рандольфа, чтобы удовлетворить желанію царя видѣть въ Москвѣ ея полномочнаго посланника. У меня есть копія съ грамоты, которою Рандольфу дано это полномочіе. Бенистеръ и Доккетъ также имѣли письмо къ царю и грамоты полномочныхъ пословъ къ персидскому шаху.

Отъ Рандольфа требовали, чтобы онъ объявилъ о предметахъ своего посольства предварительно князю Аѳанасію Ивановичу Вяземскому (Вологодскому воеводѣ) и дьяку Петру Григорьевичу; но онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на это. Вслѣдствіе того пріемъ его ко двору откладывался до тѣхъ поръ, пока не прибыло въ Москву, чрезъ Нарву, письмо королевы Елизаветы отъ 16 сентября 1568 года, въ которомъ обстоятельно были изложены данныя Рандольфу порученія. При отправленіи этого письма, королева другимъ письмомъ изъявила Нарвскому магистрату свое удивленіе, что ея послы къ царю, Менлей и Миддельтонъ, были задержаны въ Нарвѣ, и поручала ему немедленно препроводить настоящее письмо ея къ царю Іоанну Васильевичу *).

---

*) Въ письмѣ къ магистрату (отъ 16 сент. 1568) сказано: «Magnificis et illustribus Narvensis Emporii, sub potentissimo Imperatore Russiae e. c. supremis Gubernatoribus, amicis nostris charissimis. — Magnifici, illustres amici charissimi. Misimus hoc anno duos nuncios Laurentium Manley et Georgium Middleton, utrumque nostrum perdilectum famulum, cum literis nostris ad Imperatoriam Majestatem Russiae. Accepimus, facultatem transeundi per vestram Jurisdictionem ad Imperatorem vestrum nostro nuncio Georgio Middletono a vobis esse denegatam. Quae res eo maiorem nobic admirationem commovet, quo certiores nos su-

Письмо это впрочемъ столь же мало удовлетворило царя, какъ и присланное съ Рандольфомъ. Оно касалось только купеческихъ дѣлъ и особенно затрудненій въ Нарвѣ. Королева изъявила въ немъ свое удивленіе, что царь даровалъ особую привилегію прежнимъ агентамъ и прикащикамъ компаніи: Гловеру, Руттеру, Беннету и Чепелю. Эта привилегія называется у насъ: «Государева жаловалная грамота даная «аглинскимъ нѣмцомъ Томосу Иванову сыну Гловарю да Рафу «Иванову сыну Рутерру съ товарыщи, четырма человѣкомъ, «7076 году». Эти Англичане были въ связяхъ съ Яковомъ де-ла-Фолія и другими голландцами *).

Вслѣдствіе письма Елизаветы Рандольфъ, Бенистеръ и Доккетъ, 9 февраля 1569 году получили наконецъ аудіенцію, на которой они представили царю, вмѣстѣ съ своими просьбами, разную серебряную посуду. Чрезъ нѣсколько дней Рандольфъ снова позванъ былъ къ царю вечеромъ и бесѣдовалъ

mus, vobis incertum esse non posse, quaequam certa amicitiae ratio, quaequam magna et multa mutuae benevolentiae officia, inter vestrum Principem et nos, inter nostros utrobique subditos, amice et humaniter hoc tempore intercedunt. Sed cum certae jam res sunt momenti magni, quas communicandas habemus hoc tempore cum vestro Imperatore, et quas intelligere imprimis intererit Sua Majestate, propterea a vobis primum pro vestra ergo Principem vestrum obedientia, admodum requirimus, deinde pro vestra, uti speramus, ergo nos quoque observantia etiam petimus, ut has nostras literas, quas cum his vestris conjunximus, primo quoque tempore, ad Suam Maiestatem perferri curetis. Sic, ut nobis aliquando constet (id quod ut constare possit, diligenter procurabimus) vos fuisse in hac officii parte et vestro principi obsequiosos Magistratus et nobis gratos et officiosos amicos. Quo officio vestro, vos nobis non minimam, et commendationem a vestro Principe, et gratiam a nobis etiam poteritis promereri. Id quod vobis, pro nostra quidem parte, exploratum erit, cum ulla nobis ad id idonea dabitur opportunitas. Foeliciter valeatis и пр.».

*) Письма королевы, равно и письмо директоровъ компаніи къ Рандольфу и Миддельтону, посылались въ Нарву къ Андрью Атертону (для отправленія въ Москву). Письмо къ Рандольфу Атертонъ передалъ бывшему тогда въ Нарвѣ пробиреру Томасу Грину. Это навлекло обоимъ непріятности: Атертона, который отправлялъ и московскія письма въ Лондонъ, его слугу въ Москвѣ, равно и Грина, посадили подъ стражу. Атертонъ называется у насъ Андреемъ Ульяновымъ. Въ Нарвѣ находился тогда окольничій Григорій Степановичь Собакинъ; два года спустя, его племянница, Марѳа Васильевна, выбранная изъ числа многихъ сверстницъ, сдѣлалась третьею супругой Грознаго.

съ нимъ часа три. Можно бы подумать, что предметомъ разговора были какія-нибудь тайны, напр. касательно сватовства къ королевѣ; но изъ сохранившагося объ этомъ письма Рандольфа видно, что предметомъ объясненій были обыкновенныя, торговыя дѣла, на которыя притомъ царь не далъ никакого опредѣлительнаго рѣшенія. На другой день Грозный уѣхалъ въ Александровскую слободу; по возвращеніи его оттуда въ апрѣлѣ, Рандольфъ еще былъ у него нѣсколько разъ. 12 апрѣля Рандольфъ послалъ къ царю письмо, въ которомъ жаловался на Гловера, Руттера и Беннета: черезъ день Іоаннъ Васильевичь опять уѣхалъ изъ Москвы. Въ письмахъ отъ 7 мая, къ царю и его совѣтникамъ, Рандольфъ жаловался особенно на Беннета, который въ Нарвѣ распускалъ слухъ, будто бы въ письмахъ Рандольфа въ Лондонъ, пересылаемыхъ чрезъ Нарву, были недоброжелательныя къ царю выраженія. Беннету дѣйствительно поручено было читать и переводить эти письма.

Въ іюнѣ (1569 г.) Рандольфу съ Бенистеромъ и Доккетомъ повелѣно было ѣхать вслѣдъ за царемъ въ Вологду *). Здѣсь изготовлена требуемая Англичанами новая привилегія. и 20 іюня утверждена. 24 іюня Рандольфъ имѣлъ прощальную аудіенцію. Съ нимъ отправлялись въ Лондонъ ближній дворянинъ Андрей Григорьевичъ Савинъ посломъ къ Англійской королевѣ, и дьякъ Семенъ Севастьяновичь, въ качествѣ его секретаря. Одинъ изъ прикащиковъ, Даніэль Сильвестръ, назначенъ былъ въ переводчики, а Томасъ Гловеръ отправлялся для торговыхъ разсчетовъ. Въ іюнѣ сѣли они на корабль у Розоваго острова и въ сентябрѣ были въ Лондонѣ.

Новая привилегія, исходатайствованная Рандольфомъ, давала право Англичанамъ быть подъ вѣдомствомъ лишь Опричины, которая учреждена за четыре года предъ тѣмъ, и не имѣть никакой зависимости отъ Земщины. Англійскій торговый домъ

---

*) А Бенистеръ уже въ Москвѣ былъ боленъ и 3 іюля умеръ на пути, предпринятомъ съ Доккетомъ и 13-ю другихъ Англичанъ изъ Ярославля въ Персію. За годъ до того, въ 1568, изъ Ярославля же предпринята была экспедиція въ Персію Артуромъ Эдвардсомъ и Джономъ Спаркомъ.

находился въ Москвѣ на Варваркѣ за гостиннымъ дворомъ у церкви Максима Исповѣдника, на Юшковскомъ дворѣ. Варварка принадлежала къ вѣдомству Земщины: но для Англійскаго дома сдѣлано исключеніе. Точно также и въ другихъ городахъ, причисленныхъ къ вѣдомству Земщины: существовавшіе и впредь быть имѣвшіе дома Англичанъ отданы подъ начальство Опричины [1]).

Россійская компанія въ Лондонѣ еще въ 1557 г. узнали отъ Непѣи, чрезъ толмача его, Роберта Беста, о существованіи желѣзной руды и о выдѣлкѣ изъ нея уклада въ краю на сѣверо-востокъ отъ Вологды (равно и въ Тулѣ): при возвращеніи Непѣи директоры компаніи послали приказъ доставить образцы этого рода стали. Въ 1566—1567 г. Дженкинсонъ имѣлъ порученіе исходатайствовать у царя позволеніе заложить на счетъ компаніи копи желѣзной руды въ Россіи. Теперь этотъ пунктъ внесенъ былъ въ привилегію. Англичанамъ дозволено было устроить желѣзный заводъ на Вычегдѣ, въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи [2]): для этого имъ отведенъ былъ значительный участокъ лѣса. Въ письмѣ Бенистера и Доккета отъ 25 іюня объ этомъ говорится: He hath given the company a mine of iron with wood and ground to make the same six mile compasse, lying hard by the waterside and is like to growe to great commoditie both to the company and to our country. Мастеровые для заводскихъ работъ и для обученія русскихъ должны были пріѣхать изъ Ан-

---

[1]) Въ письмѣ Бенистера объ этомъ въ Лондонѣ сказано: So that being of Opprisnay no man of Esemsekye dare meddle with the English. Въ рукописномъ англійскомъ переводѣ привилегіи стоитъ: their other houses in our townes of the Sempskyes. А Гаклейтъ передаетъ это словами: Houses in towne of Senopski. Карамзинъ, читая Гаклейта, не догадывался, что Senopski стоитъ здѣсь вмѣсто Semski и towne вмѣсто townes, и полагалъ, что здѣсь разумѣется какой нибудь неизвѣстный ему городъ. Въ видѣнной мною рукописи Рандольфовой привилегіи читается: We have granted them the said house at S. Maxims in Mosko free. А у Гаклейта: at S. Maxims in the halfe free: опять непростительный промахъ.

[2]) У Гаклейта сказано: We have graunted to the English Merchants leave to buy them a house at Wichida. Но въ рукописи читается: leave to build them a house.

глін, гдѣ тогда желѣзо плавилось и ковалось еще посредствомъ древеснаго угля, а каменный уголь, или лучше, коксъ, вошелъ въ употребленіе лишь чрезъ полстолѣтіе. Часть выдѣлываемаго на Вычегдѣ желѣза должно было продавать въ Россіи, другую часть позволялось вывозить въ Англію.

Англійскіе купцы получили также позволеніе передѣлывать иностранные талеры въ ходячую монету. Привилегія, данная 1568 г. Гловеру, Руттеру, Бенету и Чепелю, была отмѣнена, и торговать въ Россіи, а чрезъ нее и въ Персіи, дозволено только членамъ компаніи. Со стороны русскаго правительства было выговорено, чтобы цѣнные предметы, вывозимые изъ Англіи и изъ Персіи, объявлялись прежде всего въ царской казнѣ, и чтобы ей принадлежалъ первый выборъ. Англичане обязывались также исполнять царскія порученія. Имъ дозволено было построить канатную фабрику въ Вологдѣ, близь своего торговаго дома, на подаренной имъ для того землѣ, и дано мѣсто для постройки дома въ Нарвѣ.

Слѣдуетъ сказать о водвореніи Англичанъ въ устьѣ Двины, чтó вовсе выпущено изъ вида нашими историками и географами. Мѣстопребываніемъ ихъ здѣсь былъ такъ-называемый Розовый островъ.

Якорнымъ мѣстомъ для англійскихъ кораблей былъ самый крайній восточный уголъ южнаго края Двинской губы въ Бѣломъ морѣ къ востоку отъ Неноксы, гдѣ Стефенъ Борро и Чанслеръ въ первый разъ ступили на русскую почву. Этотъ уголъ назывался рейдомъ, или бухтою, также гаванью св. Николая.

Изъ четырехъ устьевъ Двины самое южное, названное на картѣ Рейнеке Никольскимъ, называлось тогда Корельскимъ. Между этимъ и ближайшимъ съ сѣвера устьемъ, и прежде и послѣ называвшимися Пудожемскимъ *), находится

*) Южное устье называлось Корельскимъ потому, что оно обращено къ Кореліи; Пудожемское получило свое названіе отъ противолежащаго Пудожемья (прежде выговаривалось: Подужемье; а французъ Соважъ написалъ въ 1586 г. Poudes-James); Мурманское устье названо по Мурманскому морю; а о Березовскомъ, самомъ сѣверномъ устьѣ, служившемъ для самыхъ большихъ кораблей, мы знаемъ отъ Стефана Борро, что оно называлось Березовой губой.

островъ, названный на упомянутой картѣ: Ягры, а въ началѣ XVII вѣка называвшійся Ягорнымъ (вѣроятно отъ *якорь*), именно потому, что здѣсь съ 1553 года корабли становились на якорѣ.

Этотъ островъ Англичане назвали Розовымъ (Rose Island), по причинѣ множества росшихъ здѣсь дикихъ розъ. Южный край его отдѣляется отъ твердой земли лишь узкимъ, самымъ южнымъ рукавомъ Двины, который прежде, какъ видно изъ старинныхъ документовъ, назывался Малокурьемъ.

На этомъ-то островѣ, гдѣ росли «дамасцены и красныя розы, фіялки и дикій розмаринъ», и гдѣ былъ сосновый и березовый лѣсъ, поселились Англичане, насупротивъ Никольскаго монастыря, близь ручья, дававшаго превосходную воду. Впрочемъ, прежде своего здѣсь поселенія, они хотѣли построить домъ на Березовой губѣ. Стефенъ Борро 29 мая 1557 г. измѣрялъ Березовскій фарватеръ и нашелъ въ немъ при самой низкой водѣ тринадцать футовъ. 19 февраля 1559 г. Грей писалъ изъ Холмогоръ къ Лену въ Москву: «Я думаю построить домъ на Березовой или противъ мѣста, гдѣ будутъ становиться корабли; онъ будетъ стоить не дороже трехъ рублей, и если вамъ угодно, въ немъ будутъ двѣ теплыя комнаты».

На Розовомъ островѣ товары, привозимые изъ Англіи, перегружались съ кораблей на дощаники и насады, на которыхъ по Малокурью и Двинѣ перевозились въ Холмогоры, а оттуда въ Вологду. На такихъ-же судахъ и тѣмъ-же путемъ сплавлялись по Двинѣ къ Розовому острову русскіе товары и здѣсь грузились на корабли для отправки въ Англію, а отсюда иногда на югъ Европы. Таможни здѣсь не было: торговля производилась свободно; привозили и вывозили, что угодно. Здѣсь въ англійскомъ домѣ останавливались и пользовались гостепріимствомъ пріѣзжавшіе и отъѣзжавшіе Англичане, проѣзжіе англійскіе купцы и посланники. Здѣсь провели день (13 іюля) Соутгемъ и Спаркъ, ѣздившіе въ 1566 году изъ Хормогоръ въ Новгородъ. Отсюда Рандольфъ посѣтилъ 1568 г. Никольскій монастырь; отсюда писалъ какъ онъ, такъ и Бенистеръ съ Донкетомъ, 12 августа того-же года чрезъ Вильяма Борро къ Вильяму Сесилю: здѣсь Борро далъ тогда-же инструкцію

Джемсу Басендину, отправлявшемуся въ путешествіе на Востокъ отъ Печоры.

Изъ шести кораблей, присланныхъ изъ Темзы къ Розовому острову въ 1567 г., по предписанію компаніи должно было нагрузить товарами только три для Лондона; остальные же, съ воскомъ и саломъ, назначались для Бискаи («Byskeye») и Галиціи («Gallyssia» въ Испаніи), для Лиссабона («Lysheborne») въ Португалліи. Въ Римъ назначалась на пробу пряжа и нѣкоторое количество льна и конопли. Директоры писали, что на корабляхъ, назначенныхъ къ отправкѣ на югъ, поверхъ груза, можно еще положить для Англіи канатовъ (не толще десяти дюймовъ), тюки льну, кожъ, пряжи, равно и другія не тяжелыя вещи, которыя легко можно выгрузить въ Гарвичѣ или въ Downs, послѣ чего корабли могутъ отправляться далѣе. Въ то время (1567) цѣны на русскія произведенія стояли въ Лондонѣ слѣдующія: воскъ — 3 ф. стер. 14 шилл. и 4 ф. ст. за центнеръ; сало — 18 ш.; ленъ — 28—30 ш.; конопля 12 ш.; смоленые канаты, приготовляемые Англичанами въ Вологдѣ — 18 ш. (прежде Англія получала канаты изъ Данцига); пряжа — 11 пенс.; ворвань — 10 ф. ст. за тонну; оленьи шкуры — 6 ш. 8 пенс. за штуку; сыромятныя кожи — 3 ш. 4 пенс. Замѣчательно, что тогда-же требовали на пробу въ Лондонъ русской шерсти, потому что ее считали болѣе годною для шляпъ и войлоковъ *). Прибавлю еще, что изъ Англіи привозили тогда значительное количество соли какъ въ Нарву, такъ и къ Розовому острову. На Двинѣ, хотя здѣсь были свои соловарни, Англичане получали выгоды six dingots на пудъ.

*) Директоры писали: There is a certayne kind of woll verie good in those parts for hatts and ffelts. The Tartarians are accoustomed to make their clooks therof, yt is much like the Estrich wooll. We praye you to send us some therof for a prooffe, ffor we have more perfect ffelts made here in London at this present, than any are made in Spaigne and in great quantitie also.

VI.

Грамота царя Іоанна В., отправленная съ Савинымъ королевѣ Елизаветѣ, — первая, сохранившаяся въ Англіи въ русскомъ оригиналѣ. — Текстъ ея. — Возвращеніе Савина и утвержденіе торговаго договора англійскою королевою. — Докторъ Бомель въ Москвѣ. — Неудовольствіе Іоанна В. на результатъ переговоровъ. — Конфискація англійскихъ товаровъ и уничтоженіе привилегій, данныхъ Лондонской компаніи. — Пріѣздъ Беста въ Москву для переговоровъ по этимъ дѣламъ. — Голодъ и моровая язва въ Москвѣ; нашествіе Девлетъ-Гирея. — Пожаръ въ Москвѣ. — Гибель дома англійской факторіи въ Москвѣ и многихъ Англичанъ въ пожарѣ. — Пріемъ Беста царемъ въ Александровской слободѣ и обѣщаніе возстановить привилегіи. — Прибытіе Дженкинсона и пріемъ его въ Александровской слободѣ. — Возстановленіе привилегіи. — Отвѣтъ царя отъ 14 мая 1572 г. и возвращеніе Дженкинсона въ Лондонъ.

—

Посланная съ Савинымъ грамота царя Іоанна Васильевича къ королевѣ Елисаветѣ подписана въ одинъ день съ привилегіей, именно 20 іюня 1569 г. въ Вологдѣ. Это — древнѣйшая царская грамота, сохранившаяся въ русскомъ подлинникѣ въ Англіи, и потому она не лишена для насъ интереса. Бывъ сложена вдвое, она на складкѣ сильно пострадала отъ огня, вслѣдствіе чего она состоитъ теперь изъ двухъ половинокъ. До сихъ поръ, кажется, никто не касался ея содержанія: въ каталогѣ Коттоновой библіотеки (Nero; B. XI, 90) она значится подъ названіемъ «двухъ русскихъ бумагъ» — «two papers, Russian». Вотъ текстъ, снятый мною съ этого документа:

«Сестрѣ нашей Елизаветн. Божиею милостию королевне «аглинской франповской хиперской оборонителной християнские «вѣры и иныхъ. Что присылала еси къ намъ посла своего то«моса рандолфу зъ грамотою а въ ней писала еси... И мы ту «твою грамоту сестры своей вычли и вразумѣли гораздо и что «твоего наказу съ нимъ было и то все до нашыхъ уть донесено. и твоего посла томоса рандолфа вѣрнейшаго слугу твоего

съ честностию посолскимъ обычаемъ приняли и какъ межъ насъ съ тобою съ сестрою своею братству и любьви быти..... и «дѣло дѣлати съ твоими послы боярина своего и намѣст-«ника вологодцкого князя ѳеонасья ивановича вяземского да діяка своего петра григорьева и какъ пригожъ межъ насъ брат-«ству и любви быти. и они по нашему повелѣнию съ твоимъ «посломъ сестры нашые съ томосомъ съ рандолфомъ на томъ и «договоръ учинили. и мы твоего посла томоса рандолфа къ те-«бѣ сестрѣ своей отпустили а съ нимъ къ тебѣ послали есмя «отъ своихъ вѣрниишихъ ближнего своего дворянина ондрѣя «григорьевича совина да съ нимъ діяка своего семена савостья-«нова и о всѣхъ своихъ дѣлехъ приказали есмя къ тебѣ сестрѣ «своей съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ «совинымъ и съ твоимъ посломъ съ томосомъ какъ межъ насъ «братству и любви быти и межъ обѣихъ земель покою и до-«брому прибытку быти. а о томъ бы еси на насъ не подивила «что посла есмя твоего у собя позадержали. посолъ твои поза-«держался тѣмъ обычаемъ по тому какъ есмя къ тебѣ твоего «посланника онтонія отпустили и которые рѣчи къ тебѣ съ нимъ «приказывали и какъ по тѣмъ срокомъ какъ было къ намъ бы-«ти отъ тебя сестры нашые королевны онтонью и намъ про он-«тонья вѣдома никоторого не учинилось а твой посолъ томосъ «рандолфъ ещо не пришолъжо. ино пришолъ посланникъ твой «юрьи милдунтинъ на ругодивъ такъже и выные мѣста пришли «многие посланники а сказывались всѣ твоими гонцы и мы ихъ «велѣли роспрашивати твой посланникъ онтоней сестры нашие «до тебя дошолъли и что о томъ къ намъ приказъ естьли и «какъ онтоней къ намъ будетъ или хто иной въ его мѣсто къ «намъ будетъ и они обнявся гордостью къ намъ никоторого от-«вѣту не учинили и къ нашему *)... дѣло всторонѣ. а во.. всѣхъ «г.. напередъ дѣла кончаютца да потомъ прибытковъ ищутъ. а

---

*) Недостающія здѣсь строки читаются въ современномъ англійскомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «They (Manley and Middleton) would not come to our near and privie connsaile and would make them privie of none of theire affaires, all that they saide was of marchannt affaires and settinge our highnes affaires aside, as it is the use of all countries that princes affaires should be first ended and after that to seek a gaine».

«и посолъ твой томосъ приѣхавшы за тѣмъ же замешкалъ что «посылали есмя къ нему и пятья и шестья чтобъ у нашихъ со«вѣтниковъ былъ и для того известилъ съ какимъ онъ дѣломъ «приѣхалъ и мыбъ потому его посолство приняли для того что «есмя которое слово приказывали къ тебѣ къ сестрѣ своей съ «онтоньемъ и тому дѣлу явно быти не пригожъ и посолъ твой «не поѣхалъ же къ нашимъ бояромъ на совѣтъ и то дѣло за «тѣмъ проволоклося и какъ посолъ твой наши очи виделъ и боя«ромъ нашимъ то извѣстилъ что за нимъ о томъ дѣле что есмя «къ тебѣ съ онтоньемъ приказывали приказъ есть и мы его «учали жаловати и то дѣло почалось дѣлати и совершивъ «то дѣло отпустили есмя его къ тебѣ съ своимъ посломъ «съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ совинымъ. а что еси при«слала къ намъ свою грамоту съ своимъ гонцомъ съ юрьемъ «съ милдюнтинымъ и съ купцы о купецкомъ дѣле и о счете и «мы то приказали боярину своему и намѣстнику вологодцкому «князю оѳанасью ивановичю вяземскому съ твоимъ посломъ съ «томосомъ сыскати и купцы твои съ тѣми купцы которые у «насъ въ нашемъ государьстве съ томосомъ считались да сче«стись здѣсе не умѣли. и мы для счету отпустили въ твою зем«лю томоса иванова съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ гри«горьевичемъ и они межъ собя тамъ сочтутца а къ тебѣ къ се«стрѣ своей королевне елизавети о твоихъ купцѣхъ о томосе «да о рафе да о христофоре приказали есмя говорити своимъ «словомъ послу своему ондрѣю григорьевичю въ чемъ передъ «тобою тѣ купцы виновати и тыбъ тѣхъ купцовъ для нашего слова «пожаловала опалу свою отдала имъ по тому что тѣ купцы томосъ «да рафъ въ томъ дѣле съ начала были какъ у насъ съ тобою «быти братству и любви. а гостемъ твоимъ и купцомъ о тор«говле какъ имъ въ наше государьство и выные государства «черезъ наше государство ходити съ торгомъ дали есмя грамо«ту по твоему прошенью и по ихъ челобитью а у твоихъ же «купцовъ у томоса у иванова съ товарищи грамоту есмя взяли «а ту есмя грамоту дали б...ж... нашие любви и братства. Да«на грамота... москов... миру ,зоз мѣсяца іюн... а царствъ на«шихъ росіиского кг казанского зі астраханского еі».

Савинъ подалъ королевѣ Елизаветѣ русскую грамоту съ

латинскимъ и итальянскимъ переводомъ [1]). Онъ всѣми силами добивался формальнаго акта о заключеніи дружественнаго союза между своимъ государемъ и англійскою королевою. 6 мая 1570 г. представилъ онъ ноту, которою просилъ, чтобы актъ былъ составленъ для царя (не знавшаго чужихъ языковъ) на русскомъ языкѣ, точь въ точь съ его словъ, чтобы королева подписала его и приложила свою печать. Онъ желалъ также, чтобы Елизавета подтвердила договоръ присягой въ его присутствіи. Онъ просилъ, съ другой стороны, чтобы и королева отправила отъ себя посланника, принять такой актъ союза отъ его государя. Онъ выразилъ еще желаніе, чтобы въ Россію опять послали Антонія Дженкинсона, потому что все дѣло имъ было начато.

Лѣтомъ 1570 года Савинъ, съ Севастьяновымъ, Сильвестромъ и Гловеромъ, возвратился въ Москву. Въ Лондонѣ обнаружилось, что Гловеръ долженъ компаніи болѣе четырехъ тысячъ рублей, которые ему предоставлено было выплатить агенту ея въ Москвѣ, Николаю Проктору. Компанія оказала ему нѣкоторое снисхожденіе въ уваженіе просьбы Іоанна Васильевича.

Союзный актъ былъ подписанъ 18 мая. По желанію Вильяма Гаррарда, онъ былъ переведенъ Сильвестромъ на русскій языкъ еще въ Лондонѣ. Такъ какъ онъ довольно хорошо сохранился въ нашемъ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, то я не считаю нужнымъ распространяться объ немъ [2]). Замѣчу только, что Елизавета увѣряетъ Іоанна, что «она рада будетъ видѣть его въ Англіи съ благородною супругой и милыми дѣтьми», тогда какъ царь съ 1 сентября 1569 года опять былъ вдовцомъ.

Савинъ привезъ съ собою въ Москву человѣка, который

---

[1]) Въ отвѣтѣ королевы отъ 18 мая 1570, посланномъ съ Савинымъ, сказано: Both which tongues (the romayne ant the italian) wee doe well understand.

[2]) Въ Лондонѣ я нашелъ другой проектъ этого акта. Тамъ говорится: We have thought good in some secrit manner to send your highnes for a manifest and certain token of our good will to your highnes estate and suretye this our secret lettre whereunto non are privie besides ourselfe but our most secrit conncell.

надѣлалъ у насъ много зла. Это былъ докторъ Елисей Бомель. Онъ родился въ Везелѣ, въ Вестфаліи, учился медицинѣ въ Кембриджѣ и слылъ за искуснаго астролога. Въ Лондонѣ народъ стекался къ нему, какъ къ колдуну; были его почитатели и изъ знати. Архіепископъ Метью Паркеръ посадилъ его наконецъ въ тюрьму, откуда обѣщались освободить его лишь съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Англіи. 3-го апрѣля 1570 года писалъ онъ къ архіепископу, что знаетъ средство спасти Англію отъ угрожающихъ ей бѣдствій. Паркеръ въ тотъ-же день написалъ объ этомъ къ Сесилю, къ которому 7 апрѣля обратился и Бомель, представляя отрывокъ своего сочиненія: De utilitate astrologiae, въ которомъ онъ доказываетъ, что чрезъ каждыя пятьсотъ лѣтъ въ какомъ-нибудь государствѣ происходятъ великія перемѣны, и что теперь именно столько лѣтъ прошло отъ нашествія Норманновъ. Бомель, очевидно, хотѣлъ напугать правительство въ это смутное время, чтобы такимъ образомъ получить въ глазахъ его значеніе.

Въ началѣ мая Бомель увѣдомилъ Вильяма Сесиля, что находящійся въ Лондонѣ русскій посланникъ, стало-быть Савинъ, присылалъ къ нему въ тюрьму и приглашалъ его ѣхать въ Россію, обѣщая хорошее содержаніе. Бомель просилъ Сесиля не препятствовать этому проекту, потому что въ слѣдующее воскресенье Савинъ намѣренъ былъ просить на это соизволенія королевы. За это Бомель обѣщалъ Сесилю быть его усерднѣйшимъ корреспондентомъ, который будетъ сообщать ему всякаго рода свѣдѣнія о Россіи и сосѣднихъ странахъ (Moscovitarum et vicinorum mores, temperamenta, coeli qualitatem, regionis situm et res ibi memorandas), и, въ добавокъ, ежегодно присылать подарочки (munuscula grati animi significationes). Правительство, вѣроятно, радо было сбыть съ рукъ Бомеля и къ несчастію онъ дѣйствительно пріѣхалъ къ намъ съ Савинымъ.

Бомель много толковалъ съ Грознымъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Александровской слободѣ и въ Вологдѣ. Карамзинъ ошибается, полагая, что Бомель первый внушилъ Грозному мысль свататься къ королевѣ Елизаветѣ: онъ только вновь пробудилъ въ немъ эту мысль своими астрологическими бред-

нями [1]). По словамъ Горсея, который зналъ Бомеля въ Москвѣ, онъ увѣрилъ царя, что королева молода и что есть вѣроятность въ пользу его сватовства. Кромѣ того, своими коварными и корыстными интригами онъ, вѣрно, не разъ вводилъ царя въ опрометчивость. Пользуясь его благоволеніемъ, онъ не только имѣлъ средства жить роскошно, но и отправлялъ чрезъ Англію много денегъ и дорогихъ вещей въ Вестфалію [2]). И въ то-же время, по словамъ Горсея, оставался всегдашнимъ врагомъ Англіи. Онъ былъ казненъ за заговоръ, составленный имъ съ нѣкоторыми другими лицами въ пользу королей польскаго и шведскаго. Сначала онъ запирался, разсчитывая на друзей въ числѣ назначенныхъ Іоанномъ для изслѣдованія дѣла вмѣстѣ съ царевичемъ; но пытка заставила его разсказать больше, чѣмъ заключалось въ его письмахъ, писанныхъ частію по-латыни и по-гречески, частію цыфрами. Карамзинъ говоритъ, что онъ «сожженъ былъ всенародно»; это не совсѣмъ точно. Послѣ пытки, его привязали къ жерди и палили на огнѣ; потомъ, положивъ за мертво на сани, повезли его въ Кремль. На пути, Горсей въ толпѣ, сопровождавшей этотъ поѣздъ, замѣтилъ, что Бомель одинъ разъ открылъ глаза и произнесъ имя Христа. Затѣмъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму и тамъ умеръ [3]). Жена его, урожденная Рикардсъ, въ 1583 г. возвратилась въ Англію съ Іеронимомъ Баусомъ.

---

[1]) «He had deluded the Emperor makinge him believe the Queen of England was yonge and that yt was very favorable for him to marry her». Горсей.

[2]) «He lived in great favour and pompe a skilfull mathematician a wicked man and practicer of much mischieff, most of the Noble wear glad of his dispatch for he knew much by them. He had conveyed great riches and treasures owt of the country by way of England to Waesell in Waestvallia where he was bowrn though brought up in Cambridge, an enymie alwaies to our nation». Strype говоритъ о Бомелѣ: «he was a physician of great fame pretending to be skilled much in art magic and astrology as well as physic perhaps the son of Henricus Bomelius a preacher of God's word at Wezel».

[3]) «Upon the racke his arms drawen back disjointed and his leggs stretched from his middell loynes, his back and bodie cutt with wyre whipps confessed much and many things more than was written or willinge the Emperor should knowe. The Emperor sent word they should rost him. Taken from the pudkie and bound to a wooden pooel or-spitt his bloudy cutt back and body rosted and scorched till they thought no liff in him. Cast into a slead brought throw the castell. I prest amonge many others to see him. Cast up his eys naminge Christ. Cast into a dungeon and died there».

Іоаннъ Васильевичь нисколько не былъ доволенъ тѣмъ, что Савинъ успѣлъ сдѣлать въ Лондонѣ. Въ оправданіе свое, Савинъ письменно изложилъ царю, что тамъ поступали съ нимъ не такъ, какъ слѣдовало съ посланникомъ. Хотя Савинъ умеръ, но его записка оставалась вреднымъ для англійскаго купечества документомъ.

Бывшій съ Савинымъ въ Лондонѣ, толмачъ Даніилъ Сильвестръ, теперь, 24 октября 1570 года, былъ отправленъ съ грамотой царя къ королевѣ Елизаветѣ. Эта грамота содержитъ краткій историческій обзоръ бывшихъ доселѣ сношеній Россіи съ Англіей, — обзоръ не совсѣмъ точный. Въ немъ говорится, будто Чанслеръ пріѣзжалъ въ Россію трижды. Царь жалуется, что Дженкинсонъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія касательно тайнаго порученія, хотя онъ, какъ и бывшій притомъ переводчикомъ, Ральфъ Руттеръ, далъ клятву въ вѣрности. Царь высказываетъ свое неудовольствіе на Рандольфа еще за то, что онъ ни князю Вяземскому, и никому другому не хотѣлъ предварительно объявить, данъ ли ему какой-либо отвѣтъ на тайное порученіе царя. Савинъ не былъ будто бы принятъ, какъ слѣдовало. Царь говоритъ, что Елизавета царствуетъ, какъ женщина, слабо, предоставляя купцамъ распоряжаться дѣлами. Ни о его желаніяхъ, ни о его порученіяхъ, — думаютъ только о своихъ купеческихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе того, заключаетъ царь, теперь онъ приказалъ тотчасъ уничтожить всѣ привилегіи, какъ данныя Рандольфу, такъ и прежнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что теперь онъ отказывается отъ своихъ видовъ касательно Англіи *).

*) На англійскомъ языкѣ эта грамота передана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «You have set aside those (our) great affaires and your councell doth deale with our ambassadour about marchannts affaires. And your marchannts (разумѣются члены Россійской компаніи) did rule all our busines and wee had thought that you had been ruler over your lande and had sought honor to your self and profitt to your countrie and therefore wee did pretend those wightie affaires between you and us. But now wee percieve that there be other men that doe rule and not men but bowres and marchannts the which seeke not the wealth and honour of our majesties, but they seeke their own proffitt of marchanndize. And you flowe in your maydenlie estate like a maide and whosoever was trusted in our affaires and did deceave us, it were not meete that you should credditt them. And

Еще до прибытія Сильвестра въ Лондонъ, королева, вслѣдствіе извѣстія объ уничтоженіи привилегій, полученнаго директорами Россійской компаніи, отправила къ Іоанну Васильевичу съ письмомъ отъ 24 января 1571 года вышеупоминаемаго Роберта Беста, какъ человѣка, хорошо знавшаго по-русски и уже нѣсколько знакомаго царю. Отъ того-же числа королева писала къ королю шведскому Іоанну III, что царь безъ всякаго основанія конфисковалъ всѣ англійскіе товары въ Россіи (inictis manibus sub aresto custodiantur). Потому компанія отправляетъ теперь этого посла (разумѣется Бестъ, впрочемъ не названный здѣсь по имени), для переговоровъ: царь названъ здѣсь Dux). Королева говоритъ далѣе, что купцы намѣрены вывезти изъ Россіи всѣ свои товары, чтобы впредь не подвергаться такимъ непріятностямъ, и потому проситъ короля дать послу свободный пропускъ туда и обратно. Точно также и въ будущее лѣто корабли англійскихъ купцовъ будутъ проходить мимо Швеціи.

Въ письмѣ къ Іоанну Васильевичу Елизавета увѣряетъ, что Савинъ былъ принятъ со всѣмъ должнымъ почетомъ въ Лондонѣ и проситъ дозволить ея подданнымъ свободную торговлю, какъ было прежде.

Бестъ прибылъ въ Россію въ тяжелое время. Здѣсь царствовалъ страшный голодъ *) и свирѣпствовала моровая язва. Въ довершеніе этихъ бѣдствій, 24 мая (1571) явился подъ Москвою ханъ Девлетъ-Гирей съ многочисленною толпою Та-

---

now seeinge it is so wee doe sett aside these affaires and those bowrishe marchannts that have been the occasion that the pretended welthes and honors of our maiesties hath not come to passe but doe seeke their owne wealthes they shall see what traffique they shall have here... all those priviledges which wee have given affore time shall be from this daie of none effect». Въ это трудное время, именно съ 1567 по 1571 годъ, агентомъ компаніи въ Москвѣ былъ Вильямъ Роулей (Rowley), большой знатокъ въ отдѣлкѣ суконъ и въ торговлѣ ими.

*) Даніилъ Сильвестръ съ извѣстіемъ о голодѣ въ Россіи прибылъ въ Лондонъ, вѣроятно, еще въ концѣ 1570 года; потому что въ слѣдующемъ, 1571 году, уже привезенъ на Розовый островъ хлѣбъ изъ Англіи. Этимъ хлѣбомъ былъ нагруженъ, вѣроятно, корабль the Magdalene, на которомъ пріѣхалъ Ричардъ Оскомбъ. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ Англичане не могли продавать и хлѣба: только въ 1572 г. Дженкинсонъ въ Старицѣ испросилъ на то у царя разрѣшеніе. Продажа производилась безпошлинно.

тара. Татарамъ удалось зажечь нѣсколько домовъ въ предмѣстiяхъ, и въ нѣсколько часовъ деревянная столица сгорѣла до тла, такъ, что въ ней, по словамъ одного Англичанина, не осталось кола, чтобы привязать лошадь. Нѣсколько сотъ тысячъ людей, жителей и изъ окрестностей, погибло тогда, или задохлись въ каменныхъ церквахъ и погребахъ, или потонули въ Москвѣ рѣкѣ. Дженкинсонъ въ письмѣ отъ 8 августа 1571 и кто-то изъ посольства короля Сигизмунда отъ 20 iюня 1570, согласно показываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россiи голодъ принуждалъ народъ къ людоѣдству. Дженкинсонъ замѣчаетъ, что моровая язва похитила тогда около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, и около того-же числа истреблено нашествiемъ Девлетъ-Гирея.

Домъ компанiи на Варваркѣ также сгорѣлъ, и въ принадлежавшемъ къ нему погребѣ погибло до тридцати человѣкъ, его жильцовъ и ихъ друзей и знакомыхъ, искавшихъ въ немъ убѣжища. Въ числѣ погибшихъ были: Томасъ Соутгемъ, въ 1566 году совершившiй поѣздку съ Двины въ Новгородъ; Томасъ Карверъ, аптекарь, прiѣхавшiй въ Москву въ 1567 или 1568 г.; вдова золотыхъ дѣлъ мастера. Томаса Грина, съ двумя своими дѣтьми и съ двумя же дѣтьми Ральфа Руттера; но самъ Руттеръ и его жена, равно Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ, спаслись какимъ-то чудомъ. Прежнiй агентъ Томасъ Гловеръ и тогдашнiй — Вильямъ Роулей, чтобы спастись отъ жара и духоты въ пивномъ погребѣ, рѣшились уйти изъ него въ другой погребъ. Не смотря на ѣдкiй дымъ, непозволявшiй открыть глазъ, имъ удалось добраться до другаго погреба; но шедшiй за ними мальчикъ погибъ въ пламени. Въ этомъ новомъ убѣжищѣ они нашли Джона Спарка, спутника Соутгему въ 1566 г. и соучастника четвертой экспедицiи въ Персiю, подъ начальствомъ Артура Эдуардса въ 1568—1569 г. Томасъ Гловеръ, едва спасшiйся отъ пожара, вскорѣ уѣхалъ въ Нарву. Отсюда послалъ онъ, отъ 2 iюля (1571 г.) описанiе этого бѣдствiя, постигшаго Москву и домъ англiйской компанiи при письмѣ къ старшему изъ ея директоровъ, Вильяму Гаррарду, предоставляя разсказать дальнѣйшiя подробности посланному съ этимъ письмомъ слугѣ своему, Джону Гонту.

Другое, менѣе обстоятельное описаніе пожара прислано въ Лондонъ, какъ кажется, Николаемъ Прокторомъ (который впослѣдствіи былъ агентомъ въ Москвѣ); сочинитель говоритъ, что онъ оставилъ Москву за восемь часовъ до запора воротъ и до появленія пламени и спѣшно ѣхалъ въ Ярославль черезъ Переяславль и Ростовъ. Въ концѣ іюля мы видимъ его на Розовомъ островѣ, гдѣ онъ разсказалъ о пожарѣ прибывшему тогда, въ одно время съ Дженкинсономъ, изъ Англіи Ричарду Оскомбу (Uscombe), который передалъ этотъ разсказъ въ письмѣ отъ 5 августа, съ Розоваго острова, къ Генриху Лену. Оба описанія въ сущности согласны: только погибшихъ здѣсь полагается 25, а не 30, какъ у Гловера *). Убытки компаніи отъ пожара были значительны: Вильямъ Роулей оцѣнилъ ихъ въ десять тысячъ рублей.

При приближеніи Татаръ, царь Іоаннъ Васильевичь изъ Серпухова, не заѣзжая въ Москву, прямо отправился на Переяславль и прибылъ въ Ярославль. Здѣсь онъ остановился лишь проѣздомъ въ Вологду, гдѣ онъ въ 1566 году построилъ Кремль съ каменнымъ помѣщеніемъ для своей казны и откуда онъ могъ отплыть на построенномъ для него, просторномъ судне, на Розовый островъ, чтобы укрыться отсюда въ уединенный Соловецкій монастырь, или, въ случаѣ большей бѣды, отправиться въ Англію. Позднѣе онъ избралъ себѣ мѣстопребываніе между Москвою и Ярославлемъ, въ Александровской

---

*) Извѣстный исторіографъ Англіи и Лондона, Джонъ Стоу (Stow), приготовлявшій тогда къ новому изданію свои «Englishe Chronicles», скопировалъ оба описанія московскаго пожара, но невѣрно, и притомъ безтолково слилъ ихъ въ одно. Сверхъ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Гловеръ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, Стоу ошибочно ставитъ: Вильямъ, вмѣсто: Томасъ. Рукопись Стоу хранится въ Британскомъ Музеѣ, съ надписью in Stow's handwriting. Съ этой бумаги снятъ былъ для графа Н. П. Румянцова неполный и съ ошибками списокъ подъ заглавіемъ: Destruction of Moscow by John Stow. Это ввело въ ошибку Аделунга, который считаетъ Стоу сочинителемъ этого описанія, и догадывается, что онъ былъ въ 1571 г. при торговыхъ дѣлахъ въ Москвѣ и какъ очевидецъ описалъ ея бѣдствіе. Съ этой рукописью соединенъ въ одинъ переплетъ сдѣланный Іеронимомъ Горсеемъ переводъ письма Θеодора Іоанновича къ королевѣ Елизаветѣ отъ апрѣля 7097, т. е. 1589 г. (о докторѣ Флетчерѣ): этотъ переводъ Аделунгъ принимаетъ за окончаніе мнимаго сочиненія Стоу о Московскомъ пожарѣ.

слободѣ (нынѣ Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи). Отсюда отвѣчалъ онъ въ августѣ 1571 г. королевѣ Елизаветѣ на письмо, присланное съ Робертомъ Бестомъ. Онъ обѣщалъ возстановить привилегіи, если Дженкинсонъ привезетъ ему удовлетворительный отвѣтъ на данное ему тайное порученіе *). Въ припискѣ къ этому письму сказано, что царь сейчасъ получилъ извѣстіе о прибытіи Дженкинсона на Двину.

26 іюля Дженкинсонъ, съ толмачемъ Даніиломъ Сильвестромъ дѣйствительно явился на Розовомъ островѣ. Онъ пріѣхалъ на кораблѣ the Swallow, который плылъ въ сопровожденіи корабля Harry. Нѣсколько раньше Дженкинсона на Розовый островъ пріѣхалъ Николай Прокторъ и сообщилъ ему, что царь чрезвычайно сердитъ на него. Дженкинсонъ отправилъ къ нему Сильвестра просить его приказаній на счетъ переговоровъ. Кромѣ главнаго письма къ Іоанну, Дженкинсонъ снабженъ былъ другимъ краткимъ, которое онъ долженъ былъ послать къ царю для извѣстія о своемъ прибытіи. Въ Кембриджѣ я нашелъ двѣ редакціи такого письма. По причинѣ карантиновъ ни Сильвестру, ни другому послу не удалось доѣхать до мѣстопребыванія царя; но мы видѣли, что онъ уже въ августѣ имѣлъ свѣдѣніе о пріѣздѣ Дженкинсона. Въ то время Грозный въ Александровской слободѣ занятъ былъ выборомъ невѣсты и 24 октября женился на прекрасной новгороженкѣ Марѳѣ Васильевнѣ Собакиной. Но этотъ flos florum быстро увялъ: черезъ семнадцать дней послѣ свадьбы она скончалась. Чрезъ недѣлю послѣ своей свадьбы Грозный женилъ царевича Іоанна на Евдокіи Богдановнѣ Сабуровой, которую онъ самъ выбралъ также изъ числа многихъ созванныхъ ко двору дѣвицъ. Овдовѣвъ, Іоаннъ Ва-

*) Бесту поручено было также просить царя объ освобожденіи Томаса Грина и Ральфа Руттера, которыхъ, по разсказу Рандольфа, считали заключенными въ тюрьму. Но Гринъ уже умеръ, а объ Руттерѣ, который былъ уже освобожденъ и котораго требовали въ Лондонъ, для того чтобы онъ далъ отчетъ компаніи, Іоаннъ Васильевичь отвѣчалъ, что онъ отпустить его по исполненіи вышеупомянутаго условія. Съ Дженкинсономъ Елизавета еще разъ писала отъ 2 іюня (1571 г.) объ отпускѣ Грина.

сильевичъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о прежнемъ царскомъ посѣщеніи. Онъ прибылъ туда 24 декабря и выѣхалъ оттуда 18 января 1572 года. По возвращеніи своемъ въ слободу, онъ позвалъ изъ Холмогоръ Дженкинсона. 23 марта Дженкинсонъ явился къ царю и поднесъ письмо королевы Елизаветы отъ 2 іюня 1571 г., въ которомъ она отвѣтила на всѣ пункты, выставленные въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года.

И съ этого интереснаго письма я снялъ для себя копію въ Кембриджской публичной библіотекѣ. Странно, что ошибка, допущенная въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года касательно троекратнаго пріѣзда Чанслера въ Москву, и здѣсь повторяется безъ всякаго замѣчанія. Въ письмѣ королевы говорится: Scribit deinde Serenitas Vestra eundem Ricardum Chansler iterum et tertio missum et semper quidem honorifice tractatum et dimissum incolumem. Касательно тайнаго порученія сказано, что Дженкинсонъ вѣрно исполнилъ оное въ свое время, и что его до сихъ поръ не отправляли къ царю потому, что его нужно было употребить противъ непріятеля на водѣ и на сушѣ. Поведеніе Менлея королева обѣщала подвергнуть изслѣдованію, а Миддельтонъ (quem probum virum cognovimus) былъ, вѣроятно, не вѣрно понятъ. О Рандольфѣ сказано, что ему было приказано отдать письмо королевы прямо царю, не говоря о его содержаніи съ совѣтниками. О Савинѣ королева полагаетъ, что его донесеніе въ результатѣ все-таки должно быть удовлетворительно для царя. На замѣчаніе царя касательно управленія Елизаветы сказано: Ille (Jenkinson) verissime narrabit Serenitati Vestrae mercatores nullos statum et res nostras gubernare sed nosmet ipsos rebus gerendis invigilare ut virginem et reginam decet a Deo optimo maximo constitutam, nec usquam gentium cuiquam principi maiorem praeberi obedientiam quam nobis a nostris populis, quod cum Dei optimi maximi munus sit eius numini gratias ob id agimus humilissimas et maximas. Королева надѣется, что привилегіи Англичанъ будутъ возстановлены, напоминаетъ царю о взятіи Вильямомъ Борро польскихъ пиратскихъ кораблей близъ Нарвы въ 1570 году, и замѣчаетъ, что Англія можетъ быть полезна Рос-

сіи разнымъ образомъ: res omnis generis in vestrum imperium subditi nostri exportaverunt ad conciliandam vestram benevolentiam, quas nos ad alios nullos orbi terrae principes exportari sinimus (намекъ на военные снаряды). Et vero possumus vobis confirmare multos principes ad nos scripsisse (разумѣются преимущественно императоръ Фердинандъ и король польскій Сигизмундъ), ut vestram amicitiam deponeremus, nos tamen nullis literis adduci potuimus quin constanter in amicitia permanerimus.

По окончаніи церемоніальной аудіенціи, Іоаннъ Васильевичь удержалъ у себя Дженкинсона еще нѣсколько времени, при чемъ, кромѣ секретаря, присутствовалъ только толмачъ Сильвестръ. Царь говорилъ о причинахъ своего неудовольствія. Кромѣ Менлея и Миддельтона, онъ изъявлялъ неудовольствіе еще на Эдуарда Гудмана, который былъ будто-бы посланникомъ въ Нарвѣ; но я нигдѣ не нашелъ извѣстія о томъ, чтобы Гудманъ былъ отправленъ туда съ порученіемъ отъ королевы или отъ директоровъ компаніи. Дженкинсонъ старался оправдать поведеніе Рандольфа, напоминалъ выгоды, которыя Англія доставляетъ Россіи и просилъ возобновить привилегіи. Имѣя въ виду свой скорый отъѣздъ изъ Александровской слободы, царь велѣлъ Дженкинсону ожидать его прибытія въ Твери. 8 мая онъ потребовалъ его къ себѣ въ Старицу (въ Тверской губерніи) и на аудіенціи 23 мая объявилъ ему то-же, что писалъ королевѣ съ Сильвестромъ, прибавивъ впрочемъ, что теперь, посольствомъ Дженкинсона, онъ удовлетворенъ и думаетъ возобновить привилегіи; но и теперь онъ повторилъ, что рѣшительно отказывается отъ своихъ прежнихъ разсчетовъ на Англію.

Такъ какъ Іоаннъ Васильевичь въ этотъ разъ намекалъ на дурное поведеніе Англичанъ въ Россіи, то кстати замѣтить, что и директоры Россійской компаніи въ Лондонѣ еще за пять лѣтъ до того сильно упрекали своихъ прикащиковъ за ихъ поведеніе въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ. Отъ 18 апрѣля 1567 г. они писали къ своему повѣренному Вильяму Роулею о вкравшихся между ними безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ-то: о пьянствѣ (typling), плотскомъ развратѣ, содержаніи

собакъ и медвѣдей, излишней роскоши въ платьѣ (in velvets and silke), выѣздахъ (they ride when we goe afoote). Имъ предписано было форменное платье и опредѣлена цѣна каждой одежды. Шуба, назначенная на три года, поставлена въ этой табели цѣною въ одинъ рубль

Въ слѣдующій день Дженкинсонъ получилъ отвѣтъ на всѣ свои просьбы, грамоту къ королевѣ и приказаніе отправиться въ Холмогоры, куда ему обѣщали прислать привилегію и Ральфа Руттера, котораго требовали въ Англію. Но въ концѣ іюля Дженкинсонъ принужденъ былъ сѣсть у Розоваго острова на корабль безъ привилегіи и безъ Руттера. Послѣ долгаго и въ высшей степени опаснаго плаванія, 10 сентября онъ присталъ къ берегу въ Норфолькѣ. Хотя онъ былъ цѣлый годъ въ Россіи, однако вовсе не видалъ Москвы, которая за нѣсколько мѣсяцевъ до его пріѣзда въ Россію сгорѣла.

VII.

Новое письмо королевы Елизаветы 20 октября 1572 года посл. съ Сильвестромъ, объ огражденіи компаніи отъ нарушенія ея привилегіи англійскими купцами. Отвѣтъ царя отъ 15 апрѣля 1773 года. — Письма королевы отъ 27 октября того-же года; и отъ 26 мая 1574; послѣднее объ удовлетвореніи за Англичанъ, ограбленныхъ и убитыхъ на Каспійскомъ морѣ. — Мѣновая торговля Англичанъ на лапландскомъ берегу. — Переписка и переговоры между царемъ и королевой въ 1574 и 1575. — О времени названія Симеона Бекбул. госуд. Московскимъ. — Свидѣтельства Вильбрандта, Горсея, Флетчера, Кобенцеля. — Грамота отъ имени Симеона. — Отправленіе Сильвестра въ Лондонъ съ жалобами царя 29 янв. 1576 г. — Смерть Сильвестра отъ грома. — Нѣкоторыя свѣдѣнія по запискамъ Горсея о его позднѣйшихъ услугахъ царямъ Іоанну В. и Ѳедору Іоанновичу.

На письмо царя отъ 14 мая (1572 г.), привезенное Дженкинсономъ, Елизавета отвѣчала письмомъ изъ Виндзора отъ 20 октября того-же года. Королева говоритъ, что Іоаннъ Васильевичъ такъ много сдѣлалъ для Англичанъ, что ей нечего желать болѣе (nihil uberius fieri potuerit, nec in amicitia honorificentius); поручаетъ покровительству царя находящихся въ

Россіи членовъ компаніи, особенно новаго агента ея, Николая Проктора, и ожидаемыхъ изъ Персіи Бенистера и Доккета (перваго впрочемъ тогда уже не было въ живыхъ), и просить не принимать ни какихъ просьбъ отъ Гловера и Руттера, давно уже не принадлежащихъ къ компаніи, а отправить ихъ чрезъ Проктора въ Англію. Это письмо Елизаветы отправлено въ Москву съ Сильвестромъ.

Любопытно видѣть, сколько участія принимала въ дѣлахъ компаніи Елизавета. Когда компанія хотѣла что-нибудь испрашивать у царя, директоры подавали записку о томъ Вильяму Сесилю (съ 1571 онъ Lord Burghley), который немедленно докладывалъ о ихъ желаніи королевѣ. Въ настоящемъ случаѣ просьба компаніи отъ эльдермана Ліонеля Доккета была подана лорду 18 октября чрезъ Даніэля Сильвестра, которому хорошо были извѣстны ходъ и положеніе вещей. Доккетъ просилъ, чтобы письмо королевы дано было Сильвестру на англійскомъ языкѣ, потому что онъ не знаетъ латинскаго языка, и въ Москвѣ едва-ли кто съумѣетъ правильно перевести письмо съ латинскаго на русскій. По тойже причинѣ съ письмомъ королевы отправленъ былъ именно Сильвестръ, а не другой кто-нибудь.

15 апрѣля 1573 года Іоаннъ Васильевичъ писалъ Елизаветѣ чрезъ Сильвестра, что онъ, по ея желанію, предоставилъ Проктору и другимъ Англичанамъ, принадлежащимъ къ компаніи, полную свободу торговли, а Гловера, Руттера и другихъ соперниковъ привилегированной компаніи выслалъ изъ своей земли.

Королева благодарила письмомъ отъ 26 іюля и рекомендовала царю новаго агента, Вильяма Меррика.

Королева узнала отъ Сильвестра, что въ Новгородѣ конфискованы товары компаніи за то, что въ войскѣ шведскаго короля Іоанна III, противъ Россіи оказалось много Англичанъ. Королева отстраняетъ эту непріятность, увѣряя, что то были, безъ сомнѣнія, Шотландцы, а не Англичане. Андрей Атертонъ назначенъ факторомъ, вѣроятно, въ Новгородъ.

27 октября (1573) и 26 мая (1574) Елизавета опять писала къ Іоанну Васильевичу: первое изъ этихъ писемъ привезено

опять Сильвестромъ. Королева узнала, что партія Доккета на возвратномъ пути изъ Персіи ограблена на Каспійскомъ морѣ и что при этомъ нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Они просили царя потребовать удовлетворенія. Вмѣстѣ она сообщаетъ, что теперь, по возобновленіи милости царя и по удаленіи Гловера и другихъ безпокойныхъ людей, она намѣрена посылать въ Россію много кораблей и назначаетъ главнымъ агентомъ своимъ Вильяма Борро, котораго и рекомендуетъ царю.

Въ 1574 году было также прислано нѣсколько компанейскихъ Англичанъ на лапландскій берегъ для мѣновой торговли. Тамъ зимовали: Роджеръ Личь (Leeche), Джемсъ Альдей, Христофоръ Кольтъ и виноторговецъ Адамъ Тонсталь (Tunstal): съ ними былъ еще мальчикъ. Съ 1565 года къ лапландскому берегу стали ѣздить антверпенскіе купцы. Въ 1570 г. они въ первый разъ побывали на Корельскомъ морѣ. На голландскихъ корабляхъ пріѣзжали тогда итальянскіе художники и мастеровые къ Соловецкому монастырю, откуда по Онегѣ отправлялись въ Москву.

Іоаннъ Васильевичь отвѣчалъ королевѣ чрезъ Сильвестра 20 августа (1574 г.). Онъ жалуется на поступки нѣкоторыхъ Англичанъ въ Россіи, на службу ихъ соотечественниковъ въ войскѣ короля шведскаго и вновь напоминаетъ о неисполненіи данныхъ въ 1567 г. Дженкинсону, тайныхъ порученій и выраженныхъ имъ тогда желаній.

Королева отвѣчала на это 9 мая 1575, отправивъ того-же Сильвестра, который теперь снабженъ былъ подробною инструкціей. Въ этомъ письмѣ королева изъявляетъ сожалѣніе, что Англичане въ Россіи ведутъ себя будто-бы дурно, но полагаетъ, что это, можетъ быть, не принадлежащіе къ компаніи; повторяетъ, что мнимые Англичане, находящіеся въ шведской службѣ, вѣроятно, Шотландцы, надъ которыми она не имѣетъ власти. Дѣло о тайномъ порученіи она считаетъ со времени послѣдняго посольства Дженкинсона совершенно оконченнымъ. Присяги въ охраненіи союзнаго договора она не приняла, чтобы не возбудить толковъ, а мысль о убѣжищѣ въ Россіи была бы крайне непріятна ея подданнымъ.

29 ноября 1575 г. Сильвестръ имѣлъ въ Москвѣ аудіен-

цію у Іоанна Васильевича въ его опричнинскомъ дворцѣ, который онъ построилъ внѣ Кремля, по ту сторону Неглинной близъ Воздвиженки, тамъ, гдѣ былъ прежде, сгорѣвшій въ 1564 г. домъ черкасскаго князя Михаила Темрюковича. Эта аудіенція достопамятна въ Русской Исторіи: изъ нея видно, что тогда Іоаннъ Васильевичь только-что возвелъ въ званіе правителя государства, татарскаго хана Саинъ-Булата, крещеннаго, какъ кажется, лишь за два года до того, именно въ 1573 г. и нареченнаго Симеономъ (Бекбулатовичемъ): царь далъ ему титулъ *Великаго Князя всеа Русіи*, а себѣ предоставилъ называться лишь *Государемъ Княземъ Московскимъ*.

Іоаннъ Васильевичь еще разъ выразилъ Сильвестру (хорошо знавшему русскій языкъ) свое неудовольствіе на то, что Елизавета не вполнѣ приняла предложенныя имъ условія союза. Впрочемъ — замѣтилъ царь — онъ предвидѣлъ это еще въ 1567 году, когда давалъ порученія Дженкинсону (котораго онъ самъ тогда приводилъ къ себѣ чрезъ потаенное крыльцо). Но теперь — прибавилъ онъ — бразды правленія уже переданы имъ въ руки чужеземца, нерусскаго уроженца и не-царскаго происхожденія; впрочемъ казну онъ оставилъ въ своемъ распоряженіи. Этотъ чужеземецъ, не кто иной, какъ вышеупомянутый татарскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичь.

До сихъ поръ оставалось въ точности неизвѣстнымъ, когда именно Симеонъ Бекбулатовичь возведенъ въ правители Россіи. Но какъ мы знаемъ теперь грамоту 1 декабря 1575 г., данную еще отъ имени Іоанна, то можемъ догадываться, что правленіе великаго князя Симеона началось именно около этого времени (то есть, съ послѣднихъ чиселъ ноября или съ первыхъ декабря). Въ такомъ случаѣ въ лѣтописи Виллебранда время этого событія обозначено вѣрно. Въ ней сказано: «Въ 1575 г. великій князь Иванъ Васильевичь передалъ управленіе государствомъ татарскому князю, по имени Симеону, попавшему въ плѣнъ при взятіи Казани». Іеронимъ Горсей, одинъ изъ московскихъ приказчиковъ англійской компаніи, полагалъ, что воцареніе Симеона должно считать главнѣйшимъ образомъ за финансовую спекуляцію. Такъ писалъ и докторъ Флетчеръ въ

своей книжкѣ, которая, сказать мимоходомъ, почти вся составлена изъ извѣстій Горсея, какъ Павелъ Джіовіо составилъ свое описаніе изъ разсказовъ Дмитрія Герасимова, а Фаберъ изъ словъ Василія Власія: разница только въ объемѣ. Горсей говоритъ, что Іоаннъ короновалъ Симеона, но не торжественно и безъ совѣщанія съ думой. Онъ сказываетъ также, что самъ царь поклонился Симеону до земли и велѣлъ сдѣлать тоже высшимъ духовнымъ, дворянамъ и чиновникамъ. Замѣчательно, что и Горсей, бывавшій въ домѣ Симеонова тестя, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, называетъ Симеона сыномъ казанскаго хана. Около того-же времени, именно 1 декабря (1575 г.) прибылъ на границу Россіи, въ Оршу, посолъ отъ Императора Максимиліана II, Гансъ Кобенцель фонъ Проссегъ съ Даніэлемъ Принцемъ фонъ-Бухау. Царь едвали могъ быть радъ этимъ гостямъ, которые могли передать императору вѣсть о его отреченіи отъ престола. Можетъ быть, онъ желалъ бы отказать имъ въ пріемѣ; но они были аккредитованы грамотой императора и везли въ даръ царю корону съ императорскимъ шифромъ, украшенную драгоцѣнными алмазами. Пословъ проводили въ Дорогобужъ, куда отправлены были тверской воевода Никита Юрьевичь Юрьевъ-Романовъ и можайскій воевода князь Василій Андреевичь Сицкій-Ярославскій, съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Они представили посламъ письмо Іоанна, которымъ онъ, именуя себя царемъ, просилъ ихъ пріостановиться въ Дорогобужѣ, покуда онъ не возвратится изъ своего путешествія (предпринятаго, какъ объясняли посламъ, по обычаю православныхъ во время бывшаго тогда поста), обѣщая принять ихъ въ скоромъ времени, только не въ Москвѣ а въ Можайскѣ. Пятьдесятъ три дня прождали они въ Дорогобужѣ: въ это время въ Можайскъ перевезена изъ Москвы разная дорогая утварь для пріема и угощенія пословъ съ надлежащею пышностью. Не смотря на всѣ предосторожности, до пословъ дошли какіе-то слухи объ отреченіи царя: они узнали, что Симеонъ коронованъ былъ митрополитомъ *).

*) Кобенцель пишетъ: «Paulo ante nostrum adventum quadraginta circiter nobiles qui in caput ipsius (Joannis) iterum conspirarent, capite plexit, et

Между тѣмъ и Кобенцель и Принцъ сообщаютъ, что царь, принимая ихъ 27 янв. 1576 г. въ Можайскѣ, имѣлъ на себѣ корону (такъ какъ онъ все-таки былъ хотя только московскимъ великимъ княземъ. Возлѣ царевича стояла корона; Іоаннъ Васильевичь держалъ въ лѣвой рукѣ скипетръ, а царевичь — посохъ отца. Во время обѣда обѣ короны стояли на скамьѣ близь стола.

До сихъ поръ не замѣчали, что императорскіе послы были въ Россіи въ правленіе Симеона Бекбулатовича. Между тѣмъ это ясно обнаруживается изъ того, что Іоаннъ говорилъ Сильвестру 29 ноября 1575 года и 29 января 1576. Хотя Горсей, бывшій тогда въ Москвѣ, упоминаетъ, что великому князю Симеону поручено было принимать всѣхъ иностранныхъ пословъ, и что нѣкоторые отказались представиться ему; но это

---

ob improbilitatem subditorum imperio sese abdicans, summam rerum Simeoni Czari Casanensis filio tradidit et diadema quoque ipsi, uti ex quorumdam sermoni intelleximus, per metropolitam imposuit. Путешествіе Кобенцеля, написанное по-иллирійски и потомъ переведенное на итальянскій и на латинскій языкъ, было снабжено невѣрнымъ заглавіемъ: именно, оно приписано Филиппу Пренистайну, бывшему въ Россіи въ 1579 году. А какъ въ самомъ текстѣ записокъ авторъ называется Іоганномъ или Гансомъ, то выдумали Іоганна Пренистайна (Перштейна). Ошибка итальянцевъ повторилась и у Тургенева, а Аделунгъ на томъ-же основаніи находитъ ошибку у Карамзина, тогда какъ онъ самъ, напротивъ, дѣлаетъ ошибку, говоря о Іоганнѣ Перштейнѣ и Филиппѣ Пренистайнѣ. Онъ избѣжалъ бы этой ошибки, еслибы итальянскую рукопись Румянцовскаго Музея, снабженную невѣрнымъ заглавіемъ и такимъ-же хронологическимъ показаніемъ, сравнилъ по Вихману со спискомъ латинскаго перевода, находящимся въ Вѣнѣ. Аделунгъ полагаетъ даже, что Кобенцель и Принцъ были въ Москвѣ. Между тѣмъ дѣла этого посольства были весьма поспѣшно окончены въ Можайскѣ между 24 и 29 января 1576 года, и царь даже не пригласилъ пословъ побывать въ Москвѣ. Принцъ, также оставившій намъ о себѣ записку, долженъ былъ до мая ждать въ Дерптѣ возвращенія бѣлозерскаго воеводы, князя Захарія Ивановича Сугорскаго и дьяка Андрея Арцыбашева, которые отправлены были къ Максимиліану II. Впрочемъ пріемъ и угощеніе пословъ въ Можайскѣ были блистательны. Кобенцель рыцарскою честью увѣряетъ, что онъ не могъ бы ожидать лучшаго пріема ни въ Римѣ, ни въ Италіи. Странно, что ни Кобенцель, ни Принцъ не жалуются, что ихъ не пригласили въ Москву: они какъ будто желаютъ даже, чтобы читатель не замѣтилъ этого. Іоаннъ Васильевичь далъ богатые дары для императора и велѣлъ сказать, что ему было бы пріятно, еслибы Максимиліанъ прислалъ ему архитектора, искуснаго строить церкви и крѣпости, мастера ковать доспѣхи, и хорошихъ п щалей.

относилось, вѣроятно, только къ посламъ азіатскихъ странъ. Пословъ императора Горсей не видалъ. Съ именемъ великаго князя Симеона есть грамота, данная въ январѣ 1576 года: вѣроятно, это было до прибытія Кобенцеля въ Можайскъ. Надобно полагать, что Іоаннъ, оставивъ себѣ только титулъ князя московскаго, сдѣлалъ для императорскихъ пословъ исключеніе и потому-то не хотѣлъ принять ихъ въ Москвѣ. Онъ взялъ правленіе въ свои руки въ началѣ 7085 года, потому что отъ 2 сентября 1586 онъ далъ сохранившуюся до нашего времени грамоту, въ которой онъ называетъ себя царемъ. По этому и здѣсь хлонологія Виллебранда правильна, а Маржеретъ ошибочно продолжаетъ царствованіе Симеона на два года. Горсей пишетъ объ отрѣченіи Іоанна: The device of his own head might have sett him clear beside the saddell, if yt had continewed but a little longer. Yt is happie he is bekome invested again in statu quo prius. Флетчеръ, разумѣется, повторяетъ то же, только въ другихъ словахъ. Такимъ образомъ правленіе Симеона продолжалось отъ начала декабря 1575 года до сентября 1576 (то есть до начала 7085), слѣдовательно девять мѣсяцевъ [1]).

29 января 1576 года, Сильвестръ былъ на прощальной аудіенціи у Іоанна, конечно, въ Можайскѣ, а не въ Москвѣ [2]), гдѣ кромѣ царевича присутствовали послы императора Максимиліана, Кобенцель и Принцъ. Іоаннъ Васильевичь опять

---

1) Послѣ того Симеонъ Бекбулатовичь получилъ титулъ князя Тверскаго, отнятый у него потомъ Θеодоромъ Іоанновичемъ. Дальнѣйшая судьба его извѣстна. Онъ ослѣпъ. Первый самозванецъ 29 марта 1606 послалъ его въ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ принялъ имя Стефана. Царь Василій Ивановичь Шуйскій отправилъ его, 29 мая того-же года, въ Соловецкій монастырь, а князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, по его просьбѣ, снова помѣстилъ его, 25 іюня 1612 года, въ Кирилловъ монастырь. Наконецъ въ 1616 году онъ умеръ и погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ въ Москвѣ, какъ и супруга его Анастасія, умершая еще въ 1607 г., 7 іюня, монахиней подъ именемъ Александры.

2) Во многихъ, видѣнныхъ мною, копіяхъ записки объ этой аудіенціи читается: in his town of Moscovia, вѣроятно, по ошибкѣ писцовъ, вмѣсто Moshaisko, потому что 29 ноября 1575 г. Сильвестръ писалъ: in his Cittye of Musco (а не Moscovia) and howse of Oprishcno. Въ этихъ копіяхъ есть и другія описки.

говорилъ Сильвестру о своемъ отрѣченіи, но прибавилъ, что онъ возьметъ власть въ свои руки, когда захочетъ. Онъ сообщилъ также Сильвестру, что теперь онъ ведетъ съ императоромъ Максимиліаномъ переговоры о союзѣ, какой онъ предлагалъ Елизаветѣ, жаловался на холодность ея къ его предложенію и приписывалъ это ея высокомѣрію; упоминалъ о выгодахъ, какія доставлялъ Англичанамъ въ Россіи, именно о дозволеніи выдѣлывать канаты для англійскаго флота и торговыхъ судовъ, и кончилъ замѣчаніемъ, что онъ оказываетъ Елизаветѣ болѣе расположенія, нежели получилъ отъ нея доказательствъ дружбы.

Въ первыхъ числахъ іюля (1576 г.) Даніэль Сильвестръ съ новою грамотой къ королевѣ Елизаветѣ прибылъ на Розовый островъ, и потомъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ 15 числа того-же мѣсяца, во время приготовленій въ далекій путь въ англійскомъ торговомъ домѣ, былъ убитъ громомъ. Всѣ его бумаги, въ томъ числѣ и царская грамота, вмѣстѣ съ самымъ домомъ сдѣлались жертвой пламени. Царь, получивъ объ этомъ извѣстіе, былъ очень тронутъ и сказалъ: «воля Божья»! Такъ кончились переговоры, веденные Сильвестромъ.

Прерываю здѣсь обзоръ древнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіей въ теченіе слишкомъ двухъ десятилѣтій, хотя и послѣ того они представляютъ въ себѣ не мало любопытнаго. Такъ, изъ Записокъ Жерома Горсея, который, прибывъ въ Москву въ 1572 году, умѣлъ снискать и поддерживать къ себѣ расположеніе двора при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, равно и при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и при Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, я вижу, что царица Ирина Ѳедоровна (сестра Годунова), вступившая въ бракъ съ Ѳедоромъ Іоанновичемъ въ 1580 г., нѣсколько разъ была беременна, прежде нежели въ первый разъ въ 1592 году разрѣшилась дѣвочкой, которая вскорѣ умерла. Горсей, въ описаніи своего путешествія въ Англію, совершеннаго по порученію Ѳедора Іоанновича въ 1585—1586 гг., оставилъ слѣдующую замѣтку. «Я потратилъ много времени, «спрашивая у ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и «лондонскихъ ихъ мнѣній и наставленій для императрицы Ирины въ ея трудныхъ обстоятельствахъ Ѳор консертион анд

«прокврэйшонъ оѳ чилдрень» (при зачатіи и рожденіи дѣтей, т. е. во время беременности и при родахъ). Горсей употребилъ въ этихъ словахъ русскія буквы, чтобы скрыть это содержаніе записокъ отъ любопытныхъ, сдѣлавъ впрочемъ ошибку въ употребленіи буквы р вмѣсто п). «Она вышла замужъ семь лѣтъ «назадъ (въ 1586 году было однако только шесть лѣть) и часто «консеявед» (бывала беременна). (Спрашивалъ вмѣстѣ) «и о нѣ«которыхъ другихъ брачныхъ обстоятельствахъ, на что былъ «уполномоченъ секретно». Королевѣ Елизаветѣ онъ докладывалъ, что Ѳеодоръ Іоанновичь поручилъ ему просить ея величество приказать найти хорошую англійскую повивальную бабку, для супруги его, Ирины Ѳеодоровны. Бабка была найдена и отправлена съ Горсеемъ въ Россію при письмѣ королевы Елисаветы *). При переводѣ этого письма какъ-будто нарочно опущено было мѣсто о повивальной бабкѣ: на русскомъ говорится только о докторѣ Робертѣ Якобѣ, который пріѣхалъ тогда въ Москву во второй разъ. Вѣроятно, это сдѣлано было по распоряженію Годунова, которому, можетъ быть, непріятно было прибытіе искусной акушерки для его сестры-царицы. Повивальную бабку даже и не допустили до Москвы: она доѣхала только до Вологды. Въ одномъ, видѣнномъ мной въ Англіи, письмѣ директоровъ Россійской компаніи къ лорду Бурглею говорится, что царица Ирина даже и не зна-

*) Вотъ текстъ этого письма, по черновому списку, найденному мной въ Кембриджѣ: «Elisabetha etc. Serenissimae Orine Russiae Imperatrici etc. — Serenissima et potentissima Princeps amica et soror charissima. Singularis quae de insigni vestra prudentia virtutibus rarissimis et moribus tanta principe vere dignis fama circumfertur crebro etiam sermone praestantis viri Doctoris Jacobi medici nostri confirmata facit ut Serenitatem vestram vero animi affectu amemus, eique fausta et foelicia omnia ardenter optemus. Ideoque de valetudine et incolumitate vestra non sollicitae esse non possemus. — Itaque non solum (quod nobis amanter petiit) obstetricem expertam et peritam missimus, quae partus dolores scientia leniat, sed medicum etiam nostrum qui nostram valetudinem curare solebat praedictum Doctorem Jacobum una amandamus, hominèm vobis antea cognitum fide plenum ut medica arte in qua excellit, obstetricis actiones dirigat, et vestrae valetudini fideliter inserviat. Cupimus enim vehementer, non in hiis solum sed in aliis etiam omnibus quae Serenitati vestrae placere possunt sororio animo libentissime gratificari. Quam Deus optimus maximus etc. Datum e Regia nostra Grinvici die mensis Martii 24. anno domini 1585 (=1586) regni vero nostri 27».

ла, что королева Елизавета прислала ей повивальную бабку (nor was the Empresse made privie of any suche woman (a midwife) commended from her Maiestie; the Empress never knew of her). Проживъ въ Вологдѣ больше года, бабка, ничего не сдѣлавъ, должна была позднеѣ осенью 1587 года воротиться въ Лондонъ на кораблѣ, отплывшемъ съ Розоваго острова. Подозрѣвая, что она не допущена была въ Москву къ царицѣ Горсеемъ, она подала на него королевѣ Елизаветѣ жалобу. Горсей былъ уже въ 1580 г. отправленъ Іоанномъ черезъ Лифляндію въ Англію съ важнымъ порученіемъ. Надобно было достать нужныхъ тогда, всякихъ военныхъ запасовъ. Письмо царя къ королевѣ Елизаветѣ и его инструкція Горсею тщательно спрятаны были секретаремъ посольства Саввой (или Савельевымъ) Фроловымъ, въ потайномъ ящикѣ деревянной винной фляги, съ виду очень простой, и Горсей прицѣпилъ эту флягу подъ гривой своей лошади. Онъ благополучно прибылъ въ Лондонъ. Королева Елизавета замѣтила, что отъ царской грамоты пахло водкой. Она повелѣла отпустить все, требуемое Іоанномъ, и въ слѣдующее лѣто, 1581 г., Горсей привелъ съ собой къ Розовому острову тринадцать большихъ кораблей, нагруженныхъ селитрой, сѣрой, порохомъ, свинцомъ и мѣдью на девять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. У Нордъкапа онъ выдержалъ битву съ датскими кораблями. Царю представилъ онъ донесеніе въ Александровскую слободу и получилъ должную благодарность.

Съ Горсеемъ прибылъ въ Москву въ первый разъ и докторъ Робертъ Якобъ. Россійская компанія въ Лондонѣ дала ему при отъѣздѣ сто рублей и содержала его на свой счетъ, пока не назначилъ ему, въ декабрѣ, жалованье Іоаннъ Васильевичь. Впослѣдствіи докторъ Якобъ досадилъ компаніи, выславъ въ Англію на свой счетъ большое количество воску, въ ущербъ выгодамъ компаніи. Его братъ умеръ въ Россіи, а онъ самъ, по смерти Іоанна Васильевича въ 1584 г., возвратился въ Англію съ серомъ Жеромомъ Баусомъ, аптекаремъ Фингсмомъ и вдовой Бомеля. Въ 1586 году Горсей привезъ въ Москву множество разныхъ предметовъ и тѣмъ доставилъ царю много удовольствія, а еще больше Годунову.

Въ томъ числѣ было: два льва, двѣнадцать собакъ (mastive dogs, grey and bloud hounds), золоченные доспѣхи, алебарды, пистолеты, органы и эпинеты (музыкальные струнные инструменты съ клавитурой), вещи съ драгоцѣнными камнями, золотыя цѣпочки, жемчугъ, красный и кармазинный бархатъ, и пр. Годуновъ привозилъ свою сестру, царицу Ирину, смотрѣть все это и слушать органы. «Особенно удивлялись», пишетъ Горсей, «органамъ и эпинетамъ, какъ вещамъ никогда невиданнымъ «и неслыханнымъ до тѣхъ поръ; тысячи народа сходились и «стояли около палатъ, чтобы слышать ихъ; мои люди, игравшіе на нихъ, много отъ того выигрывали и были допускаемы «туда, гдѣ и я самъ не могъ быть». Это удовольствіе много способствовало къ тому, что торговой компаніи дана была такая выгодная привилегія и что проживавшимъ на Руси Англичанамъ предоставлены были разныя льготы.

Никита Романовичъ Юрьевъ-Романовъ, дѣдъ Михаила Өеодоровича, имѣлъ домъ возлѣ дома Англичанъ: между ними стояла только церковь Максима Исповѣдника. Когда Іоаннъ Васильевичь отнялъ у него все имѣніе, Никита Романовичь тотчасъ послалъ къ Англичанамъ за бумажной матеріей на необходимое платье для себя и для своихъ дѣтей, стало быть, и для Өедора Никитича, впослѣдствіи патріарха Филарета. Для послѣдняго Горсей написалъ, какъ могъ, латинскую грамматику русскими буквами. Юный Өеодоръ Никитичь находилъ большое удовольствіе въ занятіи латинскимъ языкомъ по учебнику Горсея, хотя онъ конечно былъ крайне недостаточенъ.

До основанія города Архангельска Розовый островъ былъ складочнымъ мѣстомъ въ нашей торговлѣ съ Англіей черезъ Сѣверный океанъ. Когда посолъ Өедоръ Андреевичь Писемскій на возвратномъ пути изъ Англіи*) присталъ къ русско-

---

*) Онъ отправленъ былъ для переговоровъ о Маріи Гастингъ, на которой царь Іоаннъ Васильевичь, по рекомендаціи доктора Роберта Якоби, хотѣлъ жениться, хотя былъ тогда женатъ на седьмой женѣ. Писемскій былъ дворянинъ изъ Шацка. Его секретаря, извѣстнаго намъ только подъ именемъ Неудача, я нашелъ въ Англіи въ переводѣ грамоты, привезенной

му берегу съ посланникомъ королевы Елизаветы. Жеромомъ Баусомъ. то первый остановился въ Николаевскомъ монастырѣ, а второй въ англійскомъ домѣ на Розовомъ островѣ.

Хотя Іоаннъ Васильевичь еще 4 марта[1] 1583 г. повелѣлъ у древняго, достопамятнаго Михайловскаго монастыря, построить городъ по плану, предложенному тогдашнимъ двинскимъ воеводой Петромъ Аѳанасьевичемъ Нащокинымъ, что и выполнилось быстро, однако Англичане удержали за собой позволеніе продолжать дѣла по мореплаванію въ прежнемъ своемъ заведеніи на Розовомъ островѣ. Въ вышеупомянутой привилегіи 1586—1587 г., выхлопотанной Жеромомъ Горсеемъ, говорится: «Мы жалуемъ имъ (Англичанамъ), чтобы они про«должали владѣть домомъ и амбаромъ у становища въ Пудожем«скомъ устьѣ и чтобы они не были обязаны переносить эти за«веденія къ новоустроенному городу (Ново-Холмогоры, позд«нѣе Архангельскъ), по имъ по прежнему дозволяется выгру«жать англійскіе привозные товары и нагружать вывозные рус«скіе у прежняго ихъ дома (на Розовомъ островѣ). Холмогор«скіе чиновники должны только получать списки такимъ това«рамъ, но не имѣютъ права ихъ осматривать». Когда Горсей по полученіи привилегіи и другихъ льготъ для англійской компаніи отправлялся обратно въ Англію, его проводилъ изъ новаго города Холмогоръ къ англійскому торговому двору на Розовомъ островѣ воевода князь Василій Андреевичь Звенигородскій съ большими почестями *). Горсей съ своими людьми сѣлъ на корабль на Розовомъ островѣ 26 августа и вышелъ на

Писемскимъ, съ болѣе полнымъ именемъ: НеудачъГавриловъ, Толмачь Писемскаго назывался Reginald Beckmann. А толмачомъ, который сообщилъ королевѣ возобновленное въ 1583 году желаніе царя пріѣхать въ Англію и жениться на Маріи Гастингъ, былъ Aedius Crow. Королева писала отъ 8 іюня 1583 года, что она весьма рада принять его. Но царь, какъ извѣстно, умеръ 18 марта, прежде нежели Баусъ отправился обратно въ Англію.

*) Горсей пишетъ: «The Duke mett me at the Castellgate with three hunderd gonners shott of their calivers and all the ordinance he hat in the Castell for honnor of my waelcom, all the dutch and french ships (стало быть 1587 года было уже много послѣдователей, прибывшихъ на Двину вслѣдъ за первымъ Французомъ Соважемъ) in that roade shott of also their ordinance by the Duks apointment before I came. He feasted me the next daie brought me to my barge,

берегъ 30 сентября у Тэйнмаута въ Нортумберландѣ, откуда на почтовыхъ чрезъ Іоркъ прибылъ въ четыре дня въ Лондонъ. Королева Елизавета въ Ричмондѣ велѣла Горсею истолковать себѣ русское письмо привиллегіи и сказала: I could quicklie learn it. Лорда Эссекса (Robert Devereux) она вызывала учиться русскому языку (the famous tand most copious language in the world). Дары изъ Москвы представлены ей были позднѣе въ Гринвичѣ; она приняла ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Розовый островъ, какъ и берегъ Неноксы, гдѣ остановился Чанслеръ, заслуживали бы памятника въ воспоминаніе плодотворныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, событій. Розовый островъ былъ колыбелью не только нашей заграничной торговли, но и вообще русскаго мореходства. Заведенное Англичанами мореходство на устьѣ Двины, какъ извѣстно, заманило юнаго Петра побывать тамъ въ 1693 году. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ онъ море и плавалъ по нему; здѣсь побывалъ онъ на иностранныхъ корабляхъ, отсюда отправилъ первый русскій

---

had apointed fifty men to rowe and hundred gonners in small boats to garde me to Rose Iland, did me all the honnor he could in his golden coate, told me he was comanded by the Kings letters so to doe, toke leave and preied me to signifie his service to Boris Fedorowitsch. Came within four hours to Rose Iland beinge but thirty miells wher all the english masters agent and merchants mett me. The gonners landed before me stode in rancke and shott of all their calivers which the ships heeringe shott of also some of their ordinance. The gonners and bargmen made drinccke at the seller dore and dispatched that night back again to the Castell. The next day friers of St. Nicholas brought me a present, fraesh salmons rye loaves, cupps and painted plaetters. The third daye after my arivall (on Rose Iland) ther was sent a gentlemann Sablock Savera a Captain from the Duke, delivered me a copie of his comission of the Emperors and Boris Fedorowitsch their grace and goodnes towards me, presented for my provicion 70 ewe shepe, 20 (16) live oxen and bullocks, 600 henns, 40 (25) flaeches of bakon, 2 milch keyne, 2 goats, 10 fresh sallmons, 10 geese, 2 swans, 2 cranes, 3 yong beares, a wild boare, 40 gallons of aquavita, 100 (65) gallons of mead, 200 (60) gallons of beer, 1000 (600) loaves of white bread, 60 (80) bushells of meall, 2000 eggs, garlick and onyons store. There was four great lighters and many water men etc. ther that came with this provicion which wear all orderly dismist... I took some time to make merrie with the master and merchants havinge some pastymes that followed me, plaiers, danzinge bares and pieps and dromes and trompetts, feasted them and devided my provicion in liberal proportion».

корабль съ товарами въ чужіе краи, здѣсь построилъ первый русскій корабль, который онъ самъ спустилъ на воду и на которомъ въ первый разъ развернулся русскій флагъ. Сюда прислалъ онъ построенный имъ въ Саардамѣ линейный корабль Петръ и Павелъ, здѣсь былъ взятъ съ бою русскими первый иностранный (шведскій) корабль (1701 г.), и черезъ годъ потомъ Петръ велѣлъ построенныя здѣсь двѣ яхты съ берега у Кеми перевезти сухопутьемъ черезъ просѣки лѣсовъ въ Онежское озеро. Эти яхты помогали основателю Петербурга овладѣть Невою.

VIII.

Традескантъ старшій — основатель перваго музея естественно-историческихъ предметовъ и ботаническаго сада въ Лондовѣ. — Традескантъ младшій — сочинитель каталога этихъ собраній. — Экземпляръ птицы додо въ Традескантовомъ музеѣ. — Переходъ этого собранія, по завѣщанію, во владѣніе Ашмоля — Литературные труды Ашмоля. — Изданіе алхимическаго сочиненія Артура Ди, Archiatri imperatoris totius Russiae. — Передача Традескантова музея Ашмолемъ Оксфордскому университету. — Біографическія свѣдѣнія о Традескантѣ старшемъ. — Его связи съ натуралистами его времени и свидѣтельства ихъ о его познаніяхъ и заслугахъ. — Открытіе его собственноручныхъ записокъ о своемъ путешествіи на сѣверъ Россіи — Подлинное имя его — John Coplie. — Отправленіе его съ Додлеемъ Диггсомъ, англійскимъ посланникомъ къ царю Михаилу Θеодоровичу посла русскаго посольства Волынскаго и Поздѣева въ Лондонъ. — Традескантовъ дневникъ во время плаванія. — Прибытіе на Двину. — Замѣчанія Традесканта о растеніяхъ и животныхъ тамошняго края; также о судоходствѣ, скотоводствѣ, земледѣліи и домашнемъ бытѣ. — Возвращеніе Традесканта съ нѣкоторыми предметами естествознанія, вывезенными имъ изъ Россіи. — Позднѣйшія путешествія его въ другія страны. — Путешествія и услуги наукѣ Традесканта младшаго. — Вліяніе собранія и заведенія, основанныхъ Традескантомъ, на его соотечественниковъ въ пользу науки. — Портреты Традескантовъ и ихъ могила.

Въ прежнія времена обыкновенно торговля пролагала пути естествознанію. Такъ и по торговому пути, проложенному Чанслеромъ вокругъ Нордкапа, въ 1618 году отправился къ

намъ на Двину изъ Англіи любитель растеній и собиратель образцовъ изъ царства животныхъ. Это былъ Джонъ Традескантъ. Кто онъ и чѣмъ онъ былъ? какъ и съ кѣмъ пріѣхалъ къ намъ? Что дѣлалъ у насъ?

Джонъ Традескантъ старшій оказалъ не малую услугу отечеству, основавъ первый въ Англіи музей для естественной исторіи и кунсткамеру; у него былъ также первый и въ свое время лучшій ботаническій садъ. Оба эти заведенія были рядомъ, въ Южномъ Ламбетѣ (South Lambeth), не далеко отъ Лондона. Теперь это мѣсто внутри безконечной столицы, на восточной сторонѣ отъ South Lambeth Road (неправильно называемаго южною стороною): строенія стоятъ прямо противъ Спрингъ-Лена (Spring Lane).

Домъ, гдѣ помѣщался музей, называвшійся Традескантнымъ ковчегомъ и гдѣ жили Традесканты, отецъ и сынъ, нѣкоторое время и вдова послѣдняго Эсѳирь, и потомъ Ашмоль, столько разъ передѣлывался внутри и такъ много сдѣлано къ нему пристроекъ, что теперь нѣтъ возможности отыскать, какія комнаты служили для музея и какія для жилья. Зданіе раздѣляется нынѣ на двѣ части. Стариннѣйшую часть, называемую Stamforthouse, занимаетъ Джонъ Александръ Фультонъ, имѣющій возлѣ заведеніе, на которомъ мелется перецъ по привилегированной методѣ; въ другой, новѣйшей части, называемой Turrethouse, живетъ Джонъ Майльсъ Торнъ (Miles Thorne), владѣтель пивоварни въ Найнъ-Эльмсѣ, подъ фирмой: J. M. Thorne and Son.

Традескантъ младшій, значительно обогатившій оба заведенія, составилъ каталогъ всѣхъ предметовъ, находившихся въ музеѣ и въ саду, и издалъ его въ 1656 году подъ заглавіемъ: Musaeum Tradescantianum: or, a collection of rarities preserved at South Lambeth neer London by John Tradescant. Каталогъ снабженъ двумя портретами — отца и сына, работы Голляра (Hollar) *).

---

*) На стр. 4 въ каталогѣ видно, что въ музеѣ находилось между прочимъ чучело додо съ острова Маврикія. Это былъ единственный въ европейскихъ кабинетахъ полный экземпляръ птицы, истребившейся почти уже два столѣ-

Традескантъ старшій умеръ въ 1638 году; сынъ, родившійся въ 1608 г., умеръ въ 1662 г. Единственный сынъ послѣдняго (всѣ трое были Джоны) умеръ еще въ 1652 г., вслѣдствіе чего отецъ, въ 1659 г. 16 декабря, завѣщалъ все собраніе Эліасу Ашмолю.

Этотъ Ашмоль, родившійся въ 1617 г., тогда былъ уже извѣстенъ тремя сочиненіями. Два изъ нихъ, напечатанныя въ 1650 и 1652 гг., трактовали объ алхиміи; третіе, 1658 г., о философскомъ камнѣ, имѣло заглавіе: The way to bliss.

Замѣчательно, что первымъ литературнымъ трудомъ Ашмоля, 1650 года: Fasciculus chemicus, было изданіе сочиненія, написанаго на латинскомъ языкѣ въ Россіи, именно въ Москвѣ, придворнымъ врачемъ царя Михаила Θеодоровича, Артуромъ Ди въ 1629 году. Полное заглавіе этой книжонки таково: Fasciculus chemicus abstrusae hermeticae scientiae ingressum, progressum, coronidem, verbis apertissimis explicans, ex selectissimis et celeberrimis authoribus, tali serie collectus, et dispositus, ut non modo huius artis tyronibus, sed candidatis, summo emolumento, in-

---

тія тому назадъ. Я уже упоминалъ, что Францисъ Уильби, по собственнымъ словамъ его, видѣлъ эту птицу въ Традескантовомъ музеѣ. Можетъ быть, это та самая, которую въ 1638 году въ Лондонѣ показывали живую. Теперь отъ нея осталась только голова, отрѣзанная въ Оксфордѣ въ 1755 году, и одна нога; съ головы я представилъ въ Академію гипсовый слѣпокъ, а съ послѣдней — нѣсколько фотографій костей и сухожилья. Въ Британскомъ Музеѣ хранится одна нога, можетъ быть, та самая, которую видѣлъ до 1605 г. Клюзіусъ въ собраніи профессора Пау (Pauw) въ Лейденѣ, которому она привезена была съ острова Маврикія. Съ этой ноги я также доставилъ въ академію слѣпокъ; заказанъ также слѣпокъ съ головы додо, находящейся въ королевскомъ естественно-историческомъ музеѣ въ Копенгагенѣ, куда она поступила изъ Палюданскаго собранія. Въ Оксфордѣ находится большаго размѣра картина, работы Іоганна Савери, съ подписью 1651 г., писанная масляными красками, изображающая додо: я скопировалъ ее ради красокъ. Дядя этого художника, Рѣляндъ Савери, на своей картинѣ, рисованной въ 1638 году, взялъ додо въ число звѣрей, которыхъ очаровываетъ Орфей. Большая картина, изображающая додо, въ Британскомъ Музеѣ, происходитъ изъ Слоанова собранія, но художникъ неизвѣстенъ. По всѣмъ собраннымъ мною матеріаламъ, здѣсь сдѣлалъ модель додо ученикъ Торвальдсена, г. Енсенъ; съ модели можно отлить снимки и раскрасить натуральными цвѣтами додо.

star speculi Philosophiae habeatur, a nemine hac methodo distributus. Opera et studio Arthuri Dee, Archiatri Magni Imperatoris totius Russiae. Предисловіе къ читателю подписано: Ex Musaeo nostro, Moscuae Kalend. Martii 629. Книжка напечатана въ томъ же 1629 году въ Базелѣ и потомъ въ 1631 г. въ Парижѣ; а Эліасъ Ашмоль перевелъ ее на англійскій языкъ и издалъ, въ 1650 г., съ анаграммой своего имени: James Hasolle. Артуръ Ди, родившійся 1579 г., былъ сынъ извѣстнаго доктора Джона Ди, изъ Мортлека, и 1621 г. съ посланникомъ Исакомъ Ивановичемъ Погожевымъ пріѣхалъ въ Москву и былъ здѣсь до 1626 г., а потомъ, послѣ поѣздки въ Англію, съ 1627 до 1634 г. лейбмедикомъ царя Михаила Θеодоровича. У него былъ свой домъ у Ильинскихъ воротъ и ему дано было помѣстье. Отецъ его, хотя былъ уважаемъ, какъ отличный математикъ, но былъ страстный астрологъ и алхимистъ. Въ 1586 году, когда Горсей хлопоталъ объ исполненіи своего порученія для царицы Ирины Θеодоровны, Джонъ Ди едва не поѣхалъ въ Москву. По рекомендаціи Англичанъ въ Москвѣ царь Θеодоръ Іоанновичь предлагалъ ему выгодныя условія, когда онъ, вмѣстѣ съ Келли, производилъ свои дѣла въ Богеміи, какъ прежде въ Польшѣ. Его сынъ былъ сильно зараженъ фантазерствомъ отца; но въ юной Россіи, къ счастію, мало было воспріимчивости къ этому умственному недугу. Какой-то Францъ Мурреръ въ Москвѣ былъ тогда преданъ астрологіи; это нашелъ я въ Оксфордѣ въ одной рукописи, касающейся Артура Ди, гдѣ сказано: Murrerus was an Astrologer of some account at Mosco.

Другая книга Ашмоля, печатанная 1652 г.: Theatrum Chemicum Britannicum, есть собраніе старыхъ герметико-философскихъ сочиненій. Эта книга сдѣлалась извѣстною лифляндскимъ любителямъ химіи. Въ Оксфордѣ въ экземплярѣ самого Ашмоля, во второй части я нашелъ наклеенную сзади латинскую записку, которую написалъ въ дому Ашмоля лифляндскій дворянинъ Николай фонъ-Вилькенъ: Generose et nobilissime Domine. Adfuerunt hic duo Nobiles Germani artis chymicae amatores, qui viderunt et legerunt librum dominationis

Vestrae Theatrum Chimicum Britannicum, quaedam cum Dominatione Vestra communicaturi, si grave non est et hora commoda desiguabitur. Commorantur in Kingstreet in S. Steefens Alle (St. Stephens Alley) at the 3 glasses of Mumm. Nicholas von Vilcen, Eques Livonus, 18 oct. 1670.

Въ 1650 г. Ашмоль и его жена часто навѣщали Традесканта младшаго въ South Lambeth [1]). Видно, что Ашмоль, своимъ астрологическимъ и алхимическимъ велерѣчіемъ, умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ Традесканта. Ашмоль помогалъ ему также при составленіи каталога музея и ботаническаго сада, вмѣстѣ съ докторомъ Томасомъ Вартономъ (Wharton), которому онъ старался тогда найти хорошую невѣсту посредствомъ астрологическихъ вычисленій. Такъ какъ Традесканту не было никакой надежды имѣть отъ жены своей Эсѳири дѣтей, то онъ, какъ уже упомянуто, духовнымъ завѣщаніемъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ Ашмоля, хотя вовсе не былъ съ нимъ въ родствѣ. Овдовѣвъ [2]), Эсѳирь много лѣтъ вела тяжбу, чтобы оспорить это завѣщаніе, но наконецъ (1674) проиграла свое дѣло и была принуждена передать музей Ашмолю. Въ 1676 г. она дала подписку, вѣроятно, противъ воли, что она спорила несправедливо, и въ 1786 г. утопилась въ прудѣ сада, въ которомъ ея свекоръ и мужъ такъ много сдѣлали для садоводства.

Оксфордскій университетъ далъ въ 1669 г., Ашмолю дипломъ доктора медицины [3]), а онъ предложилъ ему въ даръ Традескан-

---

[1]) Ашмоль былъ тогда женатъ на второй женѣ и былъ ей четвертымъ мужемъ: онъ женился на ней 1649 г. Отъ 20 ноября 1652 до 17 января 1653 г. гостили они у Традескантовъ; 14 декабря (1652 г.) они видѣли комету.

[2]) Всѣмъ троимъ Традескантамъ вмѣстѣ она поставила въ 1662 году памятникъ, который цѣлъ до нынѣ, на кладбищѣ Сентъ-Мери въ Ламбетѣ, возлѣ дворца архіепископа кентерберійскаго.

[3]) Вышеупомянутая вторая жена его, богатая женщина, уже въ 1657 г. старалась развестись съ нимъ и подала на него жалобу на 800 листахъ, но 1668 г. умерла; тогда Ашмоль женился на дочери сера Вильяма Dugdale, который жилъ то въ Оксфордѣ, то въ Лондонѣ, чтобы пользоваться тамошними библіотеками при изданіи своихъ сочиненіи (Monasticon, Baronage и пр.). 1672 г. Ашмоль издалъ исторію ордена подвязки, составлялъ собранія древностей, монетъ, печатей и т. д., которыхъ часть онъ потерялъ въ пожаръ 1679 года.

тово собраніе, съ тѣмъ чтобы университетъ выстроилъ для него особый домъ. Планъ заказали строителю церкви св. Павла въ Лондонѣ, Христофору Рену (Wren), и въ 1679 году зданіе музея было заложено. 16 августа 1682 г. Ашмоль поѣхалъ въ Оксфордъ посмотрѣть на новое зданіе, и въ 1683 г. собраніе, перевезенное изъ Ламбета въ февралѣ и мартѣ, было уже выставлено подъ смотрѣніемъ перваго хранителя его, доктора Роберта Плота [1]).

Это зданіе стоитъ рядомъ съ университетскимъ театромъ [2]), который также построенъ Хр. Реномъ, на иждивеніе докт. Шельдона. Оно называется Ашмолевымъ музеемъ, а не Традескантовымъ, какъ бы слѣдовало: имя истиннаго основателя почти совсѣмъ забыто. Оно едва ли даже произносилось бы гдѣ-нибудь, еслибы въ память его не названо было одно изъ растеній: Tradescantia, какъ сдѣлалъ въ своей Flora Jenensis 1718 Генрихъ Бернгардъ Руппъ по названію у Джона Паркинсона 1629 г.: Phalangium Ephemerum Virginianum Johannis Tradescanti.

Традескантъ старшій былъ садовникомъ у графа салисберійскаго, Роберта Сесиля (сына Вильяма), который умеръ уже въ 1612 году. Потомъ онъ былъ садовникомъ-же у лорда

Тогда же лишился онъ своей библіотеки, которую въ большой пожаръ 1666 г. онъ избавилъ отъ опасности помѣщеніемъ у Эсеири Традескантъ. Изъ письма извѣстнаго своимъ путешествіемъ, Томаса Герберта къ Ашмолю изъ Іорка отъ 1 сентября 1680 г. видно, что Ашмоль тогда уже поселился въ своемъ, то есть Традескантовомъ домѣ. Гербертъ писалъ: I find by Your letter that you do not frequent the Court as You have formerly, having retyred Yourself to Your house in South Lamberth, a place I well know, having been sundry times at M. Tredescons (to whom I have severall things I collected in my travels) and was much delighted with his gardens, so as You have sequestred Yourself to a place of much pleasure as well as privacy.

[1]) Докторъ Плотъ уже 1677 г. издалъ свою естественную исторію графства Оксфордскаго и съ 1682 г. былъ секретаремъ королевскаго общества. По опредѣленіи его къ означенной должности, онъ былъ еще профессоромъ химіи и 1686 г. издалъ свою естественную исторію Стаффордшира.

[2]) Въ этомъ театрѣ была оказана высшая почесть, какую можетъ оказать университетъ, поднесенъ докторскій дипломъ въ 1814 году Императору Александру I, въ 1817 — Императору Николаю I, въ 1839 — Императору Александру II.

Эдуарда Воттона въ Кентербери и затѣмъ у герцога бокингемскаго Джоржа Виллерса: первый умеръ въ 1628 году, послѣдній убитъ въ томъ-же году. Эдуардъ Воттонъ, баронъ мерльскій, былъ посылаемъ, въ качествѣ дипломата, во Францію, Португаллію и Шотландію, и занималъ потомъ важныя должности въ Кентербери, гдѣ у него былъ дворецъ, въ составъ котораго вошла часть прежняго августинскаго монастыря. Отсюда изъ Кентербери посылалъ растенія Традескантъ старшій Паркинсону, и докт. Дюкарель въ своихъ письмахъ доктору Вильяму Ватсону (1773 г.) несправедливо подозрѣваетъ у Паркинсона ошибку (на стр. 141 Paradisus terrestris) и вмѣсто Canterbury хочетъ читать South Lambeth. Возлѣ фамильныхъ портретовъ Традескантовъ, перешедшихъ въ музей вмѣстѣ съ естественными предметами, находится портретъ лорда Воттона. Онъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Традесканту старшему, потому что лордъ Воттонъ умеръ десятью годами раньше его. Традесканты были также садовниками короля Карла I и супруги его, королевы Генріэтты Маріи. Въ надписи на памятникѣ отцу и сыну значится: gardiners to the Rose and Lilly Queen.

Современники Традесканта: лондонскій аптекарь и королевскій гербористъ Джонъ Паркинсонъ, издавшій въ 1629 г. Paradisus terrestris и въ 1640 г. Theatrum botanicum, и другой лондонскій аптекарь Томасъ Джонсонъ, издавшій въ 1633 году сочиненіе хирурга Джона Герарда, всеобщую исторію растеній (the Herbal) со множествомъ своихъ прибавленій, отзываются о Традескантѣ съ большимъ уваженіемъ. Такъ Паркинсонъ въ Paradisus terrestris, стр. 152, называетъ его painful industrious searcher and lover of all natures varities; на стр. 346: that worthy, curious und diligent searcher and preserver of all natures rarities and varieties my very good friend

---

*) Кромѣ того, Традескантъ упоминается въ Paradisus на стр.: 102, 104, 141, 190, 388, 574 и 579; въ Theatrum на стр.: 130, 133, 218, 323, 463, 624, 701, 705, 1058, 1206, 1367, 1454, 1465, 1468, 1477 и 1550; въ Herbal на стр.: 49, 135, 136, 260, 412, 437, 489, 731, 766, 785, 791, 948, 998, 1043, 1208, 1214, 1306, 1427, 1443, 1489 и 1546.

John Tradescant; на стр. 575: my very good friend Master Tradescante has wonderfully laboured to obtain all the rarest fruits hee can heare of in any place of Christendome, Turky yea or tho whole world. Джонсонъ въ Герардовомъ Гербалѣ на стр. 184: Studious in the knowledge of plants, а на стр. 260 называетъ его the great treasurer of natural rarities. Предъ самой смертью его, 1638 г., Оксфордскій университетъ имѣлъ въ виду назначить его въ смотрители своего медицинскаго сада (Physic garden), устроеннаго на иждивеніе графа дэнбійскаго, Генри Данверса.

Въ Оксфордѣ Традескантово собраніе, вскорѣ послѣ установки его въ музеѣ, считалось безцѣннымъ — thesaurus inaestimabilis rerum naturalium *).

Что мы могли донынѣ знать о Традескантѣ, то все содержится преимущественно въ ботаническихъ сочиненіяхъ, изданныхъ вышеупомянутыми современниками Традесканта. Мнѣ бросилось въ глаза мѣсто въ Paradisus terrestris (1629 г.) у Паркинсона, гдѣ авторъ говоритъ (стр. 346) о чемерицѣ, называвшейся тогда Elleborus albus vulgaris: «она растетъ во «многихъ мѣстахъ Германіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,

*) Что и птица додо была перевезена изъ Соутъ-Ламбета въ Оксфордъ, видно изъ сочиненія оксфордскаго профессора Гайда (Hyde), бывшаго также библіотекаремъ въ Бодлеевой библіотекѣ. Сочиненіе это издано 1700 г., подъ заглавіемъ: Veterum Persarum et Parthorum, et Medorum religionis Historia. Гайдъ зналъ додо изъ путешествія Герберта; онъ говоритъ: eius exuviae farctae in auditorio anatomico Oxoniensi servantur. Это прямое извѣстіе важно особенно потому, что Исаакъ Ваттонъ въ изданіи своего Complete Anglers 1676 г., говоря о рыбахъ и другихъ животныхъ, находящихся въ Традескантовомъ, но тогда принадлежавшемъ Ашмолю музеѣ, не упомянулъ о додо. По своей смерти въ 1692 г. Ашмоль завѣщалъ музею книги, рукописи, монеты и другіе предметы. Еще въ 1685 г. въ него поступили книги и рукописи, пожертвованныя тестемъ Ашмоля, серомъ В. Дугдалемъ, а позднѣе извѣстнымъ исторіографомъ Оксфорда, Антоніемъ Вудомъ (Wood). Въ 1697 г. напечатанъ статутъ музея: тогда былъ смотрителемъ его Edward Lhwyd. Я нашелъ замѣтку, что Петръ Великій 1698 г. почти за три недѣли до своего отъѣзда изъ Лондона, именно въ первой половинѣ апрѣля почтилъ своимъ посѣщеніемъ Оксфордскій университетъ. Если это правда, то любознательный монархъ конечно бросилъ взглядъ и на Традесканто-Ашмолевъ музей.

«въ такомъ множествѣ, что, по словамъ достойнаго, любознательнаго и неутомимаго собирателя и сберегателя всѣхъ натуральныхъ рѣдкостей, моего почтеннѣйшаго друга, Джона Традесканта, о которомъ я уже не разъ упоминалъ, корнями «этого растенія, которые онъ видѣлъ тамъ на одномъ островѣ, «можно бы, говоритъ онъ, нагрузить порядочное судно». То же говорится только другими словами, въ Паркинсоновомъ Theatrum стр. 218.

Собирая старинныя извѣстія о Россіи, я ничего не находилъ о пребываніи здѣсь Традесканта ни въ Москвѣ, ни гдѣлибо въ иномъ мѣстѣ, и потому ни какъ не могъ себѣ представить, гдѣ этотъ островъ въ Россіи, наполненный чемерицей. Тѣмъ настойчивѣе держалось въ памяти это непонятное извѣстіе.

Пересматривая рукописи въ Ашмолевомъ музеѣ въ Оксфордѣ, я естественно останавливался на тѣхъ, которыя болѣе или менѣе касаются Россіи. Въ числѣ ихъ есть одна, о которой въ недавно изданномъ каталогѣ (составленіе котораго поручено было весьма способному къ такимъ работамъ г. Вильяму Генри Блеку изъ Record Office въ Лондонѣ) подъ № 824, XVI говорится: A voiag of ambassad (to Russia) undertaken by the right honorable Sir Dudlie Diggs, in the year 1818, p. 175—186b. This curious narrative of the voyage round the North Cape to Archangel, begins with a list of the chief persons employed in the ambassy, and contains observations of the weather, and on the commercial, agricultural and domestic state of Russia at that time. It is written in a rude hand, and by a person unskilled in composition. The last half page contains some chronological notes and other stuff perhaps written by the same hand.

Тутъ я принялся разбирать рукопись, слѣдовалъ за авторомъ на Двину и на тамошніе острова, въ томъ числѣ и на Розовый островъ, и когда я дошелъ до словъ: helebros albus enoug to load a ship, вдругъ молніей блеснула мысль, что въ моихъ рукахъ вѣроятно подлинная рукопись Традесканта. Дальнѣйшія и точнѣйшія разысканія подтвердили мою догадку и я убѣжденъ, что эта рукопись есть его автографъ.

Надобно замѣтить, что въ Англіи не знали ни одного образчика почерка Традесканта: нѣтъ даже его подписи[1]).

Полное заглавіе рукописи, признанной мною за автографъ Традесканта, есть слѣдующее: A viage of Ambassad undertaken by the right honorable Sir Dudlie Diggs in the year 1618, being atended on withe 6 Genttillmen which beare the name of the Kings Genttillmen whose name be heere notted on M. Nowell, brother to the Lord Nowell, M. Thomas Finche, M. Woodward, M. Cooke, M. Fante, and M. Henry Wyeld withe every on of them their man, other folloers on Brigges Interpreter M. Jams, an Oxford man, his chaplain, on M. Leake, his secretary withe 3 Scots, on Captain Gilbert and his son, with on Car, also M. Mathew De Quester's son, of Filpot-lane in London, the rest his own retennant, sume 13 whearof—*Note on Jonne an Coplie Wustershermen*[2]) — M. Swanli, of Limhouse, master of the good ship called the Dianna, of Newcastell, M. Nelson, part owner, of Newecastell.

Что значатъ слова: «отмѣть одного (изъ тринадцати) Джона «an (и?) Coplie людей (?) изъ Восестершира (Worcestershire)», довольно не ясно; во всякомъ случаѣ имя Jonne должно относиться къ самому Джону Традесканту. Эта фраза, можетъ быть, поведетъ еще къ открытію, что Традескантъ былъ родомъ не изъ Голландіи, какъ полагали, а изъ Ворсестершира. Фамилія Традескантъ, можетъ быть, принятая. Замѣчу ми-

---

[1]) Надобно думать, что Ашмоль уничтожилъ бумаги Традесканта; но журналъ его путешествія въ Архангельскъ онъ, къ счастію, точно также не узналъ, какъ и всѣ другіе.

[2]) Изъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, я узналъ имена всѣхъ прибывшихъ въ Архангельскъ съ серомъ Додлеемъ-Дигсомъ. Имя Новеля было Артуръ, Вудварда — Томасъ, Кука — Адамъ, Фанта — Ежова (Жозефъ?). Секретарь былъ Томасъ Ликъ, священникъ — Ричардъ Джемсъ, толмачъ — Юри Бриггсъ. Потомъ слѣдуютъ въ нашей росписи Jessy de Quester, Adam Jones, Thomas Wakefield, John Adams, Thomas Crisp, Leonard Hugh и John Coplie (Джонъ Копле). Этотъ послѣдній долженъ быть нашъ Традескантъ. Отсюда видно, что въ его выраженіи: Note on Jonne an Coplie Wustershermen, должно разумѣть только одно лицо, именно его самого. О другихъ намъ нѣтъ надобности здѣсь говорить.

шоходомъ, что его писали и Традескинъ [1]), что можно раздѣлить на Trade-skin и переводить: торговецъ кожами или мѣхами. Серъ Томасъ Гербертъ писалъ въ 1680 Tredescon.

Серъ Додлей Диггсъ, къ которому присоединился Традескантъ съ цѣлію узнать растенія и животныхъ въ Россіи, былъ въ 1618 отправленъ Іаковомъ I къ царю Михаилу Өеодоровичу, который за годъ до того посылалъ къ королю Ряжскаго воеводу Степана Ивановича Волынскаго съ дьякомъ Маркомъ Поздѣевымъ, преимущественно для того, чтобы устроить заемъ денегъ, такъ какъ финансы Россіи при восшествіи на престолъ Михаила были очень растроены. Въ одно время съ Диггсомъ, на другомъ кораблѣ плылъ обратно въ Россію посланникъ Волынскій. Диггсъ и Традескантъ плыли на кораблѣ Діана, подъ управленіемъ капитана Сванли; онъ былъ изъ Ньюкестля, а настоящее плаваніе началъ изъ Лаймъгауза у Лондона. Одинъ изъ владѣльцевъ его, Нельсонъ, плылъ тамъ-же.

Я выписалъ себѣ нѣсколько мѣстъ изъ путеваго журнала Традесканта. 3-го іюня отплыли на парусахъ изъ Гревзенда. 16-го бросили якорь въ гавани у Тайнъ-маута (въ Нортомберландѣ), и на другой день Традескантъ съ кѣмъ-то, вѣроятно съ Нельсономъ, сдѣлалъ поѣздку въ Ньюкестль для покупки свѣжей провизіи, при чемъ мы узнаёмъ тогдашнія цѣны лососей [2]). Въ день Петра и Павла

---

[1]) Напр. въ стихахъ Флатмана, стр. 14, встрѣчается:

«Thus John Tradeskin starves our wondering eyes
By boxing up his new-found rarities».

[2]) Традескантъ описываетъ это такъ: «Tuesday (the 16 June) to Tinmouth haven, to releve our sick men with fresh vittells from Newcastell. Wednesday (the 17 day), boat hoysed to set the people on shore, and myself and another to go to Newchastell for make provisione of beef and muttone, with many other necessaryes, wheare I bought 11 salmons for 6 s. the cuple, and some for 4 s. the cupple, whiche at London would have been worthe 2 l. 10 s. the cuple. (Какая противоположность настоящему! Огромная разница въ цѣнахъ произошла во-первыхъ отъ упаковки лососей въ ледъ, введенной Демпстеромъ и Ричардсономъ на Теѣ (Tay), и потомъ отъ пароходства у береговъ). Also we went to suppe at the

(29) серъ Додлей Диггсъ рано утромъ послалъ, изъ учтивости, г. Волынскому мясной провизіи и портеру, такъ какъ зналъ, что въ этотъ день русскіе разгавливаются [1]). Вечеромъ того-же дня прилетѣла на корабль птица, хотя это было подъ 66-мъ градусомъ широты и почти въ 60-и лигахъ отъ берега. Птица поймана живою и отдана на сохраненіе Традесканту, который однако не зналъ ея; когда она умерла, онъ сталъ беречь ея шкуру [2]). Въ ночь съ 1 на 2 Іюля, Традескантъ, при самомъ низкомъ положеніи солнца, видѣлъ еще частицу его надъ горизонтомъ [3]). 4-го Іюля отдѣлилась пинаса, назначенная въ Гренландію [4]). 6-го увидѣли они Нордъ-Капъ, а въ слѣдующій

---

best ordinary in the toune with many dishes;.. wen being payd for cam but to 8 d. the peece, which in London, I think 2 s. the peece would have hardli mached it. On Thursday (the 18.) we returned to the ship with sume L. 17 worth of provision. Sir George Selbe sent to my Lord Imbassator (Sir Dudley Digges) for a present 2 salmons and an hogshead of beare; the mayre of Newcastell the day before sent him one samon, using his Genttellmen with much curtisie being a shore at Shields, 6 myles short of Newcastel, his Lordship keeping abord all the while». Серъ Додлей оставался на кораблѣ: онъ страдалъ морскою болѣзнью.

[1]) On Saynt Peetter's day (29 June) on the morning, my Lord (Digges) sent the Russian Ambassator (Волынскій) fresh vyttuals on quarter of mutton, half a fittill porter, etc. 3 live pullets ther lent being but then ended; also at new Castell my Lord sent him two small salmons and 9 gallons of Caynary Sack; the curtiseys hathe passed a yet without requittall.

[2]) Also on Monday nyght (29) the cam a strang bird abord our shipe whiche was taken alive and put to my custody, but dyed within two dayes after being 60 leagues from the shore, whos like I yet never sawe, whos case I have reserved. This was in 66 degrees.

[3]) 1 of July in 67 (degrees) or a little short (?) whear the sunne did showe sume small part of her boddy all the night. Уже подъ 60-мъ градусомъ широтъ Традескантъ записалъ, что ночь такъ свѣтла, что можно писать.

[4]) On Friday the 3 of July a man of M. Delcrass cam abord of us to take counsel about sending away the pennas for Greenland, the year being so far spent, as they thought, the Russe being landed the time of the year would be too far spent whear it was decreed that she should goe on of her intended voyage. This man's name was M. Sryke who was made welcom according to the manner of the sea. My Lord (Digges) sent back with him two bottells of his wine on of Sack and on of Clarret even present fit for such people, yet two great as the time required by reason of our long voyag. Satterday the 4 of July the pennas parted with us. That night at 12 we saw the sun shine about an hour hyghe just northe. Въ предшествовавшіе 4 дня былъ туманъ. 5-го (въ воскресенье) они увидѣли много китовъ.

[illegible] of the North Cape [illegible]
[illegible] the land [illegible]
[illegible] of the King of Denmark [illegible]
[illegible] to show our pase, but we ansered [illegible]
[illegible], we had an English Ambassador on board, which he
[illegible]. Our consort also tould him in like sort [illegible]
[illegible]. Also in his company we fonnd the Compa-
[illegible] from Hamborow 3 weeks with other
[illegible], who he caused their boats to com abord.
[illegible] England 3 weeks lacking a day. The man of war
[illegible] upon that coast of Wardhouse
[illegible] comand of Lapland, whear many Da-
[illegible] have the whole kingdom to be bound to
[illegible], for the snow is never of the ground
[illegible] gun, whiche we ansered with
[illegible] that time parted being now
[illegible] strangers [illegible] sayis bound for Ar-

[illegible] 29 . Стеѳеновъ
[illegible] виденнаго тамъ хре-
[illegible] ownwiue зо-
[illegible] small boat of
[illegible] salmon 3 laves
[illegible] after wee
[illegible] the coaste
[illegible] trees,
[illegible] growne.
[illegible]
[illegible]

какъ отъ берега было почти только три лиги. Традескантъ поймалъ три изъ этихъ птицъ и спряталъ съ нихъ шкуры. Онъ замѣчаетъ, что онѣ похожи на англійскихъ коноплянокъ [1]). 15-го корабль прошелъ черезъ Двинскій баръ: это, должно быть, Березовскій. По словамъ Традесканта выходитъ, что глубина была 12 футъ [2]). Стефенъ Борро въ 1557 г. показалъ 13 футъ. Агентъ англійской компаніи въ Архангельскѣ, тотчасъ по переѣздѣ ихъ черезъ баръ, прислалъ имъ свѣжей провизіи [3]). 16-го, въ гавани, сперва Волынскому, потомъ Диггсу, сдѣлана была военная встрѣча. Неизвѣстный автору по имени приставъ былъ начальникъ стрѣльцовъ Петръ Перфирьевъ [4]). Въ тотъ-же вечеръ подъѣхали къ кораблю на

---

as a porpos, being all over as white as snowe, whiche they say is a great destroyer of the salmons. Именемъ Fox Nose Стефенъ Борро назвалъ въ 1557 году мысъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря у рѣчки Каменной, три мили къ сѣверу отъ Кереца; а этотъ послѣдній есть, должно быть, мысъ, названный имъ Dog's Nose; онъ находится въ осьми лигахъ къ сѣверо-западу отъ Куйскаго Носа, у Борро Coscaynos O Dog's Nose онъ говоритъ: It showeth like a gurneed's head, and is the better knowen because it is fuller's earth, and the like I have not seen in all that country. Тамъ была солеварня. Морской звѣрь, принимаемый Традескантомъ за рыбу, долженъ быть бѣлый дельфинъ (Delphinus Leucas). Этотъ сѣверный дельфинъ иногда смѣшивается съ волжской и каспійской рыбой бѣлугой (Acipenser Huso), потому что и онъ называется бѣлугой. Въ бытность мою въ Шотландіи въ 1815 г., такая бѣлуга Ледовитаго моря нѣсколько мѣсяцевъ была замѣчаема, къ великой досадѣ рыбаковъ, въ Фиртъ-офъ-Фортѣ. Наконецъ удалось убить этого истребителя лососей недалеко отъ Стирлинга. Онъ былъ отданъ профессору Джемсону для музея Эдинбургскаго университета; г. Патрикъ Нейль и докторъ Барклей взялись разсмотрѣть его ученымъ образомъ.

1) On the Monday the 18 of July, ther wer many small birds cam abord the shepe, being sume 8 leags from the shore. I have thre of ther skins whiche were caut by myself and the rest of the company. They did muche resemble the maner of our englishe linnets but far lesser.

2) On Tuesday the 14 of Jully we came to the bar, where we spent on daye because it was calme. On the Wednesdaye we went over the bar having only on foote watter mor than the shep drew. Подъ 6-мъ августа, при выходѣ изъ Пудожемскаго устья, Традескантъ показываетъ, что корабль сидѣлъ въ водѣ на $10^1/_2$ фут.

3) At our first entterance over the bar intto the river we reseved from the agent ou good bullock, 2 sheep, 10 hens, 2 fesants, 6 patriges, non lik the Inglish.

4) On Thursday, the 16 day (of July) we came into the harbor, but before we came halfe the way the souldyars cam to sallut ther owne ambassador (Волынскаго),

лодкѣ Самоѣды: Традескантъ описываетъ ихъ [1]). Подъ тѣмъ-же числомъ онъ показалъ въ себѣ хорошаго наблюдателя, потому что съумѣлъ замѣтить достопримѣчательное явленіе — двойной приливъ (маниха). Онъ пишетъ: «въ эту ночь «мы подняли якорь по причинѣ двухъ приливовъ: первый про«должается только два часа, за нимъ слѣдуетъ сильный отливъ, «и черезъ два часа настаетъ продолжительный приливъ, какъ «у насъ [2]).

Нетерпѣніе, съ какимъ Традескантъ желалъ ознакомиться съ растительностью бывшей передъ его глазами двинской страны, было такъ велико, что онъ попросилъ перевести его на катерѣ ихъ корабля. Съ перваго шага на берегъ ему кинулась въ глаза ягода, похожая на землянику, но листьями нѣсколько сходная съ Aveus (Geum urbanum?); эти ягоды, сказали ему, употребляются противъ скорбута. Такъ какъ онѣ были янтарнаго цвѣта, то это была, должно быть, морошка [3]).

---

but not us; but in the halfe way passage in the river the Grand Prestave sallated my Lord (Digges) withe main boats full of souldyers, who himself was entterteyned in the cabbin withe a banket of sweet meats, the agent and the rest of the Inglish marchants having had the like enterteynement just before his coming, whear at his departur we gave 8 peeces of ordnance, and he us bis small shot, whiche was but poorlie performed, ther peeces being hardli so good as our calliver, neyther had the soulgers any expertnce like to thees in thees parts.

[1]) That night (16 July) came abord of our ship a boat of Sammoyets, a miserable people, of small growth. In my judgment is that people whom the fixtion is fayned of that should have no heads, for they have short necks, and commonly wear ther clothes over head and shoulders. They use bones and arrowes the men and women be hardlie known on from the other, because the all wear clothes like mene, and be all clad in skins of beasts packed very curouslie together, stokings and all. They kill moste of the Loth deer that the brought. The be extreme beggers not to be denied.

[2]) Farther, that night (16 July) we wayed anccor by resen of the two fluds; the first is but 2 howres, and then a swift ebe; and then presentlie after two hower along flud like ours. Наша Академія, какъ извѣстно, производила надъ манихой, при устьѣ Двины и на близъ лежащихъ мѣстахъ берега Бѣлаго моря, наблюденія посредствомъ прибора, собственно для того изобрѣтеннаго академикомъ Ленцомъ и названнаго гипсалографомъ.

[3]) I desired to have the boat to go on shore which was hard by whear when we wear land I found a bery growing lowe which in bery was muche like a strawbery but of an amber coller and of other fation of leaf: the people eat the bery

Онъ высушилъ нѣсколько ягодъ, чтобы получить сѣмена, и впослѣдствіи часть ихъ послалъ въ Парижъ ученому садоводу Робену, вѣроятно, Веспасіану, котораго отецъ, Жанъ, основалъ первый хорошій ботаническій садъ въ столицѣ Франціи, откуда уже въ послѣднія десятилѣтія XVI столѣтія онъ посылалъ въ обмѣнъ сѣмена Герарду въ Лондонъ [1]). Мы положительно знаемъ, что Веспасіанъ Робенъ изъ Парижа посылалъ Традесканту въ Лондонъ американскія растенія.

Но Традесканта интересовали не одни наши растенія. I would have given five shillings for one of their skins: «я далъ бы пять шиллинговъ за одну изъ ихъ шкурокъ», сказалъ онъ, когда надъ нимъ пролетѣли птицы, изъ которыхъ одна, имъ описанная, долженъ быть тетеревъ [2]). Традескантъ отмѣтилъ даже о находкѣ куска змѣиной кожи.

16-го іюля вечеромъ, корабль остановился предъ англійскимъ домомъ въ Архангельскѣ, и на другой день (17-го) Традескантъ, со всѣмъ обществомъ, сошелъ на берегъ. Имъ дали для помѣщенія три дома, изъ которыхъ два принадлежали двумъ Голландцамъ, а третій Англичанину Вилькинсону [3]).

---

for a medsin against the skurbi the leaves be muche like our Avince (неразборчиво написано) and of such a greene. I have brought sume of them hom to show. I dried sume of the beryes to get seede whearof I have sent par to Robiens of Paris.

[1]) Это видно изъ Горардова «Гербалія» (1597 г.); это повторяется и въ Джонсоновомъ изданіи. См. стр. 108, 132, 136, 151, 348, 717, 902, 946 и 979. И Паркинсонъ упоминаетъ о Робенахъ въ Paradisus стр. 91, 106, 118 и 434, въ Theatrum стр. 323, 324 и 541. На стр. 323 «Театра» онъ говоритъ, что Традескантъ получилъ отъ Веспасіана Робена корень Doronicum americanum (Rudbeckia laciniata) и подѣлился съ нимъ. (Паркинсономъ). Жанъ Робенъ около 1600 г. воспитывалъ въ своемъ саду уже болѣе тысячи разныхъ растеній. Его именемъ названъ родъ растеній Robinia. Отъ Генриха IV онъ получилъ титулъ Herboriste (или Simpliciste) du Roy, а Пьеру Вале, носившему титулъ Brodeur ordinaire du Roy, доставлялъ цвѣты для вырѣзыванія образцовъ шитья для придворныхъ дамъ. См. книгу: Le Jardin du Roy très chrestien Henry IV Roy de France et de Navarre dedié à la Royne par Pierre Vallet, brodeur ordinaire du Roy, 1608.

[2]) У Традесканта описаніе ея нѣсколько странно: «great to the bignes of a fesand, the wing whit, the bodie green, the tayll blewe or dove collar».

[3]) They be all built of wholl trees layd on the top of the other very strong, withe fayr roomes packed betwin the hollowes withe wood moss. Having but four bedsteads, content to lay our bodi on the ground.

20-го Іюля Традескантъ выпросилъ себѣ царскую ладью, чтобы объѣхать острова въ Двинской дельтѣ на сѣверозападъ отъ Архангельска и узнать, какія тамъ водятся растенія [1]).

Въ эту-то поѣздку нашелъ онъ на одномъ островѣ такъ много чемерицы, Helleborus albus, нынѣ Veratrum album или V. Lobelianum. Я уже упомянулъ, что это мѣсто у Традесканта дало мнѣ возможность признать его за сочинителя этой рукописи. Мимоходомъ онъ замѣчаетъ, что это растеніе по-русски называется: камарица. Изъ этого видно, что въ теперешнемъ названіи звукъ *ч* произошелъ изъ *ц* или *к*. И такъ въ Россіи это растеніе названо не отъ чиханія, которое оно возбуждаетъ, какъ названо Нѣмцами, но отъ свойства его убивать комаровъ (и мухъ), о чемъ упоминается въ старыхъ ботаническихъ книгахъ. Уже Плиній говоритъ: Muscae necantur albo (sc. Elleboro) trito et cum lacte sparso. Въ Contrafayt Брунсфеля, травникѣ 1532, на стр. LXV значится: Will tu im August alle Mücken tödten, so nim Nyesswurtz, beytze sye in milch und die selbig milch stelle den mucken für zu trinken. Такъ какъ въ Россіи весной отъ таянія снѣгу большія рѣки много потопляютъ земли, а это благопріятствуетъ размноженію комаровъ, то для жителей и посѣтителей Двинской дельты, гдѣ также много этихъ насѣкомыхъ, важно было имѣть подъ руками средство ихъ истребленія; отъ того произошло имя: комарица, нынѣ чемерица. Замѣчу впрочемъ, что нынѣ такое употребленіе чемерицы мнѣ неизвѣстно.

О черемухѣ (Prunus padus) Традескантъ сообщаетъ, что Англичане въ Архангельскѣ называли эти ягоды дикой вишней. Въ самомъ дѣлѣ, русское названіе содержитъ въ себѣ слово Cerasus, вишня. Онъ взялъ нѣсколько вѣтвей черемухи, которыя уже пустили корни въ землю, и надѣялся, что нѣкоторыя

---

[1]) On Monday (20 July) I had on of the Emporor's boats to cari me from Iland to Iland to see what things grewe upon them, whear I found single Rosses, wondros sweet, withe many other things whiche I meane to bringe with me... We had a comander withe us, who was glad to be partaker of coorte cake, as we thear could get, whiche was sower creame and oatmeall pastill very poorli mad, which to them was a great bankit.

изъ нихъ примутся рости въ Англіи, при чемъ онъ имѣлъ въ виду употребленіе этого гибкаго дерева на обручи. Онъ разсказываетъ, что англійскіе упаковщики въ Архангельскѣ часто дѣлаютъ изъ черемухи обручи на боченки съ икрой, потому что это дерево необыкновенно гибко и прочно. Фламандцы, Голландцы, Гамбургцы и Русскіе, по словамъ его, много тогда дѣлали обручей изъ черемухи, и она отправлялась даже въ Англію на обручи къ бочкамъ для гренландскихъ рыбныхъ промысловъ [1]).

Традескантъ называетъ еще нѣсколько видѣнныхъ имъ деревьевъ и травъ. Его четыре сорта деревъ должны быть: сосна (Pinus sylvestris), ель (Picea [Abies] obovata или vulgaris), лиственница (Larix sibirica) и пихта (Abies sibirica [Ledeb.]). Онъ говоритъ о крупной березѣ (Betula alba) и объ обычаѣ въ маѣ и въ іюнѣ выпускать изъ нея сокъ для изготовленія пріятнаго напитка [2]). Изъ ягодъ онъ называетъ красную, черную и

---

[1]) They have littill trees that they make hoops of, which the Inglishe say they be wilde cheryes, but I cannot believe it. It is of that kind, but is like a chery in leafe and beareth a bery les than our Searbis (то-есть Sorbus) bery somwhat blackishe, but was not ripe at my being theare; the wood is wondros pliant, and if a twig chance to tuche the ground it will take roote, as I have seen in many places. I took up of them in July, an brought them over a plant or two, which I hope will growe; for all the unfit season of the yeare they be very willing to grow. Now for the abundance of hoopes that ther is mad, I may imagine, for our coopers, for the great caske of caveare, and the Fleming, Hollanders and Hamburgers and Russes, spend such abundance, yet our people bring them away for the hooping of the cask in Greenland; and by the report of the coopers, they be the best hoops in the world, for they say in a whole day they break not on.

[2]) In the cunttrie, as 5 parts is woods and unprofitable grounds, I have seen 4 sorts of firtrees an birch trees of great bignes, whiche in the spring tyme they make incistion for the juce to drinke, which they saye is a fine coole kind of drink, which lastethe the most part of May and the begining of June. О невидѣнныхъ имъ деревьяхъ Традескантъ говоритъ: «By report they have most sorts of trees that we have in Ingland, up in the contrie, both oake, elm and ashe, aple, peare and cheryes; but the frut les, and not so plesant. This have bin tould me, and amongst the rest of a plant that growethe upon the Volga, whiche they call God's tree, whose leaves be much lik to fennell; but the report is, is pasing sweet and of great vertue». Это—Artemisia abrotanum, по-русски *Божье дерево*, чтò, вѣроятно, и заставило Традесканта принять эту траву за дерево.

бѣлую смородину (Ribes rubrum, nigrum et album): по словамъ его, она тамъ была крупнѣе, чѣмъ видѣнная имъ гдѣ-либо въ Англіи; три или четыре сорта Vaccinium: красный V. брусника (Vitis idaea), можетъ быть, также клюква (Oxycoccos palustris), два сорта синяго цвѣта: черника (V. myrtillus) и, можетъ быть, голубица (V. siliquosum) [1]) Онъ нашелъ также: Angelica (Archangelica?), Lysimachia (vulgaris), Pentafolia major (Potentilla?), Geranium (flore caeruleo), но конечно pratense, Saxifraga (Pimpinella?), Sorel (Rumex), Rosasolis (Drosera) и т. д. [2]).

Въ Паркинсоновомъ Paradisus terrestris 1629, стр. 528, я считаю за опечатку, когда говорится о видѣ земляники, привезенномъ будто-бы Традескантомъ изъ Брюсселя: вѣроятно, должно быть изъ Россіи [3]).

Традескантъ дѣлаетъ, хотя и краткія, замѣтки о зерновомъ и печеномъ хлѣбѣ, о мясѣ, о пивѣ, о пахатной землѣ, о плугахъ, телѣгахъ, о бревенчатыхъ мостовыхъ въ городѣ Архангельскѣ, о ловкомъ употребленіи простыхъ плотничныхъ

---

1) I have seene shrubs of divers kinds as Ribes, or as we call them currants whit, red, and black, far greatter than ever I have seen in this cuntrie; 3 or 4 sorts of whorts, red ons, and two sorts of blewe ons. The currants, and all other things wear so much biger than ours, as I could gather by the vygor of the somer, which is so quick, that when a thing is in blosom it never fellethe could till it is a perfect frute.

2) Also I have been tould that thear growethe in the land both tulipes and narsisus. By a Brabander I was tould it, thoug by his name I should rather think him a Hollander. His name is Jonson, and hathe a house at Archangell. He may be eyther, for he always druke (is drunk) once in the day.

3) Тамъ читается: «There is (another strawberry) very like unto this, (the Virginia strawberry, which carrieth the greatest leafe of any other except the Bohemian), that John Tradescante brought with him from Brussels (Russia?) long ago (1618); and in seven yeares could never see one berry ripe on all sides, but still the better part rotten, although it would every yeare flower abundantly, and bear very large leaves». — Впрочемъ Традескантъ, надобно замѣтить, вотъ что записалъ въ дневникѣ о земляникѣ: «I also saw strawberyes to be sould, but could never get of the plants; but the beryes wear 3 times at my Lords (Digge's) table; but they were in nothing differing from ours, but only les, which mad me that I did not so much seek after them». При всемъ томъ онъ, вѣроятно, взялъ съ собой сѣмена.

инструментовъ, о постройкѣ домовъ, крестьянскихъ дворовъ и т. д. [1]).

---

[1]) Традескантъ описываетъ вещи, имъ самимъ видѣнныя: «Things by me observed». За тѣмъ слѣдуетъ:

Imprimis for the sowing of rye the sewe in Jully, ther wheat in June, these two grazers growe sume 13 monthes before they be reaped by reason of the snow falling in August or September, and so liethe till the May after.

The harvest is in August and the beginning of September; their barly, oats, and pease they sowe in May the last, and commonly reaped the first of August, or the last of July.

I have bin showed oats whyte, very good, whiche wer sowne, and mowne, and keapet, thrashed in 6 weeks.

For ther howses they be made all of long peeces of fire, being half cut away on the insyde. They be glased withe glas called Slude; their ruffes ruffes be flat almost and cut bordes of a handfull thick layd longwayes doune the ruffe; they have the rinds of birche trees under the borde, which be as broad a yearing calfe or broader, and 3 yards long, whiche they laye the edges on above another, and doo defend the wet, and rayne, and snowe.

Now for ther warmthe they have stooves wherein they heate ther meat, whiche is so well don that in givethe great content to all strangers.

For beds I have seene none of the Ruses but think for the most part they sleep upon bed steads, and most of ther beding is beare skins, and other skins. The English and Leefelanders, I have seen ther beds lik to thees borded beds in Ingland, of a mean sort.

For ther meat and bread, it is resonable god, they have bothe wheat and rie bread, and is full as good as most places of Ingland dooe afford, only they never bake it well, and have many foolish fatyons for ther form of ther loafe, sum littil ons so littill as on may well eat a loaf a two mouthe full, other great onse but much shaped like a horse shooe, but that they be round, and a horse shoe is open in the on end. Also they have a broune kind of ryebread, whiche is both fine and good. I have seen at the Inglishe house, and also in the Duche houses, Leeflanders so good bread as I have yet never seen the like in this cunttrie.

For ther drinks they be meads made of hony and watter, and also beere; but ther Ruse beer is wonderfull base of an ill taste, but ther best meade is excellent drinke, mad of the hony whiche is the best honny of the world. I have drunke such beere brewed by a russe in the Inglishe house, bothe for strenghe and for good tast as I have never betterd it in Ingland.

For the mutton and beefe it was bothe small and lean, ther shape much like to the Norfolk sheepe; ther beefes like runts of 4 marks price; ther hens and cokes small, and no capons. Ther pidggs they spend wonderfull small, the hogs short, well trused swine, ther bacon tasts much after oyle, because of the muche fishe ther hogs eate.

Ther land, so muche as I have seene, is for the earable fine gentill land of light mould, like Norfolke land, without stons; ther maner of plowes like oure, but

Ему показывали, овесъ, который черезъ шесть недѣль послѣ посѣва былъ уже обмолоченъ. Хлѣбъ находилъ онъ стольже хорошимъ, какъ и въ большей части Англіи; но печеньемъ и внѣшнею формой хлѣба онъ не былъ доволенъ. Кромѣ пшеничнаго и ржанаго хлѣба, онъ упоминаетъ о печеньяхъ лучшаго сорта.

Скотъ находилъ онъ мелкимъ: овецъ — въ родѣ норфольскихъ, говядину и баранину тощею. Куры и пѣтухи мелки; каплуновъ вовсе нѣтъ. Поросятъ, говоритъ онъ, употребляютъ къ столу слишкомъ молодыхъ; ветчина отзывается ворванью,

---

not so neat, muche like to Essex ploughes, withe wheels, but the wheels very evill made.

The carts be littill ons, long narrow ons, muche like them of Stafordshir; the wheels be lowe mad of two peeces of slit fir timber, being thik wheare the exselltre goeth thorow, and so deminishe les till they com to the rime, and follow the cattell withe muche labor. For ther horses they be well shaped, short kryt, well joynted; only ther tarter horses be longe, much like to the Barbery horses, but of the best use of any in the knowne world, for as I have heard Captaine Gilbert report, that hathe long lived theare he had on whiche he hathe rod a wholl day together, and at night hathe give him a littill provender, and the next day hathe don the like, and so for many dayes, and yet he confessethe that he hathe not known seldom on of tire.

For ther streets they be paved withe goodli timber trees, cleft in the middell, for they have not the use of sawing in the land, espetiali in that part whear I was neyther the use of planing withe the plane, but onlie withe a shave, or as some parts of this kingdom calleth it, a draing knife, and yet yu shall see thins don beyond any mans judgment onli withe a hachet and a chisell and a draing knife and withe muche speed, but that I think is by reson of the softnes of ther woods. The yards of ther howses be all paved withe timber, and devided betwin neybor and neybor with palliadowes of yong timber of 12 or 13 foot highe, the timber being so big, as from post to post they put throug a long piece... throw a mortis.

Also the cunttrie howses be built like to those of the townes and pallasadeed whiche be don ale in on forme, having ther yard rounded withe cow-houses, and places for shepe and horse, being all open to the yardsyde, muche lik cloysters heer in Ingland, ther ploughes and carts amongst ther cattell to mak partission, an over liethe the hay, for the most part they be quadrand, and on corner is the dwelling-howse and on syde the barn whiche is comonly the pont. Farther it is to be observed, that all thees cuntry howses stand on little hills, whiche hathe bin raysed by art at the first, and also without the pallisado or fence of inclosure, ther stands the bodyes of timber trees some 7 or 8 feet high, and from the inclosure, some 16 foot, and on from an other 7 or 8 foor, whiche they say is to defend the isse whiche at the first thawing, if it be with rayne, makethe a very great flud.

потому что свиньямъ (въ Архангельскѣ) даютъ слишкомъ много рыбы.

Русское пиво вообще плохо; но сваренное однимъ Русскимъ въ англійскомъ домѣ (въ Архангельскѣ) было хорошо, какъ англійское.

Пахатную землю у Архангельска онъ сравниваетъ съ норфолькскою; плуги находитъ похожими на эссекскіе, но колеса худшей работы. Телѣги маленькія, узкія и продолговатыя, какъ въ Стаффордширѣ. Лошади довольно хороши.

Что русскіе плотники работаютъ такими плохими инструментами, Традескантъ объясняетъ это, или по крайней мѣрѣ скорость работы, мягкостію дерева.

Въ устройствѣ дворовъ онъ находитъ сходство съ англійскими монастырями, такъ какъ хлѣвы для скота ставятся вокругъ двора.

Нѣсколько подробнѣе онъ описываетъ пять сортовъ лодокъ, видѣнныхъ имъ на Двинѣ [1]).

---

[1]) Now for the navegablenes they use great lyters or barges or lithes for they be some of them that will carry 3 or 4 score tuns or loads. They goe with crose saylls and the masts made all of on peece like Gravesend barge and at the upper end they have cute thorowe a thin bord of 3 quarters of a yard long sume shape or liknes sume to a foulle and sume to a dragon or any other thing that ther fancy leads them two and at the end of the wood worke they have fastned sume linen or thin stuffe comonly fringed and most of them have eyther hauks bells or horsbells banging thereon that maks a noyse withe the winde. For ther hulls of theese vessells they be witheout naylls of iron or trunnells of wood for they be sowne together withe rinds of trees and calked in the seames withe fine mosse and rosinned and tared but dresed rosen coller ther fation muche like as if on would tak two litters and clap on upon another none being open aloft but they go in on the syd whear they tak the loading in. The top or upper part is under the planks lined withe the rind of birche trees to defen watter. These great vessels they call loddes they sayle all or els set them of withe long polls the ruder of on of theese is sumtimes 10 foot long behind the vessel and of a great thicknes and berathe gyded by a long tiller within bord. I have seen at the lanching of on of theese 3 (авторъ хотѣлъ написать 30) men presing with leavers to get them of and making a noyse as if all the whole toune had bin together by the ears and for ther labor I durst have bin on of the 6 Inglishe that should have don more than thos 30. Nowe they ly on ground at every port they com to. They commonli never goe without a faire wind espetyallie the laps or laplanders for if the Inglish se them coming they still curse them knowing the wind will change and be in ther pops.

Сперва онъ описываетъ *лодки*. Въ нихъ, кажется, будто одна плоскодонная лодка поставлена на другую: входъ съ боку, палуба внутри обита лубками; стѣны между досками законопачиваются осмоленнымъ мохомъ. Мачты и паруса—какъ на гравезендскихъ баржахъ. На мачтахъ обыкновенно вѣшаютъ вымпела съ бубенчиками и соколиными колокольчиками; руль толстый и длинный. На мелкихъ мѣстахъ, лодьи тихо передвигаются шестами. У лапландскаго берега и въ другихъ мѣстахъ онѣ идутъ на парусахъ только при полномъ вѣтрѣ. Традескантъ самъ видѣлъ, какъ тридцать русскихъ работниковъ

They have also a littill kind of boats sumewhat les than our wheryes in the river of Thames whiche they call dingo boats. They will carry sume 8 or 9 persons. Thees most of the mossicks be furnished withe to bring the hogs and sheepe and fishe and hense and wild foulle to market whiche they have in great abundance. This boat is mad of 4 or 8 deall boards finely claft and then hewed but is for depthe comonly never but two bords on above another sowne together withe rinds of trees. They be very light so that two mene will take on of them and cary them from high watter mark to lowe eyther way as it pleaseth them. They sume time will rowe on of theese boats 3 payre of sulls (читай: sculls) the scull being about 5 or 6 foot long, the blad being the longest part but not as ours be in Ingland but the round almost halfe the way and the other end dothe bear his breadthe equall to the end. The go very swift on of the rowers sitting rit behind the other and keep stroke. Bu (то-есть but) if on sture (stir) they be redy to tumble over by reso(n) of the narrownes of them.

They have yet a third kind (of) boat that be mad all of on tree of an incredable bredthe and bignes for many of thees boat be 25 or 30 foote long and longer sume 7 foote broad. The keells of these boat be almost round onttill tapard they heyten the syds of the(m) withe strong heard deall planks and bayle them all over from end to end withe hoops of this fornamed wild chery tree as the Inglish call it and cover it withe birche rinds and sumtims withe sealls skins having of these abundance for withe those boats they hunt and persue them and fishe for them for they cache abundance whiche may apeer by the great store of oylle that they ther make whiche the hollanders ther by (buy) twhiche stinkethe so filthily that it is redy to poyson all those that go by but being deprived of that sence it ofended me not. The skins I have seene theme lye by blowne out like a blader the hear syd inward, I thinke it was to get the grease out or oyle that would spoyle the skine for in ther tawing of them they be very carfull to get the oyle cleere oute for they mak great store of sellers (cellars) of bottells for to keep hot watters (водка). They sell most of them to the Duch and the Duche paints them within and puts the iron worke to them and bring them ther owne againe to sell.

They have yet a forthe kind of boats or litters which be flat bottomed of wonderful bignes for bredthe. They be fationed alnomost (almost) ovale the be littell

спускали на воду лодью рычагами, производя при этомъ страшный крикъ. Онъ полагаетъ, что съ пятью англійскими работниками онъ сдѣлалъ-бы больше этихъ тридцати.

Лодки, поднимающія восемь, девять человѣкъ, на которыхъ возили въ Архангельскъ на рынокъ мелкій скотъ и птицу, онъ находитъ меньше уэррійскихъ на Темзѣ и показываетъ при этомъ разности въ формѣ веселъ.

Суда съ досчатыми килями, до семи футъ въ поперечникѣ и до тридцати въ длину, имѣли выше киля по бокамъ обшивку изъ бересты или тюленьихъ кожъ, утвержденную на черемховыхъ (Prunus padus) ребрахъ. Такихъ судовъ много было на рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ.

Въ баркахъ Традескантъ удивляется толстотѣ бревенъ, изъ которыхъ онѣ построны. Онъ полагаетъ, что такія барки пригодились бы для Остъ-Индской компаніи, когда бы были покрыты. Потомъ Традескантъ описываетъ суда съ каютами для лицъ высшаго сословія.

Въ журналѣ Традесканта, веденномъ во время его пребыванія въ Архангельскѣ, есть кое-что и для геологіи. Близъ Двины онъ видѣлъ валуны, которые встрѣчаются у насъ на сѣверо-востокъ почти до Печоры и до Урала, а на югъ до воронежской и черниговской губерній. Традескантъ пишетъ:

---

above 3 foot deepe but be mad of suche strengte that I have never sene biger timber in any shipe for the myty knees and jyces which ly crose on of theese will load the best shepe that ther was in the harbor at twice going abord. The name I have forgotten. The (are) open and subject to wet otherwis they weare good for the East Indian Company.

They have yet a fift sort suche as the great persons of the land have to pas up and doune the river. They be of divers bigneses sume greatter sum lesser they be mad of two sort the one have a fine littill borded house in the poope or after part. Theese be of the leser sort the greater sort have houses in the midell prettili bult wit prtti windowes in them. When any on great person is in them they must then be covered all that part that is like a house withe eyther red blewe or greene but the greatest (of) all red which I judge is of greater state.—Уже въ 1580 г. царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ построить въ Вологдѣ 20 большихъ рѣчныхъ лодей, которыя даже снаружи украшены были золотыми и серебряными листами и живописными изображеніями львовъ, драконовъ, слоновъ, носороговъ, и т. п.

«По Двинѣ лежитъ множество камней, изъ которыхъ иные по вѣсу составляютъ полвоза и больше. Одному, знающему русскій языкъ, я поручилъ спросить, откуда взялись эти камни, когда въ этой сторонѣ вовсе нѣтъ скалъ, а по Двинѣ все болота. Толмачъ (вѣроятно, Джорджъ Бриггсъ) получилъ въ отвѣтъ: ледъ приноситъ ихъ». Любопытное объясненіе! Но эти люди думали, что камни приноситъ Двинскій ледъ [1]; а о переносѣ камней изъ Скандинавіи тогдашніе жители Двины, конечно, не догадывались, хотя иные изъ нихъ, какъ еще и нынѣ, много бродили по ледянымъ горамъ въ Ледовитомъ Морѣ.

5-го августа Традескантъ отъѣхалъ изъ Архангельска на Діанѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ владѣтелей этого корабля, Нельсономъ. Для отплытія избрано было, должно быть, Пудожемское устье, потому что корабль въ первый вечеръ сталъ на якорѣ у находящагося между нимъ и мелкимъ Корельскимъ устьемъ, Розоваго острова, на который Традескантъ съѣздилъ для ботаническихъ наблюденій [2]).

Хотя объ розахъ, разумѣется, дикихъ, Традескантъ говоритъ не тамъ, гдѣ упоминаетъ объ этой поѣздкѣ, а говоря вообще о растеніяхъ, найденныхъ имъ въ Двинской дельтѣ, однако онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ много розъ на Розовомъ островѣ, и его выраженіе: «ими покрыто около пяти или шести англійскихъ акровъ», навѣрное относится къ этому острову. Онъ приравниваетъ здѣшнія розы коричневымъ розамъ. О розовыхъ кустахъ, которыхъ онъ взялъ съ собой много, онъ гово-

---

[1]) Ther lyethe by the river syde many great stones, some of halfe a cart load, and mor whiche I demanded on to ask how they cam thear, the land being witheout, being moorish toward the watters syd, and they tould our Interpreter that they wer brought ought (out) of the land by the Isse.

[2]) The 5 of August we set sayll for Ingland from the point, a myll from the toune. That night we cam to an ancor under Rose Iland wheare I (and) divers (other) went on shore whear ther was a littill souldyers hous poorly garded withe sum 10 men, whear we bought gras for our live sheepe, whear I gathered of al such things as I could find thear growing, which wear 4 sorts of berries, which I brought awaye with me of every sortt. This Iland is lowe land all over but whear the house stands, and that place is a long bank of drie white sand, the land being eyther woods or meddow, but seldom eyther mowne or fed.

ритъ: «надѣюсь, что нѣкоторые изъ нихъ примутся и будутъ расти въ Англіи», въ чемъ онъ и не ошибся[1]). Въ каталогѣ Традескантова сада мы видимъ, что тамъ, въ 1656 году, еще была Rosa Moscovita. Эта роза ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, съ островов Двинской дельты, можетъ-быть, съ Розоваго Острова. Паркинсонъ въ своемъ Theatrum botanicum 1640 г. описываетъ Rosa sylvestris russica, привезенную изъ Московіи (the wild bryer of Muscovie). Это, должно быть, также потомство привезеннаго Традескантомъ шиповника.

Надобно здѣсь упомянуть, что въ Россіи до 1630 года не было другихъ розъ, кромѣ дикихъ (шиповника). Только въ это время Петръ Марселіусъ привезъ въ Москву изъ княжескаго Готторптскаго сада первую махровую розу, которая и принялась тамъ очень хорошо. Русскія дикія розы прежде назывались у насъ *гуль*, съ персидскаго. Отсюда въ старинныхъ московскихъ рецептахъ—*гуляфная вода*, отъ персидскаго названія розовой воды gulaf. Листки цвѣтовъ шиповника были въ фармацевтическомъ употребленіи еще долго послѣ привоза махровыхъ розъ. Въ 1764 году изъ Архангельска было еще послано ихъ тридцать фунтовъ въ Петербургъ для аптекарскаго приказа.

По случаю розъ мы узнаёмъ изъ Традескантова журнала, что у него не было чувства обонянія: онъ говоритъ, что люди, имѣющіе обоняніе, увѣряютъ, что розы на этомъ островѣ имѣютъ удивительно пріятный запахъ (marvelous sweete).

Въ другомъ мѣстѣ журнала онъ заявляетъ это прямо, когда говоритъ о вываркѣ ворвани. Она распространяетъ запахъ, который почти отправляетъ проходящихъ; «но такъ какъ я — прибавляетъ онъ — лишенъ обонянія, то не могъ въ этомъ самъ убѣдиться»[2]). Такъ вотъ и вознагражденіе за то, что осталось ему недоступнымъ на Розовомъ Островѣ.

---

[1]) I have seen Roses only single in a great abundance in my estemation 4 or 5 acres together they be single and much like oure Sinoment Rose and who have the sence of smelling say they be marvelus sweete. I hope they will bothe growe and beare for amongst many that I brought hom withe the Roses upon them yet some on may grow.

[2]) Это мѣсто Традескантова журнала было уже приведено выше. Оттуда мы узнаемъ также, что онъ видѣлъ, какъ надутые тюленьи пузыри были, сколь-

На этомъ-же островѣ Традескантъ нашелъ неизвѣстное ему растеніе съ ягодами, которое онъ описываетъ подробнѣе другихъ растеній. Это должно быть Cornus suecica. Онъ взялъ съ собой кусты, на которыхъ были ягоды; но матросы поѣли ихъ, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ это; къ утѣшенію своему, онъ нашелъ нѣсколько ягодъ на полу. Для поливки растеній давали ему на морѣ соленую воду, не сказывая ему этого, потому что нѣсколько бочекъ прѣсной воды выброшено было за бортъ, когда, при отплытіи, корабль въ барѣ сѣлъ на мель [1]).

На Розовомъ Островѣ онъ видѣлъ также полевыя фіалки (Dianthus) такія-же красивыя, какъ въ Англіи, съ глубокими выемками въ листкахъ цвѣта [2]).

6 числа Діана вышла за баръ, въ которомъ Традескантъ, какъ уже упомянуто, показываетъ одиннадцать футъ глубины. Корабль попалъ-было тамъ на мель, но благополучно снялся. 8-го былъ онъ у острова Сосновца, и вечеромъ того-же числа встрѣтился съ англійскимъ военнымъ кораблемъ, который привелъ въ Россію Волынскаго. Съ 8 до 10-го дулъ противный вѣтеръ, а потомъ до 13-го стоялъ густой туманъ, такъ что въ четыре дня сдѣлали только десять лигъ. У Святаго Носа корабль попалъ, какъ кажется, въ вышеописанный сувой и былъ въ опасности наткнуться на скалу (вѣроятно, Камень

ко возможно, очищаемы отъ своего масла съ вывороченной мясной стороны для употребленія на обивку погребцевъ, которыхъ много продавалось, по большей части Голландцамъ, пріѣзжавшихъ въ Архангельскъ. Дома они окрашивали ихъ внутри, обивали желѣзомъ и потомъ опять привозили въ Архангельскъ на продажу.

1) A sort of plant bearing his frut like hedge mercury (Mercurialis perennis) which made a very fine showe having leaves on the tope of every stake having in every loupe a berry about the bignes of a hawe all the 3 berryes growing close together of a finner bright red than a hawe whiche I took up many roots yet am afraid that none held because on our being on ground we staved most of oure fresh watter and so wear faint to watter withe salt watter but was mad believe it was freshe whiche that plant having but a long whit thin root littill biger than a small couch gras and the boys in the ship befor I pe(r)seved it eat of the berries except some of them com up amongst the earthe by chance. I found this plant to growe in Rose Iland.

2) Thear (in Rose Iland) I found pinks growing naturall of the best sort we have heere in Ingland withe the eges of the leaves deeplie cut or jaged very finely.

Воронуха). 14-го около корабля появилось много китовъ; Нельсонъ позвалъ Традесканта на палубу и показалъ, какъ за однимъ изъ нихъ гонялся Thresher. 16-го Діана прошла Нордъ-Капъ, но лишь 22 сентября Традескантъ вышелъ на берегъ въ Катерининскомъ докѣ у Лондона *).

Изъ указаннаго мѣста Традескантова журнала мы видимъ, что уже въ 1618 году имя Thrasher было въ употребленіи для означенія извѣстнаго врага китовъ, называемаго даже Balaenarum tyrannus—дельфина, именно Delphinus (Phocoena) Orca, по-русски *косатки*, хотя тогда лишь двадцать лѣтъ прошло

---

*) The 6 of August we weyed ancor (у Розоваго Острова) the wind being fayer and went for the bar is but 11 foot watter and our shipe drew 10 and a halfe the tide being then neape whear we cam on and sat 6 or 8 howers to oure great grefe a fiowd presently rising whiche if it had continewed the shipe must needs have perished but thanks be to God the next tyd we cam of without any harme. The next day we wear becalmed. The 8 day we mad Cros Iland the wind being fayre but small and much raine in so muche that all the decks wear leake which for my own part I felt for it rayned doune thourow all my clothes and beds to the spoyll of them all. The 8 day at night we met withe on of the state men of war that the Rusian Ambassator cam home in of Cape Grace (въ семи съ половиной лигахъ отъ острова Сосновца). From the 8 to the 10 conttrary winds. From the 10 to the 13 extreme foge so that in 4 or 5 dayes we went but 10 leags a head. Of Cape Gallant (Святой Носъ) we wear afrayd of being brought upon a rock (вѣроятно, Камень Воронуха) but thank be to God it proved beter. The 14 daye being Fridaye we sawe mani whales whear the owner of ship (Нельсонъ) sawe on chased with a thresher and called me to see it but they rose no more. The next day (15) being Satterday we had a great storme the wind being at East. On Sunday (16) towards night the storme seased and the wind changed west. That night we mad the North Cape... On Sunday being the 13 of September I with on were walking on the wash of the shipe I descreyed lande, whiche was present aproved by the whole company which land was to the southward of Boffum Ness part of cuntrie of Scotland. Oure Master imaiened it to be the Frithe but could no more tell than any other. This is in on iuste monthe we had bine without sight of land for the Sunday monthe befor wee had sight of the North Cape of the land called Assumtion... On Friday, (18 августа, должно быть — сентября) 12 of the clock we mad Flambrow head. Saturday (19, опять августа вмѣсто сентября) night we recovered Yarmouth road where we anchored and dined in the toune. On Sunday (20) after dinner we wayed anchor and that night the wind being fayre we recovered Al(d)boroug the next morning being Monday we wayed and that daye came to Gravesend. On Tuesday the 22 of August (должно быть, сентября) we landed at Saynt Katharine neer London whear God be thanked we ended our viage having no one man sick God be thanked.

съ тѣхъ поръ, какъ Англичане начали практически заниматься китоловствомъ у острова Исландіи и недалеко отъ Нордъ-Капа. Должно впрочемъ замѣтить, что первая попытка Англичанъ на китоловный промыселъ, сдѣланная въ 1575 году, относится именно къ тѣмъ водамъ, гдѣ Нельсонъ указалъ Традесканту кита, преслѣдуемаго дельфиномъ. Для изученія техники китоловства, этой, тогда еще неизвѣстной въ Англіи промышленности, было принято нѣсколько опытныхъ въ этомъ дѣлѣ Бискайцевъ. На счетъ нужныхъ для того снарядовъ обращались за совѣтомъ къ Вильяму Борро. Въ 1574 и 1575 г. онъ былъ, какъ выше сказано, въ Москвѣ первымъ агентомъ лондонской компаніи. Уже въ 1556 г., плывя съ братомъ своимъ Стефеномъ, вблизи Новой Земли, онъ замѣтилъ кита у самаго корабля. Въ слѣдующія плаванія къ Розовому Острову, Англичане, безъ сомнѣнія, часто встрѣчали китовъ, и это могло вести къ заведенію китоловнаго промысла, который сдѣлался потомъ у Англичанъ столь значительнымъ.

Лишь сто девятнадцать лѣтъ послѣ Традескантова путешествія къ намъ, именно въ 1737 году, дельфинъ, вмѣстѣ съ мечомъ-рыбой, объявленъ былъ смертельнымъ врагомъ китовъ въ естественной исторіи Сѣверной Каролины доктора Джона Бриккеля [1]. За двѣнадцать лѣтъ до того (1725 г.), Поль Додлей сообщилъ Королевскому Обществу (Royal Society), что дельфины-орки у китолововъ называются убійцами (Killer), и что они гоняются за молодыми китами, какъ бульдоги за быками. Киты рычатъ какъ разъяренные быки и высовываютъ изъ пасти языкъ, который орки пожираютъ [2]. Странно, что

---

[1]) Бриккель пишетъ: «These Fish (the Whales) are never found dead or floating to the Shoar with their Tongs in their Heads, for it is the Opinion of many in these parts, that the Thrashers and Sword-Fish (which are mortal Enemies to the Whales where ever they meet them) eat the Tongue out of their Head, as soon as they have killed him; but whether this be done the Fish above mentioned, or by others of the same voracious Nature, I will not take upon me to determine».

[2]) Paul Dudley говоритъ: «Our Whale-men have given this Fish (that prey's upon the Whales) the Name of Killers. They go in Company by Dozens, and set upon a young Whale, and will bait him like so many Bull-dogs; some will lay hold of his Tail to keep him from threshing, while others lay hold of his Head, and bite and thresh him, till the poor Creature, being thus heated, lolls out his Tongue,

докторъ В. Скоресби, столь свѣдущій во всемъ, что касается китовъ, не упоминаетъ объ этихъ дельфинахъ. Онъ сомнѣвается даже въ ихъ существованіи. The swordfish and the thrasher, говоритъ онъ, и въ скобкахъ прибавляетъ: *если есть такое животное* (if such an animal there be), may possibly be among the ennemies of the whale, but I have never witnessed their combats.

Изъ разныхъ названій разсматриваемаго дельфина, очень древнее: grampus, можетъ-быть, произошло чрезъ сокращеніе изъ grand porpois. Такъ какъ дельфины эти водятся вблизи Нордъ-Капа, то они называются Нордъ-Капцами. Русское названіе *косатка* дано по плавательному перу на спинѣ, нѣсколько изогнутому, которое дельфинъ держитъ обыкновенно поверхъ воды. Тамъ, гдѣ, по разсчисленію времени, Нельсонъ видѣлъ съ Традескантомъ дельфиновъ, ихъ и нынѣ видятъ очень часто, именно у полуострова Рыбачьяго и Варангскаго Фіорда. Одинъ очевидецъ сказывалъ мнѣ, что косатки очень часто загоняютъ китовъ въ образуемую южнымъ краемъ Рыбачьяго полуострова и берегомъ, Мотовскую губу, а тамъ, какъ въ сѣверную впадину, называемую Ново-Земельскою гаванью, такъ и въ обѣ, дальше къ югу находящіяся, мелководныя губы, даже на сушу; и дѣйствительно, берегъ тамъ, говорятъ, наполненъ остовами китовъ. Самая южная изъ этихъ губъ была названа, вѣроятно, Китовою, но теперь на нашихъ картахъ она называется Титовскою. Самая западная губа, теперь называема Кутовою (отъ *куть*, уголъ или конецъ), первоначально называлась, можетъ быть, также Китовою, тѣмъ болѣе, что впадающая въ нее рѣчка на картахъ называется Титовской (то есть, опять Китовской). Такимъ образомъ были, можетъ быть, двѣ Китовыхъ губы, одна западная, имѣющая направленіе къ юго-западу, а другая восточная, направленная къ югу.

---

and then some of the Killers catch hold of his Lips, and if possible of hir Tongue; and after they have killed him, they chiefly feed upon the Tongue and Head, but when he begins to putrify, they leave him. This Killer is without doubt the Orca, that Dr. Frangius describes with these words: «Quando Orca insequitur Balaenam, ipsa Balaena horibilem edit mugitum, non aliter quam cum Taurus mordetur a Cane». These Killers have sometimes bit out of a dead Whale a Piece of Blubber of about two Foot square».

Тилезіусъ видѣлъ стаю косатокъ, какъ-бы въ боевомъ порядкѣ гнавшихся за тюленями, которые часто, чтобы спастись, вспрыгивали на воздухъ. Рисунокъ этого явленія сообщенъ Палласомъ.

Такъ какъ Традескантъ узналъ названіе дельфиновъ: Thrasher (бойцы), безъ сомнѣнія, отъ Нельсона, владѣльца корабля, то можно полагать, что послѣдній бывалъ на сѣверѣ въ прежнія свои путешествія. Одна рѣка и бухта въ Гудсоновомъ заливѣ были названы по имени какого-то Нельсона, который находился съ Томасомъ Боттономъ, отправленнымъ серомъ Додлеемъ Диггсомъ и другими членами Московской компаніи на сѣверо-западъ и зимовавшимъ въ этой бухтѣ въ 1612—1613. Этотъ Нельсонъ тамъ и умеръ. Нашъ Нельсонъ былъ, можетъ быть, родственникъ того и прежній его спутникъ.

Надобно пожалѣть, что Традескантъ не прожилъ у насъ дольше: при своей наблюдательности и неутомимой охотѣ собирать естественные предметы, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ бы въ свой журналъ много такого, что для насъ было бы теперь въ высшей степени интересно.

Какъ видно изъ каталога его музея, онъ привезъ съ собой въ Англію нѣсколько вещей и 80 штукъ русской одежды. На стр. 49 значится: Duke of Muscovy's vest wrought with gold upon the breast and armes. Дюкомъ Англичане часто называли царя, а также и какого-нибудь князя. Въ 1618 году въ Архангельскѣ не было другаго князя, кромѣ воеводы Андрея Васильевича Хилкова; его помощникомъ былъ Богданъ Борисовичь Воейковъ. Итакъ этотъ кафтанъ съ золотымъ шитьемъ былъ, быть можетъ, изъ гардероба князя Хилкова. На страницѣ 47 упоминается русская верхняя одежда (vest). Стр. 48 — сапоги изъ Россіи, стр. 46 — ножъ изъ Московіи, стр. 4 — сѣверный нырокъ, gorara (то есть гагара) или Colymbus изъ Московіи. Думаю, что я видѣлъ въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ голову, отнятую отъ этого экземпляра. Стр. 162 — Rosa Moscovita съ Розоваго Острова.

Паркинсонъ, въ своемъ Theatrum botanicum (1640) стр. 705, говоритъ, что Традескантъ привезъ изъ Россіи въ Англію Geranium Moscoviticum purpureum—растеніе не описанное, хо-

тя оно давно уже находилось въ англійскихъ садахъ *). Впрочемъ, въ упоминаемомъ нами каталогѣ Соутъ-Ламбетскаго сада значится не Geranium purpureum, а на стр. 116 G. Batracoides flore caeruleo, и Традескантъ пишетъ въ своемъ журналѣ, что на островахъ Двинской дельты онъ находилъ «Geranium flore serulle».

Черезъ два года послѣ своей поѣздки къ намъ, онъ совершилъ путешествіе въ Средиземное море съ тогдашнею экспедиціей противъ Алжира. Съ острова Форментеры онъ привезъ Trifolium estellatum, которую Джонсонъ, въ своемъ изданіи Герардова травника (Herbal) стр. 1208, описываетъ подъ названіемъ Trifolium stellatum hirsutum, а Паркинсону онъ сказывалъ, что въ Варварійскихъ государствахъ онъ видѣлъ поля, наполненныя растеніемъ Gladiolus. По Паркинсону (Theatrum botanicum стр. 1109), Традескантъ получилъ отъ Вильгельма Беля (Boel) въ Лиссабонѣ Trifolium fragiferum Lusitanicum tomentosum.

Семь лѣтъ спустя, именно въ 1627 году, Традескантъ, состоя садовникомъ у герцога бокингемскаго (George Villiers), участвовалъ въ несчастной экспедиція, предпринятой герцогомъ, за годъ до его убіенія, на Ла-Рошель и на островъ Ре. Съ этого острова онъ привезъ Leucojum marinum maximum Parkinsoni.

Традескантъ младшій совершилъ, до 1640 года, путешествіе въ Виргинію. Онъ привезъ оттуда: Aquilegia Virginiana (Park. Th. bot. p. 1367; Musaeum Tradescantianum p. 84; A. Canadensis L.), Sparganium majus sive ramosum Virginianum (Park. Th. bot. p. 1206; Mus. Trad. p. 169), Gelseminum sive Jasminum luteum odoratum Virginianum scandens sempervirens (Park. Th. bot. p. 1465; Gelsemium nitidum, Mich.), Çupressus Americana (Park. Th. bot. p. 1477; C. Virginiana Trad., Mus. Trad. p. 106; Taxodium distichum, Rich.); вѣроятно, также и Arbor siliquosa Verginiensis spinosa Locus nostratibus dicta

*) G. Moskovit. purpur. groweth in Moscovy, brought to us by Mr. John Tradescant, hath not beene published although we lave had it longtime in our Gardens.

(Park. Th. bot. p. 1550; Locusta Virginiana arbor, Mus. Trad. p. 135). Вильямъ Ватсонъ ошибочно утверждаетъ (Phil. Trans. V. XLVI), что кипарисъ въ первый разъ привезенъ Традескантомъ отцемъ.

Традесканты всѣ трое, отецъ, сынъ и внукъ, погребены, какъ я упоминалъ, возлѣ самаго дворца архіепископа Кентерберійскаго, на кладбищѣ при Маріинской церкви въ Ламбетѣ.

Въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ находится нѣсколько портретовъ, писанныхъ масляными красками, отца и сына. Молодой внучекъ и его мачиха Эсөирь также нарисованы. Есть также портретъ и гипсовый слѣпокъ головы, снятый съ Традесканта старшаго тотчасъ по его кончинѣ. Кромѣ этихъ портретовъ отца и сына, рисованныхъ богемскимъ художникомъ Венцеславомъ Голларомъ для каталога Музея *), они были дважды гравированы Джономъ Томасомъ Смитомъ. Эсөирь Традескантъ, одна и съ пасынкомъ (а не сыномъ), была гравирована Каульфильдомъ. Домъ Традескантовъ въ Ламбетѣ тѣмъ-же Смитомъ гравированъ первоначально для его Antiquities of London and its Environs (1791—1800).

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, англійскіе садовники еще называли нѣкоторыя растенія именемъ Традесканта, а именно: 1) вышеупомянутое Phalangium Ephemerum Virginianum, которое тогда уже Руппомъ было выставлено въ Германіи родоначальникомъ рода Tradescantia; 2) Narcissus pseudonarcissus, названное Паркинсономъ въ честь Традесканта, и

---

*) Подъ портретомъ отца подписано: Johannes Tradescantus Pater, rerum selectarum insignem supellectilem in Recessu suo Lambethiano prope Londinum, etiamnum visendam primus instituit ac locupletavit. Подъ портретомъ сына: Johannes Tradescantus Filius, genii ingeniique paterni verus heres, relictam sibi rerum undique congestarum thesaurum ipse plurimum adauxit et in Museo Lambethiano amicis visendum exhibet. Между тѣмъ, его [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Традесканту [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. "Superstitious and unprophetical working of herbes plantes rootes mineralls with other meanes whereof some times taught by the devil..... [illegible]. There was never any callender most publik before the experience of [illegible] by which they divided the yeere into twelve parties a [illegible] [illegible]

по розовидной формѣ, равно и по желтому цвѣту: Pseudonarcissus aureus maximus flore pleno, sive roseus Tradescanti; наконецъ 3) астру, которую Традескантъ получилъ отъ Батскаго врача Джорджа Джибса, привезшаго ее изъ Виргиніи, и которая даже у Линнея выставлена подъ именемъ Aster Tradescanti, такъ что теперь въ ботаникѣ именемъ Традесканта называется не только родъ, но и видъ.

Традескантовъ садъ посѣтилъ въ 1749 году Вильямъ Ватсонъ (съ 1757 года докторъ, съ 1786 г. кавалеръ) съ докторомъ Митчелемъ. Они нашли тамъ еще Borrago latifolia sempervirens (Anchusa sempervirens), Polygonatum vulgare latifolium (Convallaria polygonatum), Aristolochia clematitis recta, Dracontium Dodonaei (Arum Dracunculus), въ двадцать футъ вышиной и почти въ футъ толщиной Rhamnus catharticus, и два большихъ дерева Arbutus: въ Традескантовомъ каталогѣ эти растенія означены на стр. 92, 155, 85, 110, 161 и 85. Антикварій и исторіографъ докторъ Андрей Кольте Дюкарель, въ послѣднюю пору своей жизни, кончившейся 1785 г., занималъ одну часть Традескантова дома, тогда какъ другую, пристроенную Ашмолемъ, съ 1760 года занималъ купившій ее Джонъ Смаль. Дюкарель напечаталъ въ Philosophical Transactions о Традескантѣ письмо къ помянутому доктору Ватсону, гдѣ содержатся нѣкоторыя неточности. Онъ думаетъ напр., что Традескантъ старшій не былъ садовникомъ въ Кентербери, что онъ еще былъ живъ въ 1656 году, и что Ашмоль купилъ собраніе (у Традесканта сына).

Слава основателя сада въ Соутъ-Ламбетѣ, упроченная Паркинсономъ и Джонсономъ, безъ сомнѣнія, ускорила заведеніе другихъ ботаническихъ садовъ. Объ Оксфордскомъ Physic Gardens я уже упоминалъ. И въ Лондонѣ образовался донынѣ существующій аптекарскій садъ въ Чельзи, которымъ послѣ Ватса (Watts) и Дуди (Doody) завѣдывали Джемсъ Петивьеръ (Petivier) и позднѣе Филиппъ Миллеръ. И частные люди оказывали ревность къ усовершенствованіямъ садоводства. Садовникъ короля Іакова II, Розе, посѣтилъ Традескантовъ садъ въ 1669 г., когда вдова Эсѳирь была еще въ тяжбѣ съ Ашмолемъ, и за два года до перенесенія Традескантова со-

бранія въ Оксфордъ, именно въ 1681 г., четыре садовника составили общество для улучшенія воспитанія фруктовыхъ деревъ. Это были: Роджеръ Локкеръ, садовникъ королевы Екатерины, бывшій главнымъ надзирателемъ надъ многими другими садами, Джорджъ Лондонъ, садовникъ лондонскаго епископа (Генриха Комптона) въ Фульгамѣ, Моисей Кукъ (Cooke), садовникъ графа эссекскаго (Артура Кепеля) въ Кассіобери и и Гадгамѣ, и Джонъ Фильдъ (Feild) садовникъ герцога бедфордскаго (Вильяма Росселя) въ Воборнскомъ аббатствѣ. Изъ этихъ садовниковъ, Лондонъ и Кукъ извѣстны въ литературѣ; первый перевелъ съ Генр. Уайзомъ (Wise) двѣ французскія книжки и издалъ ихъ, подъ заглавіемъ The retird Gardener; Кукъ написалъ сочиненіе: The manner of raising forrest trees.

Въ 1712 году владѣльцемъ участка земли Традесканта былъ серъ Гансъ Слоанъ (Sloane), который отдалъ потомъ эту землю аптекарскому саду. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ близъ этого сада въ Чельзи; тамъ онъ и умеръ. Ботаническія и естественно-историческія собранія Слоана, какъ извѣстно, послужили основаніемъ Британскаго Музея. Его памятникъ стоитъ на лѣвомъ берегу Темзы, у церкви въ Чельзи, тогда какъ основатель Оксфордскаго Музея покоится на правомъ берегу рѣки.

Барельефы на памятникѣ троихъ Традескантовъ теперь не ясны; но въ бумагахъ Пеписа въ Magdalen College въ Кембриджѣ находятся рисунки, которые изданы были докт. Дюкарелемъ (Philos. Trans. V. LXIII). Сдѣланная въ 1662 г. при постановкѣ памятника и въ 1773 г. возобновленная по подпискѣ надпись состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Know, stranger, ere thou pass, beneath this stone
Lie John Tradescant, grandsire, father, son.
The last dy'd in his spring; the other two
Liv'd till they had travelled art and nature thro'
As by their choice collections may appear,
Of what is rare in land, in seas, in air:
Whilst they (as Homer's Iliad in a nut)
A world of wonders in one closet shut.
These famous antiquarians thad hat been
Both gardiners to the Rose and Lilly Queen,
Transplanted now themselves, sleep here ; and when
Angels shall with their trumpets awaken men,
And fire shall purge the world, these hence shall rise
And change their garden for a paradise.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, одинъ изъ пріѣхавшихъ къ намъ изъ Рима Грековъ, по преимуществу принадлежитъ къ той интересной эпохѣ, когда Россія вошла въ сношенія съ западной Европой; онъ самъ былъ дѣятельнымъ въ нихъ посредникомъ. 11 февраля 1469 г. онъ прибылъ въ Москву, отъ имени папы, предложить великому князю Ивану Васильевичу, овдовѣвшему съ 1467 г., въ замужество жившую въ Римѣ племянницу послѣдняго Греческаго императора Софію (Ѳоминичну). Во время ея путешествія въ Москву уже обрученною невѣстой, при ней находился братъ Юрія, Димитрій Мануиловичъ Траханіотъ, съ сыномъ; Юрій пріѣхалъ въ Россію позже, чтобъ навсегда въ ней остаться. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя съ отраслью Греческаго императорскаго дома вошелъ въ Россійскій государственный гербъ двуглавый орелъ, а вслѣдствіе неоднократныхъ путешествій изъ Россіи въ Италію прибыли въ Москву многіе полезные художники, произведенія которыхъ отчасти и теперь можно видѣть въ Кремлѣ. Германія также обратила вниманіе на Россію. Императоръ Фердинандъ III*) въ 1486 г. отправилъ образованнаго нѣмца, Николая Поппеля, съ рекомендательнымъ письмомъ къ Ивану Васильевичу. Кромѣ пріобрѣтенія общихъ свѣдѣній о Россіи, ему поручено было, какъ кажется, предварительно разузнать, нельзя ли устроить бракъ императорскаго сына, Римскаго короля Максимиліана, тогда овдовѣвшаго, съ одною изъ дочерей Ивана, Еленою или Ѳеодосіею, или не склонны ли онѣ сочетаться бракомъ съ членами другихъ царственныхъ Германскихъ домовъ, Баденскаго, Саксонскаго, или Бранденбургскаго. По возвращеніи въ 1488 г., Поппель засталъ императора въ Нюрбергѣ на сеймѣ. Онъ разсказалъ ему и высокому собранію много о величіи и могуществѣ Россіи, равно какъ объ особенныхъ ка-

*) У Карамзина Фридерикъ.

чествахъ ея владѣтеля. послѣ чего, какъ отъ имени императора Фердинанда, такъ и отъ имени сына его, Римскаго короля Максимиліана, Поппель былъ офиціально посланъ въ Москву, гдѣ онъ, между прочимъ, сдѣлалъ упомянутыя предложенія о бракѣ. Вмѣстѣ съ Поппелемъ, въ мартѣ 1489 г., отъ великаго князя былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ посланникомъ къ императору и къ королю; изъ природныхъ русскихъ сопровождали его Иванъ Халѣпа и Константинъ Аксентьевъ. Кромѣ посольскихъ дѣлъ, Траханіоту и этимъ русскимъ поручено было постараться пригласить мастера горныхъ дѣлъ и металурга, военнаго инженера, артиллериста, архитектора и искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера. Нѣсколько лѣтъ раньше, прежде чѣмъ Поппель устроилъ сношенія съ Германіей, великій князь просилъ Венгерскаго короля Матѳея прислать ему такихъ художниковъ. Римскій король, отъ имени своего отца, императора, въ 1489 г. предсѣдательствовалъ на сеймѣ, бывшемъ тогда во Франкфуртѣ на Майнѣ. Король принялъ наше посольство въ ратушѣ, въ присутствіи многихъ съѣхавшихся на сеймъ господъ. Траханіотъ, который не понималъ ни по-латыни ни по-гречески, говорилъ рѣчь королю на италіянскомъ языкѣ, на которомъ тоже отвѣчалъ король черезъ Георга фонъ-Торна. Траханіотъ передалъ, въ подарокъ отъ великаго князя, три дорогіе мѣха: сорокъ соболей, шубу горностаевую и бѣличью. Халѣпа и Аксентьевъ, которыхъ тамъ называли кавалерами посольства, представили каждый по шубѣ бѣличьей. На другое утро Траханіотъ имѣлъ частную аудіенцію. Онъ ѣздилъ также къ семидесяти-четырехлѣтнему старцу императору, который принялъ его очень благосклонно, но не далъ ему никакого письма къ великому князю, такъ что онъ, по возвращеніи въ Москву въ іюлѣ 1490 г., представилъ только письмо отъ Римскаго короля Максимиліана. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхалъ посланникъ отъ Максимиліана, вышеупомянутый Георгъ фонъ-Торнъ (у насъ неправильно пишется Делаторъ), и имѣлъ аудіенцію нетолько у великаго князя въ присутствіи его сыновей Василія и Юрія, но и представленъ былъ особенно великой княгинѣ Софіи, которой онъ, вмѣстѣ съ кускомъ сѣраго сукна, подарилъ попугая. Карамзинъ, введенный въ заблужденіе нашими лѣтописями, говоритъ, что Юрій Траханіотъ былъ Русскимъ посланникомъ въ Римѣ въ 1499 г. Это — ошибка, которая очевидно произошла оттого, что его миссію къ Римскому королю смѣшали съ посольствомъ въ Римъ. Пробывъ въ Москвѣ менѣе шести недѣль, въ августѣ 1490, Юрій Траханіотъ и д-ръ Торнъ отправились обратно въ Германію; первому былъ приданъ дьякъ Василій Кулешинъ. Кромѣ дипломатическихъ дѣлъ они должны были сообщить Римскому королю, что великій князь готовъ выдать за него одну изъ дочерей своихъ. Они должны были также пригласить хорошаго врача, потому что трагическая кончина Леона уже совершилась. Они нашли короля въ Нюрнбергѣ, были при немъ съ марта по іюнь 1491, и подъ конецъ года

воротились въ Москву, гдѣ вскорѣ послѣ того и Торнъ явился во второй разъ посланникомъ отъ Максимиліана. Ему было поручено извѣстить, что король, долго не получая отвѣта изъ Москвы, рѣшился жениться на Аннѣ Бретанской. Но какъ у насъ потомъ получили извѣстіе, что король Французскій отбилъ у него невѣсту, то, при возвращеніи Торна въ Германію весною 1492 г., ему поручено было между прочимъ передать королю Максимиліану, что онъ можетъ еще надѣяться получить одну изъ велико-княжескихъ дочерей за себя или за сына своего Филиппа. То-же порученіе дано вскорѣ послѣ того отправленному Юрію Траханіоту, которому приданы были два дьяка, Михайло Яропкинъ и Иванъ (Волкъ) Курицынъ (сожженный какъ еретикъ въ 1505). Они были у Римскаго короля въ Кольмарѣ, но въ іюнѣ 1493 воротились опять въ Москву, ничего не исполнивъ, и великая княгиня Елена была обручена съ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ, бывшимъ потомъ королемъ Польскимъ. Вышеупомянутый Василій Кулешинъ, бывшій тогда казначеемъ, находился при обрученіи въ Вильнѣ. Устроивъ съ честію, вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, бракъ Ивановой дочери Ѳеодосіи съ Холмскимъ въ февралѣ 1500 г., послѣ свадебныхъ празднествъ, Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, въ апрѣлѣ того же года, былъ посланъ въ Данію вмѣстѣ съ свѣдущимъ въ дѣлахъ дьякомъ Василіемъ (Третьякомъ) Далматовымъ, въ обществѣ Датскихъ посланниковъ Іоганна Андерсова, Андрея Христенсона и Андрея Глоба, прибывшихъ въ февралѣ. Изъ Даніи Траханіотъ и Далматовъ, вмѣстѣ съ Датскимъ герольдомъ, въ августѣ 1501, вокругъ Норвежскаго мыса воротились къ Двинѣ. Василій Далматовъ еще въ 1477 г. участвовалъ при покореніи Новгорода, а въ 1493 г. въ посольствѣ по поводу задуманнаго брака Ивановой дочери съ Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ, и въ послѣдствіи, въ 1509 и 1510, онъ былъ главнымъ дѣятелемъ при окончательномъ покореніи Пскова. Объ немъ разсказываетъ Герберштейнъ, что Иванъ Васильевичъ весьма высоко цѣнилъ его (carus Principi, et inter intimos Secretarios habitus), но что онъ сослалъ его въ заточеніе на Бѣлоозеро, гдѣ онъ и умеръ, и что потомъ все его имущество описали въ казну, за то, что онъ представлялся бѣднякомъ, чтобъ избавиться отъ порученія, возложеннаго на него великимъ княземъ къ императору Максимиліану. Его братья Нѣмецъ (Ѳеодоръ) и Захаръ были посланы, въ 1517 г., навстрѣчу Герберштейну и сопутствовали ему въ путешествіи отъ Можайска до границы за Смоленскомъ.

Относительно упомянутаго нами герольда должно замѣтить, что его титулъ приняли за собственное имя. Это произошло отъ неправильнаго чтенія и перевода Латинскаго письма Датскаго короля Іоанна: David Heraldus (noster). Такъ какъ въ Русскомъ языкѣ h не отличается отъ g, то оттого произошло Герольдъ, а это имя превращено даже въ Герладъ. Его настоящее имя мы должны узнать изъ Датскихъ архивовъ. Въ одной

копіи латинскаго перевода письма великаго князя Василія Ивановича къ королю Іоанну я нашелъ слова: «Vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken». Отсюда я позволяю себѣ заключить, что его прозваніе было Кокенъ. Это имя, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому что списокъ съ оригинала, находящагося въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Копенгагенѣ, пріобрѣтенный государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, и которымъ я пользовался, подписанъ: «Ex charta coaeva Archivi Regii secretioris accurate excripsi Grimus Johannes Thorkelin Archivi Regii secretioris Praefectus». По поводу слова Kocken я желалъ бы видѣть оригиналъ упомянутаго письма. Имя нашего Истомы во всѣхъ спискахъ, скрѣпленныхъ Торкелиномъ, ни разу не написано правильно. Дальнѣйшимъ доказательствомъ, заимствованнымъ изъ Датскихъ писемъ, что слово Герольдъ означало должность, а не прозваніе, можетъ служить мѣсто въ сочиненіи Гунтфельда: Danmarkis Rigis Kronicke, II, стр. 1075, которое опять повторяется въ его Kong Hansis Kronicke, стр. 270. Тамъ стоитъ: Sin (Kong Hansis) Herold, Mester David и проч. Жаль, что и здѣсь не показано прозванія. Герберштейнъ говоритъ, что Mester David былъ шотланецъ. Не удивительно, что кто нибудь изъ этой націи служилъ при королѣ Іоаннѣ, потому что тогдашній Шотландскій король Яковъ IV былъ племянникъ Іоанновъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго королемъ Французскимъ Карломъ VII въ 1460 г., Яковъ III въ 1470 г. женился на его сестрѣ Маргаритѣ и въ приданое получилъ Оркнейскіе и Шетландскіе острова. Для заключенія союза между Даніей и Шетландіей (съ Англіей уже былъ заключенъ союзъ съ 1490 г.) въ маѣ 1493 г. прибыло посольство изъ Шотландіи въ Копенгагенъ; нашъ Давидъ могъ быть въ томъ числѣ. Король Іоаннъ желалъ подвигнуть великаго князя Ивана Васильевича къ нападенію на измѣнившую Датскому престолу Швецію, или по крайней мѣрѣ къ нападенію на близъ-лежащую Финляндію, за что обѣщалъ помощь противъ Литвы. Прибывшій въ Москву для этой сдѣлки Датскій посланникъ, бывшій первымъ изъ всѣхъ, ни въ одномъ сочиненіи не называется по имени. Въ Даніи хранили сколь возможно въ тайнѣ его посольство, направленное противъ Швеціи. Однако авторъ Шведской Rym-Chronik получилъ о томъ извѣстіе, и говоритъ въ своихъ стихахъ очень коротко: Домпростъ на Рошильдѣ (Domprosten aff Roskel) былъ посылаемъ королемъ Гансомъ въ Россію. Это скопировалъ Мессеній (1620), также Далинъ (1750), безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, и Шлегель ошибочно думалъ (1769), будто Давидъ и этотъ Домпростъ одно и то-же лицо. По моему мнѣнію, Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву въ іюлѣ 1493 г. черезъ Готландъ, Лифляндію и Новгородъ, былъ никто иной какъ Іоаннъ Якобсонъ (Jens Ibson, Jebson, Ipsön и мн. др.), который семь лѣтъ спустя былъ епископомъ въ Рошильдѣ. Онъ былъ изъ фамиліи Равенсберговъ. Отецъ посылалъ его въ молодыхъ лѣтахъ съ дядькою въ

Кельнъ учиться въ тамошнемъ университетѣ, который тогда славился. Заключенный тамъ неприличный бракъ (turpi amore captus est libidine cecus, uxorem duxit meretricem quandam, nomine Christinam), по возвращеніи его, по ходатайству отца былъ расторженъ, и Якобсонъ сдѣлался каноникомъ, потомъ іеромонахомъ въ Рошильдѣ. Король Іоаннъ бралъ его съ собою секретаремъ въ путешествіе въ 1482 въ Шлезвигъ и Голштинію, также въ Гамбургъ, чтобъ привести народъ къ присягѣ себѣ и своему младшему брату, принцу Фридриху. Впослѣдствіи находимъ Якобсона протоіереемъ или настоятелемъ (предстоятелемъ, Provist, Forstander) монастыря въ Дальби, въ Шоніи; также встрѣчается онъ деканомъ Рошильдскимъ. По порученію короля Іоанна онъ совершилъ путешествіе въ Шотландію и Англію, и по смерти епископа Рошильдскаго въ 1500 г. наслѣдовалъ этотъ высокій санъ. Уже въ санѣ епископа, онъ былъ посылаемъ въ 1501 г., въ сопровожденіи Генриха Крумериджа, съ флотомъ въ Опсло въ Норвегіи, чтобы привести Норвежцевъ къ повиновенію своему монарху. Кнутъ Альфсонъ, тамошній предводитель, былъ убитъ на епископскомъ кораблѣ. Это обстоятельство, равно какъ умерщвленіе государственнаго гофмейстера Павла Лаксманда (въ 1502), бросаетъ на Якобсона подозрѣніе въ тайномъ содѣйствіи. Впрочемъ его изображаютъ какъ ученаго и государственнаго мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чувственнаго и преданнаго роскоши человѣка (regem ipsum vivendo sumptuose et splendide superavit), который однако помогалъ бѣднымъ. Онъ содержалъ на свой счетъ нѣсколько сотъ кавалеристовъ въ службѣ королевской. Онъ умеръ въ 1512 г., въ Гіорттольмскомъ замкѣ, въ разстроенномъ состояніи, и до смерти его за него исправлялъ должность долгое время его намѣстникъ, пѣвчій (Cantor) Лаугъ Урне. Онъ погребенъ въ старой монастырской церкви, которую посѣтилъ Петръ Великій, въ Рошильдѣ, прежней резиденціи Датскихъ королей, изъ коихъ многіе тамъ покоятся, и, какъ случайно открыто въ 1753 году, въ епископскомъ нарядѣ, съ чашею и дискосомъ въ сложенныхъ рукахъ. Кстати прибавлю, что съ 1642 года въ этомъ соборѣ находится также гробница младшаго герцога Іоанна Датскаго, умершаго въ Москвѣ въ 1602 году, который сперва положенъ былъ въ Лютеранской церкви, лишь за годъ передъ тѣмъ построенной исключительно изъ еловаго дерева (von eitel Dannenholz) съ дозволенія царя Бориса Ѳеодоровича Годунова въ Нѣмецкой слободѣ. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ сочетаться бракомъ съ единственною, красивою и образованною царскою дочерью, великою княжною Ксеніей Борисовой Годуновою, которая, три года спустя, испытала столь жалкую участь. На столбѣ, на которомъ означенъ ростъ Христіана I, Петръ Великій оставилъ также замѣтку своего роста. Іоакимъ Бекъ, зять погребеннаго послѣ Іоанна Якобсона брата его Іоакима, сочинилъ для епископа Іоанна надпись, въ которой встрѣчается слѣдующее: «Interea in Angliam et Scotiam missus Legatus, qua in legatione ita se gessit,

«ut jucundissima, gratissima et gloriosissima sit eius nominis memoria, et «apud Anglos et Scotos, quos ipsos etiam eodem tempore, cum inter se «maximum bellum gessissent et starent jam utrinque instructi exercitus «infestis animis et signis, alter in alterius perniciem accincti, in concordiam «dissidentes reconciliavit. Factum omnibus seculis memorandum. Tanti «erat illius viri, apud peregrinos etiam homines, quaedam vocis et vultus «augusta majestas et gravissimis in rebus nominis autoritas». Къ сожалѣнію, не говорится, въ которомъ году Якобсонъ путешествовалъ въ Англію и Шотландію. Въ концѣ февраля 1493 года было въ Лондонѣ Датское посольство, состоявшее изъ королевскаго канцлера (секретаря), его брата, доктора и герольда, готовое къ отъѣзду. По содержанію подписи надо полагать, что Якобсонъ былъ въ Шотландіи въ 1497 году, и что онъ содѣйствовалъ королю Іакову IV къ заключенію перемирія, состоявшагося въ томъ году, когда король Англійскій, съ своей стороны, употреблялъ для того чужестранца, по имени Донъ Педро Айала, который прибылъ въ Лондонъ по дѣлу предположеннаго бракосочетанія принца Уэльскаго Артура съ Катериною Аррагонскою, которая по смерти его сочеталась съ братомъ его Генрихомъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ политическими дѣлами, кажется, велись переговоры, начавшіеся еще въ 1495 году, о бракосочетаніи Англійской принцессы Маргариты, старшей дочери Генриха VII, съ Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV, которое однако совершено лишь въ 1503 году. Этотъ бракъ можно принимать за начало соединенія Англіи съ Шотландіей, которое послѣдовало въ 1605 году, равно сто лѣтъ спустя. Такъ какъ Іоаннъ Якобсонъ былъ въ Англіи и Шотландіи уже послѣ посѣщенія Россіи, то, естественно, онъ могъ тамъ разсказывать о нашемъ государствѣ и о Москвѣ. Кажется, что Англійскій дворъ около того времени получилъ извѣстіе о Россіи. Въ первомъ году правленія Генриха VIII, именно въ 1510, въ послѣдній день масляницы, въ Парламентской залѣ въ Вестминстерѣ данъ былъ маскарадъ, на которомъ явились самъ король въ Турецкомъ костюмѣ, а Генрихъ Стаффордъ, только что возведенный въ графское достоинство, и баронъ Фицвальтеръ, впослѣдствіи виконтъ и графъ Сусcекскій — въ Русскомъ костюмѣ, въ сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ (in two long gounes of yelowe satin traversed with white satin and in every bend of whyte was a bend of cremson satin after the fashion of Russia or Ruslande with furred hattes of greye on their hedes, either of them havyng an hatchet in their handes and bootes with pykes turned up.), и т. д. Можетъ быть, подобные «goodly bankets» давались на свадебныхъ праздникахъ Шотландскаго короля и Валлійскихъ принцевъ. Еще можно привести, что въ 1496 году заключенъ былъ торговый трактатъ между Датскимъ королемъ Іоанномъ и Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV. Посольство Якобсона въ Россію было не по поводу опредѣленія границъ, какъ пишетъ Гунтфельдъ, но чтобъ просить помощи противъ Швеціи,

которая приманила на свою сторону Любекъ и другіе Гензейскіе города и возбуждала ихъ противъ Даніи и Россіи. Изъ Кеми (при устьѣ рѣки того же имени, нѣсколько къ востоку отъ Торнео), весною 1490 года, обнародовано было письмо, которымъ призывался каждый возстать противъ Россіи и оправдывалась казнь многихъ Русскихъ. Описывались неоднократныя, уже нѣсколько лѣтъ повторявшіяся нападенія на Нордботъ и Остботъ, Русскихъ которые, полагаясь на миръ, подъ предлогомъ торговли, туда приходили, нападали на беззащитныхъ жителей и отнимали у нихъ не только имущество, но даже и жизнь; говорилось, что ими сожжены церковныя деревни Кеми, Ийо, и Лимпнго (на сѣверовосточномъ берегу Ботническаго залива); что они утверждаютъ, будто вся ловля лососей въ сѣверной части Ботническаго залива принадлежитъ Россіи, и не только на восточномъ берегу, по направленію Пихайоки до скалы Ганакиви, но и на Шведскомъ берегу до Біюреклуббе въ приходѣ Шелофтео, и потомъ на сѣверѣ восточная половина рѣки Кеми до Рованіеми; сверхъ того каждая голова должна принести три бѣлинины. Ганакиви (или Hanhikiwi) есть выдающаяся изъ воды скала у берега залива, пятнадцать сажень въ окружности и болѣе трехъ сажень надъ водою; на ней должны были находиться надписи. Біюреклуббе есть скала на противоположномъ, западномъ берегу залива. Въ двухъ миляхъ отъ Улео назначили мѣсто, Турка, за которое Русскіе не должны были переходить; но какъ это опять тогда случилось, то смотритель Гансъ Андерсонъ велѣлъ повѣстить двадцать человѣкъ; остальные убѣжали къ Бѣлому морю. Упомянутое мѣсто Турка находилось на островкѣ, на рѣкѣ Улео, гдѣ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, по воскреснымъ днямъ отправлялась божественная служба для занимающихся лососинною ловлею рыбаковъ. У часовни Мугосъ, также на рѣкѣ Улео, въ четырехъ миляхъ отъ Улео, находился камень, прозванный Русконкиви, въ три аршина вышины и столько же ширины, на которомъ высѣчены были пограничные знаки: левъ для Швеціи, крестъ для Россіи, и молотъ для Лапландіи. Великій князь Василій Ивановичъ, для безопасности отъ Лифляндіи, въ 1492 году построилъ крѣпость Ивангородъ, напротивъ Нарвы, и въ 1493 году вступилъ въ союзъ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ. Для заключенія этого союза, немедленно были посланы въ Данію Дмитрій Ивановичъ Ралевъ и дьякъ Дмитрій Зайцевъ съ уѣзжавшимъ Іоанномъ Якобсономъ. Дмитрій Ралевъ былъ, какъ мы видѣли, еще въ 1488 году посыланъ въ Италію съ порученіемъ; потомъ онъ былъ въ отсутствіи съ 1499 по 1504, и прислалъ изъ Рима разсужденіе о бѣлой епископской шапкѣ. Онъ конечно понималъ какъ по-латыни, такъ и по-итальянски, и могъ дорогою понятно говорить съ Якобсономъ. Къ тому же при королѣ Іоаннѣ находился итальянскій ученый докторъ правъ, о которомъ извѣстно, что онъ погибъ въ морскомъ путешествіи съ королемъ на Кальмарскій сеймъ въ Швеціи, въ 1495 году, когда загорѣлся корабль,

на которомъ находился онъ съ документами. Юрій Мануиловичъ Траханіотъ возвращался изъ посольства своего къ Римскому королю уже послѣ отправленія Ралева, а то, можетъ быть, онъ поѣхалъ бы съ Якобсономъ въ Данію, потому что въ путешествіи своемъ въ Датскихъ владѣніяхъ онъ испыталъ дурное обращеніе и жаловался на то. Впрочемъ, кажется, его употребляли болѣе при миссіяхъ по дѣламъ брака. Шведская риемованная хроника (Rym-Kronik) разумѣетъ Ралева и Зайцева, говоря о двухъ прибывшихъ изъ Россіи боярахъ; въ то-же время она разсказываетъ, что всего пришло тогда въ Данію не менѣе двадцати Русскихъ, и что они сѣли на корабль въ Ревелѣ. Можетъ быть, въ этой свитѣ находился также Григорій Истома; хроника упоминаетъ, что нѣсколько Русскихъ осталось въ Даніи въ 1493 г. Сочиненный на Латинскомъ языкѣ трактатъ былъ изготовленъ 8 ноября въ Копенгагенѣ; мы имѣемъ копію съ него. Іоаннъ обѣщалъ помощь противъ Литовскаго князя, но и съ своей стороны онъ просилъ помощи: «contra suos inimicos et hostem Swantonem Regni Swecie occupatorem gubernatorem. Et quum aliquis nostrum incipiet lites adversus Swantonem qui nunc gerit se pro gubernatore regni Svecie, Ericum Sture Capitaneum in Wiburg aliosque occupatores regni nostri Suetii infideles subditos atque rebelles tunc primus inter nos alter utri significabimus». Посланники одного могли свободно путешествовать въ землѣ другаго (viam mundam in terris et aquis absque impedimento habebunt). О торговлѣ и промыслахъ было упомянуто, но о томъ, что король Іоаннъ обѣщалъ великому князю Василію Ивановичу часть Финляндіи, и, по Мезанію, именно Эйрипею, Ласку (Jäskis) и Саволаксъ, въ этомъ документѣ ничего не сказано. Съ Ралевымъ и Зайцевымъ прибылъ въ Москву герольдъ Давидъ, который, можетъ быть, уже за годъ передъ тѣмъ сопровождалъ туда Якобсона. Они везли съ собою трактатъ; но какъ, по времени года и по опасности отъ Шведовъ и ихъ союзниковъ, нельзя было ѣхать черезъ Балтійское море, то король отправилъ ихъ въ Марстрандъ въ Норвегіи, лежавшій на южной оконечности оной, гдѣ, по его повелѣнію, они получили проводниковъ для совершенія путешествія вокругъ Швеціи черезъ Норвегію — слѣдовательно, на оленяхъ. Шведская риемованная хроника съ досадою отзывается о томъ, что король познакомилъ Русскихъ съ дорогою черезъ Норвегію. По Гвитфельду, часть ихъ обратно ѣхала черезъ Нарву (Ивангородъ). Прибывшій съ Ралевымъ и Зайцевымъ местеръ Давидъ, сколько намъ извѣстно, былъ первый пріѣхавшій въ Москву Шотландецъ. Если Истома въ 1493 году ѣздилъ въ свитѣ Ралева въ Копенгагенъ, то онъ, должно быть, воротился передъ смертію королевы-матери Доротеи, послѣдовавшей въ 1495 году, послѣ чего открылись непріязненныя дѣйствія со стороны Швеціи, ибо мы знаемъ чрезъ Герберштейна, что въ 1496 году онъ съ Давидомъ совершилъ путешествіе изъ Двины, черезъ Бѣлое море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурман-

скаго мыса, въ Дронтгеймъ въ Норвегіи. Въ послѣднее изъ упомянутыхъ лѣтъ невозможно было ѣздить въ Копенгагенъ обыкновеннымъ путемъ, потому что Россія вела жестокую войну съ Финляндіей; къ тому же, въ отмщеніе, Шведскій флотъ приплылъ изъ Стокгольма къ Ивангороду близъ Нарвы, за четыре года только передъ тѣмъ построенному, и разрушилъ его. Уже къ концу 1495 года наше войско, образованное большею частію изъ Псковитянъ, долго стояло подъ Выборгомъ, ничего не сдѣлавъ. Въ февралѣ 1496 года опять показались въ Финляндіи Русскія войска изъ Новгорода, куда прибылъ и великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1495 г., и именно они показались въ юго-западной части, куда они, вѣроятно, пришли по льду Финскаго залива. Тогда была чрезвычайно суровая зима (сія же зима люта бысть, мразы были велицы и снеги), не смотря на то они причинили страшныя опустошенія (землю немецкую пусту учиниша и пожгоша и людей посекоша и вполонъ множество взяша). Прежде чѣмъ наступила оттепель, именно въ мартѣ, они уже воротились въ Новгородъ. Въ это время двинулась новая сильная рать, подъ начальствомъ двухъ князей Ушатыхъ, изъ Устюга, Онеги и Двинской земли въ нынѣшнюю Улеоборгскую губернію, на сѣверной оконечности Ботническаго залива, до Кеми и Торнео, быть можетъ до Каликсельфа, принадлежащаго и нынѣ Швеціи, и воевала также жителей сѣверовосточной части залива, гдѣ упоминаются мѣста и рѣки, не легко распознаваемыя по Русскимъ именамъ, какъ-то: Ія (Jio), Гавка, Путашъ (Hankipudes, щучій заливъ), Овлуи (Uleå, гдѣ нынче стоитъ Улеоборгъ), Лиминга (Limingo), Снѣжная (Lumijoni), Сиговая (Siikajoni) и Сало. Въ іюлѣ часть войска доходила даже гораздо южнѣе, именно въ нынѣшнюю Куопіоскую и Выборгскую губерніи, потому что Rym-Kronik говоритъ, что мѣста Jokkas и Oloffsborg, т. е. Нислотъ, были сожжены. Арцыбышевъ, авторъ Повѣствованія о Россіи, 1838, пишетъ (IV, 68), что эта, столь многочисленная рать прибыла на корабляхъ изъ Двины, черезъ Бѣлое Море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурманскаго носа, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она ратовала— слѣдовательно, къ Ботническому заливу. (Они, выбравшись съ Двины, ѣхали моремъ мимо Мурманскаго носа). Въ эту разительную ошибку онъ введенъ Архангельскою лѣтописью, гдѣ, послѣ краткаго упоминовенія о походѣ къ рѣкамъ, которыхъ Арцыбышевъ не умѣлъ найти, говорится: «а ходили съ Двины моремъ Акіаномъ, да черезъ Мурманской носъ», что, вѣроятно, должно относиться къ поѣздкѣ Истомы и Давида. Герберштейнъ сообщаетъ, что Истома научился полатыни въ Даніи, и, вѣроятно, подъ руководствомъ Іоанна Якобсона, королевскаго Archigrammaticus'а. Такъ какъ Истома былъ послѣ первый толмачъ, разумѣвшій по-латыни, и какъ онъ тѣмъ оказалъ пользу Герберштейну, а чрезъ него отечественной исторіи, то это заслуживаетъ здѣсь упоминанія. Пріѣзжалъ ли Истома въ Копенгагенъ еще въ 1493 году и оставался ли тамъ нѣкоторое время, или жилъ онъ тамъ въ послѣдствіи, во

всякомъ случаѣ не было недостатка въ средствахъ для его образованія. Университетъ былъ основанъ въ 1474 году, по совѣту тогдашняго епископа Роши льдскаго, который, вмѣстѣ съ деканомъ и настоятелемъ этого заведенія, а равно и съ деканомъ Копенгагенскимъ, образовали университетскій сенатъ. Первые учителя были изъ Кельна, гдѣ учился Якобсонъ, который, какъ мы видѣли, въ 1500 году назначенъ епископомъ Рошильдскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеромъ Копенгагенскаго университета. И такъ латинскій языкъ перешелъ къ намъ въ Россію изъ Кельна черезъ Копенгагенъ, къ чему содѣйствовалъ Іоаннъ Якобсонъ Равенсбергъ. Латинскій трактатъ 1493 года для насъ интересенъ тѣмъ, что онъ, вѣроятно, сочиненъ Якобсономъ. Нашъ списокъ слѣдовало бы сперва сравнить съ Копенгагенскимъ подлинникомъ и потомъ напечатать. Моя догадка, что Якобсонъ былъ Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву 1493 г., вѣроятно, основательна; она подтверждается сей часъ лишь найденнымъ мною показаніемъ. Въ рукописныхъ лѣтописяхъ, которыми пользовался Карамзинъ, и которыя называются Архивными, потому что онѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ, я нашелъ имя посланника «Иванъ», т. е. Johann. Рукопись гласитъ такъ: «Тогожъ мѣсяца июля (7001 = 1493) пришелъ посолъ къвѣликому князю изнѣмецкие земли отдатцкаго короля Иванъ о любви и о братстве и князь велики почтивъ его и отпустилъ а хкоролю датцкому послалъ своихъ пословъ слюбовию и збратствомъ дмитрея грека ралѣва палеіолога да дмитрея заицова». Въ другихъ, менѣе достовѣрныхъ лѣтописяхъ, пользовавшихся этимъ же источникомъ, вмѣсто слова «Иванъ» находится «Ивана», потому что думали, что оно относится къ королю, котораго имя было извѣстно. Въ печатной Никоновской лѣтописи, въ Шлецеровѣ Codex Patriarchalis, и мн. др. значится также «Івана», и прибавлено «Івану» при второмъ упоминовеніи короля; а потому могло быть, что Карамзинъ предпочелъ пропустить это имя. Въ 1499 году Иванъ Васильевичъ извѣщалъ короля Іоанна о желаніи имѣть дочь его Елисавету за сыномъ своимъ великимъ княземъ Василіемъ, и для того было отправлено въ Москву Датское посольство, состоявшее изъ магистра Іоанна Андерсона, доктора Андрея Христенсона и магистра Андрея Глоба, которое прибыло туда въ февралѣ 1500 года. Для успѣха этого сватовства, еще въ апрѣлѣ, какъ было упомянуто, съ ними былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ къ королю Іоанну; впрочемъ они вскорѣ послали съ дороги извѣстіе, что Елисавета сочеталась съ Іоакимомъ маркграфомъ Бранденбургскимъ. Объ этомъ посольствѣ наша исторія умалчиваетъ. У Карамзина находимъ только (т. VI, примѣч. 434), по Архивной лѣтописи: «приде посолъ на Москву отъ Дацкаго короля Ивана Капланъ, именемъ Иванъ». Подъ этимъ именемъ «капланъ Иванъ» разумѣется магистръ Іоаннъ Андерсонъ; это — никто иной, какъ столь извѣстный въ Датской и Шведской исторіи Jens Andersen, по прозванію

Baldeneck, прозванный также Calvus по плѣшивой головѣ. Онъ былъ сынъ сапожника, учился въ Мерзебургѣ и долго жилъ въ Италіи. Возвратясь въ Данію, онъ сдѣлался тайнымъ секретаремъ короля Іоанна, а въ 1502 г. епископомъ Одензейскимъ на островѣ Фіоніи. Онъ былъ умный человѣкъ и нерѣдко былъ употребляемъ въ государственныхъ дѣлахъ. По умерщвленіи Лаксманда, онъ получилъ въ даръ его дворецъ; поэтому исторія бросаетъ на него подозрѣніе въ участіи въ этомъ печальномъ событіи. Онъ осмѣлился однажды, по поводу одной любовницы, сдѣлать королю увѣщаніе. Въ 1503 году онъ былъ посланъ въ Любекъ къ пребывавшему тамъ папскому легату кардиналу Раймунду, и содѣйствовалъ къ освобожденію королевы Христины изъ Стокгольма ручательствомъ въ уплатѣ большой суммы денегъ, за что впослѣдствіи, въ 1517 году, подвергся отвѣтственности и даже заключенію. Въ 1504—1508 г. онъ построилъ себѣ епископскій дворецъ въ Одензее. Въ 1520 году онъ принималъ участіе при коронаціи Христіана II королемъ Шведскимъ и въ послѣдовавшемъ за праздниками коронаціи кровопролитіи въ Стокгольмѣ. Онъ говорилъ рѣчь сейму, побуждая его къ признанію короля, и предложилъ потомъ всѣхъ осужденныхъ сжечь въ три раза. Король Христіанъ II наименовалъ его въ 1520 году епископомъ Стренгнескимъ въ Швеціи. Но во время осады Стокгольма, въ 1521 г., онъ убѣжалъ въ Данію, гдѣ король, неизвѣстно почему, переводилъ его изъ одной тюрьмы въ другую, и наконецъ сослалъ въ Гаммерсгусъ, на островъ Борнгольмъ. Любекцы освободили его въ 1522 г., при занятіи острова, и послѣ бѣгства Христіана II онъ опять воротился въ Одензее. Въ 1529 году онъ уступилъ это епископство за деньги Кнуту Гильденстернѣ и удалился въ Любекъ, гдѣ и умеръ въ 1539 г. Кстати, упомянувъ о Стокгольмскомъ кровопролитіи, я намѣренъ прибавить нѣсколько словъ объ одномъ человѣкѣ, принимавшемъ въ ней участіе, который также былъ въ Москвѣ. Это — вышеупомянутый Іоаннъ Францискъ de Potentia, Неаполитанскій монахъ. Его послалъ въ Данію въ 1520 году папа Левъ X коммисаромъ по церковнымъ дѣламъ Сѣвера, особенно для изслѣдованія по дѣлу о Стокгольмскомъ кровопролитіи. Главная вина падала на Дитриха Слагёка (Slaghök). Онъ былъ землякъ и родственникъ знаменитой Сигбриты, матери Дійвеки (Dyveke), любовницы Христіана II (для которой въ 1516 году былъ посылаемъ къ этому королю Герберштейнъ); по ремеслу цырюльникъ, онъ поступилъ въ Даніи въ духовное званіе и даже въ 1520 г. сдѣланъ епископомъ Скарскимъ въ Швеціи. Вслѣдствіе произведенныхъ Іоанномъ Францискомъ розысканій, въ началѣ 1522 года его сперва привели къ висѣлицѣ, потомъ палачъ привязалъ его къ лѣстницѣ, и бросилъ въ горящій костеръ. Въ 1526 году папа Климентъ VI поставилъ Іоанна Франциска епископомъ Скарскимъ на мѣсто Слаггока, и онъ, на пути въ Швецію на это епископство, прибылъ съ Дмитріемъ Герасимовымъ изъ Рима въ Москву. Поэтому

Герберштейнъ упоминаетъ о немъ, не называя впрочемъ его по имени, «ain Bapstischer Pot ain Titulierter Bischove Scaren». Въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1526 годамъ значиться: «пришелъ посланникъ великаго князя отъ рима Митя малой толмачъ латынской, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ къ великому князю отъ папы римскаго Климента посолъ Иванъ Френчюжковъ (у другихъ: фрунчежскій) бискупъ». Когда онъ проѣзжалъ чрезъ Польшу, король Сигизмундъ далъ ему письменную инструкцію, гдѣ внушаетъ ему написать свое представленіе великому князю о мирѣ съ Польшею, такъ чтобы нельзя было полагать, будто онъ, король, просилъ о томъ; кромѣ того онъ желалъ получить обратно Смоленскъ, о чемъ впослѣдствіи старался и Герберштейнъ, но напрасно. Андрей Христенсонъ былъ кармелитскій монахъ и докторъ богословія. Я нашелъ его упомянутымъ въ 1519 году по случаю перемѣщенія Копенгагенскаго кармелитскаго монастыря въ новое построенное для него зданіе. Онъ былъ тогда Magister provincialis. Третій изъ бывшихъ въ 1499 г. у насъ датчанъ былъ магистръ Андрей Глобъ. Я нашелъ его въ 1512 году въ званіи секретаря при Одензейскомъ епископѣ Іенсѣ Андерсонѣ Бельденака, слѣдовательно томъ самимъ, съ которымъ онъ былъ въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ настоятелемъ этого монастыря. Въ 1520 году онъ былъ отправленъ королемъ Христіаномъ II въ Зегебергъ въ Голштейнѣ, съ порученіемъ перевезти оттуда грамоты въ Зонбербургъ: многіе изъ важнѣйшихъ хартій были тогда, какъ полагаютъ, умышленно уничтожены. Впослѣдствіи онъ, кажется, жилъ въ Гамборгѣ на западномъ берегу ос. Фіоніи, и временно занималъ прекрасную дачу на близлежащемъ островѣ Свиноэ (въ маломъ Бельтѣ). На подаренномъ имъ Гамборгской церкви ларцѣ находится надпись: Andreas Glob Anno Domini MDXXII. Полагаютъ, что онъ похороненъ въ этой церкви; но надпись на надгробномъ камнѣ уже давно стерлась. Отправившіеся съ тремя обозначенными мною послами въ Данію Юрій Мануиловичъ Траханіотъ и Третьякъ-Долматовъ, были, вѣроятно, въ началѣ 1501 года у короля Іоганна въ Швеціи, потому что тамошняя лѣтопись сообщаетъ что на бывшемъ въ то время въ Стокгольмѣ сеймѣ одинъ русскій посланникъ говорилъ, будто король Іоганнъ обѣщалъ великому князю Ивану Васильевичу часть Финляндіи. Это въ значительной степени содѣйствовала къ тому, что шведы снова отложились отъ короля. Стенъ Стуре занялъ Стокгольмъ и даже взялъ въ плѣнъ оставшуюся въ тамошнемъ замкѣ королеву. Кнутъ Альфсонъ отправился въ Норвегію и возмутилъ всю эту страну. Ему противодѣйствовать посланъ былъ туда Рошильдскій епископъ Іоганнъ Якобсонъ Равенсбергъ. Всеобщее въ это время возстаніе въ Швеціи и Норвегіи было причиною, что Траханіотъ и Далматовъ не могли возвратиться въ Россію обыкновеннымъ путемъ, и этимъ объясняется, отчего они въ августѣ 1501 года прибыли къ Двинѣ оплывъ Мурманскій носъ. Можетъ быть, они, для

избѣжанія Святаго носа, избрали путь чрезъ Русскую Лапландію къ берегу Кандалакской губы, а потомъ снова сѣли на суда, потому что есть свидѣтельство, что они проѣхали мимо Соловецкаго монастыря. Вмѣстѣ съ ними находился герольдъ Давидъ, совершившій въ 1496 году плаваніе около Мурманскаго носа, въ противоположномъ направленіи. Когда Иванъ Васильевичъ въ 1503 году пожелалъ отправить Давида съ его приближенными, въ сопровожденіи своего посла, обратно въ Данію къ королю Іоганну, то онъ, чрезъ посланнаго имъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ его зятю Александру, королю Польскому и герцогу Литовскому, дьяка Микиту (Губу) Семенова Моклокова велѣлъ выпросить для нихъ подорожнюю для проѣзда чрезъ Литву и Польшу и обратно. Такихъ подорожныхъ было выдано въ Краковѣ 13 января 1504 года двѣ одна на русскомъ языкѣ для проѣзди въ Литвѣ, а другая на латинскомъ — въ Польшѣ. Моклоковъ привезъ ихъ въ Москву. Какъ въ русскомъ документѣ по этому поводу, такъ и въ самой подорожный сказанс: «посолъ маистръ Давыдъ». Послѣ кончины великаго князя Ивана Васильевича, послѣдовавшей въ октябрѣ 1505 года, Давидъ прибылъ въ Москву съ грамотою на имя покойнаго государя, и пробылъ тамъ до 1507 года, до прибытья туда новаго посола Іоганнеса Плага (Plagh), отправленнаго королемъ Іоганномъ къ великому князю Василію Ивановичу. Герольдъ Давидъ и посолъ Плагъ были отправлены, вмѣстѣ съ Григоріемъ Истомою, въ Данію, гдѣ въ то время происходилъ съ Никіобингѣ на ос. Фальстерѣ родъ конгресса по любекскимъ дѣламъ, на который прибыли любекскіе, французскіе и шотландскіе депутаты. Какъ привезенная изъ Москвы латинская грамота великаго князя Ивана Васильевича къ королю Іоанну, вѣроятно, сочинена первымъ нашимъ дипломатомъ-латинистомъ, Истомою, то я считаю не излишнимъ привести ее цѣликомъ. Она гласитъ слѣдующее: Annunciamus vobis plurimas et amicabiles salutationes, serenissime et carissime frater. Scribimus ad vestram celsitudinem quantum vestra misit celsitudo ad genitorem nostrum Johannem Imperatorem et Dominum tocius Russie et Magnum Ducem vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken (Kocker?), Dei autem voluntas facta est quod genitor noster migravit in dominum. Deinde a vobis ad nos venit vester nuncius Johannes Plagh cum vestris credencialibus litteris et verbis nam quid vir vester Magister David post obitum patris nostri a vobis retulit vester nuncius Johannes Plagh nobis ex parte vestra ille idem retulit quod si divina providencia genitor noster migrasset in domino ut nos tunc vobiscum essemus simili modo sicut vos cum genitore nostro in fraternitate et amicitia fuistis contra omnes inimicos, et nuncium quoque nostrum ad vos fratrem nostrum Johannem Regem cum hoc una cum vestris (*не* nostris) nunciis mitteremus. Nos autem vobiscum cum fratre nostro Johanne Dacie, Suecie, Norvagie & Rege amiciciam et fraternitatem habere volumus eodem modo sicuti vos cum nostro genitore

habuistis. Et nunc ad vos nostrum nuntium Ysconiam (должно быть Ystomam) una cum vestris nunciis remittimus. Cum Deo favente ad vos vestri nuncii pervenerint una cum nostro nuncio Yschonia (Ystoma) cum his nostris litteris, optamus quatenus vestras fortificatas litteras de amicitia et fraternitate nomine vestro scribere mandaretur qualiter apud genitorem nostrum vestre littere fuerint et huius modí litteris vestris sigillum vestrum mandaretur appendi. Et super hiis litteris ad nos crucem in presencia nostri nuncii Ysconie (Ystoma) osculari velitis, istas quoque sie fortificatas litteras cum vestro nuncio una cum nostro nuncio Yscania (Ystoma) ad nos mittatis nobis hujusmodi tales vestras litteras obsignando. Et Deo favente cum idem noster nuncius Yscania (Ystoma) una cum vestris nunsiis cum huiusmodi vestris roboratis litteris ad nos redierit, quibus nobis visis nos vice versa de verbo ad verbum litteras nostras scribere nec non sigillum appendi manderemus, et super talibus litteris nostris in presencia vestri nuncii crucem osculari volumus, et de post easdem nostras roboratas litteras ad vos una cum vestro nuncio remittamus. Et sic Deo auxiliante vobis volumus obsignare nuncium quoque nostrum Ysconiam (Ystomam) ad nos absque mora remittatis. Ex Muscovia anno septimo millesimo decimo quinto menis Julii septuagesima die. Легко было бы почти буквально возстановить русскій текстъ первоначальнаго документа, на основаніи котораго Истома сочинилъ этотъ мастерской образчикъ латыни. У насъ есть также черновая копія отвѣта короля Іонна Василію Ивановичу. Онъ начинался такъ: «Johannes &. Basilio tocius Russie Imperatori salutem et sincerem atque fraternalem in Domino dilectionem. Dilectissime frater et confederate. Vestre Majestatis nuncius Ysiania (Ystoma) tali die N. ad nos una cum David Heraldo nostro applicuit atque venit nobis vestras litteras exhibens atque presentans. Ex quibus litteris clarius accepimus vos velle pie memorie domini Johannis Basilii vestigia in omnibus mitari et precipue fraternalem amicitiam atque confederacionem nobiscum contrahare ac insuper tali amicitia et confederacione litteras nostras conficere et cos ad manus vestras una cum memorato nuncio nostro N. ac Yscania (Ystoma) in presentiarum dirigimus atque transmittimus summopere desirantes atque deprecantes ut similes litteras eandem amicitiam et confederacionem continentes nobis remittere velitis. O Princeps frater noster socer ac parens.... Далѣе слѣдуетъ изложеніе того, что случилось, когда король Іоаннъ въ началѣ 1501 года прибылъ въ Швецію, гдѣ, какъ уже выше сказано, вѣроятно тогда находился и нашъ посолъ Юрій Мануиловичъ Трахаміотъ, вмѣстѣ съ Далматовымъ. «Postquam regnum (nostrum Suecie) intravimus cum paulo populo ut voluerunt (ne regnicole nimium aggravarentur) opposuerunt se nobis in effectum faciendes nobiscem sicut Judei fecerunt contra Christum. Et tunc manus istorum Succorum rebellium nostrorum Deo placuit in persona evasimus. Et sic prefati Succi rebelles adhuc totum nostrum regnum Suecie occupant

et detinent contra Deum contra justiciam et iuratam fidelitatem nobis prestitam. Unde ex corde monemur rogare fratrem et confederatum nostrum ut iniquitatem rebellium nostrorum menti sue habeat и т. д. Въ 1514 году герольдъ Давидъ впервые прибылъ въ Москву, въ качествѣ посланника отъ короля Христіана II. Въ нашихъ лѣтописяхъ уже онъ называется здѣсь Давидомъ Старымъ. Весною 1515 года онъ, вмѣстѣ съ посломъ Иваномъ Микулиномъ Ярово-Заболоцкимъ и дьякомъ Васильемъ Бѣлымъ, отправился въ Данію для заключенія дружественнаго союза съ королемъ Христіаномъ II. Всѣ трое по дѣламъ того же трактата, въ августѣ означеннаго года возвратились въ Москву. Въ 1516 году Давидъ, съ дьякомъ Некрасомъ Далматовымъ, снова прибыли въ Копенгагенъ. Герберштейнъ пишетъ, что онъ познакомился съ «майстеромъ Давидомъ, посломъ короля датскаго. Хотя ни изъ нѣмецкаго, ни изъ латинскаго описанія Герберштейна не видно, сошелся ли съ Дивидомъ въ 1517 году въ Москвѣ мая въ 1516 г. въ Ничьёпингѣ, однако вѣроятно, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ, потому что въ датскомъ переводѣ грамоты великаго князя Василія Ивановича къ королю Христіану II отъ іюля 1517 года именно сказано: что майстеръ Давидъ герольдъ былъ у него отъ имени короля и просилъ его, о дозволеніи датскимъ купцамъ жить въ Новѣгородѣ и Ивангородѣ и имѣть тамъ свои церкви, что и было разрѣшено великимъ княземъ; кромѣ того точно обозначены мѣста мѣстности въ обоихъ городахъ ихъ, и то что дома въ нихъ деревянные. Когда же Герберштейнъ 18 апрѣля 1517 года прибылъ въ Москву, онъ безъ сомнѣнія еще засталъ тамъ датскаго герольда Давида, двадцатилѣтняго знакомца Истомы, потому что Давидъ, вѣроятно, самъ былъ вручителемъ великокняжской грамоты, писанной въ іюлѣ. Замѣчательно, что переводъ вышеупомянутаго русскаго письма напечатанъ въ датскихъ сочиненіяхъ съ искаженіемъ имени герольда, такъ напр. въ Huitfeld Historiska beskriffuelse om hues sig haffrer tildragit under Kong Christiern den Anden; Kiobenhaffn, 1596, стр. 49: «Oss hafver besogt paa vor Broders K. Christens udi Danmarck hans vegne, Huis Sendebud haffuer voerit Mester David Gerhold» и пр. (См. также въ Huitfeld, Danmarkis Rigis Krönicke II стр. 1114). По этому то датскому переводу съ русскаго языка Бюшингъ сдѣлалъ свой нѣмецкій переводъ и написалъ Gerolt (Magazin III, стр. 178), такимъ образомъ ложное имя Gerold перешло отъ насъ въ Данію, въ рукописи, а оттуда возвратилась къ намъ въ печати. Заключенный между Василіемъ Ивановичемъ и Христіаномъ II дружественный договоръ а равно и договоръ заключенный въ 1493 году чрезъ посредствѣ Іоанна Якобсона съ королемъ Іоанномъ подписанъ въ Мосввѣ 2 августа 1517 года. И такъ, герольдъ Давидъ вѣроятно находился тогда еще въ Москвѣ. Герберштейнъ пробылъ тамъ по исходъ ноября мѣсяца. Въ Царскомъ архивѣ въ Кремлѣ прежде хранилось

шесть подлинныхъ грамотъ датскихъ королей Іоанна и Христіана II къ великимъ князьямъ Ивану и Василію и столько же черновыхъ грамотъ этихъ великихъ князей къ упомянутымъ королямъ.

II.

По Герберштейну, Григорій Истома совершилъ свое первое путешествіе вокругъ Норвегіи при Иванѣ Васильевичѣ, въ 1496 году. Изъ документовъ датскаго архива оказывается, что онъ посыланъ былъ также въ Данію Василіемъ Ивановичемъ въ 1507 году. Когда Герберштейнъ въ первый разъ ѣхалъ въ Россію въ 1517 году для переговоровъ по дѣламъ съ Польшей, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Германіи Григорьемъ Дмитріевичемъ Загряжскимъ, тогда Истома, въ качествѣ толмача, встрѣтилъ его по выѣздѣ съ остановочнаго яма у Николы въ Хлянскѣ и объявилъ, что онъ долженъ будетъ сойти съ коня для принятія привѣтствія отъ имени великаго князя изъ устъ назначеннаго быть его приставомъ въ Москвѣ Тимоѳея Константиновича Хлуденева (а не Халденева). Герберштейнъ радъ былъ встрѣтить человѣка, съ которымъ могъ говорить по-латыни, тѣмъ болѣе, что нашелъ въ Истомѣ, какъ самъ онъ говоритъ, «человѣка свѣдущаго (homo industrius) скромнаго и нравственнаго». Любопытство Герберштейна, усиленное внушеніями Зальцбургскаго кардинала Матѳея Ланга, такъ было велико, что онъ, уже при въѣздѣ въ Москву, своими разспросами поставилъ пристава въ затрудненіе. «Такъ какъ толмачъ пишетъ онъ, говорилъ по-латыни, то при въѣздѣ я разговаривалъ съ нимъ. Я радъ, сказалъ я, что могу говорить съ вами: такъ какъ ваша земля у насъ неизвѣстна, то мнѣ хочется получить о ней свѣдѣніе; я имѣю при себѣ всѣ наши ландкарты, съ которыми и готовъ васъ познакомить. Приставъ вскорѣ спросилъ, о чемъ я говорилъ. Этимъ (разговоромъ) и тѣмъ еще, что я имѣлъ при себѣ молодаго Литвина, я навлекъ на себя сильное подозрѣніе». Кажется, что въ первую пору Истома не смѣлъ часто бывать у Герберштейна; но впослѣдствіи онъ составлялъ для него оффиціальныя бумаги, какъ напр. предложеніе объ уступкѣ Смоленска Польшѣ. Еслибы и Герберштейну не позволено было въ Москвѣ разспрашивать Истому, за то послѣ онъ могъ вполнѣ удовлетворить своему любопытству, ибо въ концѣ 1517 года, когда онъ возвращался, Истома посланъ былъ съ дьякомъ Владиміромъ Семеновичемъ Племянниковымъ къ императору Максимиліану. Они ввѣрены были заботамъ и покровительству Герберштейна и большею частію вмѣстѣ съ нимъ совершили свой путь чрезъ Вильну (откуда Герберштейнъ ѣздилъ въ Троки смотрѣть буйволовъ), чрезъ Краковъ, Вѣну и Зальцбургъ. Когда они, въ концѣ мая 1518 г., подъѣзжали къ Инсбруку, гдѣ былъ тогда императоръ, на встрѣчу имъ выѣхали для привѣтствія двое высшихъ са-

новниковъ. Герберштейнъ нарочно уѣхалъ впередъ, чтобы продувѣдомить императора о пріѣздѣ пословъ, и получилъ приказаніе присутствовалъ при ихъ встрѣчѣ. Послѣ форменныхъ привѣтствій, сказанныхъ съ русской стороны Истомой, они въѣхали въ городъ — Племянниковъ между двумя придворными, а за нимъ Истома рядомъ съ Герберштейномъ, по правую его сторону. Въ такомъ же порядкѣ ѣхали въ самомъ Инсбрукѣ на аудіенцію, и обратно. На аудіенціи императоръ пригласилъ Племянникова (бывшаго тогда дьякомъ) произнести свою рѣчь, сидя и въ шапкѣ. Толмачу Истомѣ онъ также приказывалъ сѣсть; но этотъ вѣжливо отказался и переводилъ стоя. На Герберштейна возложены были заботы, чтобы Племянниковъ и Истома, во время пребыванія въ Инсбрукѣ, ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Такъ какъ Герберштейнъ въ Москвѣ допущенъ былъ въ день Успенія на торжественное богослуженіе, совершенное въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Варлаамомъ въ присутствіи государя, то императоръ хотѣлъ, чтобы и Русскіе въ Инсбрукѣ присутствовали при богослуженіи въ Вербное Воскресенье, и послалъ для того Герберштейна къ епископу Бриксенскому; но епископъ былъ, по выраженію Герберштейна, ainer vom Schrofnstain и въ своемъ ученомъ совѣтѣ рѣшилъ не допускать Русскихъ, потому что они не принадлежатъ къ Римской Церкви. Пробывъ четыре недѣли въ Инсбрукѣ, они отправились, въ сопровожденія Герберштейна, въ Галль (въ долонѣ рѣки Инна), вслѣдъ за императоромъ, который пригласилъ ихъ здѣсь къ обѣднѣ, пропѣтой въ его капеллѣ придворнымъ хоромъ въ-полголоса. «Московиту», замѣчаетъ Герберштейнъ, «это понравилось». «Это по нашему», сказалъ онъ: «у насъ въ обычаѣ отправлять богослуженіе низкимъ и тихимъ голосомъ». Послѣ прощальной аудіенціи, Герберштейнъ сопровождалъ нашихъ пословъ по Инну и Дунаю въ Вѣну, гдѣ они должны были дождаться императора. Изъ Вѣны Племянниковъ и Истома отправились въ обратный путь съ прибывшими сюда съ ними и Герберштейномъ изъ Инсбрука новыми послами Максимиліана, Францескомъ да Колло и Антоніемъ де Конти, назначенными для переговоровъ о заключеніи мира между Россіей и Польшей. Они прибыли въ Москву въ іюлѣ 1518 года. Въ эту поѣздку Истома оказалъ услугу отечеству пріобрѣтеніемъ двухъ искусныхъ мастеровъ оружейнаго дѣла, съ которыми онъ заключилъ контрактъ во время пребыванія своего въ Инсбрукѣ. Тутъ надо было поступить осторожно, и Герберштейнъ описываетъ, какъ было поступлено. «Посолъ имѣлъ порученіе, говоритъ онъ, завербовать пушечныхъ мастеровъ; но какъ этого нельзя было сдѣлать гласно, то онъ далъ своимъ слугамъ денегъ, чтобы они по вечерамъ ходили къ служанкамъ: такимъ путемъ они узнали о пяти мастерахъ, которые соглашались ѣхать въ Москву». Этимъ пяти мастерамъ Истома далъ деньги на покупку лошадей, на которыхъ они отправились въ Любекъ; оттуда они

отплыли въ Лифляндію и потомъ поѣхали въ Москву. Двое изъ нихъ вскорѣ умерли; третій, по имени Вальхъ, ослѣпъ, и въ 1526 году, съ разрѣшенія великаго князя, уѣхалъ съ Герберштейномъ на родину. Остальныхъ двухъ: Никласена, уроженца окрестностей Шпейера, и Іордана изъ Галля, Василій Ивановичъ тогда не согласился отпустить. Они оказали ему услуги, особенно въ 1521 году, во время приступа крымскаго хана Махметъ-Гирея къ Москвѣ. Говорятъ, что Никласенъ защищалъ тогда Кремль тяжелыми орудіями; требовали даже, чтобы онъ поспѣшилъ постановить у воротъ Кремля для стрѣльбы знаменитую царь-пушку. Іорданъ былъ въ (старой) Рязани при отступленіи Татаръ, когда ханъ требовалъ сдачи этого города. Безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ, Іорданъ воспользовался благопріятною минутой, и неожиданной пальбой изъ тяжелыхъ орудій навелъ на густыя толпы Татаръ, подступившихъ къ городу, такой паническій страхъ, что всѣ кинулись бѣжать опрометью, и актъ на покорность города, вынужденный ханомъ у великаго князя для спасенія Москвы, остался недѣйствительнымъ. Ремесломъ Ганса Іордана было собственно приготовленіе пушечныхъ ядеръ. Онъ женился въ Москвѣ на русской, и ему-то обязалъ Герберштейнъ глупою сказкой о томъ, что будто русскія жены считаютъ побои отъ мужей за доказательство ихъ любви къ нимъ. «Онъ самъ сказывалъ мнѣ, что его жена оказывала ему гораздо больше любви, чѣмъ прежде, послѣ того, какъ онъ побилъ ее». Истома встрѣчается въ нашихъ актахъ, равно какъ и другой толмачъ того времени, съ прозваніемъ «Малой», что̀ въ этомъ случаѣ не означаетъ ни роста, ни возроста, а показываетъ подчиненность. Герберштейнъ пишетъ его также: Isthumen, Ystymen (Истоминъ).

III.

Василій Власій названъ у Герберштейна, сравнительно съ Истомой, «довольно хорошимъ человѣкомъ». И его онъ узналъ также во время перваго пребыванія своего въ Москвѣ (1517). Именно, чрезъ два дня послѣ прибытія Герберштейна, 20 апрѣля, Власій, по распоряженію великаго князя, присланъ былъ къ нему на домъ приставомъ Хлудневымъ, вмѣстѣ съ помощникомъ послѣдняго Елизаромъ (Елькой) Сергѣевымъ, напомнить сообщенное ему приставомъ наканунѣ объявленіе о томъ, что аудіенціе назначено быть въ слѣдующій день. Затѣмъ великій князь приказалъ Власію прійти къ Герберштейну въ день самой аудіенціи утромъ и увѣдомить, что проводить его къ государю придетъ боярскій сынъ съ дьякомъ Мисуромъ Мунехинымъ: «Великій Государь послалъ по тебя своего великаго человѣка, который у него въ избѣ живетъ, Григорья Ѳомина сына Иванова». На самой аудіенціи, Василій Власій служилъ переводчикомъ. До того

времени онъ переводилъ на русскій языкъ много духовныхъ книгъ. Въ 1506 году, какъ извѣстно, прибылъ въ Москву съ Аѳонской горы Максимъ Грекъ и, пересмотрѣвъ греческія книги, которыхъ тогда въ Кремлѣ находилось очень много, получилъ порученіе перевести многія изъ нихъ. Но такъ какъ онъ не зналъ русскаго языка, то ему даны были въ помощь Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ, для переложенія его латинскихъ переводовъ на русскій языкъ: посредствомъ этихъ занятій Власій ближе ознакомился съ церковнымъ бытомъ. Ему одному съ Максимомъ принадлежать 31—51 статьи переведеннаго въ 1520 г., по приказанію митрополита Варлаама, «Толкованія Дѣяніямъ Святыхъ Апостолъ св. Іоанна Златоустаго и иныхъ». Въ 1525 году онъ былъ толмачомъ при посольствѣ князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина (Герберштейнъ пишетъ Posetzen, что отнюдь не значитъ посадникъ, какъ думалъ Аделунгъ) и дьяка Семена Борисова Трофимова въ Мадритъ къ Римскому императору Карлу V, уже въ 1519 году избранному, и когда они въ 1526 году возвращались въ Россію, съ ними совершилъ свой путь Герберштейнъ, отправленный къ намъ съ Леонгардомъ графомъ Нугарольскимъ. Нашъ посланникъ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время въ Тюбингенѣ: пользуясь этимъ случаемъ, одинъ изъ ревностныхъ католиковъ, докторъ Фаберъ позаботился разспросить Василія Власія о русской вѣрѣ, и полученныя отъ него свѣдѣнія тотчасъ же въ 1525 г. издалъ подъ заглавіемъ: Epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione и пр. 1525 г. Эту книжку эрцгерцогъ Фердинандъ прислалъ около 1 февраля 1526 г., изъ Аугсбурга, обоимъ императорскимъ посланникамъ, чтобы они, во время пребыванія своего въ Москвѣ, дополнили ее и въ точности показали различіе вѣроисповѣданій равно и обрядовъ, той и другой церкви. Erit nobis haec inquisicio et labor omnis vester perjucundus, говорилъ эрцъ-герцогъ. Дать это порученіе, по всей вѣроятности, внушилъ ему совѣтникъ его, Фаберъ. Герберштейнъ уже дорогой могъ узнать многое обстоятельнѣе. Власій назывался у насъ «толмачомъ латынскимъ и нѣмецкимъ». Фаберъ говоритъ о немъ: germanice et latine mediocriter callebat.

IV.

Архіепископъ Новгородскій и Псковскій Геннадій, вѣроятно, въ началѣ 7001 года, поручилъ Греку Дмитрію разсмотрѣть вопросы: 1) о трегубой аллилуіи; 2) о славянскомъ переводѣ перваго стиха XXXII псалма, особенно словъ: прикрышася грѣси и 3) о вычисленіи семи тысячъ лѣтъ отъ сотв. міра. Въ то время, по истеченіи семи тысячъ лѣтъ, ожидали кончины міра, а между тѣмъ этотъ срокъ, по греческому лѣтосчисленію, уже прошелъ. Отвѣтъ Дмитрія подъ заглавіемъ: «О трегубой аллилуи и о лѣтѣхъ семи вѣковъ» относится къ 7001 (1492—1493).

По нашему мнѣнію, сочинитель этого отвѣта есть не кто иной, какъ Дмитрій Мануиловичъ Траханіотъ, который уже въ 1472 г. прибылъ въ Москву съ невѣстою великаго князя Софіею, въ качествѣ посланника отъ двухъ ея братьевъ, Андрея и Мануила. Хотя въ началѣ 1473 года онъ возвратился въ Римъ и въ 1474 году посыланъ былъ въ Москву братьями Софіи опять на короткое время, но послѣ онъ избралъ у насъ постоянное для себя мѣстопребываніе. Геннадій обратился къ нему, чтобы узнать мнѣніе Грека; кромѣ того положеніе послѣдняго при дворѣ могло значить что-нибудь для архіепископа. Въ 1500 году онъ былъ при бракочетаніи дочери Іоанна и Софіи, Өеодосіи, съ княземъ Васильемъ Даниловичемъ Холмскимъ. Въ поѣздѣ къ вѣнцу онъ имѣлъ честь, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Юріемъ, и сыномъ, также Юріемъ по имени, ѣхать за санями великой княгини Софіи съ Өеодосіей. Сынъ его Юрій пріѣхалъ съ нимъ въ Москву въ 1472 г., когда онъ провожалъ сюда невѣсту Софію. Съ этимъ младшимъ Траханіотомъ стоитъ поближе ознакомиться, такъ какъ съ нимъ Герберштейнъ встрѣчался часто. Онъ былъ печатникомъ, то есть казначеемъ великаго князя Ивана Васильевича, до самой его кончины: такъ названъ онъ и въ завѣщаніи великаго князя, которымъ его отцу и его дядѣ Юрію завѣщано на память по золотому кресту. Онъ постоянно былъ въ милости у сына Іоанна и Софіи, великаго князя Василья Ивановича, и въ 1505 году разсчитывалъ даже выдать за него дочь свою. Совѣтники, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, приводили много причинъ, почему великому князю жениться лучше всего на туземкѣ. «Главнымъ виновникомъ этого совѣта (говоритъ Герберштейнъ) былъ Георгій Малый, казначей, Грекъ; совѣтъ этотъ былъ всего пріятнѣе для него, потому что онъ надѣялся, что выборъ падетъ на его дочь». Его привыкли называть: Юрій или Юшко Малый, потому что онъ былъ младшій изъ Траханіотовъ, а не потому что былъ малъ ростомъ и хилъ, какъ думалъ Аделунгъ. Это прозваніе дано ему въ отличіе отъ его дяди, Юрія Стараго: оно оставалось за нимъ и послѣ, вслѣдствіе чего и Герберштейнъ называетъ его: der klain Georg Въ реестрѣ къ Панталеонову переводу Герберштейна онъ значится даже подъ именемъ Georgius Klein, ein getreuwer Rath, такъ что, пожалуй, не вдругъ поймешь, что дѣло идетъ о Юріи Дмитріевичѣ Траханіотѣ. Василій Ивановичъ очень высоко и постоянно цѣнилъ его въ государственныхъ дѣлахъ. Впрочемъ однажды онъ, по дѣламъ церковнымъ, попалъ на нѣкоторое время въ немилость; даже и жена его въ 1516 году испытала ту же участь за то, что, вмѣстѣ съ другими женщинами, распространяла слухъ, что оставленная Василіемъ супруга Соломонія, въ монашествѣ названная Софіею, вскорѣ послѣ постриженія родила сына. Впрочемъ великій князь, лишивъ Георгія его должности, по словамъ Герберштейна, не могъ обойтись безъ него, но

приставлялъ его къ другимъ должностямъ, потому что онъ былъ ученъ и во многихъ дѣлахъ искусенъ. Когда князь имѣлъ въ немъ надобность и посылалъ за нимъ, то приказывалъ нѣсколькимъ изъ своихъ почетныхъ совѣтниковъ вносить его въ свою палату по лѣсницѣ вмѣстѣ съ креслами, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Когда Юрій не допускалъ ихъ до этого и позволялъ лишь имъ медленно вводить его по лѣсницѣ, то царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и настоялъ на томъ, чтобы его вносили въ великокняжескую палату. Когда онъ оканчивалъ съ нимъ свои совѣщанія, относили его точно такимъ же образомъ. Юрій Дмитріевичъ Траханіотъ почти всегда былъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ лицъ, съ которыми Герберштейнъ, послѣ своей личной аудіенціи въ великокняжскомъ дворцѣ въ Кремлѣ, долженъ былъ разговаривать въ набережной палатѣ на Москвѣ рѣкѣ. Онъ именно старался доказать ему право великаго князя на Литву и Польшу происхожденіемъ Венгерцевъ, Моравянъ и Поляковъ отъ Угровъ. Ни къ кому при дворѣ не питалъ (1516) Герберштейнъ такого уваженія какъ къ Траханіоту. Мимоходомъ замѣчу, что «Добраго Дадьяна», приставляемаго Аделунгомъ къ Герберштейну, вовсе не существовало. Это имя произошло отъ ошибочнаго чтенія слѣдующаго мѣста въ актѣ: великій князь приказалъ по прибытіи Герберштейна «назначить сына боярскаго добраго да дьяка» въ почетные приставы. Выборъ палъ на Григорія Фомина сына Иванова и на Миссура Мунехина. Отъ неправильнаго же чтенія слова «в(ъ) станѣ» у Аделунга явился подьячій Останъ. Во второе пребываніе Герберштейна въ Москвѣ, Траханіота уже не было: я не нашелъ болѣе, пишетъ онъ, Георгія Малаго.

Обращаемся къ другому Дмитрію.

По желанію того же Геннадія, Архіепископа Новгородскаго, занимавшаго это мѣсто съ 1485 по 1504 годъ, какой-то Дмитрій въ Римѣ досталъ историческое свѣдѣніе о бѣломъ клобукѣ: «приласкахся азъ (пишетъ онъ) ко книгохранителю церкви Римскія именемъ Якову и многими дарами одарихъ его... со многимъ моленіемъ припадохъ ко кольноми его дабы мы далъ написаніе о семъ и съ великимъ заклинаніемъ едва упросилъ и въ тай написалъ подлинно». Онъ прислалъ эту статью архіепископу съ Московскимъ купцомъ (гостемъ) Ѳомой Саларевымъ (пишется также Саревъ и Ларевъ). Этотъ Дмитрій, я полагаю, былъ Дмитрій Ивановичъ Ралевъ или Ларевъ, прибывшій въ Москву съ своими родителями и братомъ Мануиломъ въ 1485 г. изъ Константинополя. Уже въ 1488 г. онъ отправленъ былъ съ братомъ своимъ Мануиломъ въ посольство въ Римъ, Венецію и Миланъ, откуда они въ началѣ 1490 г. возвратились въ Москву съ братомъ великой княгини Софіи, и кромѣ несчастнаго лѣкаря Лео, которому уже 22 апрѣля была отрублена голова на Болвановкѣ, за то, что пользуемый имъ царевичъ Іоаннъ умеръ (6 мая), они привезли съ

собою нѣсколько мастеровъ и искусныхъ ремесленниковъ, между которыми былъ архитекторъ, окончившій Грановитую Палату и построеніе стрѣльницы на трехъ Кремлевскихъ воротахъ. Мануилъ Ивановичъ привезъ въ 1491 г. изъ чужихъ краевъ двухъ мастеровъ горнаго дѣла, которые открыли потомъ мѣдную руду на Цыльмѣ, впадающей въ Печору. Дмитрій Ивановичъ былъ въ 1493 г. отправленъ къ датскому королю Іоанну, съ дьякомъ Дмитріемъ Зайцевымъ и съ возвращавшимся датскимъ посломъ Іоанномъ Якобсономъ (Равенсбергомъ) и возвратился въ Москву съ Датскимъ герольдомъ Давидомъ. Въ мартѣ 1499 г. онъ опять былъ отправленъ съ Митрофаномъ Карачаровымъ, чрезъ Краковъ и Венгрію, въ Италію, для вызова въ Россію архитектора, литейщика и другихъ мастеровъ. Въ одно время съ нимъ отправился Алексѣй Яковлевъ Голохвастовъ, съ нѣсколькими Московскими купцами: онъ долженъ былъ спуститься по Дону къ Азову, и Чернымъ моремъ отплыть въ Константинополь, чтобъ испросить тамъ покровительства нашей торговлѣ. Такимъ-то, вѣроятно, путемъ, помянутый Московскій купецъ Саларевъ попалъ въ Италію: письмо Дмитрія Мануиловича Ралева, со статьею о бѣломъ клобукѣ, къ Архіепископу Геннадію взято имъ въ Римѣ, вѣроятно, около 1500 года. Ралевъ возвратился изъ своего посольства лишь въ ноябрѣ 1504 года: Геннадій уже въ іюлѣ этого года былъ низложенъ. Въ 1506 года мы встрѣчаемъ Дмитрія Ралева въ походѣ на Казань. Присланное Геннадію историческое описаніе введенія бѣлаго клобука, сохранившееся во многихъ спискахъ, позднѣе, какъ извѣстно, подало поводъ къ преніямъ, и въ 1667 г. было отвергнуто, какъ неправильное, большимъ церковнымъ соборомъ въ Москвѣ, на которомъ присутствовали три патріарха.

Третій Дмитрій есть нашъ соотечественникъ, Герасимовъ, который въ 1525 г. въ Римѣ подписывался: Demetrius Erasmius. Родился онъ, должно быть, въ 1465 г. и получилъ первоначальное образованіе въ Лифляндіи, гдѣ научился и латыни. Онъ былъ толмачомъ при разныхъ посольствахъ въ чужіе края: пребываніе при дворѣ Максимиліана, въ кругу людей образованныхъ, не осталось безъ вліянія на его покойную и кроткую, но грубоватую душу: dum in aula Caesari omnis generis hominum refertissima versaretur, si quid barbarum quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum observatione detersit. Вмѣстѣ съ Васильемъ Власіемъ, былъ онъ, какъ уже помянуто, назначенъ для перевода церковныхъ книгъ съ Максимомъ Грекомъ; первымъ и однимъ изъ главныхъ его трудовъ была «Псалтирь толковая семи толковниковъ». Оба они переводили на русскій языкъ съ латинскаго, на который перелагать греческіе тексты Максимъ Грекъ. Если бы Герасимовъ былъ самъ Грекъ, то, естественно, не имѣлъ бы надобности въ латинскомъ переводѣ. Хотя эта Толковая Псалтирь была одобрена митрополитомъ

и соборомъ, однако она, какъ и большая часть Максимовыхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, не была напечатана. Прекрасный списокъ, сдѣланный въ 1692 г., находится въ Московской Сѵнодальной Библіотекѣ. Въ 1525 г. дѣятельности Максима положенъ предѣлъ, и этотъ годъ сдѣлался достопримѣчательнѣйшимъ въ жизни Герасимова. Уже въ 1520 г. пріѣзжалъ въ Москву, съ рекомендаціею папы Льва X къ великому князю Василію Іоанновичу, Генуэзецъ Паоло, съ предположеніемъ сдѣлать Волгу, Каспійское море, Оксъ, Индъ и т. д. торговымъ путемъ изъ Москвы въ Индію, для вывозки тамошнихъ произведеній, которыя потомъ стали бы развозиться по другимъ странамъ Европы, чтобы такимъ образомъ не одна Испанія съ Португаліей получали значительныя выгоды отъ Индіи. У насъ не вошли въ интерессъ этого проекта. Между тѣмъ, уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ съумѣлъ найдти дорогу въ Индію и оттуда обратно. Въ 1525 г. Паоло въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву съ этимъ проектомъ, но привезъ еще съ собою посланіе папы Климента VII, касательно соединенія Греческой и Римской церкви: черезъ два мѣсяца онъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь безъ всякаго успѣха по обоимъ дѣламъ. Въ спутники ему до Рима назначенъ былъ Дмитрій Герасимовъ съ письмомъ великаго князя къ папѣ. Папа велѣлъ отвести для него прекрасное помѣщеніе, одѣвать въ шелковое платье, назначилъ ему проводникомъ епископа, допустилъ къ себѣ на аудіенцію и велѣлъ познакомиться съ нимъ поближе литератору Паоло Джьови (Комскому уроженцу, а не епископу). Джьови нашелъ, что Дмитрій очень свѣдущъ (humanorum rerum et sacrarum literarum valde peritum) и успѣлъ выспросить у него много свѣдѣній о Россіи, которыя и напечатаны подъ заглавіемъ: De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber etc. сперва въ 1537, потомъ въ 1545, 1551 и въ другіе годы. Упоминаемое въ заглавіи посольство состояло единственно изъ толмача Дмитрія Герасимова: его и слѣдуетъ считать источникомъ этого описанія Россіи, которое, до Герберштейнова, справедливо почиталось самымъ обширнымъ. Въ примѣръ того, какъ богато его отечество полезными произведеніями, онъ разсказалъ забавную исторію о мужикѣ, который, доставая медъ въ дуплѣ дерева, завязъ тамъ и сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не былъ вытащенъ мед-вѣдемъ, который влѣзъ туда задомъ и за котораго онъ крѣпко ухватился. Герасимовъ воротился въ Москву въ іюлѣ 1526 г. Съ нимъ пріѣхалъ Іоаннъ Францискъ де-Потенціа, котораго папа назначилъ епископомъ въ Скару въ Швеціи, но король Густавъ I не хотѣлъ признать. Онъ былъ при великомъ князѣ въ качествѣ папскаго легата по дѣламъ Польши и на дорогѣ получилъ еще инструкцію отъ короля Сигизмунда. Позднѣе Герасимовъ, по порученію Новгородскаго и Псковскаго Архіепископа Макарія, занимался переводомъ Брунонова толкованія на псалтирь, которое въ

1533 г. издано Кохлеемъ въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: Psalterium Beati Brunonis, Episcopi quondam Herbipolensis a Johanne Cochleo Presbytero restitutum et Hebraica veritate adauctum. Въ библіотекѣ Академіи Наукъ находится съ 1763 года хорошо сохранившійся списокъ этого перевода Герасимова съ прибавленіями переводчика; другой экземпляръ, съ тѣми же прибавленіями, хранится въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ. Герасимовъ кончилъ свой трудъ 15 октября 1535 (а не 1536). Рукопись имѣетъ два заглавія: одно относится къ прологу Герасимова, другое читается такъ: «Собраніе толъкованіемъ на книгу сто и піати десіать псалмъ отъ различныхъ оучителей, потруженіемъ блаженнаго Брунона епископа Гербипольскаго». Переводчикъ говоритъ о себѣ: «грѣшной и мало оученый Дмитрій Схоластикъ рекше оученикъ». Онъ замѣчаетъ, что взялъ на себя этотъ трудъ лишь изъ послушанія волѣ архіепископа, и рекомендуетъ себя «не яко мнящася вѣдати извѣстно чюждая но и «своего оуроженаго языка много невѣдуща а чюждаго зѣло мало. Вся«кіи бо хитрецъ своея хитрости имена отчасти вѣсть а никтоже похва«литися совершенно вся вѣдати.... якоже оубо и книжницы книжная вѣ«дятъ поелику богъ подаруетъ; воини воинская, въ кораблѣхъ пла«вающіи морская и пристоящихъ дѣлъ корабленыхъ имена вѣдятъ; по«летяжатели земледѣлательная, тектоны и ковачи и шевцы и прочіи ре«мественницы яко сукно краилни и прочіе поставы дѣлающеи оксамит«ники бархатники камочники и прочіи златыя и серебреные и шолковые «поставы дѣлающеи коиждо вѣдятъ своихъ хитростей имена и основаніе «и краскамъ растворенія и мѣрамъ оуряженія, за не всякую вещъ мѣра «краситъ кромѣ же мѣры мнѣщаяся добра быти на вредъ предваряютъ.... «Веліе оубо не оудобство имать егда божественое писаніе отъ языка въ «инъ языкъ прелагается и вѣдятъ сіе много оученіи іиже многимъ язы«комъ искоусни суть. Во истину бо божественаго писанія высота и «глубина неизмѣримы соуть и никои хитрости отъ вышереченныхъ хи«тростей подобни суть тои, азже аще и грубъ есмь и невѣжа словомъ «но оуповою на милость божію и на повелѣвшаго мнѣ преосвещенную «главу о исправленіи о невѣдомыхъ и сумнѣнныхъ». Выписываю этотъ отрывокъ ради старинной технической терминологіи. Сравнить этотъ трудъ Герасимова съ другими его же и Власіевыми трудами за 25 лѣтъ до того, конечно, было бы не безъ интереса въ отношеніи къ успѣхамъ литературнаго образованія русскаго языка. Грекъ Дмитрій Траханіотъ назвалъ себя въ 1493 году въ письмѣ къ Геннадію, Дмитріемъ Старымъ; Грекъ Дмитрій Ралевъ, приславшій Геннадію статью изъ Рима въ 1500 г., подписался: Митей Малымъ (въ отличіе отъ Траханіота). Русскій человѣкъ, Дмитрій Герасимовъ, назвалъ себя въ 1535 г. Дмитріемъ схоластикомъ, то есть ученикомъ. Другіе упоминаютъ о немъ подъ именемъ: «Дмитрія толмача»; но толмачемъ называли и Грека Дмитрія Ралева. Сверхъ того, Дмитрія Гераси-

мова называли и Митей Малымъ и толмачомъ латынскимъ. Отъ этого различія прозваній произошла помянутая ошибка нашихъ историковъ. Въ «Словарѣ Историческомъ о писателяхъ духовнаго чина» переводчикъ Бруноновой Псалтири считается сочинителемъ или, по крайней мѣрѣ передателемъ, записки о бѣломъ клобукѣ, а этому въ «Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музея» приписывается ему статья 7001 года о трегубой аллилуіи и о семи тысячахъ міра. Лербергъ, въ изданіи Круга (Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands) ошибочно опредѣляетъ время пребыванія Герасимова въ Римѣ 1522, потому что, въ показаніи Іовія: anno septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis, слово tertio должно бы было отнести къ числу лѣтъ (7038 т. е. 1525).

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Академика І. Гамеля.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

Продается у Коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

А. Базунова, въ С. П. Б. — Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. — Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б. — Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфіаджіанца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Академика I. Гамеля.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XV-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Шмицдорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Энфиаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, февраль 1869 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ,

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АКАДЕМИКА І. Х. ГАМЕЛЯ.

Статья вторая [1]).

IX.

Дѣятельное участіе Лондонской «Россійской Компаніи» въ снаряженія морскихъ экспедицій на сѣверъ. — Путешествія Черри, Беннета, Пуля, Вельдена, Эджа, Гудсона, Мармадьюка и Логана съ 1603—1611 г. — Промышленность Пустозерцевъ въ началѣ XVII столѣтія. — Мѣновая торговля, происходившая въ дер. Слободкѣ (нынѣ Мезень). — Россійская Компанія отряжаетъ въ 1612—1614 г. корабли на островъ Шпицбергенъ. — Появленіе туда-же кораблей другихъ націй и столкновеніе съ ними Англичанъ. — Поѣздка Гордона въ Югрію. — Роговый городокъ. — Экспедиціи Англичанъ, Датчанъ и Голландцевъ на о. Шпицбергенъ въ 1615—1618 годахъ.

—

Желая сообщить нѣкоторыя ближайшія свѣдѣнія о серѣ Доддеѣ Диггсѣ и другихъ лицахъ, съ которыми Тредескантъ пріѣхалъ въ Россію, считаю необходимымъ разсмотрѣть сперва, въ какой степени серъ Доддей и основанная Себастіаномъ Каботомъ Россійская Компанія содѣйствовали великимъ географическимъ открытіямъ на сѣверѣ.

Пересматривая исторію путешествій, предпринятыхъ въ те-

[1]) Первая статья напечатана въ 1-мъ приложеніи къ VIII тому Запис. Имп. Акад. Наукъ.

ченіе второй половины XVI и двухъ первыхъ десятилѣтій XVII столѣтій на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ, мы находимъ, что Московская Компанія сама снаряжала ихъ, или что по крайней мѣрѣ члены ея принимали въ этомъ дѣятельное участіе.

Мы знаемъ, что уже въ 1556 году Стефенъ Борро, а въ 1580 году Артуръ Петъ и Чарльсъ Джекманъ отправлены были этою Компаніею для отысканія пролива на сѣверо-востокъ (см. ст. I, стр. 8 и 54). Дѣятельный членъ ея, Вильямъ Сандерсонъ, былъ главнымъ виновникомъ экспедиціи Джона Девиса (въ 1587 году), которая на сѣверо-западѣ открыла Девисовъ проливъ и по немъ проѣхала до Hope Sanderson.

Всѣ наши историки повторяютъ ошибку, впервые появившуюся въ извлеченіи изъ Двинской лѣтописи (къ сожалѣнію утерянной), — ошибку, которая заключается въ томъ, что суда «голландскія и барабанскія» отправились къ Двинѣ будто бы уже въ 1555 году, на второй годъ послѣ перваго пріѣзда Чанслера. Извѣстіе это невѣрно. Мы уже видѣли [1]), что первый голландскій корабль, посланный въ 1565 году по ходатайству Филиппа Винтеркёнига, присталъ къ берегу Лапландіи. Въ Двину же прибылъ первый голландскій корабль Джиллеса Гоофмана въ 1577 году. Девять лѣтъ спустя, т. е. въ 1586 году, пріѣхалъ туда-же первый французскій корабль Жана Соважа изъ Діеппа.

Посѣщенія Голландцами Двины и Архангельска, неоднократно повторявшіяся съ 1577 года, повели къ снаряженію трехъ экспедицій ихъ (въ 1594, 1595 и 1596 годахъ), для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго пути. По случаю послѣдняго путешествія я сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о возвратномъ пути въ Колу [2]). Здѣсь я замѣчу только, что при первоначальной поѣздкѣ на сѣверъ отъ Нордкапа, подъ 74°30′, открытъ былъ островъ, который Голландцы назвали Медвѣжьей Землей или Медвѣжьимъ островомъ, потому что имъ пришлось тамъ на морѣ вступить въ продолжительный бой съ медвѣдями. Въ 1604 году островъ этотъ, такъ сказать, снова былъ открытъ Англичанами, а на слѣдующій годъ по имени одного изъ членовъ Московской Компаніи названъ островомъ Черри.

---

[1]) См. статью I, стр. 21, примѣч.

[2]) См. тамъ-же, стр. 20—21.

Если на глобусѣ или картѣ арктическаго пояса мы съ этого острова Черри станемъ разсматривать наименованія мѣстностей къ сѣверу, востоку и западу, то окажется слѣдующее:

На островѣ Шпицбергенѣ, лежащемъ прямо къ сѣверу, одна гора названа Muscovie Companies Mount; кромѣ того мы найдемъ на этомъ островѣ имена нѣсколькихъ дѣятельныхъ членовъ Московской Компаніи. Одинъ изъ нихъ, имя котораго встрѣчается трижды на глубокомъ сѣверѣ этого острова, серъ Томасъ Смитъ, въ 1604—1605 г. былъ въ Москвѣ (какъ мы еще увидимъ ниже) первымъ посланникомъ короля Якова I и нѣкоторое время находился во главѣ Московской Компаніи. Другой членъ Веньяминъ Дейкрау (Deicrowe), былъ Лондонскимъ агентомъ Компаніи; Традескантъ мимоходомъ упоминаетъ о немъ въ своемъ путевомъ журналѣ, говоря о китовой ловлѣ. Въ Британскомъ музеѣ я видѣлъ рукопись его.

Съ правой стороны, вдоль цѣлой половины земнаго шара, къ чести русской предпріимчивости и къ славѣ русскаго флота, мы находимъ большею частію имена нашихъ соотечественниковъ. Къ востоку отъ Новой Земли и Матвѣева Шара русскіе мореходцы совершили то, чего англійскимъ и голландскимъ кораблямъ невозможно было сдѣлать по случаю льда. Съ лѣвой же стороны, на крайнемъ сѣверѣ Америки, высоко надъ Hope Sanderson, въ Баффиновомъ заливѣ, стоитъ имя сера Додлея Диггса, а еще выше мы встрѣчаемъ снова имя сера Томаса Смита. Между этими двумя именами мы находимъ имя другаго дѣятельнаго члена Московской Компаніи, Джона Вольстенгольма, у залива, вблизи котораго, по словамъ Росса, лежитъ самое сѣверное поселеніе Эскимосовъ; отсюда баронъ Врангель предлагаетъ предпринять экспедицію на собакахъ по льду къ сѣверному полюсу. Имена трехъ упомянутыхъ членовъ Московской Компаніи мы встрѣчаемъ также при входѣ въ Гудсоновъ заливъ.

Поводомъ къ этимъ наименованіямъ на глубокомъ сѣверѣ послужило то, что знаменитые мореплаватели, которымъ мы обязаны великими географическими открытіями, и имена коихъ могутъ исчезнуть только вмѣстѣ съ міромъ, т. е. Гудсонъ, Боттонъ (вмѣстѣ съ Нельсономъ) и Билетъ съ Баффиномъ, посланы были Додлеемъ Диггсомъ, Томасомъ Смитомъ, Джономъ

Волстенгольмомъ и нѣкоторыми другими членами Московской Компаніи, для дальнѣйшаго разслѣдованія прежняго открытія Себастіана Кабота. Такимъ образомъ Московская Компанія положила начало тому, что нынѣ на сѣверѣ два государства обнимаютъ цѣлый кругъ земной и что владѣнія Россіи и Англіи сходятся другъ съ другомъ какъ-разъ насупротивъ острова Черри.

Столь знаменательный и великій результатъ требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія усилій тѣхъ лицъ, которымъ мы обязаны этимъ успѣхомъ.

Франсисъ Черри, имя котораго теперь является надъ самою сѣверною оконечностью европейскаго материка, получилъ практическое развитіе свое въ Россіи, а въ особенности въ Москвѣ. Уже при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ онъ молодымъ человѣкомъ находился при англійской конторѣ на Варваркѣ въ Китай-городѣ. Русскій языкъ онъ зналъ такъ хорошо, что и при дворѣ служилъ толмачемъ (Master Francis Cherry was the Emperour Ivan Basilivich his Interpreter). Въ нашихъ Московскихъ актахъ его называютъ Фрянчикомъ Чарей. Встрѣчается онъ также подъ именемъ Фрянчика Иванова, изъ чего слѣдуетъ заключить, что отецъ его назывался Иваномъ (Iohn).

Въ то время, когда Ермакъ добывалъ для Россіи обширный «золотодонный» Зауральскій край, когда московскій агентъ Компаніи, Антоній Маршъ, посылалъ русскаго коммиссіонера съ Самоѣдомъ черезъ Югорскій хребетъ къ Тазу за собольими мѣхами, когда этому-же Маршу нѣкоторые промышленники изъ Пустозерска предлагали отправиться моремъ къ Оби мимо Матвѣева Шара, и когда Строгановы думали поручить Оливеру Брюнелю изслѣдовать Сибирь со стороны Ледовитаго моря, — въ это время Черри совершилъ поѣздку въ Пермскій край (he has travailed in Person into Permia farre to the East in Russia). Повидимому онъ пробрался за черту Строгановскихъ владѣній, а именно на восточную сторону Урала, потому что, по словамъ его, онъ ѣлъ Обскихъ осетровъ (Francis Cherry saith, that he hath eaten of the sturgeon that come ont of the River of Ob.). Ѣздившіе по краю туземцы сообщили ему, что къ востоку находится теплое (не замерзающее) море (the Russes that are great travailers say, that beyond Ob to the South-east there is a warme

Sea, which they expresse in the Russe tongue: Za Obu recia moria teupla). Извѣстно, что уже въ 1567 году два козака прошли чрезъ всю Сибирь и добрались до Пекина.

Въ 1587 году, передъ самымъ отплытіемъ Іеронима Горсея въ Англію, Франсисъ Черри передалъ ему на Розовомъ островѣ подарокъ отъ Бориса Ѳедоровича Годунова, состоявшій изъ куска парчи и прекрасныхъ собольихъ мѣховъ на платье, въ память о пребываніи въ Россіи. Вскорѣ послѣ того Черри съ грамотою царя Ѳеодора Іоанновича прибылъ въ Англію къ Елизаветѣ. Въ 1591 году онъ снова привезъ королевѣ письма отъ царя Ѳеодора и отъ Бориса Годунова, равно какъ письмо послѣдняго къ лорду Борлейгу. Въ 1596 г. Черри упомянутъ въ числѣ членовъ Московской Компаніи. Въ 1598 году 2 іюля онъ прибылъ опять въ Москву съ письмами Елизаветы къ царю Ѳеодору Іоанновичу и къ Борису Годунову. При отъѣздѣ его изъ Лондона еще не знали, что первый уже скончался 7-го января. 11-го іюля Черри удостоился чести передать свои грамоты новому царю Борису Годунову, и 20-го писалъ въ Англію, что распространившійся изъ Рима и Испаніи слухъ о томъ, будто бы Елизавета доставила султану пушки и другіе военные снаряды, распущенъ какимъ-то Полякомъ. Въ декабрѣ Черри чрезъ Новгородъ и Псковъ отправленъ обратно въ Лондонъ. Тутъ онъ первый сообщилъ извѣстіе о задуманномъ бракосочетаніи царевны Ксеніи Борисовны съ датскимъ принцемъ Іоанномъ младшимъ и о томъ, что Любекцы пытались расширить свою торговлю въ Москвѣ. Онъ-же въ 1599 году хлопоталъ объ отправкѣ доктора Тимоѳея Виллея (Willie) въ Москву на мѣсто доктора Марка Ридлея (Ridley), который прибылъ туда въ 1594 году, а въ 1598 году вытребованъ былъ обратно Елизаветою. Въ 1601 году онъ въ Лондонѣ помогалъ переводить на англійскій языкъ русскія письма, привезенныя Ричардомъ Ли (Lea) отъ Годунова къ Елизаветѣ.

Въ 1603 году Черри, хорошо знавшій Россію, отправилъ корабль «the Grace», подъ начальствомъ Стефена Беннета, въ Колу, гдѣ онъ долженъ былъ оставить Джосіаса Логана, назначеннаго факторомъ или агентомъ для тамошней торговли. Изъ Колы корабль, согласно инструкціи Черри, отправился къ сѣве-

ру съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ возможности, пробраться до 80-го градуса и сдѣлать новыя географическія открытія. Факторомъ для этой части путешествія назначенъ былъ Вильямъ Гордонъ изъ Гулля. 16-го августа корабль прибылъ къ упомянутому острову, лежащему подъ 74°30′. Не смотря на появившіяся тогда описанія голландскаго путешествія 1596 года, Гордонъ и Беннетъ по-видимому не знали, что островъ этотъ былъ посѣщаемъ уже въ прежнее время.

Черри желалъ, чтобы островъ этотъ, котораго Англичане еще не знали, былъ ближе изслѣдованъ, тѣмъ болѣе, что судя по примѣтѣ, найденной Гордономъ и Беннетомъ, туда, должно быть, заходили моржи. По этому на слѣдующій годъ онъ отрядилъ другой корабль «the good Speed», на которомъ самъ проводилъ до Гревзенда сера Томаса Смита, ѣхавшаго въ Москву. Корабль этотъ ввѣренъ былъ прежнему капитану Беннету, а факторомъ назначенъ Томасъ Вельденъ. Беннету поручено было отправиться сначала къ Кольской и Печенгской бухтѣ на Лапландскомъ берегу, гдѣ находится очень удобный заливъ, еще и теперь извѣстный подъ названіемъ Нѣмецкаго становища, а потомъ стараться опять дойти до упомянутаго острова. На этотъ разъ на немъ нашли очень много моржей, и такъ какъ въ то время еще не умѣли ихъ убивать копьями, то въ нихъ стрѣляли. Когда же весь запасъ взятаго на островъ пороха и свинца истощился, то этимъ неуклюжимъ, но сильнымъ животнымъ придумали прострѣливать одинъ глазъ изъ духоваго ствола, а за тѣмъ нападать на нихъ съ той стороны, съ которой они были лишены зрѣнія. (Наши промышленники прежде, чѣмъ нападаютъ на моржей съ копьями, обыкновенно бросаютъ имъ лопатами песокъ въ голову, а слѣдовательно и въ глаза, конечно, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ это позволяетъ дѣлать свойство почвы). По возвращеніи корабля съ богатымъ запасомъ мѣховъ и моржовыхъ клыковъ, островъ названъ былъ въ Лондонѣ по имени Франсиса Черри.

За этими двумя первыми экспедиціями 1603 и 1604 годовъ, снаряженными нашимъ Фрянчикомъ Ивановымъ, послѣдовало множество другихъ. Значеніе ихъ усиливалось какъ въ коммерческомъ, такъ и въ географическомъ отношеніяхъ.

Въ 1605 году Беннетъ и Вельденъ снова отправлены бы-

ли на островъ Черри. Такъ какъ на пути туда они подверглись нападенію Дюнкеркцевъ, которые отняли у нихъ почти все ихъ огнестрѣльное оружіе, то они по неволѣ прибѣгли къ сохранившемуся еще доселѣ способу убиванія моржей копьями. Въ привезенныхъ съ собою котлахъ они топили на островѣ моржовый жиръ и одиннадцать бочекъ этого жира привезли въ Лондонъ, какъ произведеніе новаго промысла.

Въ 1606 году, кромѣ прежнихъ кораблей съ упомянутыми лицами, отправилась еще пинасса, отряженная другимъ членомъ Московской Компаніи, подъ начальствомъ Джонаса Пуля (Poole), который при прежнихъ поѣздкахъ находился на кораблѣ Беннета. Теперь съ новымъ промысломъ успѣли ознакомиться уже такъ хорошо, что въ теченіе шести часовъ убито было до восьмисотъ моржей.

На слѣдующій годъ (1607) отправился на островъ Черри только одинъ корабль «the Paul», подъ начальствомъ Томаса Вельдена[1]). Онъ повторилъ поѣздку въ 1608 году, но на этотъ разъ Компанія поручила ему пристать къ берегу лишь у «Tірапу» въ Лапландіи. Едва можно догадаться, что подъ именемъ Tірапу разумѣлась корабельная губа между мысомъ Типуновымъ и мысомъ Корабельнымъ (на картѣ мысъ Сергѣевъ), у восточной оконечности Рыбачьяго[2]). Въ эту поѣздку убили до тысячи моржей въ теченіе семи часовъ и взяли съ собою пару молодыхъ моржей, изъ которыхъ самецъ привезенъ былъ въ Лондонъ, во дворецъ, на показъ королю Якову. Прибылъ къ острову еще и другой корабль, «the Dragon», не принадлежавшій Компаніи[3]).

Въ 1609 году отплыли два корабля на счетъ Компаніи. Одинъ изъ нихъ «the Lioness», съ Джонасомъ Пулемъ и Томасомъ Вельденомъ, отправился прямо къ острову Черри и 8-го мая формально завладѣлъ имъ въ пользу Московской Компаніи. На другомъ кораблѣ, «the Paul», факторомъ былъ Томасъ Эджъ (Edge),

---

[1]) Онъ былъ снаряженъ Лондонскимъ пивоваромъ Дуппою.

[2]) Заливъ Вайда, на сѣверной оконечности острова, въ то время часто назывался Wedagoba (вайда губа) или также Kegor, по находящемуся при немъ мысу Кекурскому.

[3]) Онъ опять снаряженъ былъ Дуппою, но находился подъ начальствомъ Ричарда Стевенса.

ученикъ этой Компаніи. Ему поручено было отправиться опять сперва въ «Тіропу» въ Лапландію, для нагрузки рыбы. Потомъ уже Эджъ прибылъ къ острову Черри и привезъ съ собою Джосіаса Логана. Корабль «Lioness» отправился за тѣмъ въ Архангельскъ, а на кораблѣ «Paul», которымъ теперь начальствовалъ Пуль, факторы возвратились въ Лондонъ. Они привезли съ собою двухъ медвѣжатъ, которыхъ долго показывали публикѣ въ Парисъ-Гарденѣ (въ Саутваркѣ, близь Темзы, между Black-friars- и Southwark-Bridge).

Въ 1610 году Московская Компанія снова отправила два корабля, одинъ «the Lioness», подъ начальствомъ Томаса Эджа, на островъ Черри, а другой «the Amitie», подъ командою Джонаса Пуля, на сѣверъ, для открытій. Пуль, съ помощникомъ своимъ Николаемъ Вудкокомъ, въ маѣ прибылъ къ Шпицбергену, который уже въ 1596 году видѣли Голландцы, а въ 1607 году Гудсонъ, и о которомъ теперь Англичане увѣряли, что это земля, открытая въ 1553 году серомъ Ю Уилльби. Высокую гору, вершину которой Пуль первый увидѣлъ, онъ назвалъ Muscovie Companies Mount. Тутъ также убиты были моржи, и на первый разъ отсюда привезены въ Лондонъ двѣнадцать бочекъ товару. Въ числѣ добычи особою диковинкою считался клыкъ нарвала, обыкновенно называвшагося въ то время морскимъ единорогомъ.

Генри Гудсона (который уже въ 1607 году совершилъ поѣздку на сѣверъ, въ 1608 и 1609 годахъ на сѣверо-востокъ, а въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ и на западъ, и который открылъ рѣку, названную по его имени) въ 1610 году серъ Додлей Диггсъ, Джонъ Волстенгольмъ и нѣкоторые другіе члены Московской Компаніи послали опять на западъ. Корабль его назывался, кажется, «the Discovery», т. е. былъ тотъ самый, на которомъ позднѣе Боттонъ съ Нельсономъ, а потомъ Билетъ съ Баффиномъ[1]) совершили свои поѣздки. Въ радостномъ ожиданіи, что ему удалось отыскать давно желанный путь, Гудсонъ, плывя по проливу, за которымъ съ тѣхъ поръ навсегда осталось его имя, назвалъ мысы и острова слѣдующими по порядку име-

[1]) На арктической картѣ 1845 года по ошибкѣ напечатано, что Билетъ находился подъ начальствомъ Баффина.

нами: Gods great mercie, Hold with hope, Magna Britannia, Henry (по имени престолонаслѣдника, принца Уэльскаго), James (по имени короля), Anna (по имени королевы), Charles (по второму сыну короля, вступившему впослѣдствіи на престолъ), Salisbury (въ честь Роберта Сесиля, сына Вильяма), и наконецъ при въѣздѣ въ заливъ, получившій также названіе Гудсонова: Digges и Wolstenholme.

Оказалось, что мысъ, названный именемъ сера Додлея Диггса, находился не на материкѣ, а на островѣ. Его въ то время уже посѣщали и когда въ слѣдующую весну, послѣ безбожнаго преступленія, совершеннаго надъ Гудсономъ, матросы поплыли назадъ, то главный зачинщикъ Генри Гринъ и нѣкоторые другіе убиты были дикарями при островѣ Диггса. Описаніе, которое состоявшій на службѣ сера Додлея Диггса, Аввакумъ Приккетъ составилъ о сильномъ западномъ теченіи у острова Диггса (позволившемъ сѣвшему на скалу кораблю сняться съ мели), послужило серу Додлею главнымъ поводомъ на слѣдующій годъ (1612) снова отправить туда корабль.

Въ 1611 году серъ Томасъ Смитъ, директоръ Московской Компаніи, послалъ два корабля «Mary Margaret» и «Elisabeth», въ Шпицбергенъ, за годъ передъ тѣмъ посѣщенный Пулемъ. Главнымъ начальникомъ перваго корабля назначенъ былъ Эджъ, а капитаномъ его Беннетъ; другой корабль находился подъ начальствомъ Пуля. Послѣднему поручено было пробраться съ Шпицбергена (New Land, Greenland) къ сѣверному полюсу; но онъ дошелъ только до 80-го градуса. При Эджѣ находилось шесть опытныхъ китолововъ изъ St. Jena de Luz. Накопившийся въ бухтахъ ледъ помѣшалъ лову, но имъ все-таки удалось убить одного кита. Въ бухтѣ, названной Пулемъ уже въ 1610 году Crosse road и находящейся на довольно глубокомъ сѣверѣ острова, изъ этого кита на Шпицбергенѣ въ первый разъ былъ вытопленъ жиръ. Такимъ-же образомъ и въ Foule Sound добытъ былъ жиръ изъ убитыхъ тамъ моржей. Оба корабля погибли и весь экипажъ, перебравшись на корабль «the Hopewell», прибывшій въ Шпицбергенъ для китовой лови изъ Гулля, подъ начальствомъ капитана Томаса Мармадьюка, возвратился въ Англію, куда привезена была и часть добытаго богатства.

Въ одно время съ двумя вышеупомянутыми кораблями, т. е. въ 1611 году, Джосіасъ Логанъ, котораго уже въ 1603 году Черри назначилъ факторомъ въ Колу и который пробылъ тамъ пять лѣтъ, отправленъ былъ серомъ Томасомъ Смитомъ, вмѣстѣ съ помощникомъ Вилліамомъ Порсгловомъ (Pursglove) и ученикомъ Мармадьюкомъ Вильсономъ, въ Пустозерскъ, близъ рѣки Печоры, для устройства прямыхъ торговыхъ сношеній съ Англіею, потому что въ Москвѣ въ то время нечего было и думать о дѣлахъ торговыхъ. На кораблѣ «the Amitie» (подъ начальствомъ Джемса Вадена), доставившемъ упомянутыя лица въ Печору, находились, во-первыхъ, въ качествѣ боцмана, Вилліамъ Гордонъ, тотъ самый Гордонъ, который въ 1603 году, по порученію Черри, вмѣстѣ съ Беннетомъ отправился на сѣверъ и первый изъ Англіи прибылъ на островъ Черри, а во-вторыхъ, въ качествѣ переводчика, Ричардъ Финчъ, который при Московской конторѣ научился русскому языку и, какъ мы увидимъ ниже, въ 1605 году Лжедмитріемъ отправленъ былъ въ Архангельскъ, вслѣдъ за уѣхавшимъ изъ Москвы серомъ Томасомъ Смитомъ.

У косы, передъ Печорскимъ заливомъ, окруженнымъ Печорскимъ и Мединскимъ заворотами[1]), корабль сѣлъ на мель, но

---

[1]) Извѣстный теперь подъ названіемъ Русскаго Заворота мысъ, ограждающій на западѣ входъ въ Печорскій заливъ, Финчъ постоянно называетъ Печорскимъ Заворотомъ. Такъ названъ онъ и на упомянутой еще ниже картѣ нашего сѣвернаго прибрежья, дошедшей до насъ отъ Исаака Массы. Для жителей запада названіе это едва ли не лучше. Финчъ правильно указываетъ положеніе Долгаго острова, находящагося въ чертѣ этого заворота въ Сухомъ морѣ, и говоритъ, что его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Долгимъ островомъ, лежащимъ къ югу отъ Матвѣева острова. Къ Матвѣеву острову Мангазейскіе плаватели при попутномъ вѣтрѣ ѣхали отъ устья Печоры въ 30 часовъ, а оттуда къ Югорскому шару въ 9 часовъ. Въ 1594 году на Матвѣевомъ островѣ, который въ то время Голландцы называли островомъ Маврикія, Линшотенъ списалъ слѣдующую надпись, находившуюся тамъ на большомъ деревянномъ крестѣ: «Лѣта 7083 (1575) поставилъ крестъ — Береза-да Ѳедоръ Павловъ сынъ Моло (Молой?) — подписалъ рлішко (?)». На верхней изъ трехъ перекладинъ стоитъ: «Царъ-Славѣ», а по бокамъ двухъ нижнихъ: «Іисусъ-Христосъ-Ни-Ка». Крестъ этотъ стоялъ на западной сторонѣ узкой, обращенной къ сѣверу, косы. Форстеръ смѣшиваетъ Матвѣевъ островъ съ Долгимъ. Мединскій Заворотъ теперешнихъ картъ Логанъ называетъ Medianskoi, а Финчъ Meadenitzkoi; въ большомъ чертежѣ названъ Медынскимъ.

успѣлъ сняться и пробрался черезъ нее безъ поврежденія. Онъ стоялъ въ заливѣ на якорѣ, когда 11-го іюля Логанъ, Порсгловъ и Гордонъ на шлюпкѣ съ шестью гребцами проѣхали чрезъ Сухое море къ рѣкѣ Печорѣ, чтобы по ней отправиться въ Пустозерскъ, куда они и прибыли 16-го іюля. На пути они приставали къ различнымъ рыбачьимъ шалашамъ, хозяева которыхъ почти всѣ убѣгали, принимая чужихъ пришельцевъ при первомъ взглядѣ за Поляковъ. Разъ чуть-было не стали стрѣлять въ матросовъ, оставшихся въ лодкѣ [1]).

Въ 1611 году въ Пустозерскѣ, не смотря на сильный пожаръ, бывшій тамъ незадолго передъ тѣмъ, все-таки еще было до 100 домовъ и 3 церкви. Воеводы въ немъ не было; послѣдній, какъ разсказывали Логану, въ 1610—11 году зажегъ острогъ (castle), при чемъ сгорѣло до ста частныхъ домовъ, и за тѣмъ уѣхалъ [2]). Во время пріѣзда Англичанъ, главнѣйшими должностными лицами въ городѣ были таможенные сборщики. Лишь послѣ восьмидневныхъ совѣщаній они дозволили Логану и спутникамъ его на время остаться въ Пустозерскѣ [3]). Довольно странно, что послѣдніе потомъ жили у Поляка Юрьевича (Uriawich), который прежде содержался въ плѣну въ Тобольскѣ и въ Березовѣ, а во времена Разстриги поѣхалъ въ Москву. При обращеніи его въ православіе онъ названъ былъ Трифономъ. 25-го іюля Гордонъ съ Порсгловымъ и нѣсколькими закупленными товарами возвратился на «Amitie», первый съ тѣмъ, чтобы поплыть дальше, а второй для того, чтобы съ Вильсономъ опять пріѣхать въ Пустозерскъ и привезти съ корабля различные товары.

---

[1]) Страхъ жителей обыкновенно разгоняли водкой.

[2]) Логану сказали даже: «In times past these places have been good for trading, but now, by reason of a bad Governour, in these troublesome times, upon a spleene he has fired the towne, and burned above an hundred houses, and so by that means they have fallen into poverty and trading has decayed by reason of his great exactions».

[3]) In the mean time wee made much of them, and feasted them with our Aqua vitae, Biscuit and Figs, that we might the better obtayne their love. Къ счастію Логанъ съ самаго начала узнанъ былъ пріѣхавшимъ туда Холмогорцемъ, видѣвшимъ его у дяди своего въ Колѣ, у котораго Логанъ жилъ нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того они не преминули предъявить копіи съ разныхъ прежнихъ царскихъ привилегій.

Логанъ и Порсгловъ, равно какъ и Гордонъ, проводившій ихъ съ корабля въ городъ, сообщаютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тамошней мѣстности, въ особенности по части промысловъ и торговли [1]).

Главными предметами промысла Пустозерцевъ были: 1) у Болванскаго мыса, на востокѣ обширной Печорской дельты [2]),

[1]) Джосіасъ Логанъ былъ знакомый Гаклейта, тогдашняго каноника Вестминстерскаго аббатства. Вотъ почему Логанъ и Гордонъ на Колгуевомъ островѣ (17-го іюня) одну рѣку назвали по имени Гаклейта; подобныя же почести ему оказаны были агентами Московской Компаніи и въ другихъ мѣстахъ. Такъ напр. имя его красуется на глубокомъ сѣверѣ острова Шпицбергена, равно какъ и въ Баффиновомъ заливѣ, почти рядомъ съ именемъ сера Томаса Смита. 24-го іюля, т. е. на канунѣ возвращенія Гордона на корабль, ожидавшій его въ Печорскомъ заливѣ, Логанъ писалъ Гаклейту, что зимою въ Пустозерскъ приходитъ до двухъ тысячъ (впослѣдствіе онъ говоритъ до трехъ тысячъ) Самоѣдовъ съ товарами, между которыми могутъ встрѣтиться такіе, какихъ Англичане доселѣ еще и во снѣ не видали (which may be such as we dreamed not on yet). Онъ слышалъ про рѣку Енисей, протекающую близь Китая, и случайно увидѣвъ купленный у Самоѣда кусокъ слоноваго зуба (вѣроятно отъ найденнаго въ землѣ слона), полагалъ, что находится на прямомъ пути въ Китай и Индію (you may perceive what hope there is of this enterprise). 16-го августа Логанъ снова писалъ Гаклейту изъ Пустозерска о богатствѣ по части семги, бѣлужьяго, моржоваго и тюленьяго жира, песцовъ и перьевъ. Онъ объясняетъ водяной путь чрезъ Югорскій шаръ къ Оби, упоминаетъ о Енисеѣ, Тугунсахъ и т. д. Логанъ считалъ извѣстія свои столь интересными, что просилъ Гаклейта сообщить копію съ этого письма государственному казначею графу Селисбурійскому (Роберту Сесилю). Такимъ образомъ въ 1611 году изъ лежащаго на Печорѣ Пустозерска неоднократно посылаемы были письма въ Лондонъ, знаменитому исторіографу совершенныхъ путешествій, Гаклейту. Такъ какъ онъ умеръ въ 1616 году, то ему не удалось воспользоваться письмами Логана; впослѣдствіе они достались Порчезу (Purchase), который и издалъ ихъ. Въ Пустозерскѣ провелъ три года (1677—1680) молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ вмѣстѣ съ сосланнымъ туда отцомъ своимъ Артамономъ Сергѣевичемъ и добровольно отправившимся съ нимъ воспитателемъ своимъ, полякомъ Поборскимъ. Матвѣевъ-отецъ былъ, какъ извѣстно, любимцемъ царя Алесѣя Михайловича, который въ домѣ его познакомился съ Наталіей Кириловной, матерью Петра Великаго. Сынъ въ 1691 году былъ воеводой Двинскаго округа, въ 1699 году посланникомъ въ Голландіи, въ 1706 году находился въ Парижѣ у Людовика XIV, а въ 1707 посланъ къ королевѣ Аннѣ въ Лондонъ, гдѣ въ 1708 году его за небольшой денежный долгъ хотѣли засадить подъ арестъ. Въ 1712 году онъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а въ 1715 году графомъ Римской имперіи. Старшая дочь его была бабкой государственнаго канцлера, графа Румянцева.

[2]) На весьма интересной картѣ Исаака Массы при устьѣ Печоры помѣ-

ловля морскихъ бѣлугъ (Delphinus Leuca), для топки жира[1]), да ловля лоховъ (Salmo nobilis)[2]) и омулей (Salmo Omul), отчасти для собственнаго пропитанія, отчасти же для соленія и развозки въ продажу[3]); 2) производившаяся въ разныхъ мѣстахъ охота на гусей, утокъ, лебедей и бѣлыхъ куропатокъ (Англичане писали partridges), частію изъ-за мяса ихъ, которое ѣли свѣжимъ и солили на зиму, частію изъ-за перьевъ, которыми торговали и которыхъ Логанъ сразу-же купилъ значительное количество (45 мѣшковъ), нагруженное имъ на корабль, на которомъ возвращались Гордонъ и Финчъ[4]).

Изъ описаній, составленныхъ Логаномъ и Порсгловомъ, видно, что въ 1611 году главнымъ рыночнымъ мѣстомъ была

щены слова: semdeceta ostei (70 устій). Карта эта, изданная въ 1613 году Гесселемъ Герардомъ (Миллеръ ее не видѣлъ), первоначальна была составлена въ Москвѣ съ обозначеніемъ мѣстностей на русскомъ языкѣ, а именно составлена послѣ 1601 года, потому что на ней помѣщенъ Тазовскій городъ, построенный въ этомъ году на восточномъ берегу Таза, и называвшійся также Мангазеей.

[1]) Порсгловъ въ 1612 году самъ присутствовалъ при ловлѣ бѣлугъ у мыса Болванскаго. 23 и 24 іюня изъ Пустозерска отправилось туда до 50 лодокъ (по 3 или 4 человѣка въ каждой); на переѣздъ этотъ потребовалось два дня. Онъ описываетъ величину бѣлугъ, способъ бить ихъ острогою и множество жира, который изъ нихъ вытапливается. Ловля ихъ продолжается съ 24 іюня по 20 іюля; за тѣмъ начинаютъ охотиться на утокъ, гусей и лебедей. Ловлею моржей, для добыванія жира, клыковъ и кожи, Пустозерцы занимались въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, какъ и Мезенцы, Пинежцы и Двинцы, т. е. на островѣ Колгуевѣ, на Вайгачѣ и на берегу Новой Земли, равно какъ и въ Карскомъ морѣ.

[2]) Логану разсказывали, что въ 1610 году Пустозерцы поймали 15,000 лоховъ, которые, какъ онъ говоритъ, были очень жирны. Обыкновенно три лоха вѣсили пудъ. Платили отъ одной до четырехъ денегъ за рыбу. На 80—100 лоховъ шелъ пудъ соли. У Болванскаго мыса лоховъ было столько, что подъ конецъ лѣта не знали, что съ ними дѣлать, и дѣйствительно много рыбы пропадало, въ особенности когда соль была дорога.

[3]) Финчъ пишетъ, что омули преимущественно ловятся у двухъ Зеленыхъ острововъ (большаго и малаго), лежащихъ передъ Мединскимъ Заворотомъ. По его словамъ, они похожи на макрелей (like maccarels), а Логанъ говоритъ, что они очень вкусны (a very sweet fish).

[4]) Перья бѣлыхъ куропатокъ Пустозерцы въ 1611 году продавали по пяти алтынъ за пудъ; утиныя перья, въ томъ числѣ и пухъ, стоили отъ семи до восьми алтынъ. Въ прежнее время Холмогорцамъ продавали пудъ перьевъ бѣлыхъ куропатокъ за двѣ деньги и за кусокъ мыла, стоившій въ Холмогорахъ десять денегъ.

уже не Лапожня (на островѣ рѣки Мезени), какъ въ первые годы послѣ прибытія Чанслера въ Россію, а Слободка, большая деревня, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ уѣздный городъ Мезень [1]). Каждую зиму дважды, т. е. передъ Рождественскимъ и передъ Великимъ постомъ, здѣсь съѣзжались въ большомъ числѣ Пермяки (Permacks) и Самоѣды для мѣноваго торга съ Русскими, которые пріѣзжали туда изъ Холмогоръ, Вологды и другихъ мѣстъ. Жители Пустозерска обыкновенно привозили главнымъ образомъ лоховъ и омулей (omellies), конечно также на нартахъ (саняхъ для ѣзды на сѣв. оленяхъ [2])). Изъ Слободки же товаръ развозили уже на лошадяхъ.

23-го ноября 1611 года Порсгловъ отправился изъ Пустозерска въ Слободку съ тогдашнимъ караваномъ изъ сѣверныхъ оленей, называвшимся аргишъ и состоявшимъ изъ 210 нартъ; почти въ каждую изъ этихъ нартъ впряжено было по два сѣв. оленя. Кромѣ того, для смѣны, слѣдовало еще 200 оленей безъ упряжи. На каждую нарту нагружали до семи пудовъ [3]). За

---

[1]) Эта Слободка основана была Окладниковыми изъ Новгорода. Желательно, чтобы нижняя часть рѣки Мезени, по крайней мѣрѣ нѣсколько выше Лампожни, правильно нанесена была на карту. Мѣстечко, подъ именемъ Мезени, нѣкогда находилось нѣсколько выше при рѣкѣ Мезени.

[2]) Почти всѣ Пустозерцы разъѣзжали на своихъ собственныхъ сѣверныхъ оленяхъ. У нѣкоторыхъ жителей было по двадцати и тридцати оленей, которыхъ они отдавали другимъ въ наемъ для развозки рыбы. Лѣтомъ ихъ отдавали на прокормленіе Самоѣдамъ. Въ ноябрѣ 1611 года отправилось до 70 нартъ съ рыбою изъ Пустозерска въ Слободку.

[3]) Дорога изъ Пустозерска въ Слободку (теперешній городъ Мезень) ведетъ чрезъ горный хребетъ, который обыкновенно называется Тиманскимъ, но часто обозначается также названіемъ Чайцына Камня. Порсгловъ называетъ его просто «Camen»; будучи новичкомъ въ краѣ, онъ вѣроятно передалъ названіе такъ, какъ слышалъ его отъ Русскихъ въ 1611 году. Хребетъ у Югорскаго шара ладейникъ Лошакъ въ 1556 году назвалъ Стефену Борро «Большимъ Камнемъ». Продолженіе Урала мы видимъ ясно на Вайгачѣ, а продолженіе Тимана можно предполагать на полуостровѣ Канинѣ. Не есть ли Канинъ искаженіе слова Камень, такъ что Канинъ Носъ собственно долженъ бы былъ называться Каменнымъ Носомъ и означать мысъ Тиманскаго хребта? Если Русскіе, ѣздившіе, подобно Порсглову, сухимъ путемъ изъ Слободки въ Пустозерскъ, слѣдовательно перeѣзжавшіе чрезъ Камень, направляющійся къ сѣверо-западу, предпринимали за тѣмъ поѣздку водою, то на поворотѣ своего путешествія опять встрѣчали Камень. Изъ этого названія Самоѣды или другіе не-Русскіе, сдѣлали свое Канинъ. Для читающей публики

проѣздъ изъ Пустозерска въ Слободку платилось десять алтыновъ. Путь этотъ, составляющій почти 500 верстъ, обыкновенно совершался въ 16 дней. Въ Слободкѣ, куда Порсгловъ пріѣхалъ 9-го декабря, онъ неожиданно встрѣтилъ поселившагося тамъ Англичанина Томаса Лайгона (Ligon), весьма обрадовавшагося, что ему представился случай принять его у себя въ домѣ [1]). Изъ Слободки онъ въ саняхъ и на лошадяхъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ засталъ агента англійско-русской Компаніи, Фабіана Смита, который у насъ всегда называется Ѳабиномъ Ульяновымъ. Сани съ кладью совершали эту поѣздку въ 6 дней; брали по 4 деньги съ пуда. Тѣмъ-же путемъ Порсгловъ вернулся опять въ Слободку, чтобы возвратиться въ Пустозерскъ на сѣверныхъ оленяхъ,

---

Канинъ Носъ получилъ это названіе 8 іюля 1556 года. Въ этотъ день Стефенъ Борро отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «We plyed neerer the headland which is called Caninoz». Названіе это онъ услышалъ отъ ладейниковъ, ѣхавшихъ съ нимъ изъ Кольскаго залива, и, подобно многимъ другимъ, могъ неправильно записать его. Изъ Боррова Caninoz Голландцы въ 1594—1597 годахъ сдѣлали Candinoes и Candenoes. На картѣ Линшотена рядомъ съ Candenos помѣщено Camenkh. На упомянутой выше картѣ, добытой Исаакомъ Массою въ Москвѣ и изображающей южный берегъ Бѣлаго моря, Вайгачъ, Новую Землю и Карское море, значится Canninoos и Caminoos. Гордонъ писалъ въ 1611 году, что мысъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, неправильно (corruptly) называется Candinos, и что его слѣдуетъ называть Callinos. Не хотѣлъ ли Гордонъ написать Caminos? Въ книгѣ Большаго Чертежа сказано: «Конецъ горы Шамагодскаго (Самоѣдскаго?) камени». Слово Канинъ тутъ вовсе не встрѣчается. При городѣ Пустозерскѣ указано разстояніе отъ Меньшаго Камня, Тимана. Слѣдовало бы филологамъ рѣшить, не образовалось ли слово Тиманъ постепенно изъ слова камень. Сдѣлали же мы изъ слова киминъ (Cuminum, Kümmel) тимонъ и даже тминъ.

[1]) Томасъ Лайгонъ былъ сначала слугою у Ричарда Кокса, одного изъ прежнихъ агентовъ Компаніи въ Россіи. Въ письмѣ королевы Елизаветы къ царю Ѳедору Іоанновичу, отъ 14-го января 1592 года, этотъ Коксъ, вмѣстѣ съ другими пятью лицами, названъ человѣкомъ, измѣнившимъ Компаніи. Она просила царя повелѣть, чтобы всѣ они отправлены были въ Англію. Но впослѣдствіи Коксъ былъ членомъ Компаніи въ Лондонѣ и имя его значится въ привилегіи, данной Компаніи Лжедмитріемъ въ декабрѣ 1604 года. О встрѣчѣ своей съ Лайгономъ въ Слободкѣ Порсгловъ сообщаетъ слѣдующее: «Saluting mee in English, he marvelled much to meet me there, and caried me from the rest of my company to his lodging, and gave me there very kind entertaynment. The next morning I departed thence in his sled, having over night hired a horse to the next towne, which was fifteen versts off, and so travelling day and night, changing horses at every convenient place».

съ караваномъ, который на этотъ разъ состоялъ даже изъ 250 нартъ. Онъ пріѣхалъ въ Пустозерскъ 5-го января 1612 года.

Болѣе 200 верстъ къ югу отъ Пустозерска, т. е. выше на Печорѣ, какъ разъ противъ устья Цыльмы, лежитъ мѣстечко Устьцыльма. 26-го мая 1612 года Логанъ въ лодкѣ, по Печорѣ, отправился туда съ хозяиномъ своимъ, Полякомъ Юрьевичемъ[1]). Поѣздка продолжалась 4 дня. 9-го іюня онъ выѣхалъ изъ Устьцыльмы и 11-го былъ опять въ Пустозерскѣ.

24-го іюня Логанъ отправилъ Порсглова къ устью Печоры, гдѣ въ то время начиналась ловля морскихъ бѣлугъ и омулей. Ему поручено было скупить на мѣстѣ весь бѣлужій жиръ. 5-го августа туда отправились также Логанъ и Вильсонъ, чтобы помочь окончить топку жира. Бочки съ этимъ жиромъ были нагружены на ладью и Логаномъ, да двумя его спутниками, привезены въ Архангельскъ; за тѣмъ всѣ трое отправились въ Холмогоры и прибыли туда 29-го сентября.

Корабль «the Amitie», на которомъ они за годъ передъ тѣмъ пріѣхали въ Печору, тотчасъ послѣ возвращенія Гордона изъ Пустозерска, т. е. 1-го августа 1611 года, снова отправился въ море[2]). Гордону и Финчу поручено было въ Лондонѣ, въ слу-

[1]) Ему, какъ уже прежде и Финчу, сказали, что онъ найдетъ тамъ много шкуръ сѣверныхъ оленей, бобровъ и другіе мѣха. Для вымѣна онъ взялъ съ собою преимущественно сукно и мѣдные котлы; но ему не удалось скупить столько, сколько онъ ожидалъ. Мѣстечко Устьцыльма онъ называетъ деревнею, домовъ въ сорокъ. По книгѣ Большаго Чертежа тамъ уже въ то время, какъ и теперь, находилась церковь во имя чудотворца Николая. Прежде мѣстечко это писалось Чильмой и Шильмой. Ячмень, растущій въ Устьцыльмѣ, по словамъ Логана, былъ бѣлъ, какъ рисъ; сѣяли тамъ также рожь.

[2]) За день до отъѣзда англійскаго корабля изъ Печорскаго залива (31 іюля), туда приплыла флотилія, приблизительно на 30 кочахъ или ладьяхъ изъ Устюга, Холмогоръ, Пинеги и Мезени. Онѣ назначались въ Мангазею, но по случаю противнаго вѣтра и поздняго времени года, рѣшились остановиться, суда съ товарами оставить на зиму въ Пустозерскѣ, а самимъ на маленькихъ лодкахъ по Цыльмѣ, Песѣ и другимъ рѣкамъ возвратиться во-свояси. Грузъ состоялъ изъ муки, сала, масла, овсяной муки, толокна и соли, да небольшаго запаса дрожжей, кожи и сукна. Для самого Пустозерска въ 1611 году прибыло всего только два судна съ подобными товарами. Такъ какъ жители большею частію питались рыбою, то муки употреблялось мало, да и та была плоха. Въ 1679 году Матвѣевъ во время своей ссылки отзывался о тамошней рыбѣ и мукѣ слѣдующимъ образомъ: «Прежъ сего, сказываютъ жители Пустоозер-

чаѣ, если они гдѣ нибудь не найдутъ моржей (Mohorsess) въ значительномъ количествѣ, — стараться или съ Печоры пробраться къ Оби, или отыскать (мнимую) землю сера Ю Уилльби, а потомъ, на возвратномъ пути, завернуть на островъ Черри. Но такъ какъ кораблю пришлось довольно долго простоять на якорѣ въ Печорскомъ заливѣ, то ледъ не позволилъ имъ подойти ни къ Вайгагскому проливу, ни къ Новой Землѣ. Уилльбіевой земли нельзя было найти, а когда они прибыли къ острову Черри, то Пуль, незадолго передъ тѣмъ, на «Елизаветѣ» возвратился къ Шпицбергену, какъ это видно было изъ оставленнаго имъ письма. По этому они на «Amitie» поплыли къ Темзѣ.

Въ 1612 году Московская Компанія отрядила въ Шпицбер-

скіе, на пищу рыбы былъ достатокъ и на продажу, а нынѣ не токмо на продажу на хлѣбъ, съ самой весны по Іюль до сытости не наѣлись, таютъ гладомъ. Хлѣбу привозъ былъ малой, и такую привезли муку, что отруби, и той мало продаютъ, оставляютъ въ зиму, въ самой голодъ продаютъ, чтобъ взять дороже». — Сообщаю изъ дневника Логана еще нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи его въ Пустозерскѣ, такъ какъ мы вообще очень мало знаемъ о тогдашнемъ образѣ жизни въ этомъ отдаленномъ мѣстечкѣ.—12-го января 1612 года въ Пустозерскѣ получено было предложеніе соблюдать строжайшій постъ въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей; сказано было, чтобы не исключены были и грудныя дѣти. Постъ этотъ начался уже на слѣдующій день (they neither eating nor drinking so much as water, neither admitted they their sucking Babes, save those that fainted, to whom they gave a few figs and a little water). 23 января въ Пустозерскъ прибыли Самоѣды «Carratchey» (собственно Хырючи). 30-го числа Логанъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ старшину ихъ съ сыномъ, внукомъ и племянникомъ. Старшина этотъ разсказывалъ, что они находятся въ открытой враждѣ съ Мангазейскими Самоѣдами, и потому на этотъ разъ могли привезти лишь немного товаровъ. Онъ говорилъ, что два года сряду они видѣли корабли у Вайгача, но по боязни не показывались (They seemed to be glad of our comming, when they saw our behaviour, and the entertainment they had of us. Neverthelesse, they are very timerous, and unreasonable covetous, as by more acquaintance I perceived by them). 2-го февраля большая часть Самоѣдовъ съ товарами своими поѣхала въ Слободку (на Мезени). 1-го марта туда отправились Русскіе съ накупленнымъ товаромъ. 11-го апрѣля Пустозерцы возвратились изъ Слободки, привезя съ собою рожь, ржаную муку и другой провіантъ. 21-го іюня отплыло въ Мангазею семь соймъ, принадлежавшихъ Пустозерску, Устьцыльмѣ, Пинегѣ и Мезени. Логанъ и Порсгловъ называли Мангазею Molgomsey, а Гордонъ Mongangey и Mungangea. По словамъ Миллера, Самоѣды, живущіе около Таза, назывались Мокассами. Изъ этого имени, а не изъ европейскаго слова магазинъ, образовалось русское названіе Мангазеи, которымъ означали какъ эту мѣстность, такъ и городъ, построенный тамъ въ 1601 году.

генъ два корабля: одинъ «the Seahorse» (моржъ) подъ начальствомъ Томаса Эджа, а другой «the Wale» (китъ) подъ командою Джона Росселя. На одномъ изъ нихъ находился Гордонъ, который, какъ мы только-что видѣли, за годъ передъ тѣмъ, съ Финчемъ, проводилъ Логана до Печоры и посѣтилъ также городъ Пустозерскъ. Явились еще голландскій и испанскій корабли, оба подъ начальствомъ Англичанъ, состоявшихъ прежде на службѣ Компаніи. Одинъ изъ нихъ, Алланъ Саллоусъ (Sallowes), совершилъ много поѣздокъ между Темзой и Двиной, другой, Николай Вудкокъ, находился на службѣ у Джонаса Пуля[1]). Эджъ заставилъ оба корабля эти удалиться[2]).

На слѣдующій 1613 годъ Московская Компанія отправила въ Шпицбергенъ семь кораблей, въ томъ числѣ одинъ военный корабль «The Tigris», въ 21 пушку, подъ начальствомъ Веньямина Джозефа (Joseph). На этомъ кораблѣ служилъ въ какомъ-то нисшемъ званіи столь прославившійся впослѣдствіи Вильямъ Баффинъ[3]); за годъ передъ тѣмъ онъ участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Джемса Галля (Hall) и описалъ его. Въ теченіе лѣта въ Шпицбергенъ прибыло множество кораблей другихъ націй. Одинъ изъ нихъ пріѣхалъ туда опять подъ начальствомъ Англи-

---

[1]) Эджъ потребовалъ Саллоуса къ себѣ на корабль, но потомъ отпустилъ его. Вудкока по возвращеніи въ Лондонъ засадили въ тюрьму на 18 мѣсяцевъ. Въ 1614 году онъ уже снова является командиромъ корабля «Prosperus» у Шпицбергена.

[2]) Томасъ Мармадьюкъ изъ Гулля, часто ѣздившій въ Шпицбергенъ безъ дозволенія Московской Компаніи, увѣряетъ, что въ 1612 году онъ на своемъ кораблѣ «the Hopewell» дошелъ до 82 градуса. За годъ передъ тѣмъ Вудкокъ, который послѣ погибели Эджева корабля, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами экипажа, отправившагося на шлюпкахъ къ острову Черри, бурею занесенъ былъ снова въ Шпицбергенъ, — проводилъ Мармадьюка въ удобную для китоловства бухту Crosse road, что впрочемъ послѣ потери втораго корабля послужило къ спасенію того и другаго экипажа. Въ 1612 году Мармадьюкъ позволилъ себѣ поставить на Шпицбергенѣ крестъ, какъ будто бы онъ первый открылъ этотъ островъ. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что въ 1612 году въ Foule Sound прибылъ англійскій корабль «the Diana», подъ начальствомъ «Томаса Бостіона (Bustion), dwelling at Wapping wall». Корабль, на которомъ Традескантъ съ серомъ Додлеемъ Диггсомъ въ 1618 году пріѣхалъ въ Архангельскъ, назывался Діаной и былъ изъ Ньюкестля.

[3]) Вильяма Баффина ошибочно называли начальникомъ этой экспедиціи.

чанина Томаса Боннера, состоявшаго прежде на службѣ Компаніи[1]). Капитанъ Джозефъ, имѣвшій при себѣ королевскій патентъ съ приложеніемъ большой печати, прогналъ всѣ эти корабли.

Въ 1614 году Московская Компанія послала въ Шпицбергенъ три корабля и двѣ пинассы. Они застали тамъ 18 голландскихъ судовъ, въ томъ числѣ 14 военныхъ кораблей, въ 30 пушекъ каждый. Противъ такой силы Компанейскіе корабли конечно ничего не могли сдѣлать. Робертъ Фотерби (Fotherby), командовавшій кораблемъ «Thomasine», на которомъ находился и Вильямъ Баффинъ, 23-го іюня поставилъ въ Maudlen Sound крестъ съ гербомъ Якова I, а подъ нимъ прибилъ свинцовую пластину съ вензелемъ Московской Компаніи и англійскую монету (Sixpence). Взявъ съ собою оттуда горсть земли, онъ совершилъ еще поѣздку на сѣверъ, но она не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя онъ и увѣрялъ, что пробрался за 80-й градусъ.

Въ томъ-же 1614 году уже извѣстный намъ Вильямъ Гордонъ поѣхалъ изъ Пустозерска въ Югрію. Поѣздка эта очень поучительна въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ она ясно показываетъ, что, вопреки мнѣнію Лерберга, Югрія, по крайней мѣрѣ отчасти, лежала на западъ отъ сѣвернаго Урала, а во-вторыхъ мы изъ этого видимъ, что мнѣніе Фишера, будто бы въ 1607 году Пустозерцы перестали ѣздить въ Роговой городокъ и мѣстечко это опустѣло, неосновательно, потому что Гордонъ какъ-разъ отправился туда, въ Роговой городокъ. Въ 1611 году, во время пребыванія своего въ Пустозерскѣ, Логанъ также писалъ, что 4-го декабря жители этого города сухимъ путемъ отправились въ Югрію (into Jugoria), для переговоровъ съ тамошними жителями и Самоѣдами[2]). Такъ какъ Логанъ зналъ рус-

[1]) Боннера, равно какъ и находившійся подъ начальствомъ его голландскій корабль, капитанъ Джозефъ взялъ съ собою въ Англію.

[2]) 19-го января 1612 года возвратились эти Пустозерцы, ѣздившіе въ «Югорію». Имъ не удалось накупить много (had but a hard voyage), потому что Карачейскимъ Самоѣдамъ, вслѣдствіе тогдашнихъ несогласій съ Мангазейскими, т. е. съ Мокасеями у Тазовскаго города, нельзя было ѣхать туда, а они-то именно и привозили съ собою лучшіе мѣха, которые получала Россія. 8-го сентября (1611 г.) Логанъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что принадлежащее Пустозерцамъ судно (a Soyma) спустилось внизъ по рѣкѣ, чтобы ѣхать

скій языкъ и уже съ іюля мѣсяца жилъ въ Пустозерскѣ, то показанія его безъ сомнѣнія правильны.

Гордонъ пишетъ: 20-го ноября (1614 г.) въ четыре часа я отправился изъ Пустозерска въ Югорію (to Yougorie). Онъ называетъ всѣ рѣки, чрезъ которыя переѣзжалъ, и упоминаетъ при этомъ, куда и въ какомъ направленіи онѣ текутъ и куда впадаютъ. Показано также разстояніе; отмѣчены пространство, которое онъ каждый день проѣзжалъ, погода, состояніе дороги и разныя приключенія. Упоминаются у него слѣдующія рѣки: Schapkina (впадаетъ въ Печору), Novgorotka (по Гордону течетъ въ Шапкину; мнѣ ни на одной картѣ не удалось найти эту рѣку), Habeaga (вливается въ Печору), Haryena (по Гордону притокъ Колвы, можетъ быть Хараяга), Colvoy (Колва, впадаетъ въ Уссу), Ssandavets[1]), далѣе безъименная рѣчка, впадающая въ Ssandavets, Hoseada (вливается въ Ашву) и Azua (Ашва, текущая въ Уссу). За тѣмъ дорога шла черезъ значительный горный хребетъ Yangoda (на картахъ нигдѣ не показанъ), потомъ черезъ Малую (Меньшую) Роговую рѣку на плоскую Коряпину тундру, названную такъ по имени умершаго и схороненнаго тутъ лѣтъ 30 передъ тѣмъ Русскаго Коряпы (Correapa). Наконецъ 18-го декабря въ полночь пріѣхали къ Большой Роговой рѣкѣ, гдѣ находился городъ Русскихъ, которые вели здѣсь мѣновой торгъ съ Самоѣдами. На картахъ я нигдѣ не нашелъ двухъ Роговыхъ

въ Югорію, но не вышло изъ Печоры и должно было отказаться отъ дальнѣйшей поѣздки.

[1]) Этотъ притокъ Колвы называется теперь Сандивеемъ. Гордонъ съ спутниками своими проѣхалъ миль шесть или семь по Колвѣ съ востока на сѣверъ и прибылъ къ устью Сандавеца. Колва въ этомъ мѣстѣ течетъ съ сѣверо-востока, Сандавецъ съ юго-востока. Тутъ, по лежащей между ними равнинѣ, въ восточномъ направленіи, проѣхали, нѣсколько къ югу, двѣнадцать миль, переночевали и на слѣдующій день, 6-го декабря, праздновали память Св. Николая. Гордонъ описываетъ это слѣдующимъ образомъ: «The sixt, being Saint Nicolas day, which with the Russes is held a principall day, in the mornig they caused their Images to bee brought into the choome, lighting waxcandles before them, making their prayers to them, according to their order; after which, I gave them a bottle of Aqua vitae, wherewith the guides were drunke that they could not guide their deeres, but set me to direct the way by compasse, which I did all the day, although I had but little skill, we went South-east and by East 20 miles. The seventh, being very faire weather, our guides lay all the day with *pohmeall* (похмѣлье) and could not goe forward».

рѣкъ. Гордонъ говоритъ, что каждая изъ нихъ впадаетъ въ Уссу [1]). Здѣсь онъ остался до 6-го января 1615 года. 30-го декабря онъ при помощи своей астролабіи производилъ наблюденія надъ солнцемъ, стоявшимъ два градуса надъ горизонтомъ. У него показана широта въ 66°8′, но едва ли это правильно: убавленъ по крайней мѣрѣ градусъ широты [2]). 6-го января 1615 года Гордонъ по той-же самой дорогѣ отправился въ обратный путь и 19-го прибылъ въ Пустозерскъ [3]). По его расчету онъ проѣхалъ туда и обратно на сѣверныхъ оленяхъ всего 918 миль. Послѣднія 150 миль ѣхали, не отдыхая. Приближаясь къ населенному мѣсту, путешественники обыкновенно оставляли аргишъ съ нагруженными нартами, и ѣхали впередъ на лучшихъ оленяхъ. Какъ Гордонъ такъ и Порсгловъ называютъ это почтовой ѣздой (riding post) [4]). Весьма желательно, чтобы ближайшимъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ опредѣлены были теченіе обѣихъ Роговыхъ рѣкъ и положеніе бывшаго городка на восточной или Боль-

[1]) Къ чести Крестинина мы должны упомянуть, что онъ указывалъ Лепехину двѣ рѣки Роговыя.

[2]) Фишеръ на своей картѣ помѣстилъ Роговой городокъ даже подъ 65°25′.

[3]) Упоминаемыя Гордономъ, Логаномъ и Финчемъ ежегодныя караванныя поѣздки жившихъ за Югорскимъ хребтомъ Карачейскихъ Самоѣдовъ въ Роговой городокъ и черезъ Пустозерскъ въ Слободку на Мезень, заставляютъ думать, что 50 Самоѣдовъ и 200 сѣвер. оленей, схваченныхъ на Югорскомъ хребтѣ около 1500 года, когда князья Ушатый и Курбскій отправились въ походъ противъ Югорцевъ, — составляли подобный, ѣхавшій на западъ караванъ, который наткнулся на отрядъ русскихъ войскъ, потому что ничего не зналъ о приближеніи ихъ. Мѣсто, гдѣ наши воины покинули Печору, по которой они плыли противъ теченія, могло быть Усть-Уса. Ни Миллеръ, ни Лербергъ не знали, какъ объяснить неправильно списанное *Усташа* (вмѣсто *Устьуса*). — Очень жаль, что у насъ нѣтъ карты Усы и ея окрестностей. Здѣсь въ продолженіе довольно долгаго времени происходило сообщеніе между Европою и Азіею.

[4]) Относительно этой почтовой ѣзды и аргиша Гордонъ сообщаетъ слѣдующее: «Two Deere being yoaked to a sled, they will runne with such swiftnesse and so long to continue, as is not to be beleeved, except to those that have seene the same. For riding post, they will ride without rest or sleepe two hundred miles in four and twentie houres, but with their Argish or stuffe, thirtie miles in tvelve houres; their women usually doe guide their Argish, which is ten sleds and to every sled a Bucke, all made fast one after another». — Возвращаясь въ январѣ 1612 года съ аргишемъ (Argeshey) изъ Слободки въ Пустозерскъ, Порсгловъ, вмѣстѣ съ семью другими почтовыми нартами, проѣхалъ послѣднія 350 верстъ въ 40 часовъ.

шой Роговой рѣкѣ. Эта мѣстность была, можетъ быть, довольно долгое время средоточіемъ торговыхъ сношеній между двумя частями свѣта. Въ отношеніи къ Азіи она была для Европы нѣкоторымъ образомъ тоже самое, чѣмъ теперь Кяхта оказывается для торговли Россіи съ Китаемъ. Уже Нестору въ 1092 г. Новгородецъ Гурій Роговичъ разсказывалъ слышанное прикащикомъ его, ѣздившимъ изъ Пустозерска (Печоры) въ Югрію. Извѣстіе это относилось до хребта, лежавшаго между мѣстностью, посѣщенною путешественникомъ, и морскимъ заливомъ. Если не самимъ Новгородцамъ, то все-таки данникамъ ихъ, Пустозерцамъ, подобныя поѣздки могли быть дѣломъ обычнымъ. Легко можетъ быть, что то мѣсто въ Югріи, о которомъ говорится у Нестора, лежало именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе мѣстныхъ условій, стоялъ посѣщенный Гордономъ Роговой городокъ. Вниманія заслуживаетъ совпаденіе названія мѣста съ именемъ Новгородца, котораго видѣлъ Несторъ.

Столь осмотрительный въ другихъ случаяхъ Лербергъ увлекся одностороннимъ и неправильнымъ свидѣтельствомъ Большаго Чертежа и увѣрялъ, что Югрія вовсе не находилась въ европейской Россіи, а лежала на востокъ отъ Урала. Гордонъ, путешествовавшій какъ-разъ въ то время, когда составлялось это описаніе карты Россіи, убѣждаетъ насъ въ неосновательности мнѣнія нашего историка. Одна часть Югріи находилась въ Европѣ, другая въ Азіи.

Что къ западу отъ Урала Югрія простиралась до моря, это видно, между прочимъ, и изъ инструкціи, составленной Стефеномъ и Вильямомъ Борро на Розовомъ островѣ въ первыхъ числахъ августа 1568 года для экспедиціи, которой поручено было лѣтомъ 1569 года изъ Двины, или скорѣе изъ Печоры поплыть на востокъ, чтобы по ту сторону Вайгача дѣлать географическіе розыски и наблюденія вдоль берега. Мы знаемъ, что оба брата уже въ 1553 году вмѣстѣ съ Чанслеромъ пріѣзжали въ Россію и въ 1556 году совершили подобную поѣздку до Вайгача и Новой Земли. Въ этотъ разъ они привезли изъ Англіи на Розовый островъ посланника Рандольфа. Джемсу Бассендину (Бассингтону) и товарищамъ его поручено было отъ Печоры вдоль морскаго прибрежья Югорскаго (by the Sea coast of Hugorie) отпра-

виться къ проливу, находящемуся между этимъ берегомъ и Вайгачомъ (см. ст. I, стр. 54, прим.). Положеніе этого острова и Новой Земли братья Борро обозначили на картѣ (which Islands you shall find noted in your plat). По ту сторону Вайгача, писали они, находится вдающійся къ югу въ Югорскій край заливъ (a bay that doth bite to the Southwards into the land of Hugory), въ который впадаютъ двѣ рѣки, Кара и «Naramsy». Этотъ-то заливъ Кары, можетъ быть, разумѣли Югорцы въ XI столѣтіи, говоря съ прикащикомъ Роговича о Лукѣ моря. Если прикащикъ этотъ, подобно Гордону, былъ на Большой Роговой, то географическая часть Несторова извѣстія понятна, потому что между этой Роговой и упомянутой Лукой моря тянется Югорскій хребетъ, вышиною болѣе 5000 футъ. Тогда только, когда вопросъ этотъ будетъ тщательно разсмотрѣнъ въ географическомъ, геологическомъ и вообще научномъ отношеніи, тогда только намъ можно будетъ сказать опредѣлительнѣе, что легло въ основу разсказа, сообщеннаго Югорцами прикащику Роговича[1]). Гордоновъ Роговой городокъ былъ, можетъ быть, мѣстечкомъ, въ которомъ прежде жили Югорцы. Пока мы ближе не узнаемъ мѣстности, мы едва-ли вправѣ высказать предположеніе, что тутъ могъ находиться одинъ изъ тѣхъ городковъ или городовъ, которые Новгородцы въ 1193 году старались взять съ бою[2]).

Вильсонъ, который во время поѣздки Гордона въ Роговой городокъ, былъ въ деревнѣ Устьцыльмѣ, посѣщенной Логаномъ уже прежде, въ 1612 году, и даже провелъ тамъ цѣлую зиму 1614—1615 г. ради мѣновой торговли, 9-го іюня (1615 года) съ накупленымъ пушнымъ товаромъ возвратился въ Пустозерскъ

---

[1]) Все дѣло состоитъ, можетъ быть, въ томъ, что въ то время Хырючи или Мугасеи (безстрѣльные) Самоѣды занимались охотою на Югорскомъ хребтѣ и отъ случайно пришедшихъ къ нимъ Югорцевъ, въ обмѣнъ на пушечный товаръ, желали получить желѣзо, въ которомъ нуждались для наконечниковъ стрѣлъ и на другіе предметы. Несторово объясненіе должно было служить доказательствомъ его большой начитанности.

[2]) Извѣстно, что кромѣ соболей и другихъ товаровъ, Югорцы, для мѣноваго торга съ Новгородцами, доставляли также серебро, которое, должно быть, было произведеніемъ горной промышленности на востокѣ, относящейся къ тому отдаленному періоду, отъ котораго въ Сибири до насъ дошло множество слѣдовъ.

къ Гордону[1]). 21-го августа оба, равно какъ Джонъ Копманъ и Томасъ Доггетъ, отплыли изъ Печорскаго залива[2]) въ Голландію.

Въ то время какъ Гордонъ хлопоталъ въ отдаленномъ Печорскомъ краѣ, Московская Компанія въ 1615 году, не смотря на появившуюся чужую конкуренцію, отправила въ Шпицбергенъ два большихъ корабля и двѣ пинассы. Однимъ кораблемъ командовалъ капитанъ Джозефъ, другимъ Эджъ. Голландцы явились на 3-хъ военныхъ и одиннадцати простыхъ корабляхъ, такъ что съ ними опять ничего нельзя было подѣлать. Изъ Даніи пришло три военныхъ корабля, требовать пошлины отъ Англичанъ. Это были первые датскіе корабли, посѣтившие Шпицбергенъ. Дорогу туда имъ указалъ Джемсъ Ваденъ, тотъ самый, который

[1]) Ни Логанъ ни Гордонъ не говорятъ ни слова о рудахъ, находящихся въ верхней части Цыльмы. Это минеральное богатство уже въ концѣ XV столѣтія обратило на себя вниманіе Правительства и побудило великаго князя Іоанна Васильевича въ 1491 году отправить туда двухъ нанятыхъ за границею рудокоповъ, съ которыми посланъ былъ, въ качествѣ переводчика и охранителя, вышеупомянутый Грекъ Мануилъ Ивановичъ Ралевъ, а въ 1839 году заставило Вятскаго купца Михаила Иванова Резанцова не только произвести новыя развѣдки, но и приступить къ разработкѣ, которая однакоже опять прекратилась. Упомянутый уже выше Мезенецъ Окладниковъ, состоявшій при этомъ предпріятіи, увѣрялъ меня, что можно было ожидать хорошихъ результатовъ, въ особенности при рѣчкахъ Рудянкѣ и Космѣ, впадающихъ съ сѣвера въ Цыльму. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ не только геологическаго, но и хорошаго географическаго описанія этой мѣстности, имѣющей въ промышленномъ отношеніи двоякій интересъ, потому что вблизи этого древнѣйшаго, документально засвидѣтельствованнаго мѣстонахожденія руды въ нашемъ отечествѣ, пролегалъ важный волокъ (шедшій 10 верстъ сухимъ путемъ и 5 верстъ озерами), посредствомъ котораго соединялись Рочуга (Пеза) съ Чиркой (Цыльмой), слѣдовательно сѣверъ Россіи съ Печорскимъ краемъ, съ Югріей и съ Ураломъ. Впрочемъ Резанцевъ, говорятъ, нашелъ, что мѣдная руда на Сулѣ, приблизительно въ 100 верстахъ выше ея устья, была лучше той, которая добывалась вблизи отъ Цыльмы. Сула впадаетъ въ Печору нѣсколько къ югу отъ деревни Великовысочной. На Рудянкѣ и Чиркѣ руда содержитъ, говорятъ, много серебра.

[2]) При описаніи Гордонова пребыванія въ этомъ заливѣ упомянуты извѣстные и теперь еще подъ тѣмъ-же названіемъ острова Глубокій и Ловецкій, Захарьевъ берегъ и Кузнецкая бухта (casnets nose; у Массы сказано coscaja Niesnaja). Мели (Гуляевскія Кошки) Гордонъ называетъ Drie sea; въ 1611 г. онъ означалъ ихъ русскимъ названіемъ «Suchoe morie». На картѣ Массы значится «Soechoiamore».

въ 1611 году привезъ въ Печору Джосіаса Логана, Вильяма Гордона и остальныхъ ихъ спутниковъ, а теперь измѣнилъ Московской Компаніи. Фотерби въ пинассѣ отправился на сѣверъ дѣлать географическіе розыски, но не успѣлъ пробраться далеко.

Въ 1616 году изъ Англіи поплыло въ Шпицбергенъ восемь большихъ кораблей и двѣ пинассы, подъ начальствомъ Эджа; они добыли столько, что не могли всего взять съ собою[1]). Кромѣ нихъ туда прибыло четыре голландскихъ корабля.

На слѣдующій годъ въ Шпицбергенъ отправилось, подъ начальствомъ Эджа, четырнадцать кораблей и двѣ пинассы; добыча была хорошая[2]). Явилось также десять голландскихъ кораблей, изъ которыхъ два принадлежали къ флоту. Три корабля пріѣхали изъ Зеландіи; у нихъ Эджъ велѣлъ отобрать все, что они успѣли добыть.

За тѣмъ Московская Компанія соединилась съ Остиндской, и въ 1618 году въ Шпицбергенъ отправлено было, опять подъ начальствомъ Эджа, шестнадцать кораблей и двѣ пинассы. Изъ Зеландіи прибыло болѣе 20, сильно вооруженныхъ кораблей; 19-го іюля дѣло дошло до ожесточенной стычки. Изъ Традескантова журнала мы видѣли, что 4-го іюля пинасса, отправленная Веньяминомъ Дейкрауомъ, отдѣлилась отъ корабля, на которомъ къ намъ пріѣхали серъ Додлей Диггсъ и Традескантъ, и поплыла къ Шпицбергену (Greenland). Она вѣроятно прибыла туда какъ разъ во время боя. — Съ этого года китоловство Англичанъ у Шпицбергена стало уменьшаться[3]).

---

[1]) Добыто было до 1300 бочекъ жиру. — Одинъ изъ кораблей открылъ островъ, названный именемъ Эджа; тамъ убито было до тысячи моржей, клыки которыхъ взяты были въ Лондонъ.

[2]) Вытоплено до 1900 бочекъ жиру. Одинъ корабль отправился на востокъ, дѣлать открытія. Онъ наткнулся на острова, которые названы были именемъ Ричарда Вича (Whiche), члена Московской Компаніи. Корабль изъ Гулля, вѣроятно подъ начальствомъ Мармадьюка, посѣтилъ также восточную сторону острова.

[3]) Въ 1618 году лица, отправившія корабли, потерпѣли сильный убытокъ. Правда, что на слѣдующій годъ соединенная Компанія отправила девять кораблей и двѣ пинассы; но они опять не доставили никакой прибыли. Въ 1620 году нѣкоторые члены Московской Компаніи, Эджъ, Дейкрау, Ральфъ Фриманъ (старшина, по имени котораго также названъ проливъ въ Шпицбергенѣ) и Джорджъ Строудъ приняли веденіе дѣла на свой счетъ. Они отправили семь

По возвращеніи Гудсонова корабля серъ Томасъ Смитъ и серъ Додлей Диггсъ въ томъ-же году отправили его, вмѣстѣ съ другимъ кораблемъ, подъ начальствомъ Томаса Боттона, въ бухту, открытую Гудсономъ въ 1610 году. Онъ прозимовалъ (1612—1613), какъ уже сказано было, въ Нельсоновой бухтѣ, въ которую впадаетъ Нельсонова рѣка и потомъ нѣсколько времени пробылъ на островѣ Диггса.

Когда капитанъ Гиббонъ, бывшій тамъ съ Боттономъ, въ 1614 году снова безъ успѣха отправился въ Гудсоновъ заливъ, то въ 1615 году туда посланъ былъ Робертъ Билетъ (Bileth). Онъ участвовалъ во всѣхъ трехъ прежнихъ путешествіяхъ и открылъ нѣсколько новыхъ мѣстъ.

Въ 1616 году Смитъ, Диггсъ и другіе отправили его въ Девисовъ проливъ; лоцманомъ у него былъ Вильямъ Баффинъ. Имъ удалось пробраться до 80-го градуса. Здѣсь названы были: мысъ по имени сера Додлея Диггса, бухта по имени Джона Волстенгольма, островъ по имени Ричарда Гаклейта, и заливъ по имени сера Томаса Смита. Во всякомъ случаѣ странно, что заливъ, по которому Билетъ первый проѣхалъ при этомъ путешествіи, названъ не его именемъ, а именемъ подчиненнаго ему Баффина.

кораблей, но не получили прибыли. На слѣдующій годъ дѣла семи отправленныхъ для лова кораблей нѣсколько поправились. Въ 1622 году компаньоны потеряли одинъ изъ 9 отправленныхъ кораблей; вслѣдствіе этого, между прочимъ, промыселъ съ тѣхъ поръ предоставленъ былъ Голландцамъ.

X.

Матюшина или Матвѣева Земля и Матюшинъ Шаръ, неправильно названный Маточкинымъ Шаромъ. — Костинъ Шаръ. — Оливеръ (Брунель) по порученію Строгановыхъ ѣздитъ за Уралъ на Обь. — Голландцы устраиваютъ для своихъ товаровъ склады сначала у Пудожемскаго устья, а потомъ въ Архангельскѣ (Нов. Холмогоры). — Іелмертская земля. — Посѣщеніе Матвѣевой земли Русскими. — Маршъ посылаетъ Пустозерцевъ на Обь за соболями. — Сѣверныя экспедиціи, предпринятыя по повелѣнію Императрицы Екатерины II. — Креницынъ и Чичаговъ. — Участіе Ломоносова въ составленіи инструкціи для одной изъ этихъ экспедицій. — Соображенія о возможности употреблять тѣла убитыхъ моржей, бѣлугъ и тюленей на удобреніе полей.

Въ этой главѣ я надѣюсь представить доказательство, что тщательное изслѣдованіе дошедшихъ до насъ, къ сожалѣнію весьма немногихъ, рукописей Англичанъ, пріѣзжавшихъ къ намъ въ XVI столѣтіи, можетъ повести къ немаловажнымъ географическимъ поясненіямъ.

Новою Землею наши географы обыкновенно называютъ не одинъ, а два острова, лежащихъ къ сѣверу отъ Югріи и Вайгача. По стариннымъ англійскимъ документамъ однакоже оказывается, что это названіе принадлежитъ только тому изъ двухъ острововъ, который лежитъ южнѣе; у лежащаго къ сѣверу было другое имя, которымъ его по справедливости и слѣдовало бы опять называть.

Изъ Пустозерска 21-го февраля 1584 года русскіе мореходцы увѣдомили агента англійской факторіи въ Москвѣ, Антонія Марша, что плывя моремъ къ Оби, проѣзжаешь три острова: Вайгачъ, Новую Землю и Матвѣеву Землю. По англійски это извѣстіе выражено такъ: «If You would have us travell to seeke out the mouth of Ob by sea, we must go by the Isles (слѣдуетъ обратить вниманіе на множественное число) of Wayyats and Nova Zembla and by the Land of Matpheove, that is by Matthews-Land». Христофоръ Гольмсъ, бывшій въ то время (1584) аген-

томъ въ Вологдѣ, сообщилъ, что кромѣ пути отъ «Медемскаго заворота» (у Печорскаго залива) въ Карскій заливъ (т. е. вѣроятно чрезъ Югорскій проливъ между материкомъ и Вайгачемъ) Маршу указали другой, болѣе сѣверо-восточный путь отъ Канина носа къ Оби, а именно мимо Новой Земли и Матюшина яра (he learned another way by Nowa Zembla and Matthuschan Yar), и что отъ Матюшина яра къ острову, лежащему передъ устьемъ Оби (слѣдовательно Бѣлый островъ знали уже въ то время, въ 1584 году) плывутъ 5 дней. При этомъ говорится: Матюшинъ яръ мѣстами шириною въ 40, а мѣстами не болѣе 6 верстъ. Конечно, землю эту, которая открыта была напослѣдокъ, не рѣшились назвать островомъ и такъ какъ южный ея берегъ (яръ), лежащій насупротивъ Новой Земли, однажды уже названъ былъ Матвѣевой Землей, то названіе это постепенно распространено было на всѣ тѣ части земли, которыя малю по малу открыты были по направленію къ сѣверу, и потому теперь принадлежитъ всему острову. Столь значительно вдающіеся въ земли заливы или фіорды восточнаго берега по-видимому были уже извѣстны въ 1584 году, хотя ширина земли, менѣе чѣмъ въ 60 теперешнихъ верстъ, была показана слишкомъ малою; въ то время ее опредѣлили лишь приблизительно.

Что мое мнѣніе объ англійскихъ документахъ 1584 года правильно, это доказываетъ вышеупомянутая карта, составленная въ Москвѣ вѣроятно въ 1604, и никакъ не позже 1608 года, и напечатанная для Массы съ голландскими надписями. На этой картѣ, надъ Югорскимъ Шаромъ, изъ котораго сдѣлали «Gorgoscoi tsar», изображенъ островъ Вайгачъ, названный «Weygats». Къ сѣверу въ широкомъ отверстіи Карскихъ воротъ сказано: «Hier mach men by hoogh water overvaeren, anders is droogh». За тѣмъ слѣдуетъ большой, продолговатый, обращенный къ сѣверо-западу островъ, на которомъ написано: «Nova Zemla». Къ сѣверу отъ него находится проливъ, при западномъ входѣ котораго стоятъ слова: «Matsei of tsar». Это значитъ Матвѣевъ Шаръ и доказываетъ, что теперешнее названіе Маточкинъ Шаръ неправильно. Къ сѣверу отъ этого пролива (Матвѣева Шара) показана твердая земля по самый край карты, имѣющей всего только $6\frac{1}{2}$ дюймовъ вышины. Это-то и есть зем-

ля, которая въ письмѣ изъ Пустозерска отъ 21-го февраля 1584 года названа Матвѣевой землей.

Изъ всего сказаннаго оказывается слѣдующее: 1) уже въ 1584 году не только знали проливъ, извѣстный теперь подъ названіемъ Маточкина Шара, но и пользовались имъ для проѣзда; 2) Маточкинъ Шаръ названіе искаженное, которое должно замѣнить названіемъ Матюшкина или Матвѣева Шара. Какъ проливъ этотъ, такъ и землю къ сѣверу отъ Новой Земли, должно быть, открылъ нѣкто Матвѣй, уменьшительное имя котораго было Матюшей; поэтому и лежащую къ сѣверу отъ Матвѣева пролива землю, которая, какъ мы теперь знаемъ, образуетъ островъ, слѣдовало бы также называть Матвѣевой (либо Матюшиной) Землей или Матвѣевымъ Островомъ. Предпочесть можно названіе Матвѣевой Земли, потому что Матвѣевымъ Островомъ уже называется (можетъ быть по имени того-же лица) небольшой, упомянутый еще выше, островъ къ западу отъ Югорскаго Шара; кромѣ того, это первоначальное названіе соотвѣтствуетъ имени другаго, болѣе южнаго, острова (Новой Земли). 4) Небольшой островъ, мысъ, горы и бухта, которые находятся неподалеку отъ пролива, на юго-западномъ углу Матвѣевой Земли и изъ которыхъ три первые называются Митюшевыми, а послѣдняя Митюшихой, по всей вѣроятности получили названіе свое по одному и тому-же лицу Матюшѣ, открывшему ихъ, потому что всѣ они находятся по близости отъ названнаго по немъ пролива. Тоже самое должно замѣтить о Маточкиномъ мысѣ, который также находится по близости, но на Новой Землѣ, равно какъ и о рѣчкѣ Маточкѣ.

Если бы отъ насъ потребовали еще другое доказательство, что «Matsei of tsar» дѣйствительно значитъ Матвѣевъ Шаръ, то мы указали бы на самую карту Массы. При неоднократно упомянутомъ, лежащемъ къ сѣверу отъ Долгаго острова Матвѣевомъ островѣ, который де-Феръ (Veer) въ путевыхъ запискахъ Голландцевъ 1594—1597 годовъ называлъ «Mat Flae, Matflo» и т. п., здѣсь помѣщено «Matseof», а на прибавленномъ къ картѣ объясненіи русскихъ именъ сказано: «Matseof» значитъ «Mathys eylant».

На этой картѣ Массы (изданной сначала въ 1612, а потомъ

въ 1613 году) видно, что сперва она награвирована была по московскому рисунку, впослѣдствіе же къ ней прибавлены были профили западныхъ береговъ Новой и Матвѣевой Земли по голландскимъ картамъ, составленнымъ на основаніи Баренцова путешествія. При этомъ Костинъ Шаръ помѣщенъ очень высоко на Новой Землѣ, а названіе его, которое помѣщено даже еще выше, указываетъ (также какъ и «Matsei of tsar») на Матвѣевъ Шаръ; онъ названъ «Costintsarh». На картѣ всей Россіи, посвященной Гесселемъ Герардомъ царю Михаилу Θеодоровичу, вскорѣ послѣ избранія его на царство (1614), слова «Matwei of tsar» не помѣщены вѣроятно потому, что не знали значенія ихъ, проливъ же названъ «Costintsarch»[1]). Неправильное нанесеніе Costinsarch'а сначала на карту Массы, а потомъ и на карту Герарда, впослѣдствіе было причиною, что Голландцы тщетно отыскивали проѣзда у Костина Шара. Костинъ Шаръ, подобно Матвѣеву проливу, получилъ названіе свое по уменьшительному имени лица, открывшаго его, т. е. по имени какого-то Константина.

Уже до путешествій Баренца, Костинъ Шаръ посѣтилъ Нидерландецъ Оливеръ Брунель, какъ замѣтилъ де-Феръ въ своемъ дневникѣ 8-го августа 1584 года. До сихъ поръ нельзя было разузнать, кто былъ этотъ Брунель. Форстеръ и Барроу увѣряютъ, что это былъ Англичанинъ. Первый полагалъ, что де-Феровъ «Costinsarch» значитъ «constant search», а по мнѣнію втораго оно значитъ «coasting search».

Мнѣ кажется, что этотъ Брунель былъ тотъ самый «Бельгіецъ», которому Іоаннъ Балахъ въ Аренсбургѣ 20-го февраля 1581 года далъ рекомендательное письмо къ извѣстному космо-

---

[1]) Мнѣ кажется, что первоначально на картѣ этой награвированъ былъ годъ MDCXIII, и что уже впослѣдствіе прибавлено четвертое I вѣроятно потому, что ее не успѣли окончить въ 1613 году. Герардъ включилъ въ нее существеннѣйшія части изъ карты Массы. По этому въ Москвѣ могли замѣтить, что изготовленная въ ней карта зашла въ Голландію съ сѣвернаго берега. Масса съ намѣреніемъ не называлъ имени того, кто ему доставилъ русскую карту, опасаясь, что послѣднему пришлось бы пострадать за это (Est sola haec tabella rudis duntaxat illius orae delineatio maritimae, eamque magna molestia mihi comparavi; si vero resciscerent illi quorum interest, actum esset de Moschi illius vita, nomen ideo illius non prodimus).

графу Гергарду Меркатору въ Дюисбургѣ; изъ этого письма видно, что онъ назывался Оливеромъ (Alferius). Онъ находился въ плѣну въ Россіи, а впослѣдствіе служилъ у Строгановыхъ, которые владѣли землями сначала при Вычегдѣ, а потомъ при Камѣ и Чусовой. Аника Федоровъ Строгановъ уже въ 1517 году устроилъ соловарню въ Солвычегодскѣ и завелъ оттуда значительную торговлю съ Самоѣдами на Оби. Онъ неоднократно посылалъ людей за Югорскій хребетъ и Оливеръ (Брунель), который, по порученію Строгановыхъ, также ѣздилъ за Уралъ къ Оби, кромѣ того совершилъ поѣздку водою, вѣроятно внизъ по Печорѣ, чрезъ Югорскій проливъ и чрезъ Карское море къ Мутной, а по ней вверхъ къ Волоку и, за тѣмъ, внизъ по Зеленой въ Обь. Говорятъ также, что изъ Сибири онъ посѣтилъ Тазовскій заливъ, гдѣ впослѣдствіе построенъ былъ Тазовскій городокъ (Мангазея)[1]). Никѣмъ не разгаданныя слова «Yaks Olgush» въ письмѣ къ Меркатору (у Гаклейта) могутъ относиться только къ Тазовской губѣ; можетъ быть, Оливеръ отмѣтилъ Балаху «Taesof guba». За тѣмъ (1580?) Строгановы («Jacouius et Unekius» вѣроятно означаютъ Якова Аникіева, который при отъѣздѣ Оливера изъ Россіи могъ еще быть въ живыхъ) отправили его въ Антверпенъ, для прінсканія опытныхъ матросовъ, которые на двухъ судахъ, строившихся въ то время на Двинѣ Шведомъ для Строгановыхъ, должны были совершить поѣздку къ Оби[2]). Оливеръ самъ хотѣлъ неглубоко сидящее въ водѣ судно изъ Голландіи провести въ бухту у монастыря св. Николая, слѣдовательно къ Розовому острову, тамъ набрать для него Русскихъ, которые вслѣдствіе *ежегодныхъ поѣздокъ своихъ на Обь* хорошо знали эту рѣку и говорили по-самоѣдски, въ концѣ мая уѣхать съ Розоваго острова, провести день въ Печорскомъ заливѣ для опредѣленія широты, съемки береговъ, сондировки мелей (до того онъ замѣтилъ, что фарватеръ всего имѣлъ около 5 футовъ глубины), и отыскать хорошее мѣсто для въѣзда[3]).

---

[1]) Adiit ipse fluvium Obam tum terra per Samoedarum et Sibericorum regionem, tum mari per littus Pechorae fluminis ad Orientem».

[2]) «Qui et Samojedicam linguam pulchre teneant et fluvium Ob exploratum habeant, ut qui quotannis ea loca ventitant».

[3]) «Quoniam Pechorae Sinus vel euntibus vel redeuntibus commodissimus est

За тѣмъ корабль долженъ былъ поплыть, мимо Вайгача, въ Карское море[1]) и въ Обь[2]), а по ней попытаться пройти къ заливу рѣки Тазъ, который онъ уже прежде посѣтилъ другимъ путемъ[3]). Оливеръ надѣялся вдоль невѣдомой земли пробраться еще дальше на востокъ, и даже проникнуть до границы Китая. Въ случаѣ же, если помѣшаетъ ледъ, онъ хотѣлъ вернуться къ Печорѣ либо

tum subsidii tum diversorii locus propter glaciem et tempestates». Упомянутъ Долгій островъ; вѣроятно подъ нимъ разумѣется островъ, лежащій въ Печорскомъ заливѣ, близь западнаго Заворота.

¹) «Sinus qui per meridiem vergens pertingit ad terram Ugoriae, in quem adfluunt exigui duo amnes Marmesia atque Carah, ad quos amnes gens alia Samoedorum accolit immanis et efferata». Рѣка, названная въ письмѣ къ Меркатору Marmesia, вѣроятно та самая, которая у Стефена Борро, со словъ ладейника Лошака (1556), называется Naramsay, а въ инструкціи, составленной Стефеномъ и Вильямомъ Борро на Розовомъ островѣ (1568) названа Naramsy; на картѣ Массы она помѣщена гораздо сѣвернѣе Мутной (тутъ она названа Moetnaia) и обозначена именемъ Niarontza. Изъ книги Большаго Чертежа, видно, что весь западный берегъ Обскаго полуострова назывался Няромскимъ; Нярмскимъ и, вѣроятно не столь правильно, Нарымскимъ берегомъ. На нашей новѣйшей картѣ этой рѣки вовсе нѣтъ, также какъ еще болѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи Мутной и Зеленой. На картѣ Массы Шараповы Кошки названы «Sarapovi coosci». Вблизи отъ нихъ Мутная, съ южной стороны которой находится озеро, впадаетъ въ Карское море, а по другую сторону волока на той-же высотѣ помѣщена Зеленая, текущая въ Обскій заливъ. Между Мутной и рѣкою «Paderitza» показанъ Шаръ: Mongitzar, который, сколько мнѣ извѣстно, не описанъ ни однимъ изъ новѣйшихъ мореходцевъ. Полагаю, что дѣло идетъ о проливѣ между прибрежьемъ и островомъ, названнымъ по имени Литке. Что касается до Шара, лежащаго насупротивъ Колгуева, то, какъ извѣстно, Линшотенъ въ 1594 году предположилъ, что слово Шаръ, превращенное имъ въ Toxar, относится къ лежащему передъ нимъ острову (называющемуся теперь Сингъ), и обозначаетъ лишь устья Шара названіями «ooster» и «wester gat». На картѣ Массы у восточнаго устья отмѣчено «bolsoitsar» (Большой Шаръ), а у западнаго «tsermensei» (Шаръ Меньшій); между тѣмъ и другимъ помѣщенъ еще «mesoesar», безспорно означающій тоже самое, что и послѣдній, т. е. Меньшой Шаръ. Къ западу отъ Кары, въ Карскомъ морѣ, которое, замѣтимъ кстати, имѣетъ видъ луки, на нашей новѣйшей картѣ вовсе не показано рѣкъ, тогда какъ у Массы ихъ нѣсколько; сообщаемыя имъ имена рѣкъ, впадающихъ въ Каратаевскій заливъ и далѣе къ западу, также заслуживаютъ вниманія.

²) По словамъ Самоѣдовъ, устье его дѣлилось на 12 частей; вѣроятно тутъ Печору смѣшали съ Обью.

³) Слѣдовательно рѣка Тазъ, гдѣ, какъ уже сказано, жили Мокассе, или правильнѣе Мугаси-Самоѣды, и гдѣ добывались лучшіе собольи мѣха, извѣстна была Строгановымъ, уже въ 1580 году. По Книгѣ Большаго Чертежа Тазъ впадаетъ въ Ледовитое море.

даже къ Двинѣ, чтобы прозимовать тамъ и затѣмъ въ слѣдующую весну продолжать путешествіе. Находя у Витсена извѣстіе, что Оливеръ Брунель былъ въ Печорскомъ заливѣ на кораблѣ изъ Энкгюйзена, но потомъ лишился его тамъ, можетъ быть на «Сухомъ морѣ» (нынѣ Гуляевскія кошки), я считаю себя вправѣ думать, что это именно былъ тотъ Алферій, котораго Строгановы въ 1580 (?) году отправили въ Голландію, а Балахъ въ Аренсбургѣ (на островѣ Эзелѣ) въ февралѣ 1581 года рекомендовалъ Гергарду Меркатору.

Изъ сказаннаго можно, кажется, вывести заключеніе, что Строгановы (которымъ дорога чрезъ Югорскій хребетъ къ Мугасси-Самоѣдамъ давно уже былъ извѣстенъ) въ то время, когда помогали Ермаку проникнуть въ Сибирь, вдоль Чусовой чрезъ Уралъ, а именно въ годъ отправленія второй экспедиціи Англичанъ на востокъ, намѣревались изслѣдовать Сибирь, начиная съ береговъ Ледовитаго моря и буде возможно до самого Китая. Такъ какъ намъ положительно извѣстно, что въ то время на Печорѣ знали путь чрезъ Матюшинъ Шаръ вокругъ Обскаго полуострова, то можетъ быть и Брунеля повезли бы чрезъ этотъ проливъ, если бы корабль его, какъ мы сказали, не погибъ въ Печорскомъ заливѣ. Смерть братьевъ Якова и Григорія Аникіевыхъ Строгановыхъ, а еще болѣе завоеваніе Ермакомъ Сибири, были, можетъ быть, причиною, что оставшіеся въ живыхъ Строгановы: Семенъ Аникіевъ и внуки его, Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, не придавали особеннаго значенія изслѣдованію сѣвернаго берега и совершенно оставили все это предпріятіе.

Вѣроятно Брунель пріѣхалъ на Лапландскій берегъ молодымъ человѣкомъ, на одномъ изъ первыхъ Энкгюйзенскихъ кораблей, вслѣдствіе торговыхъ поѣздокъ, заведенныхъ Филиппомъ Винтеркёнигомъ въ 1565 году, и не спросясь никого отправился на прибрежье Бѣлаго моря, подобно тому, какъ даже Корнелисъ де-Мейеръ и Симонъ фонъ-Салингенъ переодѣтыми ѣздили въ Москву. Это, можетъ быть, подало поводъ къ арестованію его. Дѣйствительно, голландскіе авторы говорятъ, что онъ прибылъ въ Двину (слѣдовательно, либо на Розовый островъ, либо въ Холмогоры) и Англичанами, какъ шпіонъ, отправленъ въ Москву, послѣ чего нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ заключеніи въ

Ярославлѣ, но выпущенъ вслѣдствіе ходатайства Строгановыхъ. По голландски, правда, сказано: «op verzoek van de voernaamste koopliеden te Cola, de Ameckers ontslagen», но я полагаю, что слово Ameckers значитъ Anikiews и что Cola поставлено вмѣсто Sol (Сольвычегодскъ). Вѣроятно Брунель подавалъ Строгановымъ надежду, выгодно сбыть въ Голландіи ихъ запасъ пушнаго товара. Повидимому онъ по ихъ порученію ѣздилъ въ Голландію уже ранѣе, потому что въ 1577 году онъ пріѣхалъ въ Москву сухимъ путемъ съ Яномъ фанъ-де-Валле. Послѣдній былъ агентомъ Гиллеса фанъ-Эйхеленберга, по прозванію Гоофманъ (жившаго сперва въ Антверпенѣ, а въ то время въ Мидлебургѣ) и положилъ въ Россіи начало конкуренціи съ англійскою компаніею. Первый голландскій корабль, прибывшій въ 1577 году въ Двину, принадлежалъ Гиллесу Гоофману. Онъ пріѣхалъ изъ Зеландіи и, подобно слѣдующимъ, поплылъ не къ Корельскому устью, которымъ пользовались Англичане, а къ Пудожемскому, гдѣ потомъ Голландцы завели свои пакгаузы. Въ 1584 году Михель Мушеронъ, въ качествѣ агента брата своего Бальтазара, поручилъ лоцману своему Адріану Крюйту отправиться по Пудожемскому проливу вверхъ до монастыря Св. Михаила Архангела, гдѣ въ то время строился городъ Новыя Холмогоры (Архангельскъ); поэтому у Голландцевъ Пудожемскій рукавъ Двины долгое время назывался рѣкою Мушерона. На основаніи царскаго указа, послѣдовавшаго въ 1586 году на просьбу, поданную Голландцами чрезъ канцлера Андрея Юрьевича Щелкалова, послѣдніе тотчасъ-же перевели склады свои съ Пудожемскаго устья въ Новыя Холмогоры, тогда какъ Англичане, которымъ это было очень непріятно, до 1591 года оставались на Розовомъ островѣ.

Ошибочное названіе Матюшина Шара появилось въ 1769 году и введено штурманскимъ лейтенантомъ Федор. Росмыслевымъ, который пробылъ на немъ долгое время, чтобы ближе ознакомиться съ нимъ. Въ своихъ описаніяхъ, журналахъ и картахъ онъ неправильно называетъ его Маточкинымъ или Маточникомъ Шаромъ. Слѣдовало бы исправить Росмыслевскую ошибку и впредь называть проливъ Матюшинымъ или Матвѣевымъ Ша-

ромъ, въ честь неизвѣстнаго къ сожалѣнію лица, открывшаго его [1]).

Одною изъ главныхъ причинъ, почему наши прежнія свѣдѣнія о проливѣ между Новою и Матюшиной Землею утеряны, была та, что даже Исаакъ Масса въ своей болѣе извѣстной, большой картѣ: Russiae vulgo Moscovia dictae, partes septentrionalis et orientalis (она находится въ соч. Blaeu'а и др.) предпочелъ нанести Новую Землю по картамъ западнаго прибрежья, составленнымъ Голландцами въ 1594—1597 годахъ. Такъ какъ Голландцы вовсе не видѣли морскаго пути между Новою и Матвѣевою Землею, то онъ конечно и не показанъ на ихъ картахъ; только у Contintsarch'а отмѣченъ узенькій входъ, недалеко вдающійся въ материкъ. Мѣстности, лежащія къ востоку отъ «Gorgoscoitsar», Масса нанесъ на основаніи небольшой карты, полученной имъ въ Москвѣ [2]).

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что въ 1769 году Росмыслевъ указывалъ еще на весьма маленькій островъ Матвѣевъ, предъ Безъименной бухтой, на западномъ берегу Новой Земли.

[2]) Онъ забылъ впрочемъ упомянуть на Обскомъ полуостровѣ Зеленую, тогда какъ у него показаны «Reebnaia», «Tsernaia» и «Pyhr». По близости отъ Югорскаго Шара, у Сокольихъ Лудъ и острова «Meescoi» (у насъ Мясной и Мѣстной), онъ пропустилъ рѣчку «Michalova», равно какъ рѣчку «Motsianca», по которой, согласно картѣ, можно изъ Таза добраться до волока, а оттуда въ Туруханку (Toergaeſhoeck), текущую въ Енисей (у Массы Tenesela reca), и куда впослѣдствіи (1662) перенесенъ Тазовскій городокъ или Мангазея. Передъ устьемъ Енисея, точно также какъ передъ Обью, лежитъ островъ, названный тутъ Ostorf. Устье Пясиды (Peisida reca) также еще показана на картѣ. Изъ этого видно, что въ Москвѣ эту рѣку вѣроятно уже знали въ 1605 году. Какъ на этой картѣ послѣднею рѣкою на востокѣ является Пясида, такъ на западѣ она оканчивается Унскою губою, гдѣ корабль Чанслера «the Bonaventure» прозимовалъ въ 1553 — 1554 годахъ и гдѣ въ 1694 году Петръ Великій изготовилъ и поставилъ крестъ, хранящійся съ 1805 года въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ. Такъ какъ на нашихъ новѣйшихъ картахъ недостаетъ нѣсколькихъ рѣкъ, заливовъ и мысовъ, лежащихъ къ западу отъ Югорскаго шара, то я сообщаю всѣ названія, находящіяся на картѣ Массы. Oscoriagoeba (должно быть Унская губа); справа помѣщенъ Пертоминскій монастырь, а слѣва, кажется, солеваренный заводъ. Testia (?). Usma (Сюзьма). Nenoonsa (Ненокса, рѣка, въ которую прибылъ Чанслеръ въ 1553 году), Ozera (озеро, изъ котораго эта рѣка течетъ въ море) и далѣе во внутрь страны Necoscsa osoil (означаетъ мѣстечко Ненoксу съ Усольемъ). Tostieberg (Berg вѣроятно поставленъ вм. Bereg, можетъ быть Толстый берегъ; къ востоку на самомъ берегу нарисованы дома). Sooltsa (Сольза). Codina (Кудма), Monasterium Co-

Считаю нелишнимъ замѣтить при этомъ случаѣ, что голландскіе мореходцы, какъ напр. Теунисъ Исъ (Ys) и Виллемъ де-Фла-

reelscoi (Корельскій монастырь). Ближайшее устье Двины названо и здѣсь Corelsca (Корельскимъ), а не Nicolskoe; за тѣмъ слѣдуютъ Podesemscoi (Пудожемское), Mormanscoi и Berasova (Березовское). На правомъ берегу стоитъ t'Casteel Archangeli (городъ Архангельскъ, похожій на видъ, помѣщенный на картѣ Герарда). Вдоль морскаго берега слѣдуетъ: Moedescoy (Мудъюжскій). Sechomou (должно быть Сухое Море). Coeia osoil (Куя съ усольемъ). Solotitsa (Золотица; тутъ нарисовано село съ церковью). Morsovitz (Моржовецъ, островъ). Cosci (Моржовыя кошки, въ видѣ двухъ островов). Coeloeia (Кулой). Gorigorscoi noos (Карговскій мысъ). Mesen (рѣка). До Кулоя и Мезени страна названа Somersyde (Лѣтней стороной). На востокъ отъ Мезени слѣдуютъ: Slabota (Слободка). Zeitza (Сетжа). Malgaia (Мела и Мгла). Nees (Несъ). Titsa (Чеша, Чижа?). Polosona (Конюшинъ мысъ?). Kia (Кія). Toina (Шойна, Торна?). Canninoos (Канинъ Носъ). Van Mesen tot Caminoos heet men Samersensco zyde. Crinca (Крынка). Moscuica (Москоина). Zicopa (?). Promoi (Промой Большаго Чертежа). Totsa (Чоша?). Kolgoi (Колгуевъ островъ). Tetscaiagoeba (Ческая губа). Teesca landouwe (Ческая Земля, ближайшая къ берегу). Goloebintza (Голубинная или Голубница). Goloebcica (?). Otma (Ома). Oitmitsa (Омица). Peisa (Пюоса или Пеша). Peisitsa (?). Voloinga (Волонга). Nidega (Индега). Swetenoos (Святой Носъ) Garnostail (Горносталь или Горностай). Beelt (Вельтъ). Затѣмъ слѣдуетъ извѣстный Шаръ, названный Tsermensci, Mesoetsar и Bolsoitsar. Colcolcova (Колоколковой Носъ). Pitzaniza (Пичанка). Petseerscoi savoroot (Печорскій заворотъ). Coscaia Niesnaja (Кузнецкая губа). Dolgoi ostrof (Долгой). Soechoiamore (Сухое море). Petchora riviere (Печора рѣка). Petzora (Пустозерскъ). Semdeceta ostei (70 устей). Bolvanscaia goeba (Болванская губа). Tserneia (Черная). Menseiborandey и Bolsoiborandey. Тутъ вокругъ острова, называющагося теперь Варандей, показанъ Шаръ, и упомянутыя названія помѣщены у его устьевъ. Petsianca Borlovaica (Песчаная Бурлова по Большому Чертежу). Goltsi отмѣчено возлѣ скалъ неподалеку отъ Долгаго острова, который, хотя и изображенъ, но не поименованъ, вѣроятно потому, что весьма близко отъ него въ Печорскомъ заливѣ находится островъ того-же имени. Zelensti (Зеленцы). Korotaea goeba (Каратаева губа). Corotaeva Reca (Каратаева рѣка). Moltsiancova (?). Troscovaja (въ объясненіи Cabeliau rieviere, слѣдов. Тресковая). Потомъ слѣдуетъ: Gorgoscoi tsar, а на западъ отъ Вайгача показаны небольшіе острова, при которыхъ помѣщено: Zemostrof. Къ западу отъ Карскаго пролива значится большой островъ подъ названіемъ Poronovo, должно быть Вороново. Прибавлены впослѣдствіе голландскій Laaghe Eylaudt и Costintsarch. На западъ отъ Оби отмѣчено: Sibiria и тамъ-же нѣсколько выше показанъ Toboll metropolis Sybiriae. Надпись на картѣ слѣдующая: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is. Исаакъ Масса въ самомъ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича, въ 1614, 1616, 1618 годахъ и впослѣдствіе въ 1624 году, посылаемъ былъ Генеральными Штатами въ Москву съ дипломатическими порученіями. Рихтеръ ошибочно пишетъ фамилію его сначала Maas, говоря, что въ 1616 году съ нимъ пріѣхалъ докторъ Іовъ Полида-

мингъ (Vlamingh) повидимому положили начало переименованію Матюшина Шара въ Маточкинъ Шаръ, потому что писали и Matthys-stroom и Matuskinzaar. Витсенъ списалъ у нихъ свои названія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него является Matys и Mathys-stroom съ Matiskinjar и Matys hoeck съ Matuschow nos. Иноземцамъ слово Матюшка было болѣе извѣстно, чѣмъ имя Матюша.

Сѣверо-восточная оконечность Матвѣевой Земли все еще ждетъ флага Русскаго флота. Болѣе 250 лѣтъ этого уголка земли не коснулась человѣческая нога. Когда Голландцы прозимовали тутъ въ 1596—1597 году, то островъ по крайней мѣрѣ уже лѣтъ двѣнадцать назывался не Новою, а Матвѣевою Землей. Трудно повѣрить, чтобы къ сѣверу отъ Матюшина Шара находился еще морской проливъ. Фламингъ, какъ извѣстно, увѣрялъ, что въ 1664 году онъ объѣхалъ сѣверо-восточный уголъ Матвѣевой Земли, а нѣкто Корнелисъ Іелмертсъ (Кокъ), находившійся на его кораблѣ, говорилъ, что видѣлъ землю къ юговостоку. На этомъ основаніи Диркъ Рембранцъ-фанъ-Ниропъ первый назвалъ Обскій полуостровъ Іелмертскою землею (Ielmerland), чтó за нимъ повторили и другіе картографы. На нѣкоторыхъ русскихъ картахъ также встрѣчается надпись Яльмаль. Внукъ Мезенскаго жителя Алексѣя Осипова Откупщикова [1]) увѣрялъ меня, что послѣдній вокругъ сѣверо-восточнаго берега Матюшиной Земли поплылъ въ Обскій заливъ и оттуда на сѣверныхъ оленяхъ возвратился въ Мезень. Дѣйствительно, Крестининъ пишетъ, что въ 1788 г. Откупщиковъ, которому въ то время было 74 года, въ Архангельскѣ разсказывалъ ему, что съ 13-го года онъ каждое лѣто, иногда по нѣскольку разъ, бывалъ въ сѣв. части Новой Земли, слѣдовательно въ Матвѣевой Землѣ,

---

нусъ, чтобы сдѣлаться лейбъ-медикомъ царя, а потомъ Mahs, упоминая о сынѣ аптекаря Аренсена, объ аптекарѣ «Godsenius», настоящая фамилія котораго была Hassenius, и наконецъ о докторѣ Даміусѣ, прибывшемъ въ Россію въ 1624 году. Масса весьма много содѣйствовалъ распространенію голландской торговли въ Россіи и, какъ образованный человѣкъ, старался также быть полезнымъ и по другимъ частямъ промышленности. У насъ онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Исака Абрамова (Abrahamszoon) Массы.

[1]) Сынъ его Павелъ былъ кормщикомъ при экспедиціи Литке въ 1823 году. Отецъ былъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Пыхи.

но о поѣздкѣ въ Обскій заливъ ничего не упоминается. Олончанинъ Савва Фофановъ Ложкинъ провелъ, говорятъ, двѣ зимы, вѣроятно 1742—1743 и 1743—1744 г., на восточномъ берегу Матвѣевой Земли. Въ 1835 году Кемскій уроженецъ Исаковъ плавалъ, какъ увѣряетъ, съ сѣвера на восточный берегъ и по лѣвую руку видѣлъ два острова. — Весьма желательно, чтобы въ скоромъ времени удалось опредѣлить, на сколько Баренцъ (1596—1597 г.) ошибся, нанеся сѣверо-восточный уголъ Матвѣевой Земли слишкомъ далеко на востокъ.

Тѣже самые Пустозерцы, которымъ мы обязаны свѣдѣніями о настоящемъ названіи Матвѣевой Земли и пролива между нею и Новою Землею, согласились въ 1584 году, по приглашенію Марша, предпринять поѣздку во внутрь края къ Оби, потребовавъ на это пятьдесятъ рублей и грамотнаго человѣка. На двухъ кочахъ, въ которыхъ помѣщалось по десяти человѣкъ, они хотѣли подняться вверхъ по Печорѣ и Уссѣ и за тѣмъ (вѣроятно по сю сторону Ельцомъ, а по ту — Собью) проѣхать къ Оби. За тѣмъ, говорили они, на Оби имъ придется проѣхать мимо пяти городковъ, которые тутъ и упоминаются. Привожу это обстоятельство потому, что оно можетъ повести къ географическому разъясненію. По англійскому переводу письма, первый городокъ долженъ былъ лежать при впаденіи рѣки «Padou» въ Обь. Подъ этою рѣкою разумѣли, должно быть, Pad-jaha, по-русски просто Падъ, который, по Большому Чертежу, будто бы назывался также Сба. По-видимому гидрографы наши не замѣтили, что эта загадочная рѣка Сба нечто иное, какъ Собъ, который назывался также и Собой и впадаетъ не въ Усу, какъ ошибочно сказано въ Большомъ Чертежѣ, а въ Обь [1]).

Полагаясь на компанейскія привилегіи, Маршъ этимъ путемъ отправилъ упомянутыхъ Пустозерцевъ съ коммиссіонеромъ Богданомъ и Самоѣдскимъ мальчикомъ къ Оби. Они посѣтили вѣроятно также окрестности Таза, и накупили на тысячу рублей

---

[1]) Вотъ какъ мало можно полагаться на свѣдѣнія, сообщаемыя Большимъ Чертежомъ о рѣкѣ, которая между тѣмъ служила посредницею для сообщенія между Печорскою и Обскою системою чрезъ Уралъ.

собольи и другіе мѣха. Но у нихъ отняли все это и агенту Маршу запретили подобныя экспедиціи [1]).

Въ то время Сибирь уже была завоевана, а вскорѣ послѣ того, въ 1585 г., нѣсколько выше на Оби, пушки Мансурова окончательно покорили и обложили данью ту часть края, гдѣ построены были Тюмень (1586 г.) и Тоболь (1587 г.). Такимъ образомъ тутъ установилось главное сообщеніе Россіи съ завоеваннымъ краемъ, вслѣдствіе чего прежніе, болѣе сѣверные пути чрезъ горы потеряли свое значеніе. Незадолго до приглашенія къ себѣ Ермака, Строгановы посредствомъ Энкгюйзенца Оливера Брунеля содѣйствовали привлеченію Голландцевъ въ Россію для торговли. Это въ свою очередь повлекло за собою не введеніе кораблестроительства въ Россіи, какъ полагаютъ [2]), а извѣстныя три морскія экспедиціи Голландцевъ 1594, 1595 и 1596 годовъ.

Въ то время, когда Англичане старались завести прямую торговлю съ Самоѣдами на Оби и на Тазѣ, т. е. въ 1584 году, Голландцы, благодаря стараніямъ де-Валля, успѣли утвердиться въ Москвѣ [3]) и уже разъѣзжали на своихъ корабляхъ по

---

[1]) Пустозерцамъ уже въ 1584 году очень хорошо извѣстны были рыбы, которыя ловятся въ Оби. Они называли Маршу осетровъ и стерлядей (Acipenser sturio et ruthenus), чира (Salmo nasutus), нельму (Salmo Nelma), Pidle (можетъ быть пелеть, Salmo Pelet), муксуна (Salmo Muksun), сиговъ (Salmo lavaretus). Лоховъ (Salmo Solar), по ихъ словамъ, въ Оби нѣтъ. Они говорили, что очень легко доплыть до устья этой рѣки (and assure thy selfe that from Vaygats to the mouth of Ob, by Sea, is but a Smoll matter to sayle). Слова эти доказываютъ, что въ то время наши промышленники часто совершали поѣздки вокругъ Обскаго полуострова.

[2]) Не могу не замѣтить, что изъ письма Балаха къ Меркатору, Шторхъ неправильно вывелъ заключеніе, будто бы царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1581 году поручилъ голландскимъ плотникамъ построить первые корабли на Бѣломъ морѣ. Эту ошибку повторило много, даже голландскихъ, писателей. Гаклейтъ говоритъ, что Строгановы поручили какому-то Шведу (въ письмѣ Балаха сказано: Sueno (Sueco? artifice) построить два судна на Двинѣ.

[3]) Серу Джерому Баусу (Bowes), при посылкѣ его въ Москву въ 1583 году, поручено было жаловаться, что Голландцу Фанъ-де-Валлю позволяютъ свободно торговать (that the Duche man John de Wale wlho endevoreth to overthrowe the trade of her Maiesties subjects is not onely suffered to continuewe his traffike in those places directly against their privileges, but also remaineth free from all taxations). Когда по короновaніи царя Θеодора Іоанновича (10 іюня 1584 г.) ему представляли иностранцевъ, то Яна Фанъ-де-Валля, какъ под-

Двинѣ до монастыря, гдѣ тогда строился теперешній городъ Архангельскъ. Десять лѣтъ спустя (1594), Мушеронъ, корабль котораго первый прибылъ туда, отправилъ лоцмана своего Корнелиса Корнелисзона Найя (часто уже ѣздившаго для него къ Двинѣ), отыскивать давно-желанный сѣверо-восточный проѣздъ. Извѣстно, что въ упомянутомъ году этотъ Най пробрался въ Карское море и даже до западнаго берега Обскаго полуострова, гдѣ двѣ рѣки (изъ нихъ одна вѣроятно была Мутная, которую наши промышленники уже знали задолго передъ тѣмъ) по имени двухъ его кораблей были названы Меркуріемъ и Лебедемъ.

Вся нынѣшняя Сибирь отъ Урала до Камчатки въ то время уже была открыта и завоевана. Русскіе ѣздили уже къ островамъ Камчатскаго моря и бывали на берегу Америки, когда Екатерина II въ маѣ мѣсяцѣ 1764 года повелѣла ближе изслѣдовать упомянутые острова. Почти въ тоже самое время Императрица издала указъ о снаряженіи экспедиціи на сѣверъ, которая подъ предлогомъ оживленія китовой ловли на Шпицбергенѣ, должна была разузнать, нельзя ли изъ Архангельска моремъ чрезъ сѣверный полюсъ или въ сѣверо-западномъ направленіи пробраться въ Беринговъ проливъ и за тѣмъ далѣе въ Индію.

Съемка и описаніе острововъ, лежащихъ между Камчаткою и Америкою, поручены были капитану Креницину, но могли быть исполнены лишь въ 1768 и 1769 годахъ [1]). Начальникомъ

даннаго Испанскаго короля, хотѣли представить раньше Горсея; но послѣдній добился того, что былъ предпочтенъ ему (he said, he would have his legges cut off by Knees, before he would yeeld to such an indignitie offered to his Soveraigne the Queenes Maiesty of England to bring the Emperor a present in course after the King of Spaines subject, or any other whatsoever). Одинъ изъ измѣнившихъ прикащиковъ Англійской Компаніи, Ричардъ Рельфъ, служившій въ Казани, писалъ съ Розоваго острова въ іюлѣ 1584 года двумъ единомыслящимъ пріятелямъ своимъ въ Казань (Nicolas Spencer и Georg Heneage): «Our English Compagnie has but small friendship ad Mosco at this present and John Dowal l he is aflote. This Emperor (Θедоръ Іоанновичъ) has made proclamation that his land shall be open to all strangers and hath sent his letters into France and other places with the said effect». Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось въ Англіи открыть и списать прекрасно написанную на пергаментѣ привилегію, данную Θедоромъ Іоанновичемъ въ маѣ 1584 года, слѣдовательно еще до коронаціи. Къ сожалѣнію документъ этотъ при пожарѣ сильно поврежденъ огнемъ.

[1]) Отчетъ объ экспедеціи капитана Креницина (утонувшаго по возвра-

экспедиціи къ сѣверному полюсу назначенъ былъ капитанъ перваго ранга Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

Миллеръ на основаніи подлинныхъ документовъ довольно хорошо описалъ оба путешествія Чичагова, совершенныя въ 1765 и 1766 годахъ, и незадолго предъ своею смертью доставилъ трудъ свой Палласу; но въ немъ не говорится, что при составленіи плана для этихъ сѣверныхъ путешествій обращались за совѣтомъ къ Ломоносову.

Подписавъ 13 (24) мая 1764 г. указъ о такъ называемой китоловной экспедиціи, Императрица Екатерина II поручила графу Ивану Григорьевичу Чернышеву приказать Адмиралтействъ-Коллегіи, въ случаѣ надобности, спросить по этому дѣлу совѣта Ломоносова. Послѣдній и представилъ мнѣніе свое по этому предмету, которое впослѣдствіе еще дополнилъ. Формальную инструкцію Чичаговъ получилъ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи [1]).

Что Ломоносовъ, можетъ быть, первый возбудилъ вопросъ объ этой экспедиціи на сѣверъ, можно заключить изъ того, что

щеніи въ Камчатку), вѣроятно по ходатайству княгини Дашковой, переданъ былъ королевскому исторіографу Шотландіи и начальнику Эдинбургскаго Университета, доктору Вильяму Робертсону, а имъ отданъ бывшему въ 1778 году въ Петербургѣ Кембриджцу Вильяму Коксу, который издалъ его въ 1780 г. Княгиня Дашкова въ 1776 году письменно обращалась къ Робертсону за совѣтомъ относительно пріема сына ея въ Эдинбургскій Университетъ, а потомъ, въ 1776—1779 годахъ, живя во время занятій молодаго князя въ Эдинбургѣ, въ Holyroodhouse, ближе познакомилась съ нимъ. Тогда-же она успѣла познакомиться и съ другими знаменитыми шотландскими учеными тогдашняго времени, напр. съ докторомъ Джозефомъ Блаккомъ (Black), докторомъ Ю Блейромъ (Hugh Blair), докторомъ Адамомъ Фергусономъ и (докторомъ) Адамомъ Смитомъ.

[1]) Планъ свой, составленный для экспедиціи, Адмиралтействъ Совѣтъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Повелѣно учинить поискъ морскаго проходу сѣвернымъ Океаномъ въ Камчатку и далѣе и для сего учредить Экспедицію, поименовавъ оную Экспедиціею о возобновленіи китовыхъ и другихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ. Экспедиціи сей начать путь отъ Архангельска до западнаго берега Шпицбергена, а оттуда въ открытое море въ Вестъ склоняясь къ Норду до ближнихъ береговъ Гренландскихъ, которыхъ достигнувъ простираться подлѣ оныхъ на правую руку къ западно-сѣверному мысу сѣверной Америки, пока удобность времени и обстоятельства допустятъ». Приказано было пригласить въ Архангельскъ нѣсколькихъ промышленниковъ изъ Мезени и другихъ мѣстъ сѣвернаго прибрежья, чтобы при путешествіи воспользоваться ихъ указаніями. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и упомянутый Алексѣй Осиповичъ Откупщиковъ.

въ написанной по-русски запискѣ, посвященной имъ 10 (21) сентября 1763 года Его Императорскому Высочеству, генералъ-адмиралу, Цесаревичу Павлу Петровичу [1]), онъ не только упоминаетъ о прежнихъ путешествіяхъ по сѣверному Ледовитому океану и о возможности чрезъ Сибирскій океанъ пробраться въ Остъ-индію, но и положительно предлагаетъ сѣверо-восточный уголъ Новой, слѣдовательно собственно Матвѣевой Земли, сдѣлать исходною точкою для такого большаго морскаго путешествія. Къ сожалѣнію Ломоносовъ увлекся смутною идеею, въ пользу которой не говорили ни опытъ, ни вѣроятность успѣха.

Упомянутая записка Ломоносова составляетъ одинъ изъ послѣднихъ трудовъ нашего академика [2]). Въ исторической ея части, въ которой упоминается объ извѣстныхъ сѣверныхъ экспедиціяхъ, о странствованіяхъ Норманновъ вдоль нашего прибрежья и о древней торговлѣ Новгородцевъ въ Печорскомъ и Обскомъ краѣ, говорится также о «дынькахъ», какъ нѣкогда называли собольи мѣха. Объ этихъ дынькахъ Ломоносовъ говоритъ и въ своей Древней исторіи Россіи. Въ одномъ старинномъ документѣ, писанномъ за 450 лѣтъ тому назадъ, я нашелъ весьма странныя названія различнаго рода мѣховъ, вывозившихся изъ Риги.

На островѣ Шпицбергенѣ, гдѣ должно было начаться настоящее сѣверное путешествіе Чичагова, хотѣли построить десять деревянныхъ домовъ съ печами и магазинъ. Дѣйствительно, уже въ 1764 году въ Белльзундѣ (Клокскій заливъ) поставлены были пять домовъ, провіантскій магазинъ и баня, перевезенныя туда всѣ изъ Архангельска; въ нихъ помѣщено было 16 человѣкъ. Это поселеніе находилось подъ 77°32′, слѣдовательно нѣсколько выше Волстенгольмъ-зунда и немногимъ ниже Томасъ-Смитъ-зунда въ Баффиновомъ заливѣ.

По желанію Адмиралтействъ-Коллегіи пять штурмановъ съ

---

[1]) Указомъ 21 декабря 1762 года (1 января 1763 г.) Императрица назначила Его Императорское Высочество, Государя Цесаревича, Генералъ-Адмираломъ и Предсѣдателемъ Адмиралтействъ-Коллегіи, въ которой онъ въ первый разъ присутствовалъ 18 (29) августа 1763 года.

[2]) Записка эта имѣетъ слѣдующее заглавіе: Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ Океаномъ въ восточную Индію.

тремя помощниками и тремя учениками зимою 1764—1765 г. въ Академіи Наукъ, подъ руководствомъ Ломоносова, обучались способу производить астрономическія наблюденія. За тѣмъ ихъ отправили въ Архангельскъ, а оттуда, большею частію въ нартахъ на сѣверныхъ оленяхъ, въ Колу [1]). Здѣсь, въ Екатерининскомъ заливѣ, прозимовали три корабля, Чичаговъ, Пановъ и Бабаевъ, построенныя для этой экспедиціи на Двинѣ (1764) Англичаниномъ Ламбомъ Іемсомъ (Yames). 9 мая 1765 года корабли отплыли изъ Колы, но по случаю льда дошли только до 80°26′, т. е. до такой широты, до какой въ первые-же годы корабли Московской Компаніи изъ Англіи дошли подъ начальствомъ Эджа [2]). Джемсъ Бисброунъ изъ Ливерпуля увѣрялъ, что лѣтомъ 1765 г. онъ дошелъ до 83°40′ и къ сѣверу передъ собою видѣлъ открытое море. Неожиданное, быстрое возвращеніе нашихъ трехъ кораблей въ Архангельскъ, неуспѣвшихъ достигнуть своей цѣли, возбудило неудовольствіе графа Чернышева, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Чичагову.

Приказано было тотчасъ-же вернуть корабли въ Екатерининскій заливъ къ Колѣ, и на слѣдующій годъ (1767) сдѣлать новую попытку. Членъ нашей Академіи по части физики, Ф. У.

---

[1]) «Для обученія у находящихся при Академіи Наукъ профессоровъ въ Астрономіи обсерваціи подъ смотрѣніемъ Статскаго Совѣтника Ломоносова». Въ то время Румовскій четыре года былъ главнымъ астрономомъ при Академіи и уже съ годъ директоромъ обсерваторіи. Онъ производилъ въ Селенгинскѣ наблюденіе надъ первымъ прохожденіемъ Венеры (1761); вслѣдствіе втораго прохожденія (1779) ѣздилъ въ Колу. Упомянутые штурманы отправлены были изъ С. Петербурга 4 марта 1765 г. Съ ними посланы были Чичагову принадлежавшій Академіи квадрантъ, служившій Попову при наблюденіи въ Иркутскѣ перваго прохожденія Венеры, полученные изъ Англіи часы и замѣтка объ отклоненіи магнитной стрѣлки въ С. Петербургѣ. Въ этой замѣткѣ, которую Коллегія выпросила у Академіи, Таубертъ говоритъ, что по новѣйшимъ наблюденіямъ отклоненіе составляетъ $4\frac{1}{2}$° къ западу; между тѣмъ извѣстно, что оно гораздо значительнѣе. Мѣсяцъ спустя послѣ отправленія штурмановъ, т. е. 3 (14) апрѣля умеръ Ломоносовъ.

[2]) На Эджевой картѣ Шпицбергена, самыми сѣверными пунктами отмѣчены: Deicrowe's desier и Point Purchas. Послѣднимъ именемъ по-видимому названа самая сѣверная оконечность острова, которую впослѣдствіе Голландцы назвали Verlegen Hook, и которая, вслѣдствіе того, на нашей арктической картѣ (не совсѣмъ правильно) названа Мысомъ Верлиженъ.

Т. Эпинусъ [1]) представилъ въ Адмиралтействъ-Коллегію особую записку. Путешествіе началось (30) 19 мая. Но корабли опять дошли только до 80°30′ и изъ Белль-зунда взяли съ собою въ Архангельскъ семь человѣкъ, оставшихся въ живыхъ изъ прежнихъ 16 поселенцевъ этой небольшой колоніи, существовавшей всего только два года. Между тѣмъ лѣтомъ этого года Англичанинъ Джонатанъ Витлей (Wheatley) проплылъ отъ Гаклейтева Headland въ сѣверо-западномъ направленіи до 81°30′, не видѣвъ льда. Томасъ Робинсонъ доѣхалъ даже до 82°30′. Результаты извѣстной экспедиціи капитана Фипса (дяди маркиза Норменбейскаго) къ сѣверному полюсу въ 1774 году были не лучше результатовъ Чичаговской экспедиціи.

Мысль, что вдоль Сибирскаго побережья можетъ оказаться полезный въ коммерческомъ отношеніи путь на востокъ, мысль эта теперь справедливо покинута. Но изъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана Россія, по моему мнѣнію, могла бы извлечь огромную пользу для своей промышленности, и въ особенности для земледѣлія, потому что природа представляетъ здѣсь матеріалъ, который на большомъ протяженіи способенъ придать высокую степень плодородія пахатной землѣ при рѣкахъ, впадающихъ въ эти моря.

Извѣстно, что отъ моржей, бѣлугъ и различнаго рода тюленей въ дѣло употребляютъ только шкуру и жиръ (отъ первыхъ и клыки), тогда какъ все остальное тѣло пропадаетъ даромъ. На берегу устьевъ Мезени и Печоры, равно какъ и въ Бѣломъ морѣ, тысячи такихъ ободранныхъ животныхъ предоставляются безполезному для промышленности, естественному химическому разложенію, между тѣмъ какъ подъ научнымъ руководствомъ, они могли бы повести къ добыванію питательнаго вещества для нѣсколькихъ тысячъ людей и домашнихъ животныхъ. Слѣдовало бы въ удобныхъ мѣстахъ вдоль морскаго берега сдѣлать приспособленія для приготовленія сжатаго навоза изъ этихъ азотическихъ

---

[1]) Эпинусъ былъ одинъ изъ академиковъ, читавшихъ рѣчь, когда императрица Екатерина II, 2 іюля 1763 года, удостоила своимъ посѣщеніемъ публичное собраніе Академіи Наукъ. Онъ преподовалъ великому князю цесаревичу физику; при Академіи онъ былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей по части электричества и магнетизма.

произведеній моря. Добытый матеріалъ на дощаникахъ можно бы было развозить вверхъ по рѣкамъ въ такія мѣстности, которыя допускаютъ земледѣліе, но по недостатку удобренія не даютъ достаточнаго количества хлѣба; оттуда же можно привозить на берегъ муку, соль и другіе необходимые предметы. Въ Сѣверномъ океанѣ и въ Бѣломъ морѣ Россія обладаетъ неисчерпаемымъ количествомъ подобнаго, содѣйствующаго растительности матеріала [1]) и благое Провидѣніе по-видимому даетъ намъ его для оплодотворенія менѣе производительной почвы нашего сѣвера, тогда какъ внутри государства, гдѣ бы подвозъ подобнаго удобрительнаго средства былъ невозможенъ, она дала намъ черноземъ, который въ немъ не нуждается. Въ этомъ отношеніи ни Великобританія и Ирландія, ни одно изъ европейскихъ приморскихъ государствъ не пользуется такимъ преимуществомъ, какъ наше отечество, потому что упомянутыя моря не только содержатъ готовую животную пищу для человѣка [2]), но и представляютъ средства воздѣлывать огромное количество картофеля, хлѣба и другой расти-

---

[1]) Какъ скоро въ устьяхъ Двины, Мезени и Печоры при жиротопняхъ заведутъ приспособленія для приготовленія навоза изъ добываемыхъ тамъ по близости жироносныхъ животныхъ, такъ можно будетъ опредѣлить, нельзя ли привозить изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ цѣлыхъ моржей. Такъ какъ лодьи, употребляемыя на берегахъ Новой Земли для китовой ловли, могутъ поднимать по 5000 пудовъ, но рѣдко привозятъ болѣе тысячи пудовъ жиру и шкуръ, то часто было бы весьма полезно вытапливать жиръ въ упомянутыхъ мѣстахъ; въ такомъ случаѣ удалось бы сократить время пребыванія у отдаленныхъ береговъ. Ловлю и перевозку животныхъ можно бы было въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно отдѣлять отъ дальнѣйшей обработки.

[2]) Ловлю сельдей, лоховъ и другихъ рыбъ въ Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ слѣдовало бы производить въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ теперь и съ улучшеніемъ технической обработки добычи. Въ такомъ случаѣ въ особенности сельди могли бы сдѣлаться важнымъ предметомъ вывоза, тогда какъ теперь за привозъ ихъ край теряетъ большія суммы. Такъ какъ есть надежда, что и на Лапландскомъ берегу наша рыбная ловля вскорѣ будетъ производиться дѣятельнѣе, то нельзя не сожалѣть, что съ недавняго времени на картахъ наша пограничная черта проходитъ не столь далеко къ Варангскому фіорду, какъ прежде, потому что на отрѣзанной части бываетъ, говорятъ, превосходный уловъ рыбы. Въ отношеніи ловли сельдей слѣдуетъ упомянуть о примѣрѣ, который намъ подаетъ сѣверная Шотландія. Нѣкогда Голландцы ловили тутъ сельдей, ежегодно идущихъ съ сѣвера, солили ихъ и Великобританія потомъ покупала ихъ у нихъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ на мѣстѣ, что дѣлали правительство и частныя лица, чтобы доставить эту отрасль промышленности прибрежнымъ жителямъ Кетнеса и Соутерланд-

тельной пищи для человѣка и для домашнихъ животныхъ. Это непочатый еще кладъ, золотая руда, которая не становится сразу мертвымъ капиталомъ, а съ каждымъ годомъ даетъ новые барыши [1]).

XI.

Члены Московской Компаніи, пріѣзжавшіе въ Россію въ качествѣ пословъ.— Джонъ Меррикъ, бывшій долгое время агентомъ въ Москвѣ. — Посольство Микулина въ 1650 г. — Ричардъ Ли. — Серъ Томасъ Смитъ. — Михаилъ Ѳедоровичъ отправляетъ Ушакова и Зборовскаго къ имп. Матвѣю, въ Голландію и Англію. — По его-же приказанію въ 1617 году отправленъ въ Англію Волынскій. — Посольство Додлея Диггса. — Томасъ Финчъ. — Ричардъ Джемсъ. — Привезенныя Джемсомъ изъ Россіи русскія пѣсни и собраніе русскихъ словъ.—Давидъ Джильбертъ.—Робертъ Карръ.— Джесси де-Квестеръ.

Попытаемся теперь ознакомиться съ лицами, съ которыми Тредескантъ пріѣхалъ въ Архангельскъ, и съ обстоятельствами, подавшими имъ поводъ посѣтить насъ.

шира, а теперь я нашелъ, что она установилась на всегда въ большомъ размѣрѣ въ Виккѣ, Гелмсделѣ и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго прибрежья. Въ одномъ Виккѣ во время ловли занято до 8000 человѣкъ. При первой моей бытности въ Соутерландширѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ, вслѣдствіе распоряженія, сдѣланнаго матерью герцога Соутерлендскаго, нѣкоторыя отдѣльныя семейства, жившія внутри этого округа нѣсколько поколѣній сряду, неохотно оставляли свои курныя избы, чтобы поселиться на берегу. Теперь они живутъ въ хорошенькихъ деревняхъ, пользуются морскими выгодами и потому наслаждаются довольствомъ, тогда какъ прежде въ горахъ и долинахъ внутри края вели такую жалкую жизнь, что сравнительно жизнь Самоѣдовъ на тундрахъ вдоль Сѣвернаго океана можетъ быть названа болѣе дѣятельною и полезною. На остававшихся безъ употребленія heaths теперь бродятъ безчисленныя овцы, которыя умѣютъ выщипывать выглядывающія среди степи травки и, достигнувъ надлежащаго возраста, большею частію на пароходахъ отвозятся въ Лондонъ.

[1]) Архангельскій торговый домъ Грибанова, Фонтена и Люрса (сообща съ Вологодчаниномъ Александромъ Ивановымъ Деньгинымъ) недавно, говорятъ, поручилъ Кемскому лоцману Михаилу Ракитину сдѣлать попытку собрать на островѣ Колгуевѣ мѣстное гуано. Если бы на сѣверныхъ берегахъ мѣстами и оказалось нѣкоторое количество вещества, сходнаго съ перуанскимъ и африканскимъ гуано, то вслѣдствіе безпрестанно растаивающаго снѣжнаго покрова оно, должно быть, по большей части уже лишилось своихъ разлагаемыхъ, дѣйствующихъ частей. По этому едва-ли, по крайней мѣрѣ не на долго, можно ожидать особыхъ результатовъ отъ этой спекуляціи.

Такъ какъ посылка сера Додлея Диггса въ Россію объусловлена была другими предшествовавшими посольствами, то я долженъ упомянуть о послѣднихъ тѣмъ болѣе, что для нихъ употреблены были члены Московской Компаніи, и въ томъ числѣ одинъ, который прежде долгое время состоялъ въ Россіи при торговыхъ дѣлахъ.

Нѣкто Джонъ Меррикъ еще молодымъ человѣкомъ служилъ въ Москвѣ при факторіи. Я считаю его сыномъ Вильяма Меррика (одного изъ первоначальныхъ членовъ Компаніи, основанной Каботомъ въ 1554 году), потому что у насъ его называли Иваномъ Ульяновымъ, а имя Вильяма по-русски прежде переводили Ульяномъ. Изъ одного письма, писаннаго въ 1584 году на Розовомъ островѣ, видно, что Джона Меррика тогда сдѣлали агентомъ въ Ярославлѣ (въ Москвѣ въ то время Робертъ Пикокъ поступилъ на мѣсто Вильяма Торнболля, смѣнившаго Вильяма Борро). Въ маѣ 1592 года Елизавета писала Годунову, что Джонъ Меррикъ назначенъ агентомъ въ Москву. Въ 1596 году онъ былъ уже членомъ Московской Компаніи въ Лондонѣ, но остался агентомъ въ Москвѣ. Въ мартѣ того-же и въ январѣ слѣдующаго года (1597) королева оправдывалась передъ Годуновымъ въ дошедшихъ къ царю, отъ папы и императора, клеветахъ, будто бы она во вредъ христіанству оказывала помощь султану. Свѣдѣнія объ этихъ интригахъ получила она, какъ говоритъ, отъ Меррика.

Письмомъ отъ 14 марта 1598 года Меррикъ сообщилъ въ Лондонъ извѣстіе о послѣдовавшей уже 7 января кончинѣ царя Ѳедора Іоанновича, прибавивъ, что ранѣе онъ не могъ получить дозволенія отправить гонца съ письмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомляетъ объ избраніи Бориса Ѳедоровича Годунова и говоритъ, что послѣдній очень благоволитъ къ нему и къ Англичанамъ вообще. Мы уже знаемъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года Елизавета отправила въ Москву Франсиса Черри, для опроверженія слуховъ о дипломатическихъ отношеніяхъ ея къ султану.

Лѣтомъ 1600 года Годуновъ послалъ къ Елизаветѣ дворянина Григорія Ивановича Микулина и, въ качествѣ секретаря его, Ивана Зиновьева, для укрѣпленія дружественныхъ сноше-

ній. Меррикъ въ то время также отправился въ Англію [1]). Микулинъ 18 сентября прибылъ въ Гревзендъ при пушечной пальбѣ. Королева выслала къ нему сера Вильяма Росселя (князя Ульяна Розсѣя) [2]), который долженъ былъ проводить его по Темзѣ въ Лондонъ, гдѣ его встрѣтилъ графъ Пемброкъ (Генри Гербертъ) въ сопровожденіи многихъ другихъ, знатныхъ лицъ. Королева прислала двѣ придворныя кареты. Въ одной изъ нихъ ѣхалъ Микулинъ, передъ нимъ сидѣлъ лордъ Пемброкъ, справа (въ дверцѣхъ) серъ Вильямъ Россель, а слѣва нашъ Джонъ Меррикъ; въ другой каретѣ ѣхалъ Зиновьевъ. Аудіенція происходила въ Ричмондѣ 14 октября [3]). 6 января 1601 года Микулинъ и Зиновьевъ обѣдали у королевы [4]). Она отправила къ

---

[1]) Онъ взялъ съ собою двухъ молодыхъ иностранцевъ, знавшихъ русскій языкъ, Француза Жана Парке и Англичанина Вильяма Колліерса.

[2]) Слово Knight у насъ въ то время всегда переводили словомъ Князь. Здѣсь мы опять видимъ, что вмѣсто Вильямъ ставилось имя Ульянъ, а не Василій, какъ это теперь дѣлается.

[3]) Подлинное письмо Годунова, которое Микулинъ передалъ королевѣ, я нашелъ въ Оксфордѣ, въ Тредесканто-Ашмолевомъ музеѣ. Оно написано 13 мая 1600 года и не заключаетъ въ себѣ никакихъ подробностей; посланнику поручено было словесно исполнить свое порученіе. (Мы приказали ему тебѣ Сестрѣ нашей любителной Елисавет Королевне говорить рѣчью и что тотъ нашъ Посланникъ и дворянинъ Григоріи учнетъ тебѣ говорити и тыбъ ему вѣрила, то есть наши рѣчи).

[4]) Веденный Зиновьевымъ дневникъ Микулинскаго посольства въ Лондонъ не безъинтересенъ. Мы встрѣчаемъ въ немъ на русскомъ языкѣ свѣдѣнія о Лондонѣ (Лунда) 1600 и 1601 годовъ, о Тоуерѣ (Вышегородъ камень не великъ, а около его воды обводные), о Сити (большой городъ стѣна каменажь, стоитъ на ровномъ мѣстѣ, около его версты съ четыре), о единственномъ въ то время мостѣ чрезъ Темзу, соединявшемъ Сити съ Соутваркомъ (черезъ рѣку Темзь межъ посадовъ мостъ камень, а на мосту устроены домы каменные и лавки). Микулину и Зиновьеву оказаны были большія почести. Въ Тоуерѣ стрѣляли изъ пушекъ, когда они проѣзжали мимо его. Лордъ Ботвель, посланникъ короля Шотландскаго (сдѣлавшагося два года спустя и Англійскимъ королемъ), посѣтилъ ихъ два раза; въ первый разъ онъ пришелъ подъ вымышленнымъ именемъ. Дневникъ содержитъ разныя мелочи, между прочимъ даже и то, что послѣ обѣда у королевы Микулинъ не хотѣлъ умыть рукъ въ серебряномъ сосудѣ, поданномъ ему по ея приказанію, что ее весьма забавляло (Королева почала быть весела, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ). Въ февралѣ (1601 г.) Микулинъ помогалъ сражаться за Англійскую Королеву, когда въ Лондонѣ вспыхнулъ мятежъ, составленный сумасброднымъ графомъ Эссексомъ (Robert Devereux) который и былъ казненъ 25 февраля. Съ Микулинымъ пріѣ-

Годунову письмо отъ 16 мая съ Микулинымъ, который въ іюлѣ возвратился въ Москву.

Въ то время, какъ Микулинъ и Меррикъ въ 1600 году ѣхали изъ Россіи въ Англію, Елизавета отправила къ Борису Ѳедоровичу посломъ сера Ричарда Ли (Lea), который лѣтомъ 1601 г. опять возвратился къ ней. Оставшемуся въ Лондонѣ Джону Меррику и жившему тамъ въ то время Франсису Черри поручено было перевести конфиденціальное письмо Годунова, которое Ли привезъ отъ него Елизаветѣ. Въ томъ же году королева отправила Меррика съ отвѣтомъ къ Борису Ѳедоровичу.

Ему поручено было воспрепятствовать предположенному бракосочетанію царевны Ксеніи Борисовны съ членомъ Австрійскаго императорскаго дома, что приказано было и Ли. Чрезъ послѣдняго королева предложила дочь Фердинанда Станлея, графа Дербійскаго (being of our blood royall and of greater possessions than any subject within our Realme [1])) въ невѣсты царевичу Ѳедору Борисовичу; но потомъ она узнала, что послѣднему всего только 13 лѣтъ, и что слѣдовательно онъ четырьмя годами моложе графини Станлей [2]). Такъ какъ Годуновъ предоставилъ

халъ въ Москву аптекарь, который однакоже тотчасъ опять возвратился въ Англію. Кромѣ того, этотъ посланникъ, равно какъ бывшій потомъ въ Москвѣ серъ Ричардъ Ли, предлагалъ аптекарю Джемсу Френчему (Frencham), возвратившемуся въ 1584 году съ Баусомъ въ Англію, снова пріѣхать въ Россію. Френчемъ привезъ къ Годунову письмо Елизаветы отъ 11 марта 1602 (не 1601 года, какъ сказано у Рихтера). У насъ есть списокъ привезенныхъ имъ разнообразныхъ аптечныхъ матеріаловъ и препаратовъ. Серъ Томасъ Смитъ засталъ Микулина въ 1605 году въ Ярославлѣ. Лжедмитрія Микулинъ по-видимому дѣйствительно считалъ сыномъ Іоанна. Нѣсколько стрѣльцовъ, не раздѣлявшихъ его мнѣнія, по данному имъ знаку были изрублены остальными; онъ же былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ. Микулинъ уже въ 1590 году предъ Нарвою исполнялъ военную службу съ сотнею Черкесовъ.

[1]) У него не было сына, а были три дочери. Старшая, Анна, выдана была за мужъ за Грея Бруггса, барона Чандосъ; вторая, Францискa, за Джона Эгертона, графа Бриджватерскаго, а третья, Елизавета — за Генри Гастингса, втораго графа Гунтингдонскаго.

[2]) Елизавета передала Меррику записку для Бориса Ѳедоровича, въ которой между прочимъ сказано было: «We have thought it our part by this lettre to lett You knowe howe the case standeth and to assure You that if we had any of our blood (nay of our own bodie) answerable to Your expectacon, that wee would thinck our self both honored and strengthned by such a match not

Елизаветѣ право предложить другую невѣсту, то Меррику поручено было представить ему списокъ всѣхъ ея родственниковъ (a draught of the pedigree), съ тѣмъ, чтобы онъ могъ выбрать для царевича невѣсту, а для царевны — жениха. Меррикъ прибылъ въ Москву 10 февраля 1602 года и, по его желанію, ему была отведена квартира въ Англійскомъ домѣ, на Варваркѣ.

Уже на слѣдующее утро канцлеръ Аѳанасій Ивановичъ Власевъ очень вѣжливо велѣлъ пригласить его къ себѣ, а на другой день пріѣхалъ къ нему на квартиру и упросилъ его къ вечеру быть готовымъ ѣхать съ нимъ къ царю. Затѣмъ канцлеръ самъ пріѣхалъ за Меррикомъ и въ своихъ саняхъ отвезъ его въ Кремль къ Борису Ѳедоровичу (His Majestie then sitting in private and not in state having his ffeete placed on a footstoole covered with sables; — he gave me his princely hand to kiss). Узнавъ, что Меррикъ (вмѣстѣ съ Черри) переводилъ его послѣднее письмо къ королевѣ и потому-то, какъ знакомый съ содержаніемъ, назначенъ былъ для настоящаго посольства, царь тѣмъ свободнѣе бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ хвалилъ прибывшаго съ Ли врача Христофа Ритлингера, изъ Венгріи. Ли просилъ царя дать этому врачу отъ себя докторскій титулъ. Въ очень жесткихъ выраженіяхъ Годуновъ осуждалъ поступки папы въ отношеніи къ королевѣ. Меррику поручено было, вмѣстѣ съ канцлеромъ Власевымъ перевести на русскій языкъ письма Елизаветы и списокъ всей королевской родни [1]). 24 іюля Мер-

only in regard of Your self from whom the Prince is descended but in respect of the great towardlinesse which wee doe understand to bee in him. Seeing therefore it hath pleased allmightie God (who holdeth the hartes of all kinges in his hand) soe to dispose our mynde as it could never geve way to those affections which might have been the meanes to raise an Issue of our owne person (a matter whereof we have noe cause for our owne mynd te be sorye...) wee think it also our part to hold You no longer in expectacon but to retorne You this our speedie answere, which we wish would present You the grief we have because the earnest desires in both of us of such a union could not take place».

[1]) 23 февраля, во время занятій этимъ дѣломъ, Власевъ вынулъ изъ своего стола бумагу и спросилъ Меррика, почему королева не упоминаетъ о графскихъ семействахъ Гартфордъ и Гунтингдонъ. 3 марта возвратились въ Москву люди, посланные Годуновымъ въ Данію, а 13-го прибыли лица, отправленныя королемъ Христіаномъ IV. Послѣднія привезли съ собою портретъ принца Іоанна. Положено было выдать за него Ксенію Бори-

рикъ изъ Москвы отправился въ Архангельскъ и оттуда отплылъ въ Англію 30-го числа того же мѣсяца. 5-го сентября, въ Оатлендсѣ, близь Лондона, онъ вручилъ королевѣ письмо Годунова [1]). Елизавета отвѣчала царю весьма дружественно. Въ невѣсты царевичу Өедору она предложила молоденькую Англичанку, имени которой не называетъ. Поэтому въ апрѣлѣ 1603 года отецъ Өедора сдѣлалъ запросъ, кто эта дама и какого она происхожденія, но по случаю послѣдовавшей между тѣмъ смерти королевы, не получилъ отвѣта. 24 марта Елизавета окончила свою жизнь и сорокапятилѣтнее достославное царствованіе, имѣвшее чрезвычайно важное вліяніе на торговлю и промышлемность Россіи.

На слѣдующій годъ (1604) преемникъ ея, Яковъ I (называвшійся до того времени Яковомъ VI, королемъ Шотландскимъ), отправилъ къ Борису Өедоровичу Годунову уже неоднократно

совну. 22-го іюня Меррикъ имѣлъ свою прощальную аудіенцію. Борисъ Өедоровичъ рекомендовалъ ему четырехъ молодыхъ Русскихъ, прося его взять ихъ съ собою въ Англію и тамъ помѣстить ихъ въ учебномъ заведеніи. Меррикъ говоритъ, что Годуновъ ему сказалъ: «that he did the rather make choice of this our country for the especiall love he beareth her Maiestie and the good opinion he hath of our Nacon, and that I should make them known to her Maiestie and desire her in his name that she would be pleased to give leave that they may be trayned up in learninge and not be drawne to forsake their Religion».

[1]) Подлинное письмо, которое Годуновъ въ іюнѣ 1602 года съ Меррикомъ послалъ Елизаветѣ, я отыскалъ въ *Традескантовомъ (Ашмолевомъ)* музеѣ въ Оксфордѣ. Борисъ Өедоровичъ пишетъ въ немъ, что онъ давалъ аудіенцію Меррику, посланному королевой, получилъ письмо ея и выслушалъ порученное подателю его словесное сообщеніе. За тѣмъ говорится: «Похваляемъ Вашу къ себѣ сердечную любовь что Вы о нашемъ Царскомъ здоровье радѣете и о нашихъ Царскихъ детехъ о великомъ Государе Царевиче Князе Өедоре Борисовиче всея Русіи и о Царевне и великой Княжне Ксение Борисовне, и противъ того къ тебѣ Сестрѣ нашей любителной Елисавет Королевне хотимъ свою Царскую любовь и дружбу держати свыше прежнего мимо всѣхъ великихъ Государей и всемъ добромъ воздати хотимъ гдѣ возможно. А нынѣшнее великое и доброе дѣло межь насъ великихъ Государей не сталось, потому что дѣтемъ нашимъ великому Государю Царевичу Князю Өедору Борисовичу всея Русіи и дщери нашей великой Государыне Царевне и великой Княжне Ксение Борисовне всеа Русіи не противъ лѣтъ». За тѣмъ слѣдуетъ извиненіе въ томъ, что англійскимъ купцамъ не дозволено было ѣхать чрезъ Россію въ Персію («у насъ съ перситцкимъ Шахомъ наше дѣло еще на мѣрѣ не стало»).

упомянутаго сера Томаса Смита, который нѣсколько лѣтъ сряду находился во главѣ Московской компаніи [1]). За четыре дня до полученія въ Москвѣ извѣстія о появленіи Лжедмитрія, т. е. 11-го октября, Смитъ имѣлъ первую аудіенцію у царя. Ему удалось добиться у Годунова всего, что онъ желалъ для пользы Компаніи [2]). Въ 1605 году онъ уѣхалъ опять изъ Москвы; вскорѣ послѣ того, 13-го апрѣля, скончался Годуновъ. Рѣшившись выждать въ Вологдѣ время, удобное для морскаго пути, Смитъ могъ полученныя имъ отъ покойнаго царя бумаги отправить въ Москву, къ сыну и преемнику его, Ѳедору Борисовичу, который утвердилъ ихъ и съ своей стороны, но скончался прежде, нежели Смитъ успѣлъ выѣхать изъ Россіи. Лжедмитрій послалъ ему вслѣдъ Гавріила Самойловича Салманова [3]), а переводчикомъ Ричарда Финча, который, какъ мы видѣли, въ 1611 г. провожалъ Логана и Гордона къ Печорѣ. Они застали Смита 31-го іюля въ Архангельскѣ и вручили ему письмо, въ которомъ Лжедмитрій просилъ его, сера Томаса, передать королю Якову желаніе его находиться съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему, что тотчасъ по коронованіи своемъ онъ отправитъ къ нему посольство. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось возвращеніе письма Годунова. Смитъ пріѣхалъ въ Лондонъ лишь

---

[1]) Серъ Томасъ Смитъ передъ отъѣздомъ своимъ былъ представленъ королю въ Гриничѣ лордомъ Сельсбери. Онъ пріѣхалъ въ Архангельскъ на кораблѣ «Iohn and Francis».

[2]) Во время отсутствія Смита изъ Москвы, Джонъ Меррикъ постоянно былъ главнымъ агентомъ Компаніи, а Вильямъ Россель (прежній голландскій агентъ) помощникомъ Меррика. При аудіенціи Смита главнымъ лицомъ былъ Петръ Федоровичъ Басмановъ. Смитъ называетъ его a very gallant nobleman. Къ обѣденному столу приглашены были также Меррикъ и Эдвардъ Черри, можетъ быть братъ Франсиса.

[3]) Гаврило Самойловичъ Салмановъ въ 1590 году отправленъ былъ царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ къ Датскому королю Христіану IV, какъ по дѣламъ, относившимся къ опредѣленію границъ между Россіею и Норвегіею, такъ и по вопросу о войнѣ съ Швеціею. Вѣроятно онъ былъ братъ вышеупомянутаго Ивана Самойловича, который, какъ мы видѣли, въ 1595 году былъ воеводою въ Колѣ и, можетъ быть, въ 1597 году принялъ два судна, на которыхъ Голланды пріѣхали туда съ сѣверовосточной оконечности Матвѣевой Земли. Арцыбашевъ, авторъ Повѣствованія о Россіи, ошибается, предполагая, что упомянутый въ письмѣ Гаврило могъ быть Гаврило (Григорьевичъ) Пушкинъ.

въ сентябрѣ. Еще въ томъ-же году (1605) онъ напечаталъ описаніе своего путешествія (Voyage and Entertainement in Rushia with the tragicall ends of two Emperors and one Empresse within one month) [1].

Меррикъ оставался англійскимъ агентомъ въ Россіи и въ продолженіе смутнаго времени, наступившаго въ 1605 году. Уже изъ Тулы, 8-го іюня этого года, Лжедмитрій приглашалъ его къ себѣ въ то самое время, когда онъ, Меррикъ, находился на пути въ Архангельскъ. Меррикъ пріѣхалъ въ лагерь самозванца въ Коломенское, близъ Москвы. Здѣсь онъ получилъ отъ него открытый листъ на поѣздки внутри Россіи и въ Англію, равно какъ на безпошлинную торговлю Англичанъ [2]. Въ декабрѣ того-же года Меррикъ выхлопоталъ въ Москвѣ у Лжедмитрія формальную торговую привилегію, которую еще зимою съ Оливеромъ Лайссетомъ (Lysset) отправилъ въ Англію [3].

По просьбѣ Меррика, Василій Ивановичъ Шуйскій 4-го іюня 1606 года далъ Англичанамъ новую привиллегію и отправилъ его съ нею и съ извѣщеніемъ о случившемся въ Россіи въ послѣднее время къ королю Якову. Онъ обѣщалъ отправить впослѣдствіе русское посольство.

Въ отсутствіе Меррика дѣлами въ Москвѣ завѣдывалъ Маркъ Бревстеръ [4]. Онъ не переставалъ жить на Варваркѣ

---

[1]) Самуэль Соутби, бывшій въ Москвѣ вмѣстѣ съ серомъ Томасомъ Смитомъ, въ качествѣ священника, также хотѣлъ издать свои наблюденія; но предпріятіе это не состоялось.

[2]) Архангельскій воевода Тимоѳей Матвѣевичъ Лазаревъ и дьякъ Романъ Макарьевъ Вороновъ получили приказаніе дозволить Меррику и прочимъ Англичанамъ свободно заниматься своими торговыми дѣлами.

[3]) Въ этомъ документѣ имя сера Томаса Смита находится во главѣ членовъ Компаніи. Я уже замѣтилъ, что въ немъ поименованъ былъ и Ричардъ Коксъ, прикащикъ котораго (Томасъ Лайгонъ) въ 1611—1612 г. засталъ Пурсглова въ (Окладниковской) Слободѣ на Мезени. Джонъ Меррикъ и Эдуардъ Черри также названы членами. Между прочимъ дозволяется, да и теперь еще, какъ прежде, нагружать и разгружать корабли на Розовомъ островѣ.

[4]) Лѣтомъ 1609 года одинъ изъ прикащиковъ, Джорджъ Бриггаузъ на почтовыхъ изъ Холмогоръ чрезъ Владиміръ пріѣхалъ на короткое время къ Бревстеру въ Москву. По возвращеніи своемъ, въ началѣ сентября, онъ разсказывалъ нѣкоторыя вещи, о которыхъ сообщено было въ Англію. Онѣ касались до происшествій, случившихся въ Москвѣ и близь нея, сраженія при Хо-

даже въ теченіе роковаго лѣта 1611 года. Послѣ того страшнаго дня (8-го сентября), когда русскіе, желая заставить поляковъ отступить, пожертвовали и Китай-городомъ, Бревстеру, по ходатайству князя Федора Ивановича Мстиславскаго, позволено было жить въ Кремлѣ, въ одномъ изъ дворцовыхъ погребовъ. Меррикъ, который 1611 годъ провелъ въ Холмогорахъ и въ Архангельскѣ, осенью уѣхалъ оттуда въ Англію [1]).

дьякѣ, продолжительнаго ареста Бучинскаго (Бревстеръ ежедневно посылалъ ему кушанье изъ Англійскаго дома) и т. д. Замѣчательно сообщаемое имъ при этомъ извѣстіе объ одной изъ трехъ вдовъ царевича Іоанна Іоанновича. Какъ на пути въ Москву такъ и на обратной поѣздкѣ Бриггаузъ обѣдалъ у нея во Владимірѣ въ кельѣ ея и былъ принятъ ею очень радушно (the Princesse, wife to Evan Evanowich, that was eldest sonne to the old Emperor, she, to whom You gave the good entertainment to, made very much of him; he dined in her presence; after dinner sent him a great Present of many dishes and drinkes for Your sake, and often remembered You and Your great kindnesse to her and hers, still remembering T. La. and kept him so a longe time in her own Cell). Я полагаю, что здѣсь разумѣется послѣдняя изъ трехъ супругъ, которыя были у царевича въ теченіе двухъ лѣтъ. Карамзинъ не зналъ что съ нею сталось. По словамъ Поссевина она вслѣдствіе своей легкой одежды была причиною трагической кончины своего супруга въ Александровской слободѣ 19 ноября 1582 года. Будучи дѣвицей и потомъ въ замужествѣ, она называлась Еленой Ивановной; братъ ея былъ извѣстный полководецъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ; отецъ ихъ Иванъ Васильевичъ умеръ въ монастырѣ въ 1578 г. При постриженіи она получила имя Леониды. До насъ дошли два письма ея съ этимъ именемъ и печатью; одно отъ 20-го августа 1583, другое отъ 21-го іюля 1587 года, оба изъ Новодѣвичьяго монастыря у Москвы. Одно изъ нихъ хранится въ Троицкомъ монастырѣ, другое принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову. Оба начинаются словами: «Отъ Царевичевы Князя Ивана Ивановича отъ Царицы Леониды». На послѣднемъ печать сохранилась на столько, что на немъ видны еще слова: «Царевича князя Ивана Ивановича царицы». Содержаніе послѣдней грамоты доказываетъ, что эта царица вмѣстѣ съ братомъ владѣла селомъ Борисоглѣбскимъ въ тогдашнемъ Костромскомъ уѣздѣ (на дорогѣ изъ Нерехты въ Нижній Новгородъ). Извѣстіе Бриггауза единственное, которое съ 1587 г. дошло до насъ объ этой исторически-интересной женщинѣ. По этому извѣстію, она въ 1609 году жила, должно быть, въ древнемъ Успѣнскомъ монастырѣ во Владимірѣ.

[1]) Маржеретъ, оставившій Кремль черезъ три дня послѣ истребленія Китай-города и отправившійся съ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ въ Польшу, писалъ 29 января 1612 года изъ Гамбурга Меррику въ Лондонъ, что пожаръ произошелъ отъ русскихъ зажигательныхъ ядеръ, что англійскій домъ (позади Большаго Гостинаго Двора) также сгорѣлъ и что во всей этой части города уцѣлѣли только три зданія. Онъ сообщалъ о прибытіи въ Кремль Ходкевича, о походѣ его на Рязань и т. д. Относительно предсказываемаго

Михаилъ Өедоровичъ, вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ, отправилъ Степана Михайловича Ушакова и Семена Заборовскаго какъ къ императору Матвѣю, такъ и въ Голландію да въ Англію, чтобы увѣдомить ихъ объ избраніи своемъ на царство и завести съ ними дружественныя сношенія. Въ Голландіи и Англіи посламъ этимъ сверхъ того поручено было хлопотать о содѣйствіи въ заключеніи мира со Швеціею и о денежномъ займѣ [1]). Россія, которая съ 1605 до 1613 года претерпѣла столько бѣдствій, нуждалась въ деньгахъ для отраженія поляковъ, все еще не прекращавшихъ своихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Въ 1615 году Меррикъ, бывшій прикащихъ и торговый агентъ на Варваркѣ, теперь же возведенный Яковомъ I въ дворянское достоинство и назначенный тайнымъ каммергеромъ, пріѣхалъ въ Архангельскъ посланникомъ этого короля съ большою свитою, въ которой было не менѣе 44 лицъ. Для встрѣчи его изъ Москвы посланъ былъ дворянинъ Михайло Елизаровичъ Викентьевъ. Серъ Джонъ Меррикъ (князь Иванъ Ульяновъ Мерикъ) объявилъ, что король Яковъ I готовъ ссудить Россію деньгами; извѣстіе это, конечно, было весьма кстати. Кромѣ того ему поручено было принять на себя посредничество по дѣлу о заключеніи мира между Россіею и Швеціею. Съ этою цѣлью въ ноябрѣ упомянутаго года (1615) Меррикъ и русскіе коммиссары [2]) отправились въ Старо-русскій округъ, гдѣ должны были происходить переговоры; туда-же прибыло и голландское посоль-

---

имъ исхода дѣла онъ весьма ошибся, сказавъ: «If the Russes have no forraine help, as there is no appearance, no question it will come to pass as I writ last to Your Worship that they will be forced to yeeld». Извѣстно, что еще въ 1612 году Маржеретъ позволилъ себѣ пріѣхать въ Архангельскъ, предлагать Россіи свою помощь, но Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ предложеніе это, какъ и слѣдовало, съ позоромъ было отвергнуто.

[1]) Пурчезъ видѣлъ, какъ наши послы прибыли въ Гревзендъ, какъ ихъ съ почетомъ принимали въ Лондонѣ, какъ они участвовали въ увеселеніяхъ (the running at Tilt White-hall) и какъ имъ давалась аудіенція у короля 24 марта 1614 года.

[2]) Это были: Окольничій и Суздальскій намѣстникъ, князь Данило Ивановичъ Мезецкій, Шацкій намѣстникъ, дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ и дьяки Николай Никитинъ Новокщеновъ (не Новосильцовъ) и Добрынь Семеновъ.

ство [1]). На этотъ разъ успѣли только заключить перемиріе. Настоящій мирный договоръ заключенъ былъ лишь впослѣдствіе 27-го февраля 1617 г., при съѣздѣ въ Столбовѣ (между Тихвиномъ и Ладогою), такъ называемыми русскими коммиссарами, безъ содѣйствія голландскихъ [2]). Меррикъ въ качествѣ свидѣтеля подписалъ этотъ договоръ, заключенію котораго онъ, навѣрное, не мало содѣйствовалъ. Затѣмъ онъ возвратился въ Лондонъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же года (1617), какъ мы уже замѣтили, Ряжскій намѣстникъ, Степанъ Ивановичъ Волынскій и дьякъ Маркъ Поздѣевъ отправлены были Михаиломъ Ѳедо-

[1]) Меррику и свитѣ его сначала отвели квартиру въ уединенномъ сельскомъ домикѣ близъ деревни Романовой. Въ этой деревнѣ находился шведскій полководецъ Яковъ Дела Гарди. Прибывшее 20 ноября голландское посольство, подъ начальствомъ Рейнгута фанъ Бредероде, помѣщено было сначала въ близь-лежащей деревнѣ Милагонѣ, а потомъ въ деревнѣ Глѣбовѣ. Русскихъ коммиссаровъ размѣстили въ деревнѣ Дидеринѣ, куда впослѣдствіе (17 декабря) переѣхали съ своею свитою и Дела Гарди и Меррикъ. Здѣсь положено было заключить договоръ въ палаткахъ, поставленныхъ на этотъ предметъ на снѣгу. Но чрезвычайно сильная стужа заставила договаривающихся собираться потомъ у Меррика. Послѣ неоднократныхъ перерывовъ, наконецъ, 4 марта 1616 года, въ квартирѣ его заключено было перемиріе на три мѣсяца. Вотъ весь результатъ предолжительныхъ переговоровъ, которые велись съ ужаснѣйшими затрудненіями, происходившими отъ бывшаго передъ тѣмъ опустошенія края и отъ непомѣрной стужи. Антонису Гѣтерису, пріѣхавшему къ намъ съ голландскими коммиссарами въ качествѣ казначея, мы обязаны не только описаніемъ порядка, какъ велись переговоры, но и рисунками всѣхъ упомянутыхъ мѣстностей. У Дидерины изображены даже палатки, позади которыхъ находился домъ, гдѣ жилъ Меррикъ, и шествіе къ нимъ (Ende hebbe vermits die overgroote bittere coude, tot drie mael daer gheveest, eer ick dat conde afteykenen). Гѣтерисъ оставилъ намъ два вида тогдашняго Ивангорода. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ Густавъ Адольфъ съ Христофоромъ Вольдекомъ, ѣхавшимъ чрезъ Осташковъ, отправилъ письмо къ Меррику въ Москву, куда послѣдній возвратился. Благодаря посредничеству Меррика, король въ началѣ октября снялъ осаду Нарвы; затѣмъ начались переговоры о мирѣ. Уже 20 ноября Меррикъ заключилъ съ шведскими коммиссарами предварительный договоръ. Въ изданномъ въ 1845 году Хронологическомъ указателѣ внѣшнихъ событій Русской исторіи показано не совсѣмъ правильно, что при заключеніи Столбовскаго мира находился голландскій посланникъ.

[2]) Вслѣдствіе этого договора Россія, какъ извѣстно, возвратила Новгородъ, Старую Руссу, Порховъ, Ладогу, Гдовъ и еще нѣкоторыя мѣстности, за которыя она въ свою очередь уступила Швеціи все пространство отъ Ивангорода (Нарвы) до Нѣтебурга (Орѣшекъ, Шлиссельбургъ), а слѣдовательно и ту мѣстность, на которой теперь находится С.-Петербургъ.

ровичемъ въ Англію, частію для того, чтобы укрѣпить существовавшія уже дружественныя отношенія между обоими государствами, частію же для того, чтобы ускорить обѣщанный заемъ денегъ (100,000 руб.) [1].

Англійское правительство готово было дать ссуду, но желало поставить условіемъ, чтобы Англичане свободно могли ѣздить по Волгѣ и Каспійскому морю въ Персію, чтобы заключенъ былъ контрактъ по доставкѣ льна, пеньки и канатовъ, и чтобы Голландцы не пользовались одинаковыми съ Англичанами торговыми привиллегіями; наконецъ, требовалось еще хорошее поручительство въ исправной уплатѣ денегъ [2].

По части этого займа въ Лондонѣ сочли полезнымъ отправить въ Москву особое посольство; начальникомъ его назначенъ былъ неоднократно упомянутый, дѣятельный членъ Московской компаніи, серъ Додлей Диггсъ, съ которымъ Тредескантъ пріѣхалъ въ Архангельскъ.

Серъ Додлей Диггсъ былъ сынъ Томаса Диггса, сына Леонарда Диггса. Оба они извѣстны какъ авторы математическихъ, геометрическихъ и другихъ научныхъ сочиненій. Первое сочиненіе Леонарда: A general Prognostication, появилось въ годъ экспедиціи Уильби (1553). Второе сочиненіе, напечатанное два года спустя, издано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: A Prognostication everlasting of right good effect, fructfully augmented; con-

---

[1]) Грамоту царя Михаила Θедоровича, привезенную Волынскимъ королю Якову I, я отыскалъ въ Британскомъ музеѣ между бумагами Коттона. Она внесена въ каталогъ подъ № B. XI. 92 слѣдующимъ образомъ: «A paper Russian». Содержитъ она въ сущности вотъ что: «Послали есмя квамъ Брату нашему любителному къ великому Государю Якову Королю противъ Вашие knamъ великому Государю братцкіе дружбы и любви нашу Царскую брацкую дружбу и любовъ объявити и о вѣчномъ докончане і о соединене на всѣхъ нашихъ общихъ недруговъ и о иныхъ нашихъ о добрыхъ о великихъ делехъ пословъ нашихъ Дворянина нашего и Намѣстника Ряскаго Степана Ивановича Волынскаго да Дьяка нашего Марка Иванова сына Поздѣева и что отъ насъ великаго Государя учнутъ вамъ брату нашему послы наши говорити и выбъ имъ втомъ во всѣмъ вѣрили, то есть наши рѣчи. Писанъ въ Государствія нашего дворѣ въ Царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія миру 7125. Августа мѣсяца».

[2]) Эти условія я нашелъ въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ: Lansdowne, Num. 160, 71. Fol. 246.

tayninge playne, briefe, pleasant, chosen rules to judge the wether for ever, by the sunne, moone, starres etc. Въ 1556 году издано Tectonicon (A book named Tectonicon, briefly shewing the exact measuring and spedie reckoning of all manner of lands, squares, timber, stones, steeples etc.). Пантометрія его (A geometrical practical treatise, divided into three bookes, Longimetria, Planimetria and Stereometria) издана Томасомъ Диггсомъ съ дополненіями и поправками лишь въ 1591 году. Изъ сочиненій послѣдняго я упомяну только: Scalae mathematicae Stratioticos (an arithmetical militray treatise) и A brief discourse what orders were best for repulsing any forraine forces, if at any time they should invade us by Sea in Kent or elsewhere.

Додлей, родившійся въ 1583 г., съ 1598 до 1603 г. учился въ University College въ Оксфордѣ и потомъ въ Лондонѣ занимался юриспруденціей. Въ 1607 г. онъ возведенъ Яковомъ I въ дворянское достоинство, и для дальнѣйшаго усовершенствованія своего путешествовалъ на материкѣ. Мы видѣли, что онъ былъ однимъ изъ виновниковъ пяти морскихъ путешествій, предпринятыхъ съ 1610 до 1616 г. на кораблѣ «Discovery», для отысканія сѣверо-западнаго проѣзда, и исполненныхъ Гудзономъ, Боттономъ, Билетомъ (и Баффиномъ). Несчастный Гудзонъ, какъ мы уже сказали выше, во время путешествія своего въ 1610 году, назвалъ своимъ именемъ островъ у Гудзонова пролива, а Билетъ съ Баффиномъ — мысъ въ Баффиновомъ заливѣ. Этотъ мысъ Додлей Диггсъ, по опредѣленію Росса (1818 г.), лежитъ подъ 76°5′ широты, къ югу отъ Петовака, поселенія Эскимосовъ арктическихъ возвышенностей у Волстенгольмъ-Зунда (насупротивъ острова Волстенгольма) и къ сѣверозападу отъ Соваллика, мѣстности на берегу Принцъ-Регентова залива, гдѣ встрѣчается метеорное желѣзо, изъ котораго Эскимосы дѣлаютъ свои ножи [1]). Въ катологѣ первоначальнаго Тре-

[1]) По словамъ Баффина, мысъ Додлей Диггсъ находится подъ 76° 35′ широты. По направленію вовнутрь страны Россъ видѣлъ тамъ высокія горы, почему и называетъ эту мѣстность арктическими возвышенностями. Къ его кораблю пріѣхали чрезъ ледъ въ саняхъ на собакахъ Эскимосы, принадлежавшіе къ Петовакскому поселенію; водоходныхъ судовъ у нихъ нѣтъ. Нѣсколько ножей ихъ Россъ привезъ съ собою въ Великобританію. Не только

дескантова музея и сада имя сера Додлея помѣщено въ числѣ покровителей и благодѣтелей этого учрежденія [1]).

Серъ Додлей Диггсъ [2]) извѣстенъ какъ авторъ различныхъ сочиненій. Въ сочиненіи его: «Compleat Ambassador», напечатанномъ лишь долго спустя по его смерти (1655 г.), описаны переговоры Елизаветы о сочетаніи ея съ герцогомъ Анжуйскимъ (1571) и герцогомъ Алансонскимъ (1581). Первое его небольшое сочиненіе о значеніи войны и воиновъ (Politique discourses of the worthinesse of warre and warriors) появилось уже въ 1604 году; а его Defence of Trade in a letter to Sir Thomas Smith Governor of the East India Company — въ 1615 году.

Путешествіе его въ Архангельскъ, совершенное въ одно время съ Волынскимъ въ 1618 году, намъ уже извѣстно. Какъ только Михаилъ Өедоровичъ узналъ о прибытіи туда Диггса, такъ онъ отправилъ къ нему на встрѣчу изъ Москвы, чрезъ Вологду и Устюгъ, дворянина Федора Владиміровича Уварова, которому поручено было сопровождать его до столицы [3]).

докторъ Волластонъ въ Лондонѣ, но и Андрей Файсъ (Fyse) въ Эдинбургѣ доказали присутствіе никкеля въ этомъ желѣзѣ, что говоритъ въ пользу метеорнаго его происхожденія. Китоловамъ, посѣщающимъ Баффиновъ заливъ, слѣдовало бы указать на это желѣзо близь мыса Додлей Диггса и предложить, въ случаѣ, если будутъ находиться по близости отъ Совалика и найдутъ возможнымъ пристать тамъ къ берегу, освидѣтельствовать положеніе и количество этого желѣза и привезти его какъ можно болѣе.

[1]) Серъ Додлей Диггсъ поднесъ Карлу I клыкъ нарвала (Unicorne), который король поручилъ разсмотрѣть своимъ врачамъ. Баффинъ, бывшій подъ начальствомъ Билета при сѣверо-западной экспедиціи 1616 годá, доносилъ Волстенгольму, что близь мѣстностей, названныхъ по именамъ Диггса, Смита и Волстенгольма, къ сѣверу отъ Баффинова залива, видно было много нарваловъ. Въ Тредескантовомъ Музеѣ находился «Monoceros horne». Фробишеръ при второмъ своемъ путешествіи (1577 г.) нашелъ мертваго нарвала съ «horne». Въ Виндзорѣ хранился «horne» въ 7 футовъ длины. Въ 1581 году Іоаннъ Васильевичъ купилъ у одного прикащика купеческой конторы въ Аугсбургѣ за большія деньги усыпанный драгоцѣнными камнями кусокъ нарвалова зуба, длиною въ $3^1/_2$ фута. Этотъ «посохъ» Поляки въ 1611 году похитили изъ Кремля вмѣстѣ со многими другими сокровищами.

[2]) Въ грамотахъ 1619 года, относящихся къ посольству Диггса въ Москву, имя его написано такъ: Sir Dudly Digge.

[3]) Инструкція, данная Федору Владиміровичу Уварову, начинается слѣдующимъ образомъ: «Лѣта 7126 Августа 20. По Государеву и Великаго Князя Михайла Өедоровича всеа Русіи Указу память Өедору Володимеровичу Ува-

Въ то время Поляки ходили съ войсками своими по Россіи въ разныхъ направленіяхъ. Поэтому, послѣ долгихъ совѣщаній знатнѣйшихъ бояръ, Уварову дана была инструкція, какой путь ему избрать со ввѣреннымъ ему посольствомъ, въ случаѣ если онъ встрѣтится съ такою непріятельскою дружиною. Диггсъ же до того боялся Поляковъ, что еще, прежде чѣмъ къ нему прибылъ Федоръ Владиміровичъ, возвратился изъ Холмогоръ въ Архангельскъ и оттуда поплылъ въ Англію. Выполненіе миссіи своей въ Москвѣ онъ поручилъ Томасу Финчу и тогдашнему агенту Фабіану Смиту [1]).

Возвращеніемъ своимъ изъ Холмогоръ, прежде поѣздки въ Москву согласно данному порученію, серъ Додлей навлекъ на себя немилость короля Якова I, который на время удалилъ его отъ двора [2]). Но въ 1620 году, онъ посланъ былъ въ Голландію по случаю остъ-индскихъ дѣлъ, а въ 1621 году, какъ членъ парламента, отправленъ въ Ирландію для изслѣдованія церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ 1626 году онъ въ парламентѣ очень смѣло возсталъ противъ извѣстнаго любимца короля Карла I, герцога Бокингемскаго Джорджа Вилльерса, за что, хотя лишь

рову. Идетъ ко Государю Царю и Великому Князю Михайлу Өедоровичу всеа Русіи отъ аглинскаго Якуба Короля Посолъ его Дудли Диксъ а снимъ королевскихъ дворянъ шесть человѣкъ да людей посолскихъ и дворянскихъ трицать пять человѣкъ, а по Государеву Указу велено Послу постоять на Устюге великой и Өедору ѣхати отъ Москвы до Вологды и до Устюга великого и гдѣ встрѣтитъ аглинсково Посла, а приѣхавъ на Устюгъ обослатися аглинсково Посла сприставомъ которой снимъ приставъ идетъ отъ Архангелсково города чтобъ про него сказалъ Послу что онъ прислалъ кнему отъ Царскаго Величества...

[1]) Вмѣстѣ съ Додлеемъ Диггсомъ прибылъ изъ Англіи назначенный въ Персію вѣстникъ Джильсъ Опсъ или «Еилсъ Обсъ» (Giles Hobbes). Письмомъ отъ 23 іюля Диггсъ изъ Архангельска испросилъ для него у Михаила Өедоровича разрѣшеніе ѣхать туда чрезъ Астрахань.

[2]) Въ одномъ письмѣ, посланномъ въ 1619 году царю Михаилу Өедоровичу, сказано: Notwithstanding the reasons which he (Digges) gave for his excuse, the king took this contempt of his retorne so distastfully that (allbee the friends he could make) hee was presently commanded from the courte and so remaineth in his Majesties displeasure». При этомъ однакоже говорится, что, благодаря возвращенію Диггса, удалось получить чрезъ него извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Поляковъ въ Россіи, вслѣдствіе чего Яковъ I отказалъ королю Польскому въ заявленной какъ-разъ въ это время просьбѣ его о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ изъ Англіи и Шотландіи.

нѣсколько дней, долженъ былъ просидѣть въ тоуэрѣ. Сохранилось нѣсколько его позднѣйшихъ рѣчей; одна изъ нихъ, произнесенная имъ въ 1628 году: on the right and privilege of the subject, напечатана была въ 1642 году. Въ 1630 году, вѣроятно, чтобы задобрить его, ему обѣщано было доходное мѣсто Master of the Rolles, которое онъ однакоже получилъ только въ 1636 году. Онъ умеръ въ 1639 году и схороненъ въ Чильгемской церкви въ Кентѣ. До насъ дошли гравированный Г. Р. Кукомъ портретъ его, сдѣланный по картинѣ Корнелія Янсена, и другой меньшій портретъ его, писанный Mezzotinto, работы Вудборна. Въ грамотахъ, писанныхъ въ Архангельскѣ, онъ называется княземъ Дудлеемъ Ѳоминымъ Диксомъ. Считаю еще нужнымъ замѣтить, что въ Римеровыхъ Foedera (XVII, 257) уполномочіе, данное серу Додлею Диггсу при посылкѣ его въ Россію, отнесено не къ 1618, а 1620 году.

Федоръ Владиміровичъ Уваровъ сопровождалъ Томаса Финча, секретаря Томаса Лика, священника Ричарда Джемса и 14 другихъ лицъ изъ Вологды въ Москву, гдѣ это посольство принято было съ почетомъ 19-го января 1619 года и размѣщено въ Китай-Городѣ въ большомъ Посольскомъ Дворѣ.

Финчъ долго не соглашался, предъ аудіенціею у царя, быть у бояръ для требуемыхъ объясненій. Вмѣсто 100,000 руб., которыя надѣялись получить, выдано было только 40,000 талер. (крестовыхъ ефимковъ, вѣсомъ въ 5335 фунтовъ 36 золотниковъ), составлявшихъ, по тогдашнему счету, немногимъ болѣе 16,000 рублей [1]). 16-го марта (1619 г.) Финчъ и товарищи

[1]) Переговоры вели князья Григорій Петровичъ Ромодановскій (намѣстникъ Брянскій) и Григорій Константиновичъ Волконскій (намѣстникъ Каширскій). Предложенная сумма найдена была столь незначительною, что ее едва было не приняли, тѣмъ болѣе, что съ Поляками уже былъ заключенъ миръ. Въ іюлѣ 1619 года Михаилъ Ѳедоровичъ съ Финчемъ писалъ Якову I: «Мы были тоѣ казны и взять не хотѣли и дворянинъ вашъ Томасъ Финшъ и писарь Томасъ Лекъ боярамъ нашимъ говорили, толко мы тоѣ казны взять не велимъ и вашему Королевскому величеству отъ нашего Царскаго величества то будетъ не влюбовъ и мы великій Государь для вашие братские дружбы и любви чтобъ впередъ тѣмъ малымъ дѣломъ межъ насъ великихъ Государей нелюбя не было тоѣ казну сорокъ тысячъ ефимокъ у дворянина вашего, у Томаса Финша да вашего Государства у гостя у Фабина Ульянова да у писаря Томаса Лека на насъ взяти велѣли на время и прини-

его имѣли у Михаила Өедоровича первую аудіенцію, а 15-го іюля на прощаніе другую [1]). 20-го августа Англичане эти, въ сопровожденіи Ивана Өомича Сытина, отправились изъ Москвы въ Архангельскъ. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ Голландскій посолъ Исаакъ Масса, которому мы обязаны неоднократно упомянутой картой части нашего сѣвернаго побережья.

Находившійся при посольствѣ священникъ, докторъ Ричардъ Джемсъ, ученый и весьма старательный Оксфордецъ (въ Бодлеянской Библіотекѣ находится множество рукописей его, большею частію богословскаго содержанія), составилъ описаніе всему, что̀ видѣлъ въ Россіи въ 1618—1619 годахъ. Въ перечнѣ рукописей Джемса, составленномъ послѣ смерти его Таннеромъ, оно значится подъ слѣдующимъ заглавіемъ: An account of his (James's) travels into Russia, 8. in five sheets. Такъ какъ рукописи доктора Джемса куплены были Бодлеянскою Библіотекою, то я конечно въ ней сталъ искать описаніе его путешествія въ Россію,

маемъ то отъ васъ брата нашего влюбовъ и укрѣпленье». Упомянутый здѣсь Фабіанъ Смитъ (у насъ онъ назывался Фабиномъ Ульяновымъ), который былъ употребленъ посредникомъ при этомъ займѣ, назначенъ былъ послѣ Меррика агентомъ въ Россіи. Правительство наше часто брало у него вещи, въ которыхъ нуждалось. Въ 1614 году ему уплачены были деньги за поставленныя имъ желѣзныя пушки и ядра, оружія (240 пищалей ручныхъ да 11 пищалей затинныхъ съ ядрявцы и съ подсошки и съ фурмы), наконечники копій (320 копіецъ острожныхъ), сукно для раздачи войску въ Ярославлѣ и т. д. Во время пріѣзда сера Додлея Диггса, онъ находился въ Архангельскѣ. Послѣ смерти Смита, агентомъ въ Россіи былъ сначала Томасъ Вайчь (Wyche), а въ 1634 году, вмѣсто его, Ричардъ Свифтъ (Рыцарь Юрьевъ). Въ такъ называемомъ Ашмолевомъ музеѣ въ Оксфордѣ я нашелъ копію съ относящагося къ этому предмету письма Карла I къ Михаилу Өедоровичу отъ 31 іюля 1634 года. Свифта уже въ 1617 году король Яковъ посылалъ въ Москву, какъ это видно изъ письма царя, писаннаго въ сентябрѣ 1617 года и находящагося въ томъ-же музеѣ. Въ то время и находившійся при заключеніи мира съ Швеціею Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ отправленъ былъ въ Лондонъ съ дьякомъ Алексѣемъ Витовтовымъ.

[1]) Королевское посланіе, переданное царю Финчемъ и заключавшее въ себѣ полномочіе сера Додлея, было отъ 31 мая 1618 года. Князь Волконскій показывалъ царю подарки, привезенные посланникомъ. Къ сожалѣнію они не обозначены подробнѣе, а названы только «поминками». Въ Оружейномъ собраніи Его Императорскаго Величества въ Царскомъ Селѣ находится клинокъ сабли съ 1618 годомъ и портретами короля Якова I (ему въ то время было 53 года), сына его, принца Карла, принца Оранскаго Морица и Курфирста Пфальцскаго, Фридриха IV, зятя короля съ 1613 года.

но, не смотря на всѣ мои усилія, не могъ найти его и считаю себя вправѣ увѣрить, что въ настоящее время рукописи этой нѣтъ въ Бодлеянской Биліотекѣ. Можетъ быть она вовсе и не поступала туда или вскорѣ утеряна, потому что уже въ каталогѣ 1697 года у №. 43 Джемсовыхъ бумахъ отмѣчено, что его *недостаетъ*, а судя по Таннерову каталогу описаніе русскаго путешествія какъ-разъ должно было находиться въ этой связкѣ. Нельзя не пожалѣть объ этой потерѣ, потому что безъ сомнѣнія Джемсъ описалъ пріѣздъ Филарета въ Москву и посвященіе его въ патріархи. Вѣроятно со временемъ еще удастся гдѣ-нибудь въ Англіи отыскать эту рукопись, которая была бы весьма важна для изученія тогдашней Москвы.

Мнѣ удалось однакоже найти въ Оксфордѣ нѣкоторые матеріалы по части литературы, привезенные Джемсомъ изъ Россіи. Упомянемъ сначала о русскихъ пѣсняхъ тогдашняго времени. Одна изъ нихъ относится къ пріѣзду Филарета въ Москву и содержитъ слѣдующее: «Зрадовалося царство Московское и вся земля Святоруская. Умолилъ Государь православной Царь Князь Великій Михаило Ѳедоровичъ. А что скажутъ? Въѣхалъ Батюшка Государь Филаретъ Микитичъ изъ невѣрной земли изъ Литовской; съ собою вывезъ много Князей Бояръ; еще онъ вывезъ Государева Боярина Князя Михаила Борисовича Шейна. Съѣзжалися многіе Князи, Бояре и многіе власти ко силному Царству Московскому; хотятъ встрѣчать Филарета Микитича. Изъ славнаго града каменной Москвы не красное солнце катилося; пошелъ Государь встрѣчать своего Батюшка Государя Филарета Микитича. Згосударемъ пошелъ его Дядюшка Иванъ Микитичъ Бояринъ. Дай Споди здоровъ былъ Государъ мой Батюшка; а Батюшка Государь Филаретъ Микитичъ. А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ не пошли онѣ въ хоромы въ Царские; а пошли онѣ къ Пречистой Соборной пѣти честныхъ молебеновъ. Благословлялъ своего чада милаго. И дай Споди здоровъ былъ православный Царь Князь Великій Михаило Ѳедоровичъ; а ему здержати Царство Московское и вся земля Святорусская». Другая пѣсня относится къ 1605 году, т. е. къ неоднократно уже упомянутой, прекрасной и образованной, дочери царя Бориса Ѳедоровича, Ксеніи, названной въ иночествѣ Ольгою, для которой, по смерти дат-

скаго принца Іоанна, отыскивали жениха въ Англіи (въ семействѣ Гартфордовъ и Гунтингдоновъ), въ Австріи, Шлезвигъ-Голштиніи и даже въ Грузіи. Пѣснь эта начинается такимъ образомъ: «А плачетца на Москвѣ Царевна Борисовна Годунова. Ино Боже Спасъ милосердой, за что наше Царство погибло? За батюшковоли согрѣшенье? За матюшкиноли немоленье? А свѣты вы наши высокіе хоромы, кому вами будетъ владѣти послѣ нашего Царсково житья?» Далѣе слѣдуетъ: «А что ѣдетъ къ Москвѣ рострига, да хочетъ теремы ломати, меня хочетъ Царевну поимати, а на Устужну на Желѣзную отослати, меня хочетъ Царевну постричи и въ рѣшетчатой садъ засадити, ию охте мнѣ горевати, какъ мнѣ втемну келью ступити, у игумени благословитца.» Преступленіе, совершенное Розстригою надъ этою царевною, сдѣлало его для человѣчества на всегда отвратительнымъ существомъ. Третья пѣсня относится къ юному герою, князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, бывшему при царѣ Василіи главнымъ военачальникомъ арміи, неувядаемой красѣ отечества, служившему идеаломъ для своихъ воиновъ, внезапная смерть котораго (поздно вечеромъ 23-го апрѣля 1610 года) еще болѣе затруднила тогдашнее и безъ того уже запутанное положеніе дѣлъ. Пѣсня эта начинается такъ: «Ино что у насъ на Москвѣ учинилося, сполуночи у насъ въ колоколъ звонили... не стало у нась воеводы Васильевича Князя Михаила, а съѣзжалися Князи Бояре... Мстиславской... Воротынской... и между собою они слово говорили а говорили»... Джемсъ привезъ съ собою еще нѣсколько другихъ пѣсенъ. Одна изъ нихъ начинается слѣдующимъ образомъ: «Несильная туча затучилася. Мурзы»... Другая: «Бережечикъ зыблетца, да песочекъ сыплетца; ледочикъ ломитца, добры кони тонутъ: молотцы томятця»... Третья: «Сплачетца мала птичка бѣлая пелепелка, охте мнѣ»... Эти пѣсни имѣютъ особенное значеніе потому, что дошли до насъ безъ измѣненія въ томъ именно видѣ, въ какомъ записаны были для Джемса; весною 1620 года онѣ привезены были изъ Холмогоръ въ Англію, гдѣ лежали до сихъ поръ безъ употребленія. Что касается до древнихъ русскихъ пѣсней, напечатанныхъ у насъ въ послѣднее время, то мы не можемъ положительно опредѣлить ни время, ког-

да онѣ сложены, ни степень измѣненій, которымъ онѣ подверглись впослѣдствіе.

Считаю нужнымъ замѣтить, что Джемсъ оставался въ Россіи долѣе Финча и Лика. Посольство выѣхало изъ Москвы, какъ мы замѣтили, въ августѣ 1619 года; прибывъ въ Архангельскъ, оно узнало, что корабль, на которомъ ему слѣдовало ѣхать въ Англію, уже отплылъ вслѣдствіе поздняго времени года. Когда же послѣдній купеческій корабль, на которомъ оно хотѣло вернуться въ Англію, потерпѣлъ крушеніе по другую сторону мели, то оно, по потери большей части своихъ вещей, возвратилось въ Архангельскъ и Холмогоры. Финчъ и Ликъ съ двумя другими лицами отправились сухимъ путемъ (горою), а Джемсъ съ остальными провелъ всю зиму въ Холмогорахъ, гдѣ этотъ неутомимый Оксфордскій ученый старался изучить русскій языкъ.

Мнѣ удалось также отыскать собраніе русскихъ словъ съ обозначеніемъ значенія ихъ на англійскомъ языкѣ (a russian Vocabulary), привезенное Джемсомъ въ Англію. Изъ этого сборника видно, что въ то время англійскіе торговцы въ Россіи успѣли уже довольно хорошо ознакомиться съ русскимъ языкомъ. Многія животныя, растенія, снаряды и другіе предметы не только поименованы по-англійски, но и описаны довольно подробно. Такъ напр. при словѣ «Jitwonke» сказано: «Небольшія птицы величиною почти съ жаворонковъ, и съ такими-же длинными когтями; спина и брюшко того-же цвѣта, но по бокамъ головы у нихъ какъ бы два коротенькихъ рожка изъ черныхъ перьевъ, а на горлышкѣ черное пятно. Ноги и клювъ черноваты; на головѣ и шеѣ примѣсь желтаго цвѣта. На вкусъ они сходны съ жаворонками и очень жирны. 4-го октября (т. е. 1619 г.) въ Холмогорахъ мы съѣли 18 штукъ, которыя купили за 4 копѣйки; 6-го числа за 12 такихъ птицъ заплачено 3 копѣйки». Изъ этого описанія тотчасъ видно, что тутъ подразумѣвается студеная пташка или горный жаворонокъ (Alauda nivalis s. alpestris), и что въ то время эта птица называлась житвенкой, отъ жита, которымъ она питалась. При словѣ «Kinshal» отмѣчено: «Персидскій кортикъ. Таможенный чиновникъ въ Архангельскѣ обыкновенно хвастался тѣмъ, что онъ такимъ кинжаломъ закололъ Лжедмитрія». Къ сборнику этому въ Холмогорахъ сдѣланъ былъ кожаный переплетъ

съ узенькимъ ремешкомъ, которымъ книжечка, будучи свернута, обматывалась.

Сохранилась одна изъ проповѣдей доктора Джемса, говоренная имъ въ 1621 году въ Оксфордѣ, но напечатанная лишь въ 1630 году и посвященная серу Роберту Коттону. Замѣчательно, что въ ней Джемсъ говоритъ о пѣгой (пестрой) и сырной недѣляхъ, предшествующихъ великому посту. При этомъ онъ описываетъ, что ему привелось видѣть въ Москвѣ на масляницѣ (1619); разсказываетъ, что множество людей (scores of men) было убито въ пьяномъ видѣ и т. д. Въ одномъ стихотвореніи Джемса очень рѣзко описана Холмогорская женщина, Марія, у которой ему пришлось-было жить. Это сердечное изліяніе онъ озаглавилъ такъ: An execration on Marie of Colmogorod ia whose house I should have binne lodged if my man had not tould me the condicion of the place. Стихотвореніе начинается слѣдующимъ образомъ: A jailors wife and bawd and witch and hoare. Нѣкоторыя другія строфы его обращены къ Антонію Вайту (White) въ Оксфордѣ, который вслѣдствіе долгой отлучки его полагалъ, что онъ умеръ, и сочинилъ на него элегію.

На томъ-же кораблѣ, на которомъ прибыли въ Россію серъ Додлей Диггсъ, Традескантъ, докторъ Джемсъ и остальныя, вышеупомянутыя лица, находился и Шотландецъ, капитанъ Давидъ Гильбертъ. Этотъ Гильбертъ тоже самое лицо, которое, какъ я нашелъ въ Московскихъ архивахъ, поступило въ русскую службу при Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ вмѣстѣ съ Маржеретомъ, и съ нимъ-же находилось при первомъ Самозванцѣ въ охранной стражѣ его, состоявшей изъ иностранцевъ. Онъ былъ однимъ изъ 52 иностранцевъ, которыхъ второй Самозванецъ, въ 1610 году, по неосновательному подозрѣнію, безъ дальнѣйшаго слѣдствія хотѣлъ утопить въ Окѣ. Иностранцевъ этихъ уже загнали изъ Козельска по направленію къ Калугѣ до упомянутой рѣки, когда пасторъ Мартинъ Беръ и капитанъ Гильбертъ, еще съ тремя другими лицами, прапорщикомъ Томасомъ Морицеиомъ и двумя лифляндскими дворянами, Рейнгольдомъ фонъ Энгельгардъ и Іоганомъ фонъ Рененъ, рѣшились переѣхать черезъ Оку, и съ просьбою о помощи обратиться къ Маринѣ Мнишекъ, чрезъ посредство находив-

шихся при ней дѣвицъ. Ей дѣйствительно удалось спасти эти три невинно оклеветанныя лица. Впослѣдствіи Гильбертъ поступилъ на службу къ Полякамъ, но вскорѣ взятъ былъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву. Тогда серъ Джонъ Меррикъ, возвратившійся въ 1617 году въ Англію, убѣдилъ короля Якова вступиться за Гильберта предъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. Въ Tредесканто-Ашмолевскомъ музеѣ въ Оксфордѣ я нашелъ подлинную грамоту Михаила Θеодоровича, въ которой содержится отвѣтъ Якову и подробно описаны тяжкія преступленія Гильберта. Вслѣдствіе перехода своего къ Полякамъ, говорится въ ней, и вслѣдствіе участія во многихъ грабежахъ и кровопролитіяхъ въ Москвѣ и въ государствѣ онъ подлежитъ смертной казни, но вслѣдствіе ходатайства короля будетъ помилованъ и вмѣстѣ съ посланникомъ Волынскимъ, который въ 1617 году посланъ былъ въ Англію, можетъ отправиться на родину [1]). За тѣмъ, въ 1618 году, этотъ капитанъ Гильбертъ

---

[1]) Упомянутая русская грамота, найденная мною въ Оксфордѣ, очень повреждена. Въ ней сказано, что въ письмѣ короля Якова, которое поднесъ серъ Джонъ Меррикъ, утверждается, будто бы Гильбертъ былъ взятъ въ плѣнъ людьми Жолкѣвскаго и по принужденію вступилъ въ польскую службу, будто бы онъ, не причинивъ Русскимъ никакого вреда, послѣдними снова захваченъ и вотъ уже третій годъ, какъ содержится въ оковахъ. Король проситъ освободить его и дозволить ему возвратиться на родину или поступить въ русскую службу. За тѣмъ объясняется, что Гильбертъ былъ приглашенъ на службу къ царю Борису Θедоровичу, но при Шуйскомъ перешелъ сначала ко второму Самозванцу, а потомъ къ Полякамъ; приходилъ съ Жолкѣвскимъ въ Москву и впослѣдствіе взятъ въ плѣнъ Русскими. Въ 1836 году, разсматривая, съ Высочайшаго соизволенія, столбцы, хранящіеся въ архивѣ Московской Оружейной Палаты, я нашелъ, между прочимъ, что Давидъ Гильбертъ принятъ былъ въ военную службу Аѳанасіемъ Ивановичемъ Власевымъ (въ бытность послѣдняго за границею въ 1600 и 1601 годахъ), вмѣстѣ съ капитанами Яковомъ Маржеретомъ и Робертомъ Дунбаромъ, прапорщикомъ Яковомъ Гоккомъ и новокрещенцемъ Андреемъ Летомъ. При каждомъ отмѣчено, какое онъ получалъ жалованье. Въ то время (1836 г.) я открылъ также списки коронъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, которыя Поляки въ 1611 году увезли изъ царской казны въ Кремлѣ. Между ними, замѣтимъ кстати, находилась корона, которая предназначалась для Лжедимитрія, но еще не была окончена, гусарское сѣдло его, украшенное золотомъ и драгоцѣнными камнями, и кромѣ вышеупомянутаго, богато-убраннаго посоха «единорога» еще три обыкновенные зуба нарвала. Въ отысканныхъ мною документахъ каждый камень описанъ отдѣльно, съ обозначеніемъ

16*

съ сыномъ своимъ Томасомъ возвратился изъ Англіи, чтобы снова предложить царю свои услуги. На корабле онъ разсказывалъ Тредесканту, между прочимъ, объ удивительной неутомимости татарскихъ лошадей. Тредескантъ говоритъ: «Ther tartar horses be longe much like to the Barbery horses but of the best use of any in the knowne world for as I have heard Captaine Gilbert report that hathe long lived theare he had on whiche he hathe rod a wholl day together and at night hathe give him a littill provender and the next day hathe don the like and so for many dayes and yet he confessethe that he hathe not known seldom on of tire».

Во время бытности своей въ Англіи капитанъ Гильбертъ сообщилъ тамъ нѣкоторыя свѣдѣнія про перваго Самозванца. За нѣсколько дней до смерти (разсказывалъ онъ), а слѣдовательно и вскорѣ послѣ свадьбы своей (между тою и другою прошло всего 9 дней) Лжедимитрій имѣлъ ночью два видѣнья, которыя смутили его до того, что сначала онъ пришелъ къ Гильберту, въ караульню тѣлохранителей, а потомъ послалъ за своимъ домашнимъ секретаремъ Бучинскимъ.

Гильбертъ разсказывалъ въ Англіи также, что онъ получилъ отъ втораго Лжедимитрія письменное приглашеніе, подделанное подъ письмо перваго Самозванца. Отправившись къ нему съ своими гвардейцами, Гильбертъ изъ рѣчи, съ которою къ нему обратился новый Самозванецъ, замѣтилъ въ немъ самое подробное знакомство со всѣмъ, что происходило при первомъ Лжедимитріи, и вслѣдствіе меткихъ намековъ его на прежнія происшествія повѣрилъ бы, какъ увѣряетъ, въ тождество его съ этимъ Самозванцемъ, если бы самъ прежде лично не знавалъ хорошо послѣдняго.

По словамъ капитана Гильберта, первый Лжедимитрій былъ довольно статный мужчина, тогда какъ второй смотрѣлъ какимъ-то уродомъ (a very deformed wretch), отличавшимся отъ

его цѣны. Изъ дневника Маскѣвича мы знаемъ, что всѣ эти драгоцѣнности, взятыя изъ Кремля, въ 1611 году въ Польшѣ розданы были войскамъ. Простые зубы нарвала были распилены и отпускаемы по вѣсу; на долю Маскѣвича достались два лота.

него какъ день отъ ночи. Нужно однакоже припомнить, что у перваго Лжедимитрія Гильбертъ, какъ гвардейскій офицеръ, находился въ милости, второй же приказалъ было бросить его въ Оку. За тѣмъ Гильбертъ разсказывалъ, что онъ это мнѣніе свое прямо высказалъ польскому генералу, пришедшему со вторымъ Самозванцемъ (слѣдовательно гетману Рушинскому), и спросилъ его, какимъ образомъ онъ можетъ принимать этого втораго Дмитрія за одно лицо съ первымъ, отъ котораго онъ положительно отличается, но на это генералъ отвѣтилъ ему: «Это ничего не значитъ, капитанъ, онъ долженъ помочь намъ отомстить..... Русскимъ (it is no matter, Captaine, this Demetrius shall serve our turne to be revenged of the.... Russe).

Кромѣ капитана Гильберта и его сына, въ 1618 году съ Тредескантомъ пріѣхалъ въ Россію изъ Англіи еще шотландскій капитанъ Робертъ Карръ. Въ 1610 году этотъ Карръ командовалъ одною изъ тѣхъ шести ротъ британской кавалеріи, которыя въ несчастномъ дѣлѣ при Клушинѣ 24 іюня долѣе всѣхъ другихъ оставались на полѣ битвы. Отъ двѣнадцати до четырнадцати сотъ человѣкъ этихъ ротъ удерживали натискъ почти 8000 Поляковъ и три раза успѣли отразить ихъ нападенія, но на четвертый разъ были опрокинуты и разбиты. Карръ хотя и потерялъ, подобно прочимъ капитанамъ, всю свою роту, но былъ единственный изъ нихъ, который остался въ живыхъ и не былъ раненъ. Имена другихъ капитановъ были: Бенсонъ, Крель, Крейтонъ (Крихтонъ?) Кендрикъ и Іоркъ.

Молодой Гильбертъ (Томасъ) и капитанъ Карръ не остались въ Россіи, а возвратились въ Англію въ 1619 году; капитанъ же Гильбертъ остался у насъ.

Джесси де Квестеръ, также прибывшій въ Россію съ Тредескантомъ (см. ст. I, стр. 129), былъ вѣроятно сынъ того Метью де Квестера, котораго Яковъ I назначилъ почтмейстеромъ по части заграничной корреспонденціи, при первомъ учрежденіи этой должности. Де Квестеръ жилъ въ Лондонскомъ Сити, въ Фильпотъ-Ленѣ.

Сообщенныя мною свѣдѣнія, собранныя по случаю отысканія путеваго дневника Тредесканта, могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что дальнѣйшіе поиски въ англійскихъ архивахъ и сличеніе заключающихся въ нихъ извѣстій съ документами, хранящимися въ Москвѣ, могутъ повести къ открытію любопытныхъ и немаловажныхъ данныхъ для исторіи нашего отечества.

ПОПРАВКИ.

На стр. 79, въ 4-й строкѣ сверху, вмѣсто 1557 читай 1567.

На стр. 99, во 2-й строкѣ текста сверху, вмѣсто 1583 читай 1584.

На стр. 113, въ 9-ой строкѣ сверху, вмѣсто 1586 г. слѣдуетъ читать 1576 г.

На стр. 116, въ 3-й строкѣ снизу, вмѣсто Финчемомъ читай Френчемомъ (ср. стр. 229, примѣч.).

На стр. 155, въ 16 строкѣ сверху, вмѣсто Фердинандъ III читай Фердинандъ II.

На стр. 169, въ 15-й стр. сверху, вмѣсто мая читай иля.

На стр. 170, во 2-ой строкѣ снизу, вмѣсто мая читай марта.

На стр. 175, въ 1-й строкѣ снизу, вмѣсто мая читай марта.

На стр. 179, въ 1-й строкѣ снизу, вмѣсто 7038 читай 7033.

На стр. 219, въ 6-ой строкѣ сверху, вмѣсто Тоболь читай Тобольскъ.

На стр. 223, въ 19-ой строкѣ сверху, вмѣсто 1767 читай 1766.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I [1]).

Въ 1851 году, находясь въ Лондонѣ для осмотра промышленной выставки, я употребилъ часть своего времени на производство розысканій, какимъ собственно образомъ Ашмолю досталось Тредескантово собраніе (см. ст. I, стр. 124).

Мнѣ хотѣлось найти документъ, на которомъ въ 1659 году Ашмоль основывалъ право свое на Тредескантовы коллекціи, но такого документа не оказывалось. За то мнѣ удалось отыскать въ подлинникѣ настоящее завѣщаніе Тредесканта, о которомъ до того никому не было извѣстно. Оно составлено въ совершенно законной формѣ, подписано самимъ Тредескантомъ, съ приложеніемъ его печати и за подписью пяти свидѣтелей.

При этомъ я не мало обрадовался, что мнѣ наконецъ суждено было увидѣть собственноручную подпись одного изъ лицъ, составлявшихъ долгое время предметъ моихъ занятій, но долженъ замѣтить, что они назывались не Традескантъ, какъ мы полагали, а Тредескантъ (Tredescant). Въ самомъ завѣщаніи также почти вездѣ написано Tredescant. Правда, что въ такомъ видѣ напечатано это имя уже въ Ашмолевомъ Diarium и въ другихъ мѣстахъ, но я полагалъ, что это ошибки переписчиковъ или наборщиковъ, тѣмъ болѣе, что въ напечатанномъ въ 1656 году каталогѣ музея и растеній почти каждый разъ сказано Tradescant.

Печать Тредесканта оттиснута между слогами Tre и descant. Она изображаетъ три fleur-de-lys и совершенно сходна съ тою, которая въ печатномъ каталогѣ помѣщена въ большемъ размѣрѣ на особой таблицѣ передъ заглавіемъ.

---

[1]) Изъ Bullet. phys-mathém de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Petersbourg, t. X, № 11.

Выше (ст. I, стр. 130) я уже замѣтилъ, что имя Тредесканта прежде писалось и Tradeskin. По случаю похоронъ матери нашего завѣщателя, умершей въ 1634 году, въ счетной книгѣ церковнаго старшины въ St. Mary въ Ламбетѣ записано: «June 1. Received for burial of Jane, wife of John Tradeskin 12 s.», а при погребеніи самого Тредесканта (старшаго) въ 1638 году, въ той-же книгѣ отмѣчено: «John Tradeskin: ye great bell and black cloth 5 s. 4 d.»

Что касается до главнаго для насъ вопроса въ завѣщаніи, т. е. до распоряженія на счетъ музея, то въ немъ ясно и опредѣлительно сказано:

«Музей свой я завѣщаю любезнѣйшей моей женѣ Эсѳири Тредескантъ на время ея жизни, а по смерти ея завѣщаю его университетамъ Оксфордскому или Кембриджскому, смотря потому, кому изъ нихъ она при смерти своей почтетъ за нужное назначить его».

Завѣщаніе, которое неоднократно названо *последнею* волею, подписано 4 апрѣля 1661 года. Завѣщатель, Тредескантъ, умеръ съ небольшимъ чрезъ годъ, т. е. 22 апрѣля 1662 года, а 5 мая того-же года завѣщаніе это утверждено судебнымъ порядкомъ.

У Ашмоля же въ Diarium напечатано: 12 декабря 1659 года Тредескантъ и жена его сказали ему, что они долго думали о томъ, кому бы отдать музей послѣ своей смерти и наконецъ рѣшились ему завѣщать его. Два дня спустя (14 декабря) они поручили своему нотаріусу (Scrivener), составить объ этомъ документъ (a deed of gift), а черезъ слѣдующіе два дня (16-го; астрологъ прибавляетъ: 5 Hor. 30 minutes post merid.) они этотъ актъ, по приложеніи печати, передали ему.

Если бы это показаніе Ашмоля и было справедливо, то оно все-таки не имѣетъ значенія, такъ какъ въ найденномъ мною послѣднемъ завѣщаніи Тредесканта (1661 г.) сказано: «Наконецъ я опровергаю всѣ сдѣланныя мною прежде распоряженія и хочу, чтобы только это распоряженіе осталось въ силѣ, какъ послѣдняя моя воля и завѣщаніе, и чтобы кромѣ его не было другаго. Въ удостовѣреніе чего я, Джонъ Тредескантъ, эту мою послѣднюю волю и завѣщаніе подписываю собственноручно, съ приложеніемъ моей печати».

Въ Diarium своемъ Ашмоль говоритъ, что послѣ смерти Тредесканта въ 1662 году онъ подалъ судебнымъ порядкомъ жалобу на вдову на счетъ собраній, которыя мужъ ея завѣщалъ ему; 18 мая 1664 года Ашмолемъ отмѣчено, что въ этотъ день прошеніе его слушалось въ судѣ.

Вліяніе Ашмоля одержало верхъ надъ правомъ вдовы Тредесканта: судъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, и отдалъ въ распоряженіе его всѣ коллекціи Тредесканта.

Спрашивается однакоже: всѣ ли по крайней мѣрѣ предметы, упомянутые въ каталогѣ, Ашмоль дѣйствительно передалъ Оксфордскому университету? Къ сожалѣнію, кажется, большая часть ихъ, чуть ли не вся, исчезла.

Не говоря о многихъ другихъ, болѣе научныхъ, предметахъ, я бы охотно взглянулъ и на упомянутыя мною (ст. I, стр. 150) вещи, привезенныя Тредескантомъ въ 1618 году изъ Россіи, но не нашелъ рѣшительно ни одной изъ нихъ!

II [1]).

Такъ какъ господствуетъ мнѣніе, что вслѣдствіе прошенія 1555 года царь Іоаннъ Васильевичъ тотчасъ, особою грамотою того-же года, утвердилъ за Англичанами совершенно свободную торговлю безъ таможенныхъ пошлинъ и податей и предоставилъ имъ множество выгодъ, то я во время прежняго моего пребыванія въ Англіи всячески старался отыскать положительныя доказательства на это, но не успѣлъ найти ихъ (см. ст. I, стр. 52).

То, что считалось привиллегіею, дарованною Лондонской Компаніи въ 1555 году и въ такомъ смыслѣ напечатано у Гаклейта, сначала въ 1589, а потомъ снова въ 1599 году, по моему мнѣнію написано самими Англичанами. Я всегда считалъ его за проектъ привиллегіи, какую компанія желала получить, написанный, можетъ быть, уже въ Лондонѣ.

Въ послѣднюю мою поѣздку мнѣ удалось найти въ Англіи переводъ царской привиллегіи, содержаніе которой здѣсь и сообщаю. Изъ нея видно, что царь Іоаннъ Васильевичъ сдѣлалъ въ пользу Англіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько рѣшились просить уполномоченные Компаніи.

Въ привиллегіи, данной въ декабрѣ 1555 года въ пользу Лондонской Компаніи, поименованы: Ричардъ Чанслеръ, Джорджъ Киллингвортъ, Ричардъ Грей, директоръ Компаніи: Себастіанъ Каботъ и четыре совѣтника ея: серъ Джорджъ Барнсъ, Вилліамъ Гарретъ (впослѣдствіе Гаррардъ), Антони Гуссей и Джонъ Соуткотъ.

Членамъ Компаніи дозволено приходить на судахъ къ Двинѣ и оттуда привозить товары свои въ Москву.

Тутъ они вправѣ продавать или мѣнять всѣ возможные товары, оптомъ или въ разницу, какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ.

Имъ разрѣшено держать въ своемъ домѣ въ Москвѣ мѣры и вѣсы, съ царскимъ клеймомъ.

Въ случаѣ, если они пожелаютъ продавать товары въ Вологдѣ или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Россіи, то и на это получаютъ разрѣшеніе.

Никакой таможенный чиновникъ въ Россіи, гдѣбы то ни было, не долженъ задерживать, осматривать или обыскивать ихъ товары.

---

[1]) Извлечено изъ статьи, помѣщенной въ особомъ приложеніи къ St. Petersburger Zeitung за 1857 годъ, № 43. См. также С.-Петербургскія Вѣдомости за 1857 годъ, № 46.

Ни за какіе товары, привезенные въ Россію, они не обязаны платить таможенныхъ пошлинъ.

Если Англичанинъ пожелаетъ оставить Россію, то ему слѣдуетъ объявить объ этомъ одному только царскому казначею. Съ товаровъ, которые онъ возьметъ съ собою, также не слѣдуетъ взимать таможенныхъ пошлинъ.

Буде англійское судно потерпитъ на морѣ крушеніе и какія-нибудь вещи съ него будутъ прибиты къ берегу, то, по повелѣнію Царя, онѣ должны быть возвращены англійскимъ купцамъ. Но если какъ разъ въ то время не окажется въ Россіи ни одного Англичанина, то вещи должны быть сложены въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ и отданы владѣльцу, когда онъ явится за ними.

Въ знакъ особаго своего благоволенія къ Англичанамъ Царь даритъ имъ, по собственному побужденію, домъ, принадлежавшій прежде Георгу, близъ церкви Св. Максима, неподалеку отъ торговыхъ рядовъ.

За этотъ домъ Англичане не обязаны платить никакихъ податей.

Управлять имъ можетъ, по усмотрѣнію, Англичанинъ, либо другой иностранецъ, либо Русскій.

Но въ домѣ Англичанъ можетъ проживать не болѣе *одного* Русскаго.

Англійскимъ купцамъ предоставляется право купить домъ въ Вологдѣ и въ Холмогорахъ.

Тамъ, гдѣ они найдутъ удобную пристань для своихъ судовъ, они могутъ устроить складочное мѣсто для своихъ товаровъ.

И здѣсь они могутъ держать управляющаго изъ какой угодно націи, но также не болѣе *одного* Русскаго.

Царскіе начальники въ Холмогорахъ и на Двинѣ, равно какъ и въ Вологдѣ, не смѣютъ вмѣшиваться въ дѣла и торговыя сношенія Англичанъ или дѣлать имъ препятствія; ни въ какомъ случаѣ они не должны также судить русскихъ купцовъ.

Если Лондонская Компанія пошлетъ кого-либо вѣстникомъ или агентомъ въ Россію, безъ товаровъ, то ему дозволяется въѣздъ повсюду, гдѣ бы онъ ни пожелалъ.

Если лица изъ другихъ странъ станутъ соперничать съ Англичанами въ торговлѣ или будутъ стараться вредить ей, то царскій казначей обязанъ разсудить дѣло.

Въ случаѣ нанесенія обидъ, съ Англичанами будутъ обходиться ничуть не менѣе справедливо, чѣмъ съ лицами другихъ націй.

То, чего нельзя будетъ рѣшить судомъ, должно быть разрѣшаемо присягой.

Не доказываетъ ли эта привиллегія, что первые прибывшіе къ намъ Англичане могли быть довольны пріемомъ, который имъ былъ сдѣланъ, и покровительствомъ, которое оказано ихъ торговымъ цѣлямъ и предпріятіямъ въ Россіи?

Недоумѣніе, почему столь важный документъ въ отношеніи свободной

торговли, какъ нынѣ мною найденный, не былъ въ свое время обнародованъ въ Англіи, объясняется тѣмъ, что Чанслеръ и почти всѣ его спутники, у которыхъ, подобно ему, могли быть копіи съ этого акта, поглощены моремъ, какъ мы видѣли (ст. I, стр. 57), въ 1556 году на пути изъ Россіи въ Англію, не только со всѣмъ ихъ имуществомъ, но и съ кораблями.

Въ настоящее время я долженъ объявить подложнымъ тотъ актъ, который Гаклейтъ въ обоихъ изданіяхъ своихъ «Principal Navigations» издалъ подъ названіемъ первой привиллегіи, дарованной въ 1555 году англійскимъ купцамъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, и который считался таковою въ теченіе 268 лѣтъ.

Пока я не видѣлъ описаннаго здѣсь перевода первой царской привиллегіи, я никакъ не могъ узнать, когда именно и какимъ образомъ Англичане получили въ Москвѣ домъ и чей это былъ домъ.

Теперь мы знаемъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ имъ его немедленно по прибытіи первыхъ агентовъ Лондонской Компаніи, въ 1555 году.

Изъ позднѣйшей, найденной въ Англіи, русской льготной грамоты на пергаментѣ, мнѣ было извѣстно, что этотъ домъ назывался Юшковскимъ дворомъ. Но чтó означало это названіе?

Въ англійскихъ рукописныхъ переводахъ нѣсколькихъ (и у насъ уже не существующихъ) царскихъ привиллегій слово «Юшковъ» до того искажено, что, не зная заранѣе смысла его, никакъ нельзя было угадать, чтó бы оно значило.

Въ другомъ англійскомъ переводѣ сказано Uri, чтó означало Юрій. Такимъ образомъ слѣдовало полагать, что Юшко произведено отъ слова Юрія, какъ уменьшительная форма этого имени. Найденный мною недавно и сообщенный выше переводъ подтверждаетъ такое заключеніе, потому что въ немъ сказано: Георгъ, т. е. опять таки Юрій.

На этомъ основаніи позволяю себѣ думать, что домъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ прежде Греку Юрію Траханіоту, который въ 1472 году прибылъ изъ Рима въ Москву съ отцомъ и дядей, въ свитѣ невѣсты Великаго Князя Іоанна Васильевича и племянницы послѣдняго греческаго императора, Софіи (см. ст. I, стр. 174).

По смерти его, домъ этотъ вѣроятно продолжали называть его именемъ, т. е. Юшковскимъ.

Говорю я нѣсколько подробно о домѣ Англичанъ въ Москвѣ потому, что онъ находился на Варваркѣ, возлѣ самой церкви Св. Максима и очень близко отъ дома Никиты Романовича Юрьева-Романова, дѣда Михаила Ѳедоровича и родоначальника нашей Императорской фамиліи. По Высочайшему повелѣнію этотъ послѣдній домъ теперь вновь отдѣланъ, въ память фамиліи Романовыхъ [1]).

---

[1]) Въ 17-й тетради «Русской Старины въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» свѣдѣнія, сообщенныя мною относительно дома бояръ

III [1])

Извѣстно, что попытка Дженкинсона (1558 — 1559 г.) пробраться въ Китай, чрезъ Астрахань, Каспійское море и Бухару не удалась [2]).

За тѣмъ Лондонская Компанія въ 1580 году снарядила экспедицію, которая должна была попытаться проникнуть какъ можно дальше на востокъ отъ Новой Земли, чтобъ такимъ путемъ достигнуть Китая. Для этой экспедиціи начальники Компаніи изготовили особую инструкцію. Другія инструкціи составили еще Вильямъ Борро и Джонъ Ди, которые прибавили къ нимъ еще небольшія карты. Инструкціи эти заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, потому что показываютъ, какія въ то время господствовали понятія о берегахъ Сѣвернаго океана.

Двоюродный братъ извѣстнаго Гаклейта составилъ также наставленія для этой поѣздки и нѣкоторыя предложенія относительно вещей, которыя надобно было взять съ собою или пріобрѣсти. Даже Гергардъ Меркаторъ писалъ изъ Дюисбурга Гаклейту на счетъ этой поѣздки, но письмо его прибыло лишь тогда, когда корабли уже отплыли. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что поѣздка къ востоку (на сѣверѣ) въ Китай не представляетъ затрудненій, и что онъ удивляется, какъ Англичане, начавъ дѣло это такъ хорошо, не продолжали подвигаться дальше въ этомъ направленіи, а повернули на западъ.

Компанія назначила въ эту экспедицію два небольшихъ корабля, одинъ «George» подъ начальствомъ Артура Пета, при которомъ находились еще Николай Чанслеръ въ качествѣ помощника и Ю Смитъ, а другой «William» подъ командою Чарльса Джекмана, помощникомъ котораго опредѣленъ Джорджъ Спарроу (Sparrow). На Петовомъ кораблѣ находилось 10, а на Джекмановомъ 6 матросовъ.

Какъ Джекману, такъ и Пету дано было по открытому латинскому письму, подписанному королевою Елизаветою и съ приложеніемъ ея

Романовыхъ и дома Англичанъ, сильно искажены. Въ ней говорится, что мѣстность, въ которой находились эти два дома, опредѣлилъ въ 1618 году Традескантъ Старшій, какъ очевидецъ. Между тѣмъ этотъ собиратель естественныхъ произведеній вовсе не былъ въ Москвѣ, а пріѣзжалъ только въ Архангельскъ и его окрестности, вѣроятно никогда ничего не слышалъ о домѣ бояръ Романовыхъ и ни слова не говоритъ объ этихъ двухъ домахъ.

Далѣе, тамъ-же говорится, что подобно Традесканту, дома эти описалъ Горсей въ 1586 году. Это также невѣрно. (Изъ примѣчанія къ статьѣ Гамеля, помѣщенной въ Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb. t. I, p. 497 —507).

[1]) Изъ статьи, напечатанной въ Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. t. I, p. 497 — 507.

[2]) См. ст. I, стр. 68 — 69.

печати, для передачи Китайскому Императору и предъявленія, буде нужно, высшимъ должностнымъ лицамъ.

Экспедиція пробралась въ Карское море, но по случаю множества льда должна была вернуться оттуда. 26 іюля Джекманъ (какъ разсказывалъ онъ при совѣщаніи, происходившемъ на слѣдующій день на кораблѣ Пета), пройдя уже Вайгачскій проливъ и находясь въ Карскомъ морѣ, видѣлъ землю въ востоко-сѣверо-восточномъ направленіи. Это могло быть ничто иное, какъ большая коса, которая отдѣляетъ Карское море отъ Обскаго залива и по которой наши Холмогорскіе и Пустозерскіе промышленники обыкновенно отправлялись къ Оби. Этой косѣ на нѣкоторыхъ картахъ дано названіе Ialmal, которое иными производилось отъ слова Ia (земля) и Mal (конецъ), но по-видимому произошло оттого, что въ 1664 году, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 217), нѣкто Корнелисъ Іелмертсъ, находившійся на кораблѣ китолова Виллема де-Флямингъ, обогнувъ сѣверовосточную оконечность Матюшиной земли, вдали, какъ увѣрялъ, увидѣлъ сушу. На этомъ основаніи, впервые на одной голландской картѣ, Диркъ Рембранцъ фанъ-Ниропъ назвалъ Обскую косу «Ielmer Land». Но вѣроятно суша, которую въ 1664 году видѣли съ корабля Фламинга, была прибрежье, лежащее далѣе къ востоку. Во всякомъ случаѣ Джекманъ увидѣлъ и упомянулъ Обскую косу уже за 68 лѣтъ ранѣе Іелмертса, и потому ее скорѣе можно бы было назвать «Джекманскою землею».

Множество льда, которымъ корабли окружены были въ началѣ августа, не позволило имъ тотчасъ-же пуститься въ обратный путь. При этомъ плаваніи, у острова Колгуева, во время сильнаго тумана, корабль «George» потерялъ изъ виду своего спутника «William» и за тѣмъ уже болѣе съ нимъ не встрѣчался. Корабль Пета въ концѣ декабря благополучно возвратился въ Англію; что же касается Джекмана, равно какъ спутниковъ и корабля его, то они пропали безъ вѣсти. Никто не пытался узнать, что съ ними случилось.

Я не только предполагаю, но даже увѣренъ, что мнѣ удалось прослѣдить судьбу его.

Въ 1584 году промышленники, часто ѣздившіе изъ Холмогоръ къ Печорѣ и другимъ мѣстамъ на востокъ, въ письмѣ къ англійскому агенту въ Москвѣ, Антонію Маршу, отвѣчая на запросъ его насчетъ плаванія къ востоку, замѣтили между прочимъ, что при устьѣ разбился англійскій корабль и что Самоѣды убили находившійся на немъ экипажъ, полагая, что ихъ хотятъ ограбить или покорить.

Въ 1611 году Англичанинъ Джосіасъ Логанъ, посланный въ то время въ Пустозерскъ, неподалеку отъ рѣки Печоры, для того чтобы, буде возможно, завести тамъ прямыя торговыя сношенія съ Англіею (см. выше, стр. 192), писалъ Гаклейту въ Лондонъ, между прочимъ, что по словамъ Самоѣдовъ, слышаннымъ однимъ Русскимъ, открыты были скоро-

ненные въ пескѣ «Нѣмцы», и у одного изъ покойниковъ въ карманѣ найдены записные листочки. Покойникъ этотъ, можетъ быть, былъ самъ Джекманъ.

Считаю необходимымъ упомянуть при этомъ, что по мнѣнію А. Шренка, [1]) упомянутые въ письмѣ Логана покойники были трупы матросовъ, находившихся на одномъ изъ кораблей несчастнаго Уилльби. Можно сказать положительно, что это не такъ. Мы знаемъ, что оба корабля Уилльби, которые въ 1556 году въ Нокуевскомъ заливѣ, на Лапландскомъ берегу запаслись новымъ экипажемъ, объѣхали Нордканъ. Одинъ изъ нихъ, «Bona Confidentia», разбился о скалу у Дронтгеймскаго фіорда и погибъ со всѣмъ грузомъ и экипажемъ; другой «Bona Esperanza», на которомъ умеръ Уилльби, а въ 1556 г. плыли русскіе купцы, пропалъ безъ вѣсти по уходѣ изъ упомянутаго фіорда (стр. 56—57). Къ рѣкѣ Оби корабль, плывшій въ Англію, навѣрное не ходилъ [2]).

Что въ 1581 году англійскій корабль дѣйствительно приходилъ въ Обь, подтверждается слѣдующимъ извѣстіемъ: по словамъ Горсея, состоявшаго съ 1572 до 1591 г. сначала въ Москвѣ при факторіи, а потомъ и при другихъ дѣлахъ [3]), привезенный въ Москву «сибирскій царь»

---

[1]) Въ Описаніи его ботанической поѣздки по землѣ Самоѣдовъ, къ которому приложены нѣмецкіе переводы напечатанныхъ у Порчеза старинныхъ англійскихъ путевыхъ донесеній.

[2]) По мнѣнію А. Шренка, Уилльби былъ занесенъ на Лапландскій берегъ «Бѣлаго Моря», тогда какъ онъ пріѣхалъ въ заливъ Сѣвернаго океана. Чанслеръ, говоритъ онъ, присталъ къ берегу у Архангельска, между тѣмъ какъ городъ этотъ былъ основанъ лишь 30 лѣтъ спустя, при монастырѣ архангела Михаила, подъ именемъ Новыхъ Холмогоръ. Вильямъ Гордонъ «изъ Гулля», ѣздившій въ Печорскій край сначала съ Логаномъ, въ качествѣ лоцмана, названъ г. Гуллемъ.

[3]) Между прочимъ Горсею предложили уговорить отправиться въ Москву жившую въ Ригѣ Марію Владиміровну, близкую родственницу царя и вдову Магнуса, эфемернаго короля Лифляндскаго. Я уже сказалъ (ст. I, стр. 117), что Горсей написалъ для сына Никиты Романовича, Өедора Никитича русскими буквами нѣчто въ родѣ латинской грамматики. Хотя это вѣроятно было очень жалкое произведеніе (вмѣсто scis и nescis онъ написалъ sis и nesis, а въ англійскихъ словахъ, которыя онъ передалъ русскими буквами, онъ вмѣсто п ставилъ р, напр. консертион вм. conception; см. ст. I, стр. 115), но въ этомъ случаѣ для насъ интересно видѣть изъ словъ Горсея, что молодой князь любилъ заниматься латинскимъ языкомъ и въ то время жилъ у отца въ Китай-городѣ, на Варваркѣ. Мы не имѣемъ никакихъ отечественныхъ извѣстій о молодыхъ годахъ Өедора Никитича и при изданіи Описанія «Россійскаго Царственнаго Дома Романовыхъ» (1852) высказано было сожалѣніе, что у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о юности Өедора Никитича и что намъ не извѣстно, гдѣ онъ въ то время жилъ. Въ «Русской Старинѣ», гдѣ моя замѣтка о Горсеѣ искажена, неправильно сказано, что «прикащикъ подворья Англин-

говорилъ ему, что за два года передъ тѣмъ захваченъ былъ корабль съ такими-же какъ онъ (Горсей) людьми, съ пушками, порохомъ и товарами, хотѣвшій проѣхать мимо Оби въ Китай [1]).

Подъ «сибирскимъ царемъ» нельзя разумѣть никого другаго, какъ сибирскаго царевича Маметкула, котораго Ермакъ въ 1583 — 1584 г. отправилъ въ Москву [2]).

Извѣстно, что корабль Джекмана въ октябрѣ 1580 года вошелъ въ одну Норвежскую гавань для зимовки, и оттуда отправился въ февралѣ 1581 года. По всей вѣроятности Джекманъ въ 1581 году снова хотѣлъ попытаться проникнуть дальше на востокъ. Уже въ 1580 году на Темзѣ онъ запасся провіантомъ на 2 или собственно на $2^1/_2$ года; притомъ экспедиціи было предписано, если нельзя будетъ проникнуть на первый годъ въ Китай и окажется необходимымъ прозимовать въ гавани, то пробраться какъ можно ближе къ Оби и на слѣдующее лѣто возобновить попытку проникнуть далѣе, въ случаѣ же новой неудачи подняться вверхъ по Оби и доплыть до города «Siberia» или другаго населеннаго мѣста, гдѣ бы можно было провести другую зиму [3]).

скаго (его называютъ также просто «учителемъ») давалъ уроки въ Латинскомъ языкѣ юному Ѳедору Никитичу.» За тѣмъ тамъ-же говорится, что Горсей описалъ намъ даже методу преподаванія. Все это вывели изъ коротенькой замѣтки, помѣщенной мною въ статьѣ о Традескантѣ. Чтобы показать, что она правильна, я сообщаю тутъ выписки изъ рукописи Горсея, которою я пользовался въ Лондонѣ. Горсей говоритъ: «Feodor Meketawich of great hope and exраectancie for whom I made a Latten grammor as well as I could in the Sclawonian carector in which he toke great delight, was now inforced to marrie» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ почти тоже самое: «His pleasur was owt of his love in his yong years to have me make in the Sclavonian carrector in Latten wordes and phraises a kynde of grammer wherein he took great delight.»

1) «I heerd him tell he had som Englishmen in his countrie at leastways such men of countenance as I was taken with a ship ordinance powder ant other riches but two years befor that would have passed the river Ob to seek Catay by the North Sea». (Изъ находящейся въ Лондонѣ рукописи Горсея, которая въ 1856 году издана Гаклейтовымъ Обществомъ).

2) Маметкулъ, какъ извѣстно, называется у насъ то сыномъ, то племянникомъ Кучума. Что онъ не былъ его сыномъ, видно, кажется, уже изъ того, что, находясь въ Москвѣ, называлъ себя Алтауловичемъ, а такъ какъ Алтаулъ было имя брата Кучумова, то Маметкулъ былъ племянникъ Кучума. Повидимому Горсей вспомнилъ о бывшемъ Казанскомъ царѣ «Schich Alick», и тутъ, путаясь, неправильно помѣстилъ его имя. Подъ подобнымъ-же названіемъ «Chigaley Mursoye» онъ упоминаетъ о Крымскомъ ханѣ Девлетъ-Гиреѣ, который въ 1571 году съ огнемъ и мечемъ проникъ до Москвы. У Порчеза, напечатавшаго извлеченіе изъ рукописи Горсея, вмѣсто Маметкула сказано «Chiglicaloth».

3) Уже братьямъ Борро въ 1556 году поручено было пробраться до Оби. Но такъ какъ имъ это не удалось, то директоры Лондонской Компаніи на слѣ-

Слѣдовательно, корабль Джекмана прибылъ въ Обь какъ разъ въ то время, когда Ермакъ, при содѣйствіи Строгановыхъ, вторгнулся чрезъ Уралъ въ Сибирь. Могли думать, что появленіе корабля съ моря находится въ связи со вторженіемъ Ермака, а потому и убили его вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ людьми. Такимъ образомъ Джекманъ и экипажъ его погибли вслѣдствіе завоеванія Сибири — этого перваго шага въ «золотодонный» край и къ Амуру.

Мнѣ удалось отыскать въ Лондонѣ два путевыхъ журнала, веденныхъ на Петовомъ кораблѣ Ю Смитомъ и Николаемъ Чанслеромъ. Журналъ Ю Смита — погибшаго три года спустя вслѣдствіе кораблекрушенія на берегу Гвіаны — отпечатанъ въ обоихъ изданіяхъ Гаклейтова Сборника, а журналъ Чанслера помѣщенъ только въ первомъ рѣдкомъ изданіи 1589 года, да притомъ съ большими пропусками, чѣмъ дневникъ Смита.

Кромѣ того я нашелъ рисунокъ, слегка перомъ начерченный Ю Смитомъ на листкѣ бумаги, который впослѣдствіе сбоку нѣсколько поврежденъ огнемъ. Такъ какъ на рисункѣ этомъ видно положеніе обоихъ кораблей «George» и «William» въ началѣ августа 1580 года по ту сторону Новой Земли въ Карскомъ морѣ, когда они уже рѣшились вернуться, то я распорядился снятіемъ его и гравировкою на мѣди [1]). Онъ интересенъ какъ въ томъ отношеніи, что изображенные на немъ корабли были первые, которымъ удалось пробраться на востокъ за Вайгачъ, такъ и потому что съ посылкою ихъ прекратилось стремленіе Англичанъ этимъ путемъ, т. е. мимо Вайгача, на сѣверо-востокѣ пробраться въ Китай.

дующую весну (1557 г.) предписали имъ въ іюнѣ снова предпринять поѣздку къ Оби.

Я уже замѣтилъ, что на картѣ, приложенной къ Герберштейновой Moscovia, Обь вытекаетъ изъ большаго озера «Kithay Lacus». Неподалеку отъ него отмѣчена «Cumbalick regia in Kytay», т. е. столица Канбалу (Khanbaligh). При составленіи раннихъ англійскихъ проектовъ для поѣздокъ въ Китай это могло обратить особенное вниманіе на Обь.

[1]) Рисунокъ этотъ приложенъ къ подлинной статьѣ Гамеля, помѣщенной въ Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. t. I, p. 497—507.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Годъ. мѣсяцъ и число.	
1489 въ мартѣ.	Іоаннъ Васильевичъ отправилъ къ имп. Фердинанду и кор. Римскому Максимиліану Ю. М. Траханіота, съ Ив. Халѣпою и Конст. Аксентьевымъ...... 156.
1490 въ началѣ.	Дмитрій и Мануилъ Ралевы возвратились въ Москву съ братомъ вел. княгини Софіи, лѣкаремъ Лео, и нѣсколькими мастерами и ремесленниками.............. 175.
весною.	Обнародовано было (Шведами) письмо изъ Кеми, которымъ призывался каждый возстать противъ Россіи...... 161.
6 марта.	Умеръ царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ............. 175.
22 апрѣля.	Лѣкарю Лео отрублена голова за то, что пользуемый имъ царевичъ Іоаннъ умеръ...... .... 175.
въ іюлѣ.	Ю. Траханіотъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ Георгомъ Торномъ и привезъ съ собою письмо отъ Римскаго короля Максимиліана...................... 156.
въ августѣ.	Ю. Траханіотъ и докторъ Торнъ отправились обратно въ Германію. Первому былъ приданъ дьякъ Вас. Кулешинъ.................................. 156.
1491	М. И. Ралевъ привезъ изъ чужихъ краевъ двухъ мастеровъ горнаго дѣла, съ которыми отправленъ къ верховьямъ Цыльмы............................ 176. 204.
въ концѣ.	Ю. Траханіотъ и Кулешинъ возвратились въ Москву, а вскорѣ послѣ того и Торнъ.............. 156 157.
1492	Построена крѣпость Ивангородъ, противъ Нарвы..... 161.
	Въ Москву пріѣзжалъ Мих. Снупсъ, чтобы отправиться на Обь и осмотрѣть тамошній край въ ученомъ отношеніи. 35.
въ началѣ.	Архіепископъ Новгородскій и Псковскій Геннадій поручилъ Греку Дмитрію (вѣроятно Дм. Ман. Траханіоту) разсмотрѣть вопросы 1) о трегубой аллилуіи, 2) о славянскомъ переводѣ 1-го стиха XXXII псалма, и 3) о вычисленіи семитысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра.............. 173.
весною.	Торнъ возвратился въ Германію; вскорѣ послѣ того отправленъ туда Юрій Траханіотъ съ двумя дьяками, Мих. Яропкинымъ и Ив. Курицынымъ........... .. 157.
1493	Вас. Далматовъ участвовалъ въ посольствѣ по поводу задуманнаго брака Іоанновой дочери съ Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ........................... 157.
въ іюнѣ.	Юр. Траханіотъ съ Яропкинымъ и Курицынымъ воротились въ Москву.......................... 157.
въ іюлѣ.	Прибылъ въ Москву Датскій посланникъ Іоаннъ Якобсонъ................................ 158. 164.
	Ралевъ отправленъ къ Датскому королю Іоанну, съ дьякомъ Дмитріемъ Зайцевымъ и Датскимъ посломъ Іоанномъ Якобсономъ для заключенія союза съ Даніей................................ 161. 176.
8 ноября.	Русскими заключенъ въ Копенгагенѣ трактатъ, по которому Датск. король Іоаннъ обѣщалъ Россіи помощь противъ Литовскаго князя........................... 162.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1495	Прибылъ въ Новгородъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ.. 163.
въ концѣ.	Подъ Выборгомъ стояло русское войско............ 163.
1496	Шведскій флотъ приплылъ изъ Стокгольма къ Ивангороду близъ Нарвы.................................. 163.
	Гр. Истома съ Шотландцемъ Давидомъ совершилъ путешествіе изъ Двины, чрезъ Бѣлое море и Сѣв. Океанъ вокругъ Мурманскаго мыса, въ Дронтгеймъ. Потомъ въ этомъ-же направленіи Власій ѣздилъ въ Бергенъ.................... 12—15, 162—3, 167, 170.
въ февралѣ.	Въ юго-западной части Финляндіи показались русскія войска изъ Новгорода.............................. 163.
5 марта.	Генрихъ VII выдалъ на имя Джіованни Кабота и трехъ его сыновей патентъ на сѣверо-западное плаваніе, ознакомившее Европу съ сѣверомъ Америки........... 3.
въ мартѣ.	Русскія войска воротились изъ Финляндіи въ Новгородъ. Въ это-же время новая рать, подъ начальствомъ князей Ушатыхъ, двинулась въ нынѣшнюю Улеоборгскую губернію.. 163.
въ іюлѣ.	Часть этого войска доходила южнѣе, въ нынѣшнія Куопіоскую и Выборгскую губерніи................ 160.
1497 24 іюня.	Себастіанъ Каботъ открываетъ Сѣверную Америку ..2—3.
1499	Іоаннъ Васильевичъ извѣстилъ Датскаго короля Іоанна о желаніи имѣть дочь его Елизавету за сыномъ своимъ, вел. княземъ Василіемъ; для этого отправлено было въ Москву Датское посольство, состоявшее изъ магистра Іоанна Андерсона, доктора Андр. Христенсона и магистра Андр. Глоба..................... 164, 166.
въ мартѣ.	Дмитр. Иван. Ралевъ былъ отправленъ съ Митрофаномъ Карачаровымъ, чрезъ Краковъ и Венгрію, въ Италію, для вызова въ Россію архитектора, литейщика и другихъ мастеровъ.................................... 176.
въ мартѣ.	Алекс. Яковл. Голохвастовъ съ нѣсколькими московскими купцами спустился по Дону къ Азову и отплылъ Чернымъ моремъ въ Константинополь, чтобы испросить тамъ покровительства нашей торговлѣ............... 176.
около **1500**	Князья Ушатый и Курбскій отправились въ походъ противъ Югорцевъ.................................. 201.
	Дм. Ралевъ въ письмѣ къ Геннадію изъ Рима доставилъ историческую статью о бѣломъ клобукѣ...... 161, 178.
въ февралѣ.	Состоялся бракъ Ѳеодосіи Іоанновны съ княземъ В. Д. Холмскимъ.......................... 157, 174.
	Прибыли въ Россію Датскіе посланники Іог. Андерсонъ, Андр. Христенсонъ и Андр. Глобъ........ 157, 164.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1500 въ апрѣлѣ.	Юр. Ман. Траханіотъ съ дьякомъ Васил. Далматовымъ посланъ въ Данію, въ обществѣ Іог. Андерсона, Андр. Христенсона и Андр. Глоба............. 157, 164.
1501 въ началѣ.	Ю. М. Траханіотъ и В. Далматовъ были въ Швеціи у кор. Іоанна, который обѣщалъ вел. кн. Іоанну Васильевичу часть Финляндіи.................... 166, 168.
въ августѣ.	Траханіотъ и Далматовъ, вмѣстѣ съ Датскимъ герольдомъ Давидомъ, возвратились къ Двинѣ, мимо Мурманскаго носа......................... 15, 157, 166.
1503 въ ноябрѣ.	Іоаннъ Васильевичъ отправилъ дьяка Моклокова къ зятю Александру, корол. Польскому и герцогу Литовскому, просить подорожную для проѣзда Датскаго герольда Давида съ приближенными чрезъ Литву и Польшу и обратно. 167.
въ концѣ.	Польская королева Елена Іоанновна просила отца своего, вел. кн. Іоанна Васильевича, о присылкѣ ей черныхъ соболей...................................... 36.
1504 13 января.	Выдано въ Краковѣ для герольда Давида подорожная: одна на русскомъ языкѣ, для проѣзда въ Литвѣ, а другая на латинскомъ для проѣзда въ Польшѣ............. 167.
въ мартѣ.	Вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ дочери своей Еленѣ, что просьба ея о присылкѣ черныхъ соболей будетъ исполнена.............................. 36.
въ іюлѣ.	Низложенъ Новгород. архіепископъ Геннадій... 175, 176.
въ ноябрѣ.	Возвратился Дм. Ралевъ изъ своего римскаго посольства. 176.
1505	Сожженъ, какъ еретикъ, дьякъ Иванъ Курицынъ... 157.
	Дмитр. Траханіотъ разсчитывалъ выдать дочь свою за вел. кн. Василья Іоанновича.................... 174.
въ октябрѣ.	Умеръ вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ............. 167.
1505—7	Герольдъ Давидъ пробылъ въ Москвѣ, до прибытія туда новаго посла Іоанна Плага, отправленнаго Датскимъ кор. Іоанномъ къ вел. кн. Василію Іоанновичу.... 167.
1505	Организовано Англійское общество: Merchant Adventures. 2.
1506	Дмитр. Ралевъ принималъ участіе въ походѣ на Казань. 176.
	Прибылъ въ Москву съ Аѳонской горы Максимъ Грекъ. 173.
1507 въ іюлѣ.	Григ. Истома съ герольдомъ Давидомъ и Датск. посломъ Плагомъ посланъ былъ въ Данію Васильемъ Іоанновичемъ....... ....167—168, 170.
17 іюля.	Латинская грамота вел. кн. Василія Іоанновича къ Датскому королю Іоанну.................. 167—168.
1509—10	Вас. Далматовъ былъ главнымъ дѣятелемъ при окончательномъ покореніи Пскова......................... 157.
1510	Въ послѣдній день масляницы въ Вестминстерѣ данъ былъ маскарадъ, на которомъ графъ Стаффордъ и бар. Фицвальтеръ явились въ Русскомъ костюмѣ........ 160.
1514	Герольдъ Давидъ прибылъ въ Москву въ качествѣ посланника отъ кор. Христіана II.................. 169.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1515	Герольдъ Давидъ вмѣстѣ съ посломъ Иваномъ Микулинымъ Ярово-Заболоцкимъ и дьякомъ Василіемъ Бѣлымъ отправился въ Данію для заключенія дружественнаго союза съ королемъ Христіаномъ II....... 169.
въ августѣ.	Всѣ трое возвратились въ Москву................ 169.
1516	Жена Юр. Дм. Траханіота попала въ немилость за распространеніе слуха, что оставленная Василіемъ Іоанновичемъ супруга Соломонія, въ монашествѣ названная Софіею, вскорѣ послѣ постриженія родила сына .... 174.
1517	Аника Федоровъ Строгановъ устроилъ соловарню въ Сольвычегодскѣ .... 211.
	Герберштейнъ поѣхалъ въ Россію по дѣламъ съ Польшей, вмѣстѣ съ Григоріемъ Дмитріевичемъ Загряжскимъ, который возвращался изъ Германіи. На встрѣчу имъ были посланы Ѳедоръ и Зах. Далматовы........ 157, 170.
18 апрѣля.	Герберштейнъ прибылъ въ Москву, гдѣ при немъ толмачами состояли Гр. Истома и Вас. Власій.. 11—12, 169.
20 апрѣля.	Василій Власій, по распоряженію вел. князя, былъ посланъ къ Герберштейну на домъ приставомъ Хлуденевымъ вмѣстѣ съ помощникомъ послѣдняго Елизаромъ (Елькой) Сергѣевымъ, сообщить ему о томъ, что слѣдующій день назначенъ для аудіенціи .... 172.
въ іюлѣ.	Грамота вел. кн. Василія Іоанновича къ Христіану II .... 169.
2 августа.	Подписанъ дружественный договоръ, заключенный между Василіемъ Іоанновичемъ и Христіаномъ II, равно и договоръ, заключенный въ 1493 году съ королемъ Іоанномъ .... 169.
15 августа.	Герберштейнъ былъ допущенъ на торжественное богослуженіе, совершенное въ Успенскомъ Соборѣ митрополитомъ Варлаамомъ, въ присутствіи государя .... 171.
въ концѣ.	Гр. Истома съ дьякомъ Влад. Семен. Племянниковымъ сопутствовалъ Герберштейну къ императору Максиміліану.............................. 11, 170.
1518 въ концѣ мая	Истома съ Племянниковымъ подъѣзжалъ къ Инсбруку, гдѣ на встрѣчу имъ выѣхали двое высшихъ сановниковъ. Здѣсь они пробыли недѣлю................ 170, 171.
въ іюлѣ.	Истома и Племянниковъ прибыли въ Москву съ новыми послами Максимиліана, Франческомъ да Колло и Антоніемъ де Конти, которые назначены были для переговоровъ о заключеніи мира между Россіей и Польшей .... 171.
1520	По приказанію митрополита Варлаама, переведено «Толкованіе Дѣяніямъ Святыхъ Апостолъ св. Іоанна Златоустаго и иныхъ» .... 173.
	Пріѣзжалъ въ Москву, съ рекомендаціею папы Льва X къ вел. кн. Вас. Іоанновичу, Генуэзецъ Паоло, съ предло-

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	женіемъ сдѣлать Волгу, Касп. море, Оксъ, Индъ и т. д. торговымъ путемъ изъ Москвы въ Индію, для вывозки тамошнихъ произведеній ... 177.
1521	Крымскій Ханъ Махметъ-Гирей приступилъ къ Москвѣ ... 172.
1525	Вас. Власій былъ толмачомъ при посольствѣ князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина и дьяка Семена Борисова Трофимова въ Мадридъ къ Римскому Императору Карлу V ... 12, 173.
	Положенъ предѣлъ дѣятельности Максима Грека... 177.
	Въ Тюбингенѣ докторъ Іоганъ Фаберъ (Гейгерлинъ) издалъ «Описаніе Религіи Руссовъ,» написанная подъ диктовку Василія Власія ... 12, 111, 173.
	Генуэзецъ Паоло вторично пріѣхалъ въ Москву съ прежнимъ проектомъ и съ посланіемъ папы Климента VII, касательно соединенія Греческой и Римской церкви, но чрезъ два мѣсяца долженъ былъ отправиться обратно безъ всякаго успѣха по обоимъ дѣламъ ... 177.
зимою.	Дм. Герасимовъ ѣздилъ въ Римъ съ письмомъ вел. князя къ папѣ и сообщалъ тамошнему литератору Паоло Джіовіо свѣдѣнія для изданнаго имъ описанія Россіи.. 12, 35, 177.
1526	Уѣхалъ изъ Москвы Вальхъ, одинъ изъ мастеровъ оружейнаго дѣла, привезенныхъ Истомой изъ Инсбрука . 172.
	Герберштейнъ вторично поѣхалъ въ Россію съ Леонгардомъ, графомъ Нугарольскимъ, и возвращавшимися изъ Испаніи княземъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ, дьякомъ Трофимовымъ и толмачемъ Власіемъ 12, 35, 173.
около 1 февр.	Эрцгерцогъ Фердинандъ прислалъ соч. Фабера: Epistola de Moscov. religione Герберштейну и Леонгарду для дополненія во время пребыванія въ Москвѣ.... 12, 173.
въ іюлѣ.	Дм. Герасимовъ возвратился изъ Рима въ Москву съ Іоанномъ Францискомъ де-Потенціа, которому кор. Сигизмундъ внушилъ мысль написать представленіе великому князю о мирѣ съ Польшею и о возвращеніи ей Смоленска ... 12, 35, 165—166, 177.
1527	Герберштейнъ имѣлъ аудіенцію у вел. кн. Василія Іоанновича ... 51.
	Герберштейнъ повезъ съ собою изъ Москвы въ Германію живыхъ горностаевъ и бѣлокъ ... 36.
	Робертъ Торнъ въ Бристолѣ предлагалъ проѣхать изъ Англіи въ Китай и въ Индію вокругъ Норвегіи.... 3.
1533	Лапландцы «съ Мурманскаго моря» приняли св. Крещеніе. 21.
1535	Дм. Герасимовъ кончилъ свой переводъ Брунонова толкованія Псалтыри ... 178.
5 октября. 1537	Напечатано въ первый разъ соч. Паоло Джіовіо: De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber etc.. 35, 177.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1545	Напечатано новое изд. соч. Паоло Джіовія: De Legatione etc .... 35, 177.
	Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ дана Самоѣдамъ грамота на право торговли въ Лампожнѣ........... 41.
	Грамотой царя Іоанна Васильевича дозволено монастырю св. Николая на Корельскомъ устьѣ Двины устроить соляныя варницы въ Ненок сѣ.................... 24.
1550	Въ Венеціи напечатанъ италіянскій переводъ Герберштейнова сочиненія о Россіи .... 34.
1551	Составлено описаніе церкви и владѣній монастыря св. Николая Чудотворца, на Корельскомъ устьѣ Двины .. 24.
	Ганзейцы теряютъ въ Лондонѣ свои преимущества.... 2.
	Напечатано третье изданіе сочин. Паоло Джовія: De Legatione etc........................... 35. 177.
1552	Предварительно покореніе Астрахани.............. 46.
1552—3	Составившаяся въ Лондонѣ акціонерная компанія «The Mistery, Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown lands etc» по мысли Себ. Кабота, снарядила три корабля для отысканія новыхъ земель и первымъ командиромъ экспедиціи назначила сера Ю Уиллъби, вторымъ — Ричарда Чанслера .... 4.
1553	Хр. Гудсонъ въ первый разъ ѣздилъ въ Россію..... 43.
11 мая.	Три корабля Каботовой экспедиціи, подъ начальствомъ Ю Уиллъби и Рич. Чанслера, снялись съ якоря у Детфорта и приплыли къ Гриничу..................... 10.
6 іюля.	Умеръ англ. кор. Эдуардъ VI .... 32.
10 іюля.	Дженъ Грей провозглашена королевой............. 32.
30 іюля.	Сильная буря въ сѣверномъ морѣ разлучила Уиллъби съ кораблемъ Чанслера....................... 24.
14 августа.	Одинъ изъ кораблей, находившихся подъ начальствомъ Уиллъби, увидѣлъ южный берегъ Новой Земли... 10.
23 августа.	Уиллъби вступилъ на русскую почву............. 10.
24 августа.	Чанслеръ присталъ къ южному берегу Бѣлаго моря, недалеко отъ Корельскаго устья Двины, противъ посада Неноксы. Съ Чанслеромъ прибыли В. и С. Борро, Д. Боклендъ, Д. Стаффордъ, Т. Вальтеръ, Д. Бортонъ, А. Эдуардсъ, Д. Гассе, А. Петъ, Р. Джонсонъ, Д. Седжвикъ и Э. Пасси (или Прайсъ)... 1—2, 24, 49—50, 202, 215.
14 сентября.	Уиллъби сдѣлалъ привалъ къ Лапландскимъ берегамъ, въ заливѣ, лежащемъ къ западу отъ острова Нокуева. 10, 16.
15—16 сент.	Уиллъби вышелъ изъ Нокуевской бухты, думая идти вдоль берега къ юго-востоку .... 16.
17 сентября.	Уиллъби приказалъ своимъ кораблямъ, по случаю противнаго вѣтра, воротиться въ губу позади Нокуева... 16.
18 сентября.	Уиллъби входитъ опять въ Нокуевскую губу....... 16.
въ октябрѣ.	Корабль, на которомъ Чанслеръ прибылъ въ Бѣлое море, переведенъ на зимовье въ Унскую губу....... 25, 215.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1555 въ сентябрѣ.	Отлита въ Москвѣ большая пушка въ 1020 пудовъ и съ титуломъ царскимъ.......................... 46.
11 сентября.	Прибыли въ Вологду суда съ грузомъ, привезеннымъ въ Холмогоры на кораблѣ «Эдуардъ Бонавентура»....... 50.
4 октября.	Р. Чанслеръ прибылъ въ Москву съ Киллингвортомъ, Леномъ, Прайсомъ и Бестомъ............. 50.
	Хр. Гудсонъ ѣздилъ съ сукномъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ................................ 43.
	Тотчасъ по прибытіи въ Москву Киллингвортъ покупаетъ въ Россіи 5 центнеровъ льняной пряжи, для отсылки въ Англію.................................... 38.
10 октября.	Р. Чанслеръ съ другими Англичанами имѣлъ аудіенцію у царя и поднесъ ему письмо Филиппа и Маріи. 41, 50.
7 ноября.	Письмо Гудсона изъ Ярославля, въ которомъ сказано, между прочимъ, что въ этотъ день тамъ на рынокъ было привезено до 3000 осетровъ....................... 50.
27 ноября.	Письмо Киллингворта изъ Москвы въ Лондонъ о переговорахъ относительно свободной торговли Англичанъ въ Россіи..................................... 52.
въ декабрѣ.	Іоаннъ Васильевичъ даетъ Лондонской Компаніи привиллегію на свободную и безпошлинную торговлю въ Россіи и даритъ ей домъ въ Москвѣ........... 52, 253, 255.
1556 25 марта.	Іоаннъ Васильевичъ отправилъ изъ Москвы посланникомъ къ Филиппу и Маріи Осипа Григорьева Непѣю съ толмачемъ Р. Бестомъ................. 44, 56.
въ кон. апр.	Корабль «Эдуардъ Бонавентура» (равно какъ «Филиппъ и Марія») вторично отправленъ въ Россію, подъ начальствомъ Джона Бокленда, съ товаромъ и съ новымъ экипажемъ для двухъ кораблей Уилльби, которые потомъ съ о. Нокуева привезены были къ устью Двины. Вмѣстѣ съ Боклендомъ отправились В. и С. Борро, которымъ поручено было предпринять путешествіе на востокъ для открытія новыхъ путей...................... 53, 182, 259.
8 іюня.	Канинъ Носъ получилъ свое названіе отъ Стефана Борро. 195.
9—22 іюня.	Ст. Борро пробылъ въ Кольскомъ заливѣ. 21, 54—55, 182.
въ іюлѣ.	При устьѣ Сѣв. Двины стояли на якорѣ 4 англ. корабля «Эдуардъ Бонавентура», «Филиппъ и Марія», «Bona Esperanza» и «Bona Confidentia».................... 56.
2 августа.	Эти корабли отплыли въ Англію, везя съ собою Непѣю, Рич. Чанслера съ сыномъ, и двухъ Холмогорскихъ купцовъ, Макарова и Григорьева съ 8 Русскими, которымъ поручено было завести прямыя торговыя связи съ Англіей................................... 56, 58.
22 августа.	Побывавъ не только на Вайгачѣ, но достигнувъ даже береговъ Новой Земли, Ст. Борро долженъ былъ отказаться идти далѣе...................... 49, 55, 148, 202.
11 сентября.	Борро возвратился въ Холмогоры, гдѣ и зимовалъ. 55, 58.

Годъ, мѣсяцъ и число	
1556	Борро [illegible] самоѣдина Лошака, показалъ хребетъ у Югорскаго Шара «Большимъ камнемъ» и говоритъ о рѣкѣ [illegible] .... 194. 212.
10 ноября.	Корабль «Эдуардъ Бонавентура» бросилъ якорь въ бухтѣ у сѣвернаго берега Абердиншира и ночью разбился, причемъ утонули Р. Чанселеръ съ сыномъ и 7 Русскихъ изъ свиты Непѣи («Эсперанца» и «[illegible]» погибли также, а «Филиппъ и Марія» прозимовалъ у Дронтгейма) . 57. 255.
2 декабря.	Лондонская Компанія получила извѣстіе о судьбѣ корабля «Эдуардъ Бонавентура» .... 57. 59.
23 декабря.	Непѣю встрѣтили въ Эдинбургѣ лица, отправленныя къ нему на встрѣчу изъ Лондона .... 59.
1557	Прибылъ на Св. Двину первый значительный отпускъ сукнъ изъ Англіи и присланы изъ Лондона мастеровые для канатной фабрики въ Холмогорахъ .... 38. 39.
	Генрихъ Левъ назначенъ третьимъ агентомъ по торговымъ дѣламъ Англичанъ съ Россіею, сначала въ Холмогоры, а потомъ въ Москву .... 41.
	Ст. Борро назвалъ именемъ Fox Nose мысъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря у рѣчки Каменной, а мысъ Березъ Dog's Nose .... 133.
	Томасъ Алькокъ упоминаетъ о русскихъ алтынахъ и болгарскихъ монетахъ .... 66.
въ началѣ.	Рич. Джонсонъ былъ у Самоѣдовъ .... 49.
14 февраля.	Непѣя отправился изъ Эдинбурга въ Лондонъ .... 59.
18 февраля.	Непѣя прибылъ въ Бервикъ на Твидѣ .... 59.
27 февраля.	Непѣя переночевалъ въ 4 миляхъ отъ Лондона .... 59.
28 февраля.	Непѣя прибылъ въ Лондонъ .... 59.
25 марта.	Непѣя былъ приглашенъ въ Вестминстерскій дворецъ и представилъ королю и королевѣ грамоту Іоанна Васильевича .... 61.
27 марта.	Непѣю посѣтили Томасъ Тирльби и Вильямъ Петеръ, для переговоровъ о дѣлѣ .... 62.
	Росс. Компанія въ Лондонѣ узнала отъ Непѣи о существованіи желѣзной руды на сѣв.-вост. отъ Вологды и при возвращеніи его просила о присылкѣ образчиковъ стали изъ Россіи .... 38, 90.
18 апрѣля.	Прибылъ въ Темзу корабль Philipp and Mary, ходившій въ Россію .... 57, 59.
23 апрѣля.	Непѣя имѣлъ прощальную аудіенцію .... 62.
29 апрѣля.	Члены Россійской компаніи дали Непѣи балъ .... 62.
1 мая.	Епископъ Тирльби и первый секретарь Петеръ принесли Непѣи грамоту къ царю Іоанну и подарки .... 62.
3 мая.	Непѣя выѣхалъ изъ Лондона въ Гревзендъ, чтобы отплыть въ Россію на кораблѣ Primerose подъ начальствомъ Ант. Дженкинсона, съ Русскими спутниками, которымъ удалось спастись отъ кораблекрушенія у береговъ Шотлан-

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	діи. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали также на 3-хъ другихъ корабляхъ докторъ Стэндишъ, толмачъ Р. Бестъ и десять молодыхъ людей для изученія торговли (въ томъ числѣ Том. Алькокъ)........................ 63.
1557 10 мая.	Привезены въ Лондонъ вещи, спасенныя съ «Эд. Бонавентуры», въ томъ числѣ русскія бочки .... 64.
	Члены Россійской Компаніи писали письмо къ своимъ московскимъ агентамъ, въ которомъ изъявляютъ свое неудовольствіе на недовѣрчивость Непѣи .... 63.
16 мая.	Въ Переяславскомъ озерѣ три раза прибывала вода .. 49.
въ маѣ.	Директоры Англ. Компаніи писали Ст. Борро, чтобы онъ въ іюнѣ во всякомъ случаѣ предпринялъ плаваніе къ Оби .... 58, 260.
23 мая.	Ст. Борро изъ Холмогоръ пустился по берегамъ Лапландіи на поиски англ. кораблей, вышедшихъ изъ Двины 2 авг. 1556 г.................................... 58.
29 мая.	Ст. Борро измѣрялъ Березовскій фарватеръ..... 92, 133.
10 іюня.	Вечеромъ у мыса Орлова насталъ сильный холодъ ... 49.
13—16 іюн.	Продолжались буря и холодъ у восточнаго края Лапландскаго берега, которые заставили Ст. Борро на возвратномъ пути зайти въ заливъ у западной оконечности полуострова Рыбачьяго.................. 49, 58, 59.
28 іюня.	Ст. Борро достигъ Вардегусской бухты, не найдя никакого слѣда отыскиваемыхъ кораблей................ 58.
6 іюля.	Дженкинсонъ съ Непѣей проѣзжалъ около острова Нокуева, гдѣ погибъ Ю Уиллььби, и въ тотъ-же день прибылъ къ мысу «Святой Носъ», который образуетъ входъ въ губу Св. Николая..................... 14, 18.
12 іюля.	Непѣя съ Дженкинсономъ прибылъ къ монастырю Св. Николая, гдѣ пробылъ недѣлю .... 66.
1 августа.	Дженкинсонъ отправилъ корабли изъ устья Двины обратно въ Англію................................ 67.
3 августа.	Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Холмогоры и отплылъ на ботѣ вверхъ по Двинѣ въ Вологду.................. 67.
12 сентября.	Непѣя и пріѣхашіе съ нимъ англ. купцы, кромѣ Дженкинсона, прибыли въ Москву................ 66.
14 сентября.	Непѣя и пр. имѣли у царя Іоанна аудіенцію....... 66.
16 сентября.	Царь Іоаннъ прислалъ доктору Стэндишу и прочимъ новоприбывшимъ Англичанамъ по лошади, для ѣзды по городу .... 67.
18 сентября.	Стэндишъ получилъ отъ царя соболью шубу ...... 67.
1 октября.	Стэндишъ обѣдалъ у царя Іоанна.............. 67.
11 октября.	Стэндишъ получилъ 70, а прочіе по 30 рублей.... 67.
3 ноября.	Стэндишъ опять обѣдалъ у царя............... 67.
7 ноября.	Переплетена въ Вологдѣ писанная въ Холмогорахъ рукопись: «Сказанія книгъ дѣяній апостольскихъ», которую

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	купилъ Т. Гаутри, Вологодскій агентъ Россійской Компаніи.. 48.
1557 1 декабря.	Дженкинсонъ отправился изъ Вологды на саняхъ, чрезъ Ярославъ, Ростовъ и Переяславль, въ Москву..... 67.
6 декабря.	Дженкинсонъ прибылъ въ Москву................ 67.
	Стэндишъ обѣдалъ у Іоанна .... 67.
12 декабря.	Производились въ Москвѣ опыты стрѣльбы въ ледяныя глыбы.. 45.
25 декабря.	Дженкинсонъ имѣлъ аудіенцію у царя и обѣдалъ у него вмѣстѣ съ Стэндишемъ................ 67, 68.
зимою.	Том. Алькокъ отправился изъ Россіи обратно въ Англію чрезъ Смоленскъ и Данцигъ, но былъ задержанъ въ Польшѣ.. 65.
1557—8	Джонъ Седжвикъ закупалъ въ Новгородѣ ленъ и коноплю .... 50.
1558	Т. Гаутри пріѣзжалъ въ Англію................ 48.
	Англичанинъ (Робертъ Бестъ?) описалъ царя Іоанна Васильевича.. 44.
	Завоевана Нарва.. 82.
въ началѣ.	Рич. Джонсонъ былъ въ Новгородѣ и потомъ ѣздилъ съ Дженкинсономъ въ Бухарію................ 49.
весною.	Предполагалось Англичанами снарядить корабль, чтобъ еще разъ попытаться найти дорогу въ Китай......... 65.
6 января.	Дженкинсонъ былъ въ Москвѣ при освященіи воды, въ русскомъ платьѣ и обѣдалъ у царя вмѣстѣ съ Стэндишемъ.. 67, 68.
12 апрѣля.	Дженкинсонъ обѣдалъ у царя съ Рич. Греемъ, Роб. Бестомъ и докт. Стэндишемъ................ 68.
14 апрѣля.	Ричарду Грею и Роберту Бесту (предъ самымъ отъѣздомъ его) показываютъ въ Москвѣ царскую корону, драгоцѣнные камни и царскія одежды .... 39, 46.
23 апрѣля.	Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Москвы и, въ сопровожденіи Рич. и Роб. Джонсоновъ, поплылъ по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ въ Астрахань, а оттуда черезъ Каспійское море поѣхалъ до Бухаріи................ 68—69.
26 декабря.	Корол. Елизавета писала къ королю Сигизмунду, къ его намѣстнику въ Литвѣ и къ виленскому губернатору, прося ихъ отпустить Алькока .... 66.
съ 1559	Требовалось разрѣшеніе царя на посылку въ Англію лосей и бѣлыхъ медвѣдей .... 72.
въ февралѣ.	Рич. Грей находился въ Холмогорахъ и собирался ѣхать на ярмонку въ Лампожню .... 39.
19 февраля.	Грей писалъ изъ Холмогоръ къ Лену въ Москву о намѣреніи построить домъ на Березовой губѣ .... 92.
2 сентября.	Дженкинсонъ опять былъ въ Москвѣ............ 69.
4 сентября.	Дженкинсонъ имѣлъ аудіенцію у царя и приглашенъ къ обѣду.. 69.

Годъ, мѣсяцы и числа.		
1560	Сынъ Р. Чанслера, Николай, отправленъ въ Москву въ качествѣ коммерческаго ученика	8.
	Томасъ Гаутри опять пріѣхалъ въ Россію	48.
	Ст. Борро управлялъ однимъ изъ трехъ кораблей, отправленныхъ на Двину изъ Темзы	58.
9 мая.	Дженкинсонъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Холмогоры и вскорѣ отплылъ съ Генр. Леномъ въ Англію	41, 69.
1560—66	Томасъ Гловеръ былъ агентомъ Англійской компаніи въ Москвѣ, заступивъ мѣсто Генр. Лена	69.
1561 25 апрѣля.	Грамота корол. Елизаветы къ Іоанну Васильевичу	70.
1 іюня.	Хранитель корол. печати въ Лондонѣ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи подарковъ къ царю Іоанну и Персидскому шаху Тамаспу	70.
20 августа.	Дженкинсонъ вторично пріѣхалъ въ Москву съ грамотой Елизаветы отъ 25 апрѣля того-же года	69, 70.
1562	Заключенъ Россіею договоръ съ Даніею, по которому Русскіе имѣли право содержать торговые дома въ Копенгагенѣ и Висби, а Датчане въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ	75.
	Христофоръ Гудсонъ возвратился изъ Россіи въ Англію	42.
	Издана въ Лондонѣ Дженкинсонова карта Россіи	69.
15 марта.	Дженкинсонъ вмѣстѣ съ Персидскимъ посланникомъ обѣдалъ у царя	71.
27 апрѣля.	Дженкинсонъ оставилъ Москву и поѣхалъ внизъ по Волгѣ	71.
1563 20 августа.	Дженкинсонъ возвратился въ Москву и зиму провелъ въ Москвѣ, пославъ Англичанина Эд. Кларка сухимъ путемъ въ Англію	71.
1564	Сгорѣлъ въ Москвѣ домъ Черкасскаго князя Михаила Темрюковича	110.
	Іоаннъ Васильевичъ заключилъ миръ съ Эрихомъ XIV	75.
	Генр. Ленъ испросилъ у царя Іоанна Васильевича привиллегію торговать съ Россіею изъ Антверпена	41.
10 мая.	Дженкинсонъ послалъ новую экспедицію въ Персію, подъ начальствомъ Том. Алькока, Дж. Ренна и Рич. Чейни	71.
20 іюня.	Рекомендательное письмо, которое Елизавета дала Итал. Раф. Барберини къ царю Іоанну Васильевичу	72, 73.
лѣтомъ.	Раф. Барберини явился въ Москву съ письмами отъ Елизаветы и отъ Филиппа II къ царю Іоанну Васильевичу	72.
28 іюня.	Дженкинсонъ оставилъ Москву	71.
18 сентября.	Дженкинсонъ прибылъ въ Лондонъ	71.
1565	Учреждена Опричнина	89.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1565	Агентъ Гловеръ по Волгѣ отправилъ подъ начальствомъ Рич. Джонсона экспедицію въ Персію, для которой въ Ярославлѣ построили судно .... 49, 71, 72, 86.
	Въ Колу присталъ для зимовья голландскій корабль Фил. Винтеркенига, начавшаго посылать суда на Лапландскій берегъ.................... 21, 109, 182, 213.
21 апрѣля.	Писала корол. Елизавета къ доктору Альберту Кнопперу совѣтнику короля датскаго Фридриха II, объ оказаніи помощи Роб. Бесту и Вильяму Роулею, отправленнымъ въ Нарву съ грузомъ суконъ................ 47.
26 апрѣля.	Артуръ Эдуардсъ писалъ въ Лондонъ о множествѣ найденнаго имъ на сѣверѣ тиса (вѣроятно пихты)....... 65.
11 іюля.	Раф. Барберини изъ Антверпена отправилъ въ Нарву корабль съ товарами и чистыми деньгами....... 73, 74.
въ августѣ.	Раф. Барберини пишетъ отцу объ отправленіи корабля въ Нарву.................................. 75.
8 сентября.	Раф. Барберини упоминаетъ въ письмѣ къ брату о кораблѣ, отправленномъ въ Россію .... 75.
4 декабря.	Корол. Елизавета проситъ королей Датскаго и Шведскаго объ оказаніи покровительства Христ. Гудсону, посланному для расширенія торговли въ Нарвѣ .... 42.
1566	Іоаннъ Васильевичъ построилъ въ Вологдѣ Кремль 103.
	Англійская Компанія выхлопотала себѣ отъ парламента предписаніе, которымъ дозволялось торговать въ Нарвѣ изъ Лондона только членамъ ея.................. 82.
	Пріѣхали съ лапландскаго берега въ устье Онеги Симонъ фонъ-Салингенъ и Корнеліусъ-де-Мейеръ, и чрезъ Каргополь отправились въ Москву................ 80.
	Директоры Англійской Компаніи велѣли осмотрѣть путь отъ устья Двины до Новгорода и Нарвы относительно удобствъ его для возки товаровъ водою и сухопутьемъ...... 79.
16 марта.	Королева Елизавета вторично проситъ королей Датскаго и Шведскаго оказать покровительство Хр. Гудсону.. 42.
20 апрѣля.	Письмо корол. Елизаветы къ Іоанну Васильевичу о томъ, что въ Барберини она рекомендовала ему только путешественника, но отнюдь не купца......... 73, 76.
4 мая.	Съ письмомъ этимъ отправился Дженкинсонъ, которому поручено было вести дѣло такъ, чтобы въ Россіи не дозволено было торговать никому изъ иностранцевъ, кромѣ Англійской Компаніи, и исходатайствовать позволеніе заложить въ Россіи копи желѣзной руды......... 77, 90.
10 іюня.	Дженкинсонъ прибылъ въ Двину............. 54, 72.
26 іюня.	Дженкинсонъ изъ Холмогоръ сообщалъ В. Сесилю чрезъ В. Борро о разныхъ политическихъ дѣлахъ Россіи и о дѣлахъ царя............................ 72.
13 іюля.	Находились на Розовомъ островѣ Соутгемъ и Спаркъ, которые за тѣмъ изъ Холмогоръ поѣхали въ Соловецкій мо-

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	настырь, Выгъ-озеро, Повѣнецъ, по Онежскому и Ладожскому озерамъ и по Волхову въ Новгородъ..79, 92, 102.
1566 23 августа.	Дженкинсонъ прибылъ въ Москву................ 77.
1 сентября.	Дженкинсонъ имѣлъ аудіенцію у царя........... 77.
1566—67 зимою.	По порученію Іоанна Васильевича Дженкинсонъ ѣздилъ въ Лондонъ вербовать въ Россію архитектора, врача, аптекаря и мастеровъ, умѣющихъ отыскивать серебро и золото, вести переговоры о заключеніи дружественнаго союза съ Елизаветою и о сватовствѣ царя къ королевѣ........................ 47, 77, 78, 79.
1567	Прибыли къ Розовому острову 6 кораблей изъ Темзы. 93.
	Два козака прошли чрезъ всю Сибирь и добрались до Пекина................................... 185.
	Директоры Англійской Компаніи требовали отъ Персидской экспедиціи составленія карты Каспійскаго моря. 71—72.
въ апрѣлѣ.	Послана съ купцами Степ. Твердиковымъ и Ѳедотомъ Погорѣлымъ грамота Іоанна Васильевича къ кор. Елизаветѣ о покупкѣ въ Англіи драгоцѣнныхъ камней и другихъ предметовъ роскоши для царской казны.... 81.
18 апрѣля.	Директоры Англійской Компаніи писали къ Московскому агенту своему В. Роулею о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ прикащиковъ въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ и объ отправкѣ Хр. Гудсона съ товаромъ въ Нарву................................ 43, 106.
18 мая.	Кор. Елизавета просила царя Іоанна выдать Англійской Компаніи привилегію на право торговли въ Россіи, и увѣдомила его, что она разрѣшила отправиться въ Россію лицамъ, которыя онъ требовалъ................. 77.
13 іюля.	Письмо кор. Сигизмунда къ кор. Елизаветѣ, въ которомъ онъ жалуется на торговыя сношенія за то, что чрезъ нихъ Россія получаетъ не только военные снаряды, но и людей, которые распространяютъ тамъ полезныя свѣдѣнія и техническія производства............ 83.
въ августѣ.	Прибыли въ Лондонъ купцы Твердиковъ и Погорѣлый, которымъ Г. Ленъ служилъ толмачемъ на аудіенціи ихъ у кор. Елизаветы..................41—42, 80.
22 сентября.	Дана Іоанномъ Васильевичемъ торговая привилегія, которою Англійской Компаніи позволено вести торговлю въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ и Дерптѣ, въ Булгаріи, Шемахѣ и т. д.......................... 79.
	Том. Гаутри вмѣстѣ съ Дженкинсономъ скрѣпилъ переводъ привилегій англійскихъ, сдѣланный Раф. Руттеромъ................................ 48.
въ сентябрѣ.	Письмо Іоанна къ Елизаветѣ, переданное ей Дженкинсономъ............................ 85, 87.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1567 14 октября.	Кор. Елизавета снабдила письмомъ къ Іоанну Васильевичу Лоренса Менлея, котораго директоры Англійской Компаніи осенью отправили въ Нарву, чтобы прекратить тамъ торговлю Англичанъ, не принадлежавшихъ къ Компаніи.................................. 85.
	Пріѣхали въ Москву изъ Англіи докторъ Рейнольдсъ, аптекарь Карверъ, инженеръ Локкъ съ помощникомъ Финтономъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Гринъ и другіе мастеровые.................................. 77 102.
1567—71	Агентомъ Англійской Компаніи въ Москвѣ былъ Вильямъ Роулей.................................. 101.
1568	Предприняли изъ Ярославля экспедицію въ Персію Артуръ Эдвардсъ и Джонъ Спаркъ.................. 89.
10 февраля.	Посланъ въ Москву Джорджъ Мидльтонъ съ пространнымъ письмомъ Елизаветы къ Іоанну.......... 85.
4 марта.	Инженеръ Локкъ писалъ изъ Россіи къ Вильяму Сесилю объ изготовленіи имъ военныхъ орудій для Іоанна Васильевича.................................. 77.
13 марта.	Письмо Сигизмунда къ Елизаветѣ, въ которомъ жалуется на невыгодныя для Польши торговыя сношенія Россіи съ Англіей.................................. 83.
9 мая.	Твердиковъ и Погорѣлый имѣли прощальную аудіенцію у Елизаветы, которая имъ дала письмо къ Іоанну Васильевичу.................................. 82.
20 мая.	Письмо инж. Локка къ В. Сесилю относительно построекъ Іоанна Васильевича.......................... 77.
12 іюня.	Узнавъ, что ни Менлей, ни Мидльтонъ ничего не могутъ выхлопотать, Елизавета отправила въ Москву къ Іоанну IV посланника Томаса Рандольфа, съ которымъ поѣхали также секретарь его Турбервиль, купцы Том. Беннистеръ и Джефри Доккетъ, намѣревавшіеся ѣхать въ Персію; Джемсъ Басендинъ, Джемсъ Вудкокъ и Рич. Броунъ, назначенные въ морское путешествіе изъ рѣки Печоры на востокъ, за Вайгагъ, для изслѣдованій. 86, 87.
1 іюля.	Инжен. Локкъ писалъ В. Сесилю о томъ, что въ концѣ мая прибыли въ Москву докторъ, аптекарь и хирургъ... 77.
1 августа.	Стефенъ и Вильямъ Борро составили инструкцію для англійской экспедиціи подъ начальствомъ Дж. Бассендина, которой поручено было произвести розыски на востокъ отъ Печоры.................................. 54, 202.
2 августа.	Пристали къ Розовому острову, въ устьѣ Двины, Том. Рандольфъ и спутники его.......................... 86.
12 августа.	Письмо Рандольфа къ В. Сесилю о томъ, что Іоаннъ Васильевичъ не благоволитъ къ Англичанамъ за то, что Дженкинсонъ, пустившись въ переговоры съ царемъ о сватовствѣ къ Елизаветѣ, заставилъ его напрасно ожидать посланника отъ королевы.............. 86, 92.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1568	Рандольфъ съ Розоваго острова посѣтилъ Никольскій монастырь, и потомъ черезъ Вологду отправился въ Москву.................................. 86, 92.
16 сентября.	Елизавета послала два письма: одно къ Нарвскому магистрату съ выраженіемъ удивленія, что ея послы къ царю, Менлей и Мидльтонъ, задержаны были въ Нарвѣ, и другое къ Іоанну, въ которомъ обстоятельно изложены порученія, данныя Рандольфу и изъявлено удивленіе, что царь даровалъ особую привиллегію бывшимъ агентамъ и прикащикамъ Компаніи, Гловеру, Беннету и Чепелю, которые находились въ связяхъ съ Голландцами.............................. 48, 87, 88.
16 октября.	Прибылъ въ Москву Рандольфъ съ Бенистеромъ и Доккетомъ.................................. 87.
1569	Хр. Гудсонъ ѣздилъ изъ Лондона въ Нарву съ грузомъ товаровъ на 3 корабляхъ и съ возвращавшимися кораблями писалъ Компаніи, чтобы въ слѣдующую весну (1570) она прислала 13 кораблей.................... 43.
9 февраля.	Рандольфъ, Бенистеръ и Доккетъ получили аудіенцію у царя Іоанна, который чрезъ нѣсколько дней снова позвалъ къ себѣ Рандольфа и бесѣдовалъ съ нимъ о торговыхъ дѣлахъ............................ 88.
12 апрѣля.	Рандольфъ послалъ къ царю письмо съ жалобою на Гловера, Руттера и Беннета.................. 89.
7 мая.	Рандольфъ письменно жаловался царю и его совѣтникамъ на Беннета, который въ Нарвѣ распускалъ слухъ, будто бы въ письмахъ Рандольфа въ Лондонъ были недоброжелательныя къ царю выраженія................ 89.
въ іюнѣ.	Рандольфу съ Бенистеромъ и Доккетомъ повелѣно было ѣхать за царемъ въ Вологду................ 89.
20 іюня.	Въ Вологдѣ царь утвердилъ Англичанамъ новую привиллегію, которая имъ давала право быть подъ вѣдомствомъ Опричины, безъ зависимости отъ Земщины, и устроить желѣзный заводъ на Вычегдѣ. Привиллегія, данная въ 1568 году Гловеру, Руттеру, Беннету и Чепелю, была отмѣнена.................................. 89, 90.
»	Грамота царя Іоанна, посланная съ Савинымъ къ Елизаветѣ.................................. 94—96.
24 іюня.	Рандольфъ имѣлъ у царя Іоанна прощальную аудіенцію. Съ нимъ отправились въ Лондонъ съ грамотою къ королевѣ дворянинъ Андр. Григ. Савинъ и дьякъ Семенъ Севастьяновъ, въ качествѣ его секретаря............ 89.
25 іюня.	Бенистеръ и Доккетъ пишутъ въ Лондонъ къ В. Сесилю о привиллегіяхъ, дарованныхъ Іоанномъ Лондонской Компаніи............ 90, 92.
3 іюля.	Умеръ Бенистеръ на пути изъ Ярославля въ Персію, въ которую поѣхалъ съ Доккетомъ............ 89.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1569 1 сентября.	Царь Іоаннъ Васильевичъ овдовѣлъ... .... 97.
въ сентябрѣ.	Прибыли въ Лондонъ Рандольфъ, дворянинъ Савинъ, дьякъ Семенъ Севастьяновъ, Дан. Сильвестръ и Том. Гловеръ.................................. 89.
1570	Антверпенскіе купцы въ первый разъ побывали на Корельскомъ морѣ.................................. 109.
	Казненъ царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый за мнимую измѣну отечеству въ пользу Польши,..... 25.
въ нач. мая	Савинъ приглашалъ доктора Бомеля въ Россію..... 98.
6 мая.	Савинъ представилъ въ Лондонѣ ноту, чтобы актъ о заключеніи дружественнаго союза между Іоанномъ и Елизаветою былъ составленъ для царя на русскомъ языкѣ 97.
18 мая.	Подписанъ союзный актъ между Іоанномъ и Елизаветою, который еще въ Лондонѣ Сильвестромъ былъ переведенъ на русскій языкъ .... 97.
20 іюня.	Письмо кого-то изъ посольства короля Сигизмунда о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи голодъ принуждалъ народъ къ людоѣдству....................... 102.
10 іюля.	Англійская купеческая флотилія, отправленная въ Нарву по желанію Гудсона, подъ начальствомъ В. Борро, встрѣтила 6 кораблей польскихъ корсаровъ у острова Тютерса.............................. 43, 54, 105.
лѣтомъ.	Савинъ возвратился въ Москву съ Севастьяновымъ, Сильвестромъ, Гловеромъ и Бомелемъ.... 97, 98.
24 октября.	Іоаннъ Васильевичъ отправилъ толмача Дан. Сильвестра съ грамотой къ Елизаветѣ, увѣдомляя ее объ уничтоженіи имъ всѣхъ привиллегій, которыми Англичане пользовались въ Россіи................ 47, 100, 105.
въ концѣ.	Прибылъ въ Лондонъ Дан. Сильвестръ съ грамотою Іоанна Васильевича и съ извѣстіемъ о голодѣ въ Россіи. 101.
1571 24 января.	Вслѣдствіе полученнаго директорами Россійской Компаніи извѣстія объ уничтоженіи ея привиллегій въ Россіи, Елизавета отправила съ Роб. Бестомъ два письма: одно къ Іоанну Васильевичу съ просьбою дозволить ея подданнымъ свободную торговлю, какъ прежде, а другое къ Шведскому королю Іоанну III, съ просьбою дать послу свободный пропускъ въ Россію и обратно..... 47, 101.
24 мая.	Явился подъ Москвою Девлетъ-Гирей съ войскомъ 101. 259.
въ маѣ.	Погибли въ Москвѣ, отъ пожара, Томасъ Соутгемъ, Томасъ Карверъ, вдова золот. дѣлъ мастера, Томаса Грина, съ 2 дѣтьми, и двое дѣтей Ральфа Руттера.... 102.
2 іюня.	Письмо Елизаветы къ царю Іоанну объ отпускѣ Грина, котораго считали заключеннымъ въ тюрьму....... 104.
2 іюля.	Том. Гловеръ написалъ къ директору Англійской Компаніи В. Гаррарду письмо, въ которомъ описалъ бѣдствіе, постигшее Москву............................ 102.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1571 26 іюля.	Дженкинсонъ съ толмачемъ Дан. Сильвестромъ пріѣхалъ на Розовый островъ, куда въ тоже время прибылъ Рич. Оскомбъ съ грузомъ хлѣба.......... 101, 103, 104.
въ конц. іюл.	Николай Прокторъ находился на Розовомъ островѣ . 103.
въ августѣ.	Іоаннъ Васильевичъ изъ Александровской слободы отвѣчалъ Елизаветѣ на письмо, присланное съ Роб. Бестомъ.......................... 47, 104.
5 августа.	Письмо Рич. Оскомба къ Генр. Лену о бѣдствіи, постигшемъ Москву.............................. 103.
8 августа.	Письмо Дженкинсона, въ которомъ упоминается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи голодъ принуждалъ народъ къ людоѣдству.......................... . 102.
24 октября.	Іоаннъ IV женился на Маѳѣ Васильевнѣ Собакиной 104.
31 октября.	Іоаннъ IV женилъ царевича Іоанна на Евдокіи Богдановнѣ Сабуровой............................... 104.
24 декабря.	Іоаннъ IV прибылъ въ Новгородъ................ 105.
1572 18 января.	Прибылъ въ Москву Іеронимъ Горсей........... 114. Іоаннъ IV выѣхалъ изъ Новгорода.............. 105.
23 марта.	Дженкинсонъ явился къ царю Іоанну съ письмомъ Елизаветы отъ 2 іюня 1571 г., въ которомъ она отвѣтила на всѣ пункты, выставленные въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 г............................. 105.
8 мая.	Іоаннъ IV потребовалъ Дженкинсона къ себѣ въ Старицу, гдѣ послѣдній испросилъ разрѣшеніе для Англичанъ продавать хлѣбъ въ Россіи безпошлинно........ 101, 106.
14 мая.	Письмо Іоанна къ Елизаветѣ, привезенное Дженкинсономъ.................................... 107.
19 мая.	Инженеръ Локкъ писалъ къ лорду Роб. Додлею, что онъ не знаетъ, будетъ ли царь продолжать свои постройки 78.
23 мая.	Дженкинсонъ имѣлъ аудіенцію у царя, объявившаго ему, что онъ думаетъ возобновить привиллегіи, но отказывается отъ своихъ прежнихъ разсчетовъ на Англію. 106—107.
24 мая.	Дженкинсонъ получилъ грамоту и приказаніе отправиться въ Холмогоры, куда ему обѣщали прислать привиллегію и Ральфа Руттера, котораго требовали въ Англію. 106, 107.
въ концѣ іюля.	Дженкинсонъ отплылъ съ Розоваго острова въ Англію безъ привиллегіи и безъ Руттера............. 107.
10 сентября.	Дженкинсонъ присталъ къ берегу въ Норфолькѣ... 107.
18 октября.	Англ. Компанія подала Лорду Борлею просьбу чрезъ Дан. Сильвестра объ исходатайствованіи Компаніи полной свободы торговли въ Россіи................. 108.
20 октября.	Елизавета отправила къ Іоанну съ Сильвестромъ письмо, въ которомъ поручаетъ покровительству царя находящихся въ Россіи членовъ Компаніи .... 107.
1573	Крещенъ татарскій ханъ Саинъ-Булатъ и нареченъ Симеономъ (Бекбулатовичемъ.)................. 110.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1573 15 апрѣля.	Іоаннъ писалъ Елизаветѣ чрезъ Сильвестра, что онъ предоставилъ Проктору и другимъ Англичанамъ, принадлежащимъ къ Компаніи, полную свободу торговли, а Гловера, Руттера и другихъ соперниковъ Компаніи выслалъ изъ своей земли .... 108.
26 іюля.	Елизавета благодарила Іоанна письмомъ за привиллегію, данную имъ Компаніи и рекомендовала царю новаго агента, В. Меррика........................... 108.
27 октября.	Елизавета писала Іоанну чрезъ Сильвестра о томъ, что главнымъ агентомъ Компаніи назначенъ В. Борро, котораго и рекомендуетъ царю..................... 108.
1574	Прислано нѣсколько Компанейскихъ Англичанъ на лапландскій берегъ для мѣховой торговли .... 109.
26 мая.	Елизавета писала царю Іоанну.................. 108.
20 августа.	Царь Іоаннъ отвѣчалъ Елизаветѣ чрезъ Сильвестра, жалуясь на поступки нѣкоторыхъ Англичанъ въ Россіи, на службу ихъ соотечественниковъ въ войскѣ короля Шведскаго, и вновь напоминая о неисполненіи данныхъ въ 1567 г. Дженкинсону, тайныхъ порученій ... 109.
1574—75	Вильямъ Борро былъ агентомъ Англійской Компаніи въ Россіи................................. 54, 148.
1575	Поставленъ на Матвѣевомъ островѣ крестъ съ русскою надписью .... 190.
	Сдѣлана Англичанами первая попытка на китоловный промыселъ.. 148.
9 мая.	Елизавета писала Іоанну чрезъ Сильвестра отвѣтъ на письмо его отъ 20 августа 1574 г.............. 109
20 ноября.	Сильвестръ имѣлъ въ Москвѣ аудіенцію у Іоанна, который еще разъ выразилъ свое неудовольствіе на то, что Елизавета не вполнѣ приняла предложенныя имъ условія союза.. 110.
въ концѣ ноября или нач. декабря.	Іоаннъ IV возвелъ въ званіе правителя государства татарскаго хана Саинъ-Булата, съ титуломъ «великаго князя всея Россіи........................ 110.
1 декабря.	Грамота Іоанна IV, въ которой говорится, что онъ передалъ управленіе Симеону................ 100—111.
»	Прибылъ въ Оршу посолъ отъ императора Максимиліана II. Гансъ Кобенцель фонъ-Проссегъ съ Даніелемъ Принцемъ фонъ-Бухау..................... 110—111.
съ нач. дек. до **1576** нач. сентяб.	Продолжалось правленіе Симеона..................... 113.
	Первое путешествіе М. Фробишера для открытія сѣверо-западнаго проѣзда въ Китай .... 8.
	В. Борро давалъ совѣты Россійской Компаніи въ Лондонѣ о торговлѣ съ Нарвой, Колой и пр............... 54.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1576 въ январѣ.	Дана грамота съ именемъ великаго князя Симеона .. 113.
27 января.	Царь Іоаннъ принялъ въ Можайскѣ Кобенцеля и Принца фонъ-Бухау .... 112.
29 января.	Сильвестръ былъ у Іоанна въ Можайскѣ на прощальной аудіенціи, на которой присутствовали также Кобенцель и Принцъ фонъ-Бухау .... 113.
до мая.	Принцъ фонъ-Бухау долженъ былъ въ Дерптѣ ждать возвращенія Бѣлозерскаго воеводы, князя Захарія Ивановича Сугорскаго и дьяка Андрея Арцыбашева, которые отправлены были къ Максимиліану II.......... 112.
въ нач. іюля.	Дан. Сильвестръ прибылъ съ новою грамотой къ Елизаветѣ на Розовый островъ .... 114.
15 іюля.	Дан. Сильвестръ въ Холмогорахъ былъ убитъ молніей. 114.
2 сентября.	Іоаннъ IV далъ грамоту, въ которой называетъ себя царемъ .... 113.
1577	Второе путешествіе М. Фробишера па сѣверо-западъ; въ немъ участвуетъ Н. Чанслеръ.............. 8, 239.
	Прибылъ въ Двину первый голландскій корабль Джиллеса Гоофмана.......................... 182, 214.
	О. Брунель пріѣхалъ въ Москву съ Яномъ фанъ-де-Валле .... 214.
1578	Умеръ въ монастырѣ Ив. Васильев. Шереметевъ ... 234.
	Третье путешествіе М. Фробишера на сѣверо-западъ. 8.
1579	Въ Россіи былъ Филиппъ Пренистайнъ.......... 112.
	Родился Артуръ Ди, бывшій потомъ придворнымъ врачемъ Михаила Θеодоровича .... 123.
	Умеръ въ Астрахани англ. купецъ Артуръ Эдуардсъ, вторично пріѣхавшій въ Россію................ 49.
1579—81	Христоф. Борро съ нѣсколькими лицами ѣздилъ чрезъ Астрахань въ Персію .... 54.
1580	Строгановымъ уже извѣстно была рѣка Тазъ..... 212.
	Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ построить въ Вологдѣ 20 большихъ рѣчныхъ лодей, снаружи украшенныхъ золотыми и серебряными листами и изображеніями львовъ, драконовъ, слоновъ, носороговъ и т. п........... 143.
	Іоаннъ отправилъ Горсея въ Англію чрезъ Лифляндію, для пріобрѣтенія военныхъ запасовъ .... 116.
	Сестра Годунова, Ирина Θедоровна, вступила въ бракъ съ Θедоромъ Іоанновичемъ .... 114.
	Лондонская Компанія снарядила два корабля подъ начальствомъ Джекмана и Пета, которымъ, по инструкціи В. Борро, поручено было проникнуть какъ можно дальше на востокъ, чтобы такимъ путемъ достигнуть Китая............................... 8, 54, 182.
26 іюля.	Джекманъ, пройдя Вайгачскій проливъ и находясь въ Кар-

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	скомъ морѣ, увидѣлъ землю въ востоко-сѣверо-восточномъ направленіи .... 257.
1580	Корабли Джекмана и Пета находились по ту сторону Новой Земли, въ Карскомъ морѣ.... 8, 54, 182, 257, 260.
въ нач. авг.	
въ октябрѣ.	Корабль Джекмана вышелъ для зимовки въ одну Норвежскую гавань................................ 259.
въ конц. дек.	Корабль Пета возвратился въ Англію.............. 257.
1581	Строгановы поручили какому-то Шведу построить два судна на Сѣв. Двинѣ....................... 219.
	Іоаннъ Васильевичъ купилъ въ Аугсбургѣ посохъ, состоявшій изъ куска нарвалова зуба................ 239.
въ февралѣ.	Корабль Джекмана вышелъ изъ Норвежской гавани въ море, для того чтобы проникнуть дальше на востокъ. 259.
	Приходилъ въ Обь англійскій корабль (вѣроятно Джекмана) въ то время, когда Ермакъ проникъ въ Сибирь. 258, 260.
20 февраля.	Іоаннъ Балахъ въ Аренсбургѣ далъ какому-то Бельгійцу рекомендательное письмо къ Гергарду Меркатору......................... 210—211, 213.
лѣтомъ.	Горсей привезъ къ Розовому острову 13 кораблей съ селитрой, сѣрой, порохомъ, свинцомъ и мѣдью на 9000 фунт. стерл. .... 116.
	Прибылъ въ Москву съ Горсеемъ докторъ Робертъ Яковъ.. 116.
въ декабрѣ.	Іоаннъ Васильевичъ назначилъ доктору Роберту Якову жалованье.................................. 116.
1582	Датскіе корабли производятъ грабежъ въ Колѣ...... 21.
	Воевода Аверкій Ивановичъ строитъ въ Колѣ дворъ съ вѣсами, для торговли съ Норвежцами............. 21.
19 ноября.	Скончался Іоаннъ Іоанновичъ................ 234.
1583	Воевода Максака Ѳедоровичъ Судимонтовъ построилъ въ Колѣ острогъ.................................. 21.
	Англич. Баусъ, посланный въ Москву, жаловался, что Голландцу Фанъ-де-Валлю позволено было свободно торговать въ Россіи................................ 219.
	Іоаннъ возобновилъ Елизаветѣ желаніе пріѣхать въ Англію и жениться на Маріи Гастингъ............ 118.
4 марта.	Іаннъ IV велѣлъ построить городъ у Михайловскаго монастыря.. 118.
18 марта.	Умеръ Іоаннъ IV.............................. 118.
8 іюня.	Елизавета писала Іоанну, что она весьма рада принять его.. 118.
20 августа.	Письмо царицы Елены Іоанновны............... 234.
1583—84	Ермакъ отправилъ въ Москву Сибирскаго царевича Маметкула.. 259.
1584	Уже извѣстенъ былъ проливъ, называемый Маточкинымъ Шаромъ.. 209.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1584	Докторъ Роб. Яковъ возвратился въ Англію съ Баусомъ, Френчемомъ и вдовой Бомеля......... 99, 116, 229.
	Джонъ Меррикъ назначенъ агентомъ Московской Компаніи въ Ярославль; Робертъ Пикокъ поступилъ агентомъ ея въ Москву вмѣсто Вильяма Торнболля, а Христоф. Гольмсъ агентомъ въ Вологду............ 207 227.
	Пустозерцы, по приглашенію Марша, отправились къ Оби.................................... 218.
	Мушеронъ поручилъ лоцману своему Крюйту отправиться по Пудожемскому проливу вверхъ до монастыря св. Михаила Архангела, гдѣ въ то время строились Новыя Холмогоры (Архангельскъ)...................... 214.
	Голландцы успѣли утвердиться въ Москвѣ.......... 219.
	Пустозерцамъ уже хорошо извѣстны были рыбы, которыя ловятся въ Оби............................ 219.
	Русскіе мореходцы изъ Пустозерска увѣдомили Московскаго агента, Ант. Марша о существованіи острововъ Вайгача, Новой Земли и Матвѣевой Земли и о крушеніи англійскаго корабля при устьѣ Печоры................... 207.
въ маѣ.	Θедоромъ Іоанновичемъ дана Англичанамъ привиллегія на право торговли въ Россіи................. 220.
10 іюня.	Коронованъ Θедоръ Іоанновичъ................ 219.
въ іюлѣ.	Англичанинъ Рельфъ съ Розоваго острова писалъ двумъ пріятелямъ своимъ въ Казань о тогдашнемъ положеніи дѣлъ Московской Компаніи........... .... 220.
8 августа.	Де-Феръ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что Нидерландецъ Оливеръ Брунель посѣтилъ Костинъ Шаръ ..... 210.
1585	Мансуровъ окончательно покоряетъ Зап. Сибирь.... 219.
1585—86	Горсей, по порученію Θедора Іоанновича, ѣздилъ въ Англію.................................. 114.
1586	Горсей привезъ въ Москву множество разныхъ предметовъ, какъ-то: львовъ, собакъ, золоченые доспѣхи, алебарды, пистолеты, органы, эпинеты, вещи съ драгоцѣнными каменьями, золотыя цѣпочки и проч............... 117.
	На основаніи царскаго указа Голландцы перевели склады свои съ Пудожемскаго устья въ Новыя Холмогоры . 214.
	Построенъ городъ Тюмень.................... 219.
	Прибылъ въ Двину первый французскій корабль Жана Соважа, изъ Діеппа......................... 182.
	Вторично пріѣхалъ въ Москву докторъ Робертъ Якобъ. 115.
24 марта.	Письмо Елизаветы, при которомъ съ Горсеемъ въ Россію отправлена повивальная бабка для царицы Ирины. 115.
1586—87	Жеромъ Горсей выхлопоталъ у царя привиллегію для Англ. Компаніи................................ 118.
1587	Экспедиція Дж. Девиса открыла Девисовъ проливъ... 182.
	Построенъ городъ Тобольскъ.................. 219.
21 іюля.	Письмо царицы Елены Іоанновны............... 234.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1587 26 августа.	Горсей отплылъ въ Англію съ Розоваго острова, получивъ передъ самымъ отъѣздомъ чрезъ Фр. Черри подарокъ отъ Бор. Годунова.......................... 118, 185.
30 сентября.	Горсей прибылъ въ Англію къ Тейнмауту въ Нортумберландѣ....................................... 119.
4 октября.	Горсей черезъ Іоркъ прибылъ въ Лондонъ.......... 119.
	Вскорѣ послѣ отъѣзда Горсея Фр. Черри прибылъ въ Англію съ грамотою царя Ѳеод. Іоанновича....... 185.
поздней осенью.	Повивальная бабка, прибывшая изъ Англіи, воротилась изъ Вологды въ Лондонъ......................... 116.
1589	Напечатано первое изданіе Гаклейтовыхъ «Principal Navigations»; въ немъ заключаются дневники экспедиціи Артура Пета (1580), веденные Ю Смитомъ и Ник. Чанслеромъ, и проектъ привилегіи, данной Іоанномъ Васильевичемъ Англійскимъ купцамъ...... 8, 27—30, 255, 260.
въ апрѣлѣ.	Письмо Ѳедора Іоанновича къ кор. Елизаветѣ о Флетчерѣ....................................... 103.
1590	Финляндцы раззорили Печенскій монастырь въ Колѣ.. 21.
	Микулинъ предъ Нарвою исполнялъ военную службу. 229.
	Ѳедоръ Іоанновичъ отправилъ къ Христіану IV посломъ Салманова..................................... 232.
до **1591**	Англичане оставались на Розовомъ островѣ.......... 214.
	Фр. Черри снова привезъ кор. Елизаветѣ письма отъ Ѳедора Іоанновича и Бор. Годунова......... 185.
1592	Царица Ирина Ѳедоровна разрѣшилась дѣвочкой, которая вскорѣ умерла............................... 114.
14 января.	Письмо Елизаветы къ Ѳедору Іоанновичу....... 195.
въ маѣ.	Елизавета писала Годунову, что Джонъ Меррикъ назначенъ агентомъ въ Москву.................. 227.
1594	Въ Москву прибылъ докторъ Маркъ Ридлей........ 185.
	Линшотенъ списалъ русскую надпись съ креста, находившагося на Матвѣевомъ островѣ .... 190.
	Голландцы снаряжаютъ экспедицію для отысканія сѣверо-восточ. морскаго пути, открываютъ Медвѣжій Островъ, и проникаютъ въ Карское море и до западнаго берега Обскаго полуострова............ 182, 186, 219, 220.
1595	Голландцы снаряжаютъ вторую экспедицію для отысканія сѣверо-восточ. морскаго пути.............. 182, 219.
осенью.	Въ Колѣ воеводой былъ Иванъ Самойловичъ Салмановъ...................................... 21, 232.
1596	Голландцы снарядили третью экспедицію на сѣверъ и увидѣли Шпицбергенъ.................. 182, 188, 219.
	Фр. Черри находился въ числѣ членовъ Москов. Компаніи.. 185.
	Джонъ Меррикъ былъ членомъ Англійской Компаніи, оставаясь агентомъ въ Москвѣ .... 227.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1596 въ мартѣ.	Елизавета оправдывалась предъ Годуновымъ въ дошедшихъ до него клеветахъ, будто бы она оказываетъ помощь султану .... 227.
1596—97	Голландцы Яковъ Гемскеркъ и Вильгельмъ Баренцъ прозимовали на глубокомъ сѣверѣ Новой Земли, откуда на двухъ ботахъ переправились на Лапландскіе берега .... 20, 217.
1597 въ январѣ.	Елизавета оправдывалась предъ Годуновымъ въ взведенныхъ на нее клеветахъ, будто бы она помогала султану 227.
11 сентября.	Я. Гемскеркъ и В. Баренцъ поставили въ Колѣ два бота свои въ гостиномъ дворѣ, чтобы сохранить ихъ «въ память о своемъ неслыханномъ странствованіи», и вскорѣ послѣ того отправились въ Голландію. На пути туда Баренцъ умеръ...................... 20—22, 232.
1598	Докторъ Ридлей вытребованъ Елизаветою обратно въ Англію .... 185.
	Герардъ де-Феръ издалъ на голландскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ иллюстрированныя описанія Новой Земли.................................. 21.
7 января.	Скончался Өедоръ Іоанновичъ............ 185, 227.
14 марта.	Меррикъ писалъ въ Лондонъ о смерти Өедора Іоанновича и объ избраніи Годунова .... 227.
2 іюля.	Черри прибылъ въ Москву съ письмами Елизаветы къ Өед. Іоанновичу и Бор. Годунову, для опроверженія слуховъ о сношеніяхъ ея съ султаномъ...... 185, 227.
11 іюля.	Черри передалъ свои грамоты Борису Годунову .. 185.
20 іюля.	Черри писалъ въ Англію, что слухъ о томъ, будто бы Елизавета доставила султану военные снаряды, распущенъ какимъ-то Полякомъ.......................... 185.
въ декабрѣ.	Черри чрезъ Новгородъ и Псковъ отправился обратно въ Лондонъ.................................. 185.
1599	Черри хлопоталъ объ отправкѣ въ Москву доктора Тимоөея Виллея, на мѣсто доктора Марка Ридлея.... 185.
	На Унской губѣ основана Пертоминская пустынь .... 25.
	Вторично изданы Гаклейтовы «Principal Navigations» 8, 27.
1600	Елизавета отправила къ Годунову посла Ричарда Ли. 229.
13 мая.	Писано письмо Годунова, которое Микулинъ передалъ Елизаветѣ.................................. 228.
лѣтомъ.	Годуновъ отправилъ къ Елизаветѣ дворянина Микулина съ секретаремъ Зиновьевымъ, для укрѣпленія дружественныхъ сношеній.......................... 227.
	Меррикъ отправился въ Англію .... 227.
18 сентября.	Микулинъ прибылъ въ Гревзендъ................ 228.
14 октября.	Елизавета принимала Микулина въ Ричмондѣ..... 228.
1600—601	Находился за границею канцлеръ А. И. Власевъ, принявшій въ русскую службу Якова Маржерета, Дав. Гильберта, Роб. Дунбара, Якова Гокка и Андр. Лета ... 247.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1601	Въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, построена была Лютеранская церковь .... 159.
	Построенъ городъ Мангазея...................... 197.
6 января.	Микулинъ и Зиновьевъ обѣдали у королевы Елизаветы .... 228.
въ февралѣ.	Микулинъ участвовалъ въ защитѣ Елизаветы во время мятежа, возбужденнаго графомъ Эссексомъ...... 228.
16 мая.	Писано Елизаветою письмо къ Годунову, посланное съ Микулинымъ............................ 229.
въ іюлѣ.	Микулинъ возвратился изъ Англіи въ Москву...... 229.
лѣтомъ.	Ричардъ Ли возвратился въ Англію съ письмомъ Годунова, которое поручено было перевести Меррику и Черри............................ 185, 229, 230.
	Елизавета отправила Меррика съ отвѣтомъ къ Годунову .... 229.
1602	Умеръ въ Москвѣ герцогъ Іоаннъ Датскій......... 159.
10 февраля.	Прибылъ Меррикъ въ Москву.................. 230.
11 февраля.	Меррика приглашалъ къ себѣ Аѳан. Ив. Власевъ.. 230.
12 февраля.	Утромъ канцлеръ Власевъ посѣтилъ Меррика, а вечеромъ повезъ его къ Годунову.................. 230.
23 февраля.	Власевъ съ Меррикомъ занимался переводомъ письма Елизаветы и списка всей королевской родни..... 230.
3 марта.	Возвратились въ Москву лица, посланныя Годуновымъ въ Данію............................... 230.
11 марта.	Письмо Елизаветы къ Годунову, привезенное аптек. Френчемомъ .... 229.
13 марта.	Прибыли въ Москву изъ Даніи лица, отправленныя къ Годунову Христіаномъ IV .... 230.
въ іюнѣ.	Писалъ Годуновъ письмо къ Елизаветѣ, которое отправилъ къ ней съ Меррикомъ................ 231.
22 іюня.	Меррикъ имѣлъ у Годунова прощальную аудіенцію. 231.
24 іюля.	Меррикъ отправился изъ Москвы въ Архангельскъ .. 231.
30 іюля.	Меррикъ отплылъ въ Англію .... 231.
5 сентября.	Меррикъ вручилъ Елизаветѣ письмо Годунова... 231.
1603	Скончалась королева Елизавета.................. 231.
24 марта.	
въ апрѣлѣ.	Бор. Ѳедоровичъ Годуновъ сдѣлалъ Елизаветѣ запросъ, кто та Англичанка, которую она предлагала въ невѣсты сыну его Ѳедору .... 231.
	Черри отправилъ корабль «the Grace» на сѣверъ, подъ начальствомъ Беннета и Гордона...... 185—186, 190.
16 августа.	Корабль этотъ прибылъ къ Медвѣжьему острову (островъ Черри)..................... 182, 185—186, 190.
	Черри назначилъ Джос. Logана факторомъ въ Колу. 185, 190.
1604	Черри отрядилъ на сѣверъ, подъ начальствомъ Беннета и Вельдена, другой корабль «the good Speed.», на кото-

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	ромъ ѣхалъ Том. Смитъ, посланный Яковомъ I къ Годунову .... 183, 186, 231, 232.
1604 11 октября.	Том. Смитъ имѣлъ первую аудіенцію у Годунова и добился у него всего, что онъ желалъ для пользы Компаніи. 232.
1605	Беннетъ и Вельденъ снова отправлены на остр. Черри (Медвѣжій)........ 186—187.
	Въ Москвѣ уже знали рѣку Пясиду .... 215.
	Томасъ Смитъ былъ въ Ярославлѣ, гдѣ онъ засталъ Микулина .... 229.
	Томасъ Смитъ уѣхалъ изъ Москвы........ 232.
13 апрѣля.	Скончался Годуновъ........ 232.
8 іюня.	Лжедмитрій изъ Тулы приглашалъ къ себѣ Меррика, который въ то время находился на пути въ Архангельскъ. 233.
31 іюля.	Гавр. Сам. Салмановъ и Рич. Финчъ, посланные Лжедмитріемъ вслѣдъ Том. Смиту, вручили ему въ Архангельскѣ письмо, въ которомъ Лжедмитрій проситъ Смита передать Якову I желанія его находиться съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ возвращенія письма Годунова .... 190, 232.
въ сентябрѣ.	Томасъ Смитъ пріѣхалъ въ Лондонъ и въ томъ-же году напечаталъ описаніе своего путешествія въ Россію. 233.
въ декабрѣ.	Меррикъ выхлопоталъ у Лжедмитрія торговую привилегію для Англичанъ, которую зимою отправилъ въ Англію .... 233.
1606	Лондонская Компанія отправила на сѣверъ экспедицію подъ начальствомъ Джонаса Пуля........ 187.
29 марта.	Самозванецъ послалъ Симеона Бекбулатовича въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ принялъ имя Стефана .... 113.
29 мая.	Вас. Ив. Шуйскій отправилъ Симеона Бекбулатовича въ Соловецкій монастырь .... 113.
4 іюня.	Вас. Иванов. Шуйскій далъ Англичанамъ новую привилегію, которую съ Меррикомъ отправилъ къ Якову I. 233.
1606—11	Дѣлами Лондонской Компаніи въ Москвѣ завѣдывалъ Маркъ Бревстеръ........ 233—234.
1607	Отправился на островъ Черри корабль «the Paul» подъ начальствомъ Томаса Вельдена........ 187.
	Гудсонъ ѣздилъ на сѣверъ и видѣлъ Шпицбергенъ.. 188.
7 іюня.	Супруга Симеона Бекбулатовича, Анастасія, умерла монахиней подъ именемъ Александры........ 113.
1608	Т. Вельденъ ѣздилъ въ Лапландію........ 187.
	Прибылъ къ остр. Черри некомпанейскій корабль, подъ начальствомъ Рич. Стевенса........ 187.
	Гудсонъ ѣздилъ на сѣверо-востокъ .... 188.
	Родился Тредескантъ младшій........ 122.
1609	Гудсонъ ѣздилъ на сѣверо-востокъ и на западъ.... 188.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1609	Московская Компанія въ Лондонѣ отправила на сѣверъ два корабля .... 187, 188.
8 мая.	Англ. корабль завладѣлъ о. Черри въ пользу Компаніи, а потомъ отправился въ Архангельскъ....... 187, 188.
лѣтомъ.	Джорджъ Бриггаузъ на почтовыхъ пріѣхалъ изъ Холмогоръ въ Москву къ Бревстеру............ 233, 234.
въ началѣ сентября.	Дж. Бриггаузъ возвратился въ Холмогоры, посѣтивъ Елену Іоанновну, вдову царевича Іоанна Іоанновича, которая въ то время жила во Владимірѣ....... 233, 234.
1610	Второй Самозванецъ хотѣлъ утопить въ Окѣ нѣсколькихъ иностранцевъ (въ томъ числѣ и Дав. Гильберта). 246.
	Гудсонъ снова ѣздилъ на западъ до Гудсонова пролива .... 188—9, 238.
23 апрѣля.	Умеръ князь Мих. Васильев. Скопинъ-Шуйскій... 244.
	Москов. Компанія снова отправила два корабля на сѣверъ подъ нач. Том. Эджа и Джон. Пуля........ 188, 189.
въ маѣ.	Пуль прибылъ въ Шпицбергенъ................. 188.
1610—11	Сгорѣла часть Пустозерска...................... 191.
1611	Мѣстомъ мѣнового торга между Пермяками, Самоѣдами и Русскими была деревня Слободка (нынѣш. Мезень). 194.
	Поляки похитили изъ Кремля разныя драгоцѣнности.. 239. 247 248.
	Директоръ Моск. Компаніи, Т. Смитъ, изъ Лондона отправилъ два корабля въ Шпицбергенъ, одинъ подъ начальствомъ Эджа и Беннета, а другой подъ начальствомъ Пуля. Оба корабля погибли у Шпицбергена, а экипажъ перебрался на корабль Т. Мармадьюка, прибывшій туда изъ Гулля, и на немъ возвратился въ Англію. 189, 198.
	Въ одно время съ упомянутыми двумя кораблями Т. Смитъ отправилъ въ Пустозерскъ на кораблѣ «the Amitie» (подъ начальствомъ Дж. Вадена) Джос. Логана, Вил. Порсглова, Марм. Вильсона, Вил. Гордона и Рич. Финча.. 190.
весною.	Убитъ Гудсонъ................................... 189.
вскорѣ послѣ 21 фев.	Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ пословъ къ импер. Матѳѣю, въ Голландію и Англію............... 235.
17 іюня.	Логанъ и Гордонъ были на Колгуевомъ островѣ.. 192.
24 іюля.	Логанъ писалъ Гаклейту изъ Пустозерска, между прочимъ, о томъ, что неподалеку отъ Печоры отрыты въ пескѣ оставы погибшихъ тамъ «Нѣмцовъ» (вѣроятно экипажа Джекмана)...................... 191, 257.
11 іюля.	Изъ Печорскаго залива, гдѣ «the Amitie» стоялъ на якорѣ, Логанъ, Порсгловъ и Гордонъ на шлюпкѣ проѣхали чрезъ Сухое море къ Печорѣ.............. 191, 205.
16 іюля.	Логанъ, Порсгловъ и Гордонъ прибыли въ Пустозерскъ............................ 191, 198.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1611 25 іюля.	Порсгловъ съ Гордономъ возвратились на «Amitie», съ котораго потомъ первый опять пріѣхалъ въ Пустозерскъ съ Вильсономъ .... 191.
31 іюля.	Прибыли въ Печорскій заливъ 30 лодей изъ Устюга, Холмогоръ, Пинеги и Мезени .... 196.
1 августа.	Корабль «the Amitie» снова отправился въ море, съ Гордономъ. Побывавъ на островѣ Черри, онъ возвратился въ Англію .... 196, 197.
25 августа.	Логанъ снова писалъ Гаклейту .... 192.
8 сентября.	Принадлежавшая Пустозерцамъ сойма спустилась по Печорѣ чтобы ѣхать въ Югрію, но должна была отказаться отъ поѣздки .... 199.
»	Сгорѣлъ Китай-городъ .... 234.
1611 11 сентября.	Маржеретъ выѣхалъ изъ Москвы въ Польшу съ Мих. Глѣб. Салтыковымъ .... 234.
осенью.	Дж. Меррикъ, который провелъ этотъ годъ въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, уѣхалъ въ Англію .... 234.
въ ноябрѣ.	Изъ Пустозерска отправилось до 70 нартъ съ рыбою въ Слободку .... 194.
23 ноября.	Порсгловъ отправился изъ Пустозерска въ Слободку (нынѣ Мезень) .... 195, 233.
4 декабря.	Пустозерцы сухимъ путемъ отправились въ Югрію... 199.
9 декабря.	Порсгловъ пріѣхалъ въ Слободку и поселился у Томаса Лайгона, а потомъ отправился въ Холмогоры.... 195.
1612	Издана карта Ис. Массы въ первый разъ .... 209.
	Московская Компанія отрядила въ Шпицбергенъ два корабля подъ начальствомъ Т. Эджа и Дж. Росселя.. 197, 198
	Явились туда-же голландскій и испанскій корабли, оба подъ начальствомъ Англичанъ Саллоуса и Вудкока, состоявшихъ прежде на службѣ Компаніи .... 197, 198.
	Въ Foule Sound прибылъ англійскій корабль «The Diana», подъ начальствомъ Т. Бостіона .... 198.
	Томасъ Мармадьюкъ изъ Гулля будтобы дошелъ до 82° с. ш. и поставилъ на Шпицбергенѣ крестъ....... 198.
5 января.	Порсгловъ возвратился изъ Слободки въ Пустозерскъ 196, 201, 233.
12 января.	Получено было въ Пустозерскѣ предложеніе соблюдать строжайшій постъ въ теченіе 3-хъ сутокъ .... 197.
19 января.	Возвратились въ свой городъ Пустозерцы, ѣздившіе въ Югрію .... 199.
23 января.	Прибыли въ Пустозерскъ Самоѣды Карачеи .... 197.
29 января.	Маржеретъ сообщилъ изъ Гамбурга Меррику въ Лондонъ о разныхъ происшествіяхъ въ Москвѣ .... 234.
30 января.	Логанъ пригласилъ къ себѣ старшину Самоѣдовъ, прибывшихъ въ Пустозерскъ .... 197.
2 февраля.	Самоѣды поѣхали съ товаромъ изъ Пустозерска въ Слободку .... 197.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1612 1 марта.	Русскіе отправились съ товаромъ изъ Пустозерска въ Слободку . . . . 197.
11 марта.	Пустозерцы возвратились изъ Слободки . . . . 197.
26 мая.	Логанъ отправился изъ Пустозерска въ Устьцыльму. Поѣздка продолжалась 4 дня . . . . 196, 203.
9 іюня.	Логанъ выѣхалъ изъ Устьцыльмы . . . . 196.
11 іюня.	Логанъ опять былъ въ Пустозерскѣ . . . . 196.
21 іюня.	Отплыли изъ Пустозерска въ Мангазею семь соймъ, принадлежавшихъ Пустозерску, Устьцыльмѣ, Пинегѣ и Мезени . . . . 197.
23 и 24 іюня.	Отправилось къ мысу Болванскому изъ Пустозерска 50 лодокъ . . . . 193.
24 іюня.	Поргсловъ отправился къ устью Печоры, гдѣ въ то время начиналась ловля бѣлугъ и омулей . . . . 196.
25 іюня.	Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій снова помѣстилъ Симеона Бекбулатовича въ Кириловъ монастырь 113.
5 августа.	Логанъ и Вильсонъ отправились также къ устью Печоры . . . . 191, 196.
29 сентября.	Логанъ, Поргсловъ и Вильсонъ прибыли въ Холмогоры . . . . 196.
1612—13	Въ Нельсоновой бухтѣ Гудсонова залива зимовалъ Том. Боттонъ . . . . 150, 206.
1613	Издана карта Ис. Массы во второй разъ . . 192—193, 210.
	Московская Компанія отправила въ Шпицбергенъ 7 кораблей. Туда-же прибыло множество судовъ другихъ націй . . . . 198.
1614	Въ Шпицбергенъ явился корабль «Prosperus» подъ начальствомъ Вудкока . . . . 198.
	Московская Компанія послала въ Шпицбергенъ 3 корабля и 2 пинасы, которыя встрѣтили тамъ 18 голландскихъ кораблей . . . . 199.
	Капитанъ Гиббонъ безъуспѣшно ѣздилъ въ Гудсоновъ заливъ . . . . 206.
	Ис. Масса пріѣхалъ въ Москву съ дипломатическими порученіями . . . . 216.
	Уплачены Англ. агенту Фабіану Смиту деньги за разные купленные у него Россіею военные снаряды . . . . . . 242.
23 іюня.	Робертъ Фотерби поставилъ въ Maudlen Sound крестъ съ гербомъ Якова I . . . . 199.
20 ноября.	Вильямъ Гордонъ поѣхалъ изъ Пустозерска въ Югрію, въ Роговой городокъ . . . . 199, 200.
18 декабря.	В. Гордонъ пріѣхалъ къ Большой Роговой рѣкѣ 199, 200.
30 декабря.	В. Гордонъ дѣлалъ наблюденія надъ солнцемъ. 199—200.
1614—15	Вильсонъ цѣлую зиму провелъ въ Устьцыльмѣ . . . . 203.
1615	Робертъ Билетъ посланъ въ Гудсоновъ заливъ . . . . . 206.
	Московская Компанія отправила въ Шпицбергенъ 2 корабля

Годъ, мѣсяцъ и число.	
	и 2 пинасы; туда-же прибыли голландскіе и датскіе корабли . . . . . 204.
1615	Пріѣхалъ въ Архангельскъ Меррикъ посломъ отъ Іакова I . . . . . 235.
6 января.	В. Гордонъ отправился обратно въ Пустозерскъ . . . . 201.
19 января.	В. Гордонъ прибылъ въ Пустозерскъ . . . . . 201.
9 іюня.	Вильсонъ возвратился изъ Устьцильмы въ Пустозерскъ 203.
21 августа.	Вильсонъ, Гордонъ, Компанъ и Доггетъ отправились изъ Печорскаго залива въ Голландію . . . . . 204.
20 ноября.	Прибыло въ Россію голландское посольство подъ начальствомъ Рейнгута фанъ Бредероде . . . . . 236.
въ ноябрѣ.	Меррикъ со свитою отправился съ русскими коммиссарами въ Старую Русу, для переговоровъ о мирѣ между Россіею и Швеціею, и былъ помѣщенъ близь деревни Романовой, гдѣ находился и Шведскій полководецъ Яковъ Дела Гарди . . . . . 235.
17 декабря	Дела Гарди и Меррикъ изъ деревни Романовой переѣхали въ деревню Дидерино . . . . . 236.
1616	Роб. Билетъ, отправленный съ В. Баффиномъ въ Девисовъ проливъ, успѣлъ пробраться до 80° с. ш. . . . . 206.
	Прибыло въ Шпицбергенъ изъ Англіи 8 кораблей и 2 пинассы; изъ Голландіи 4 корабля . . . . . 205.
	Симеонъ Бекбулатовичъ умеръ и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ въ Москвѣ. . . . . . 113.
	Ис. Масса пріѣхалъ въ Москву съ дипломатическими порученіями. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ докторъ Іовъ Полиданусъ . . . . . 216.
въ мартѣ.	Густавъ Адольфъ отправилъ письмо къ Меррику въ Москву, куда послѣдній возвратился . . . . . 236.
4 марта.	Заключено на 3 мѣсяца перемиріе между Россіею и Швеціею . . . . . 236.
въ нач. окт.	Густавъ Адольфъ снялъ осаду Нарвы . . . . . 236.
20 октября.	Меррикъ заключилъ съ шведскими коммиссарами предварительный договоръ о мирѣ между Россіею и Швеціею 236.
1617	Джонъ Меррикъ возвратился изъ Россіи въ Англію.. 247.
	Въ Шпицбергенъ прибыло изъ Англіи 14 кораблей и 2 пинассы, изъ Голландіи 10 кораблей, изъ Зеландіи 3 корабля . . . . . 205.
27 февраля.	Заключенъ Столбовскій миръ . . . . . 236.
въ августѣ.	Михаилъ Ѳеодоровичъ посылалъ къ Іакову I Ряжскаго воеводу Степана Ивановича Волынскаго съ дьякомъ Маркомъ Поздѣевымъ, преимущественно для того, чтобы устроить заемъ денегъ . . . . . 130, 236, 247.
въ сентябрѣ.	Письмо Михаила Ѳеодоровича къ Іакову I, изъ котораго видно, что Іаковъ въ этомъ году посылалъ въ Москву Рич. Свифта (Рыцаря Юрьева) . . . . . 242.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1618	Ис. Масса пріѣхалъ въ Москву съ дипломатическими порученіями................. .... 216.
31 мая.	Письмо Іакова I къ Михаилу Ѳеодоровичу, заключавшее въ себѣ полномочіе сера Додлея Диггса......... 241.
	Додлей Диггсъ отправленъ въ Москву посломъ и совершилъ свое путешествіе съ Волынскимъ, Тредескантомъ и Де-Квестеромъ. Вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Россію вторично Дав. Гильбертъ, съ сыномъ своимъ Томасомъ, и Роб. Карръ. 120, 121, 129, 237, 239, 247, 249.
3 іюня.	Диггсъ и Тредескантъ отплыли изъ Гревзенда.... 130.
17 іюня.	Тредескантъ съ кѣмъ-то ѣздилъ въ Ньюкестль..... 130.
29 іюня.	Утромъ Диггсъ послалъ Волынскому мясной провизіи и портеру .... 131.
»	Вечеромъ прилетѣла на корабль Тредесканта птица, хотя это было подъ 66° широты .... 131.
съ 1 на 2 іюл.	Тредескантъ видѣлъ часть солнца надъ горизонтомъ. 132.
4 іюля.	Отъ экспедиціи Диггса отдѣлилась пинаса, назначенная въ Гренландію .... 131.
6 іюля.	Диггсъ и Тредескантъ увидѣли Нордкапъ........ 131.
7 іюля.	Диггсъ и Тредескантъ вели разговоръ съ датскимъ военнымъ кораблемъ у Вардегуса................... 132.
11 іюля.	У острова Сосновца Диггсу и Тредесканту рыболовы привезли свѣжепросольныхъ лососей............... 132.
12 іюля.	Тредескантъ увидѣлъ большую бѣлую рыбу (?), которую ему называли злѣйшимъ врагомъ лососей......... 132.
15 іюля.	Корабль Тредесканта прошелъ чрезъ Двинскій баръ, имѣвшій глубину въ 12 футъ.................. 133, 34.
16 іюля.	Корабль, на которомъ находились Диггсъ и Тредескантъ, прибылъ въ Архангельскъ, гдѣ въ то время воеводой былъ Андр. Вас. Хилковъ, а помощникомъ его Богданъ Борис. Воейковъ........ 120, 121, 129, 135, 150, 198, 239.
17 іюля.	Тредескантъ вышелъ на берегъ................ 135.
19 іюля.	Въ Шпицбергенѣ произошла стычка между англійскими и датскими кораблями, прибывшими туда для китоловства. 205.
20 іюля.	Тредескантъ выпросилъ себѣ царскую ладью, чтобы объѣхать острова въ Двинской дельтѣ.............. 135.
23 іюля.	Диггсъ письмомъ испрашивалъ у Михаила Ѳеодоровича разрѣшеніе для Джильса Обса ѣхать въ Персію чрезъ Астрахань.................................. 240.
5 августа.	Тредескантъ уѣхалъ изъ Архангельска на Розовый островъ, гдѣ нашелъ множество розъ.................. 144
6 августа.	Тредескантъ вышелъ за Двинскій баръ.......... 146.
8 августа.	Тредескантъ у острова Сосновца встрѣтился съ англ. военнымъ кораблемъ, на которомъ возвращался Волынскій. 146.
14 августа.	Около корабля, на которомъ ѣхалъ Тредескантъ, появилось много китовъ......................... 141.
16 августа.	Корабль Тредесканта прошелъ Нордкапъ......... 147.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1618 20 августа.	Дана Мих. Θедоровичемъ инструкція дворянину Уварову, посланному на встрѣчу Диггсу. Послѣдній еще до прибытія Уварова, возвратился изъ Холмогоръ въ Архангельскъ и оттуда поплылъ въ Англію, поручивъ выполненіе своей миссіи Том. Финчу и Фаб. Смиту.. 239, 240.
22 сентября.	Тредескантъ возвратился въ Лондонъ, привезя съ собою изъ Россіи разныя вещи и растенія..... 147, 150, 253.
	Стало уменьшаться китоловство Англичанъ у Шпицбергена...................................... 205.
1619	Въ письмѣ къ Михаилу Θедоровичу говорится, что благодаря возвращенію Диггса, въ Англіи узнали о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Поляковъ въ Россіи, вслѣдствіе чего Іаковъ I отказалъ королю Польскому въ просьбѣ о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ изъ Англіи и Шотландіи.. 240.
	Возвратились въ Англію Томасъ Гильбертъ и Робертъ Карръ.................................. 249.
19 января.	Прибыли изъ Вологды въ Москву съ Ф. В. Уваровымъ Томасъ Финчъ, Томасъ Ликъ и Ричардъ Джемсъ... 241.
16 марта.	Финчъ и товарищи имѣли первую аудіенцію у Михаила Θедоровича.......................... 241—242.
15 іюля.	Финчъ имѣлъ прощальную аудіенцію......... 241—242.
въ іюлѣ.	Михаилъ Θедоровичъ отправилъ съ Финчемъ письмо къ Іакову I...................... 241, 242, 215.
20 августа.	Финчъ съ товарищами въ сопровожденіи Ив. Θом. Сытина отправился изъ Москвы въ Архангельскъ, откуда потомъ они уѣхали сухимъ путемъ............ 241, 242, 245.
зимою.	Рич. Джемсъ въ Холмогорахъ занимался изученіемъ русскаго языка.................................. 245.
1620 весною.	Привезены Рич. Джемсомъ русскія пѣсни изъ Холмогоръ въ Англію.................................... 244.
	Отправлено въ Шпицбергенъ изъ Англіи 7 кораблей. 205, 206.
1621	Послано изъ Англіи въ Шпицбергенъ 7 кораблей 205, 206.
	Пріѣхалъ въ Москву съ посланникомъ Исакомъ Ивановичемъ Погожевымъ докторъ Артуръ Ди.............. 123.
	Докторъ Джемсъ въ проповѣди, произнесенной имъ въ Оксфордѣ, говорилъ о пѣгой (пестрой) и сырной недѣляхъ, предшествующихъ великому посту въ Россіи, и о томъ, что онъ видѣлъ въ Москвѣ на масляницѣ......... 246.
1622	Отправлено въ Шпицбергенъ изъ Англіи 9 кораблей, изъ которыхъ одинъ погибъ. Съ этого времени китовый промыселъ былъ предоставленъ Голландцамъ........... 206.
1624	Ис. Масса пріѣхалъ въ Москву съ дипломатическими порученіями .... 216.
	Прибылъ въ Россію докторъ Даміусъ............ 217.
1626	Артуръ Ди ѣздилъ въ Англію.................. 123.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1627—34	Артуръ Ди былъ лейбмедикомъ царя Михаила Θеодоровича ... 123.
1629	Придворный врачъ Михаила Θеодоровича, Артуръ Ди написалъ въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ сочиненіе о химіи, изданное впослѣдствіе въ англійскомъ переводѣ Ил. Ашмолемъ ... 122.
1630	Петръ Марселіусъ привезъ въ Москву изъ Готторпа первую махровую розу, которая и принялась тамъ очень хорошо ... 145.
1634 31 іюля.	Письмо Карла I къ Михаилу Θеодоровичу, въ которомъ говорится о назначеніи агентомъ въ Россію Рич. Свифта на мѣсто Том. Вайча ... 212.
1638	Умеръ Тредескантъ старшій ... 122, 127, 252.
1640	Паркинсонъ въ своемъ Theatrum botanicum описываетъ Rosa sylvestris russica, привезенную изъ Московіи .. 145.
1642	Въ Рошильдскомъ соборѣ погребенъ младшій герцогъ Іоаннъ Датскій, умершій въ Москвѣ въ 1602 г ... 159.
1656	Въ Тредескантовомъ саду еще была Rosa Moscovita ... 145.
	Тредескантъ младшій издалъ каталогъ всѣхъ предметовъ, находившихся въ кунсткамерѣ и ботаническомъ саду въ Ламбетѣ, близь Лондона ... 121, 251.
1658	Напечатано сочиненіе Раф. Барберини: «Реляція о Московіи» ... 73.
1659 16 декабря.	Тредескантъ младшій завѣщалъ всю свою коллекцію Эліасу Ашмолю ... 122, 251, 252.
1616 4 апрѣля.	Подписано Тредескантомъ младшимъ послѣднее завѣщаніе о томъ, что собраніе свое онъ передаетъ женѣ .... 252.
1662 22 апрѣля.	Умеръ Тредескантъ младшій ... 122, 252.
1664	Флямингъ объѣхалъ сѣв.-восточ. уголъ Матвѣевой Земли ... 217, 257.
1667	Большимъ церковнымъ соборомъ въ Москвѣ было отвергнуто, какъ неправильное, описаніе бѣлаго клобука, добытое Дм. Ралевымъ въ Римѣ около 1500 года ... 176.
1674	Жена Тредесканта младшаго была принуждена передать Ашмолю музей своего мужа ... 124.
1676	Жена Тредесканта младшаго дала подписку, что она несправедливо оспаривала завѣщаніе мужа ... 124.
1676—80	Жили въ Пустозерскѣ Андр. Артамоновъ Матвѣевъ, отецъ его и воспитатель, Полякъ Поборскій ... 192.
1679	Заложено въ Оксфордѣ зданіе для Тредескантова музея. 125.
1683 февр. и март.	Изъ Ламбета перевезено въ Оксфордъ Тредескантово собраніе ... 125.
1691	Андр. Артам. Матвѣевъ былъ воеводой Двинскаго округа ... 192.
1692	Сдѣланъ списокъ Толковой Псалтыри, находящійся въ Московской Синодальной Типографіи ... 177.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1693	Петръ Великій находился на устьѣ Сѣв. Двины.... 119.
1694	Петръ Великій провелъ три дня въ Пертоминской пустыни, на Унской губѣ, и сдѣлалъ тамъ деревянный крестъ съ надписью.......................... 25, 215.
1698 1-ая пол. апр.	Петръ Вел. посѣтилъ Оксфордскій университетъ.... 127.
1699	Андр. Артам. Матвѣевъ былъ посланникомъ въ Голландіи.................................. 192.
1701	Русскими взятъ съ бою первый иностранный (шведскій) корабль въ устьѣ Двины...................... 120.
1702	Петръ Вел. повелѣлъ двѣ яхты съ берега у Кеми перевезти сухопутьемъ въ Онежское озеро .... 120.
1706	Андр. Артам. Матвѣевъ находился въ Парижѣ, у Людовика XIV.................................. 192.
1707	Андр. Артам. Матвѣевъ посланъ къ англ. кор. Аннѣ въ Лондонъ.................................. 192.
1712	Андр. Артам. Матвѣевъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ 192.
1715	Андр. Артам. Матвѣевъ сдѣланъ графомъ Римской имперіи.................................. 192.
около 1727	Откупщиковъ изъ Мезени ѣздилъ въ сѣверную часть Новой Земли.............................. 217.
1742—44	Олончанинъ Ложкинъ провелъ двѣ зимы на восточ. берегу Матвѣевой земли.......................... 218.
1761	Румовскій производилъ въ Селенгинскѣ наблюденія надъ первымъ прохожденіемъ Венеры............... 223.
1763	Поступилъ въ библіотеку Академіи Наукъ хорошо-сохранившійся списокъ сдѣланнаго Герасимовымъ перевода Брунонова толкованія псалтыри.............. 178.
1 января.	Екатерина II назначила Павла Петровича Генералъ-Адмираломъ и Предсѣдателемъ Адмиралтействъ-Коллегіи. 222.
2 іюля.	Екатерина II посѣтила публичное собраніе Академіи Наукъ.................................. 224.
29 августа.	Павелъ Петровичъ въ первый разъ присутствовалъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи....................... 222.
21 сентября.	Ломоносовъ посвятилъ цесаревичу Павлу Петровичу записку объ экспедиціи на сѣверъ.............. 222.
1764	Изъ Архангельска было послано въ Петербургъ для Аптекарскаго приказа 90 фунтовъ цвѣтовъ шиповника. 145.
24 мая.	Императрица Екатерина II издала указъ о снаряженіи экспедиціи на сѣверъ..................... 220, 221.
1764—65 зимою.	Для сѣв. экспедиціи Чичагова построены па Двинѣ 3 корабля и поставлены въ Клокскомъ заливѣ 5 домовъ, провіант. магазинъ и баня, привезенныя изъ Архангел. 222, 223.
	Пять штурмановъ съ 3 помощниками и 3 учениками обучались въ Академіи Наукъ, подъ руководствомъ Ломоносова, производству астрономическихъ наблюденій.. 223.

Годъ, мѣсяцъ и число.	
1765 4 марта.	Отправлены изъ С.Петербурга штурманы, назначенные въ Чичаговскую экспедицію.......... 223.
14 апрѣля.	Умеръ Ломоносовъ.......... 223.
9 мая.	Отплыли изъ Колы корабли Чичагова.......... 223.
лѣтомъ.	Англичанинъ Бисброунъ дошелъ до 83° 40′ с. ш... 223.
1766 30 мая.	Началось второе путешествіе Чичагова.......... 224.
лѣтомъ.	Англич. Витлей проплылъ до 81° 30′ с. ш., а Томасъ Робинсонъ до 82° 30′.......... 224.
1768—69	Сдѣланы Креницинымъ съемка и описаніе острововъ между Камчаткою и Америкою.......... 220.
1769	Введено Ф. Росмыслевымъ ошибочное названіе Маточкина Шара.......... 214.
1774	Капитанъ Фипсъ совершилъ экспедицію къ сѣверному полюсу.......... 224.
1776	Княгиня Дашкова письменно обращалась къ исторіографу Робертсону за совѣтомъ относительно пріема сына ея въ Эдинбургскій университетъ.......... 221.
1776—79	Княгиня Дашкова жила въ Эдинбургѣ и познакомилась съ разными шотландскими учеными тогдашняго времени 221.
1779	Румовскій ѣздилъ въ Колу для наблюденій надъ вторымъ прохожденіемъ Венеры.......... 223.
1780	Коксомъ изданъ отчетъ объ экспедиціи капитана Креницина.......... 221.
1800	Флота лейтенантъ Курдюковъ дѣлаетъ наблюденія на Лапландскихъ берегахъ.......... 17.
1814	Оксфордскій университетъ поднесъ Императору Александру I докторскій дипломъ.......... 125.
1815	Въ Фиртъ-офъ-Фортѣ нѣсколько мѣсяцевъ была замѣчаема бѣлуга изъ Ледовитаго моря.......... 133.
1817	Оксфордскій университетъ поднесъ докторскій дипломъ Императору Николаю I.......... 125.
1823	Капитанъ-лейтенантъ (нынѣ адмиралъ) Литке даетъ названіе Новой Земли пристани у Рыбачьяго полуострова 15.
1835	Кемскій уроженецъ Исаковъ ѣздилъ на восточный берегъ Матвѣевой Земли.......... 218.
1839	Вятскій купецъ М. М. Резанцевъ производилъ развѣдку рудъ въ верховьяхъ Цильмы.......... 204.
	Оксфордскій университетъ поднесъ докторскій дипломъ Императору Александру II.......... 125.
1840	Лейтенантъ Аѳанасьевъ измѣряетъ Нокуевскую губу 19.
1842	Кап.-лейтенантъ Рейнеке описалъ Нокуевскую губу. 19.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

